

Вестник университета № 10/2022

Теоретический и научно-методический журнал

Издаётся с января 1999 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Агапов В.С. – д-р психол. наук, проф.
Азоев Г.А. – д-р экон. наук, проф.
Антоненко И.В. – д-р психол. наук, проф.
Базылевич Т.Ф. – д-р психол. наук, проф.
Башмаков В.И. – д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Галазова С.С. – д-р экон. наук, проф.
Грошев И.В. – д-р экон. наук,
д-р психол. наук, проф.
Ефимова М.Р. – д-р экон. наук, проф.
Ионцева М.В. – д-р психол. наук, проф.
Кибакин М.В. – д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. – д-р экон. наук, проф.,
чл.-корр. РАН
Князев В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Красовский Ю.А. – д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. – д-р психол. наук, проф.
Крыштановская О.В. – д-р социол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. – д-р экон. наук, проф.
Лаптев А.Г. – д-р психол. наук, проф.
Миахнин А.В. – д-р социол. наук, проф.
Митрофанова Е.А. – д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. – д-р социол. наук, проф.
Папула А.В. – д-р социол. наук, проф.
Разов П.В. – д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. – д-р экон. наук, проф.
Смирнова Т.В. – д-р социол. наук, проф.
Соболевская О.В. – д-р мед. наук, проф.
Тихонова Е.В. – д-р социол. наук, проф.
Филиппов А.В. – д-р психол. наук, проф.
Фомин П.А. – д-р экон. наук, проф.
Черепов В.М. – д-р мед. наук, проф.
Чудновский А.А. – д-р экон. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. – д-р экон. наук, канд. юр. наук,
канд. ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 5.2.1 – Экономическая теория (экономические науки), 5.2.2 – Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки), 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.4 – Финансы (экономические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.2.6 – Менеджмент (экономические науки), 5.3.1 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 5.3.2 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки), 5.3.3 – Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки), 5.3.4 – Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки), 5.3.5 – Возрастная психология (психологические науки), 5.3.6 – Теория, методология и история социологии (социологические науки), 5.3.7 – Экономическая социология (социологические науки), 5.4.1 – Демография (социологические науки), 5.4.2 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.3 – Политическая социология (социологические науки), 5.4.4 – Социология культуры (социологические науки), 5.4.5 – Социология управления (социологические науки).

Главный редактор

И.В. Грошев

Ответственный за выпуск

Л.Н. Алексеева

Редактор

П.О. Кузнецова

Выпускающий редактор

и компьютерная верстка

Е.А. Гусева

Технический редактор

Д.С. Тарасова

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

На сайте «Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru можно оформить подписку на 2022 год на печатную версию журнала «Вестник университета» по подписному индексу 42517, а также подписаться через интернет-магазин «Пресса по подписке» <https://www.akc.ru>

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.

Подп. в печ. 08.11.2022 г.

Формат 60×90/8

Объем 30,0 печ. л.

Бумага офисная

Печать цифровая

Тираж 1000 экз.

(первый завод 100 экз.)

Заказ № 1390

Издаётся в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи прошли
обязательную процедуру рецензирования

Издательство: Издательский дом ГГУ

(Государственный университет управления)

Адрес редакции:

109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99,

главный учебный корпус, кабинеты 346 и 345А

Тел.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.vestnik.guu.ru>

Статьи доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

EDITORIAL BOARD

Agapov V.S. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Azoev G.L. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Antonenko I.V. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Bazylevich T.F. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Bashmakov V.I. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Voronin V.N. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Galazova S.S. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Groshev I.V. – Dr. Sci. (Econ.),
Dr. Sci. (Psy), Prof.
Efimova M.R. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Iontseva M.V. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Kibakin M.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Kleiner G.B. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.,
corresponding member of RAS
Knyazev V.N. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Krasovskii Yu.D. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krupnov A.I. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Kryshatanovskaya O.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Kuznetsov N.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Laptev L.G. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Milyohin A.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Mitrofanova E.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Novikov V.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Patsula A.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Razov P.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Raichenko A.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Smirnova T.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Sobolevskaya O.V. – Doctor Sci. (Med.), Prof.
Tikhonova E.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Filippov A.V. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Fomin P.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Cherepov V.M. – Doctor Sci. (Med.), Prof.
Chudnovskii A.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Eriashvili N.D. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Jur.),
Cand. Sci. (Hist.), Prof.

The journal is part of the Higher Attestation Commission list of peer-reviewed scientific publications, in which are released the principals scientific results of dissertations for the Degree of Candidate of sciences, but also the Degree of Doctor of Sciences, the following areas are published: 5.2.1 – Economic theory (economic sciences), 5.2.2 – Mathematical, statistical and instrumental methods in economics (economic sciences), 5.2.3 – Regional and sectoral economics (economic sciences), 5.2.4 – Finance (economic sciences), 5.2.5 – World economy (economic sciences), 5.2.6 – Management (Economic Sciences), 5.3.1 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics (psychological sciences), 5.3.4 – Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences), 5.3.5 – Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences), 5.3.7 – Age psychology (psychological sciences), 5.4.1 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 5.4.2 – Economic Sociology (sociological sciences), 5.4.3 – Demography (sociological sciences), 5.4.4 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.5 – Political sociology (sociological sciences), 5.4.6 – Cultural sociology (sociological sciences), 5.4.7 – Sociology of management (sociological sciences).

Editor-in-Chief

I.V. Groshev

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editor

P.O. Kuznetsova

Executive editor and desktop publishing

E.A. Guseva

Technical editor

D.S. Tarasova

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI № FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI № FS 77-76215 from 12.07.2019

L.R № 020715 from 02.02.1998

Signed to print 08.11.2022

Format 60×90/8

Size 30,0 printed sheets

Offset paper

Digital printing

Circulation 1000 copies

(the first factory 100 copies)

Print order № 1390

Published in author's edition

The authors are responsible for the information
presented in the publication

All published articles have undergone
a peer review procedure

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Editor's office:

109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99, State University
of Management, main academic building, office 346 and 345A

Tel.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.vestnik.guu.ru>

The articles are available under the Creative Commons Attribution 4.0
International CC BY 4.0, according to which unlimited distribution and
reproduction are possible in any medium. The author's name, references and
original sources have to be shown in accordance with scientific citation rules
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
УПРАВЛЕНИЯ

Васильева Е.Ю., Бакрунов Ю.О., Олейник А.В. Управление компанией на основе ESG-принципов в условиях санкционного давления.....	5
Воробьев А.П. Российский консерватизм: контуры ответственного политического курса.....	13
Гегедюш Н.С., Масленникова Е.В., Осипов В.А. Модели цифровой компетентности государственных служащих: подходы к формированию и оценке.....	18
Котов Е.В., Рощина Ю.О. Методический подход к оценке уровня организационной культуры университета.....	31
Лебедева Н.Ю. Корпоративная социальная ответственность: к вопросу об источниках.....	41
Рязанова Г.Н. Личностная или групповая мотивация: какой инструмент эффективнее.....	49
Широнина Е.М. Обзор подходов и методов идентификации экспертов в организационных исследованиях.....	57

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

Аксенов И.А. Проблемы и перспективы цифровизации таможенных органов Российской Федерации.....	66
Вишняков Я.Д., Годлевский П.П., Киселева С.П. Совершенствование научно-методических основ определения требований и критериев экологического характера к инфраструктурным проектам.....	72
Крамаренко И.В., Константинова Л.А. Особенности применения регрессии Кокса в различных инструментальных средах.....	80
Танина М.А., Бондаренко В.В., Юдина В.А., Зябликова О.А. Вовлеченность в образовательный процесс российских и иностранных студентов в условиях применения цифровых дистанционных образовательных технологий в российских вузах.....	89
Хохлов Д.А. Концепция рекламного носителя в цифровом пространстве.....	97

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО
И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Коловертнова М.Ю., Тяпухин А.П. Разработка принципов управления предприятием технического сервиса.....	105
---	-----

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ,
РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Глебова А.Г., Гилядова А.А., Мартакова Е.А. Влияние сотрудничества со странами «Большой семерки» в сфере торговли товарами на национальную экономику России.....	115
Каримов А.Г., Селиванова С.С., Фаткулина Г.Р. Факторы и проблемы развития трудового капитала региона в фокусе социологического исследования.....	125
Кирилова А.Д., Попов А.В. Перспективы развития сферы труда и занятости в условиях цифровизации экономики.....	134
Колесникова Е.Н. Непопулярный взгляд на налоговый мониторинг.....	141

Курихин С.В. Маркетинговые стратегии хозяйствующих субъектов (на примере лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела).....	149
Мацкуляк И.Д., Санин Н.В. Закономерности экономически безопасной реструктуризации российской промышленности.....	159
Окольнішнікова І.Ю., Краснов Е.В., Кузменко Ю.Г. Маркетинговый анализ рынка интеллектуальной городской мобильности.....	168
Терпугов А.Е. Развитие механизма управления рыночными стратегиями русской металлургической отрасли в современных условиях.....	177

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИЙ

Гаврилова Э.Н. Инвестиционные ресурсы горно-металлургического комплекса: особенности управления, анализ состава, структуры и источников формирования.....	185
---	-----

ФИНАНСЫ
И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

Бердышев А.В., Зархин И.Е., Катышева А.А. Оценка технологических возможностей противодействия мошенническим практикам в банковском секторе.....	193
Рукина С.Н., Герасимова К.А., Такмазян А.С., Самойлова К.Н. Бюджетные инструменты управления государственными финансами.....	205

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И ПРОЦЕССЫ

Андреева К.Э., Николаева А.А. Жизнь людей с ограниченными возможностями: мировой опыт и тенденции развития в России.....	215
Шарова Е.Н., Малев Д.В. Потребность жителей малых городов в развитии городской среды (по материалам социологического исследования в Мурманской области).....	223

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ПСИХОЛОГИИ

Авдеева А.П., Сафонова Ю.А. Межпредметная интеграция дисциплин гуманитарного и управленческого цикла.....	231
--	-----

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF MANAGEMENT

E.Yu. Vasilyeva, Yu.O. Bakrunov, A.V. Oleynik Management at the enterprise on the basis of ESG principles in the conditions of sanctions pressure.....	5
A.P. Vorobev Russian conservatism: outlines of a responsible political course.....	13
N.S. Gegedyush, E.V. Maslennikova, V.A. Osipov Models of civil servants' digital competence: approaches to formation and evaluation.....	18
E.V. Kotov, Yu.O. Roschina Methodological approach to evaluation the level of a university organizational culture.....	31
N.Yu. Lebedeva Corporate social responsibility: to the issue of origins	41
G.N. Ryazanova Personal or group motivation: which tool is more efficient	49
E.M. Shironina Review of approaches and methods for identifying experts in organizational research	57

STRATEGIES AND INNOVATIONS

I.A. Aksenov Problems and prospects of the Russian Federation customs authorities digitalisation	66
Ya.D. Vishnyakov, P.P. Godlevskiy, S.P. Kiseleva Improving the scientific and methodological foundations for determining environmental requirements and criteria for infrastructure projects.....	72
I.V. Kramarenko, L.A. Konstantinova Features of using Cox regression in various instrumental environments.....	80
M.A. Tanina, V.V. Bondarenko, V.A. Yudina, O.A. Zyablikova Russian and foreign students' involvement in the educational process in the context of the digital distance educational technologies use in the Russian universities.....	89
D.A. Khokhlov The concept of advertising media in the digital marketing	97

DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL MANAGEMENT

M.Yu. Kolovertnova, A.P. Tyapukhin Development of a technical service enterprise management principles	105
---	-----

ECONOMICS: PROBLEMS, SOLUTIONS AND PROSPECTS

A.G. Glebova, A.A. Gilyadova, E.A. Martakova The impact of Russia's cooperation with the G7 countries in the sphere of trade in goods on the national economy of Russia	115
A.G. Karimov, S.S. Selivanova, G.R. Fatkullina Labor capital development of the region in the focus of sociological research: factors and problems	125
A.D. Kirillova, A.V. Popov Labor and employment sphere in the conditions of the digital economy: development prospects	134
E.N. Kolesnikova An unpopular view on tax monitoring	141
S.V. Kurikhin Marketing strategies of economic entities (on the example of persons carrying out activities in the field of customs business).....	149

I.D. Matskulyak, N.V. Sanin Patterns of economically safe restructuring of Russian industry.....	159
Okolnishnikova I.Yu., Krasnov E.V., Kuzmenko Yu.G. Marketing analysis of the intelligent urban mobility market	168
Terpugov A.E. Development of a mechanism for managing market strategies of the Russian metallurgical industry in modern conditions	177

INVESTMENT VALUATION

E.N. Gavrilova Investment resources of the mining and metallurgical complex: management features, analysis of the composition, structure and sources of their formation.....	185
--	-----

FINANCE AND BANKING

A.V. Berdyshev, I.E. Zarkhin, A.A. Katysheva Assessment of technological capabilities to counter fraudulent practices in the banking sector.....	193
S.N. Rukina, K.A. Gerasimova, A.S. Takmazyan, K.N. Samoylova Budgetary instruments of public finance management	205

SOCIAL TECHNOLOGIES AND PROCESSES

X.E. Andreeva, A.A. Nikolaeva Life of people with disabilities: global experience and development trends in Russia	215
E.N. Sharova, D.V. Maleus The small towns residents demand for the urban environment development (the case of sociological research in the Murmansk region).....	223

CURRENT TRENDS IN PSYCHOLOGY

A.P. Avdeeva, Yu.A. Safonova Intersubject integration of humanities and management cycle disciplines	231
---	-----

Управление компанией на основе ESG-принципов в условиях санкционного давления

Васильева Елена Юрьевна¹

Канд. экон. наук, доц. каф. менеджмента и инноваций
ORCID: 0000-0001-7797-1954, e-mail: elena.chibisova_metr@mail.ru

Бакрунов Юрий Октавьевич¹

Д-р экон. наук, проф. каф. менеджмента и инноваций
ORCID: 0000-0002-8288-7017, e-mail: ybakrunov@yandex.ru

Олейник Андрей Владимирович²

Д-р техн. наук, проф., ст. науч. сотрудник
ORCID: 0000-0002-3259-9228, e-mail: vv2@bk.ru

¹Московский государственный строительный университет, г. Москва, Россия

²Институт конструкторско-технологической информатики Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены принципы ESG (англ. Environmental, Social, Governance – экологические, социальные и корпоративные) в управлении как основа устойчивого развития компании, отрасли и экономики в целом. В статье ставится вопрос, не приведет ли разрыв хозяйственных связей и финансовых схем, а также исключение российских компаний из международных ESG-рейтингов к их отказу от ESG-принципов в управлении. Рассматриваются особенности, свойственные каждому из аспектов ESG, в условиях антироссийских санкций 2022 г. Вскрываются проблемы, а также сильные стороны российских компаний, степень распространенности ESG-принципов среди отечественных предпринимателей. Основываясь на данных аналитических компаний, исследований и отчетов, авторы приходят к выводу, что у организаций, применяющих ESG-принципы, больше шансов успешно выйти из текущего кризиса.

Ключевые слова

Устойчивое развитие, ESG, экологические аспекты управления, социальные аспекты управления, корпоративные аспекты управления, санкции, выход из кризиса

Для цитирования: Васильева Е.Ю., Бакрунов Ю.О., Олейник А.В. Управление компанией на основе ESG-принципов в условиях санкционного давления // Вестник университета. 2022. № 10. С. 5–12.

Management at the enterprise on the basis of ESG principles in the conditions of sanctions pressure

Elena Yu. Vasilyeva¹

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Management and Innovations Department
ORCID: 0000-0001-7797-1954, e-mail: elena.chibisova_metr@mail.ru

Yury O. Bakrunov¹

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Management and Innovations Department
ORCID: 0000-0002-8288-7017, e-mail: ybakrunov@yandex.ru

Andrey V. Oleynik²

Dr. Sci. (Techn.), Prof., Senior Research Associate
ORCID: 0000-0002-3259-9228, e-mail: vv2@bk.ru

¹ Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russia

² Institute of design-technology informatics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The principles of ESG in management as the basis of sustainable development of the company, industry and economy in general are considered in the article. The authors deal with the issue, whether the rupture of economic links and financial schemes, as well as the exception of the Russian companies from the international ESG-ratings can lead to refusal of the ESG-principles in management. The features, peculiar to each of the ESG aspects in the conditions of the anti-Russian sanctions in 2022 are considered. The problems and strengths of the Russian companies, the degree of prevalence of the ESG principles among the Russian entrepreneurs are revealed. According to the data of analyst companies, research and polls, the authors conclude, that the enterprises applying the ESG-principles have more chances to recover from the current crisis successfully.

Keywords

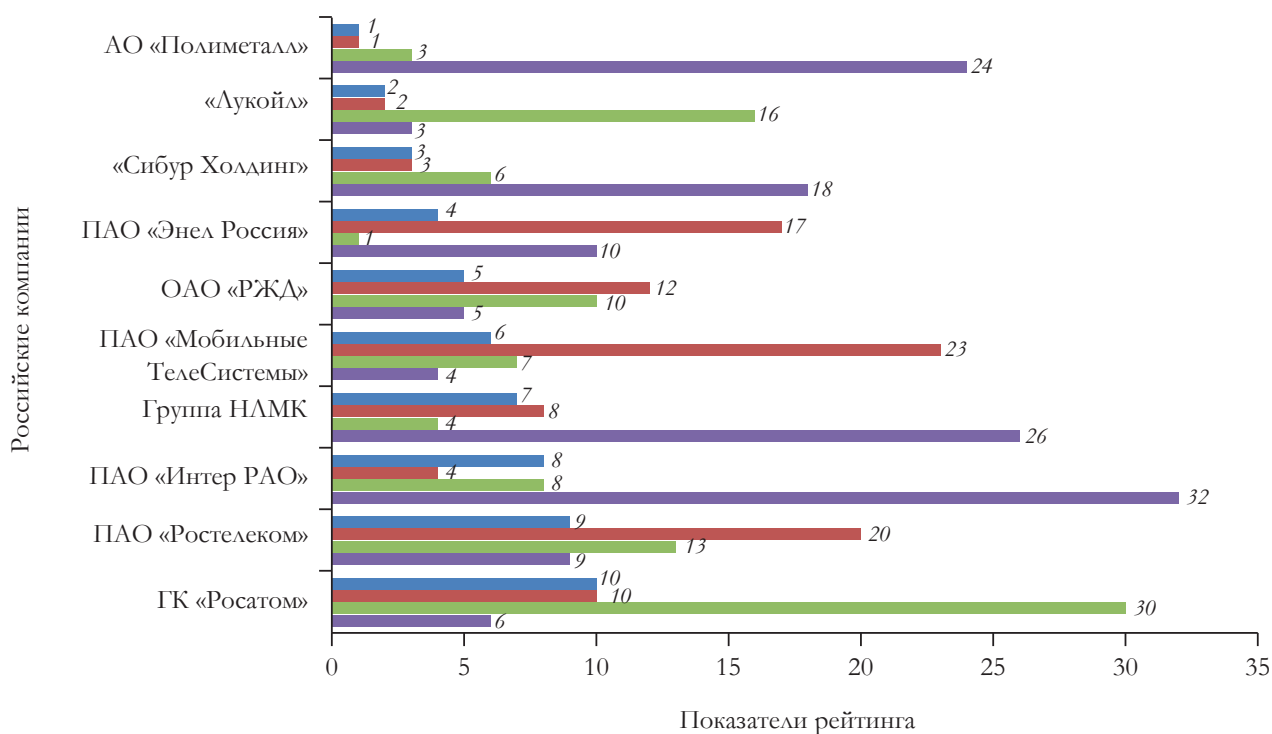
Sustainable development, ESG, ecological management, social management, governance management, sanctions, recovery from the crisis

For citation: Vasilyeva E.Yu., Bakrunov Yu.O., Oleynik A.V. (2022) Management at the enterprise on the basis of ESG principles in the conditions of sanctions pressure. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 5–12.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире экономическая эффективность уже давно не рассматривается как единственная цель и уникальный показатель успешности развития компании, отрасли и страны в целом [1]. Человечество все более осознанно подходит к рациональному использованию природных ресурсов, декарбонизации, сокращению вредных выбросов в атмосферу, снижению влияния на климат. Одновременно все большее внимание уделяется социальным аспектам, ответственности бизнеса. Вложения компании в экологические и социально значимые проекты, совершенствование подходов к управлению организацией также больше не воспринимаются как чистая филантропия, ведь инвесторы, в свою очередь, все чаще предпочитают «зеленые проекты» и учитывают не только традиционные критерии привлекательности проекта, но и ESG-фактор (англ. Environmental, Social, Governance – экология, социальная политика и корпоративное управление) при выборе объекта инвестирования [2]. Предпочтение в отношении объектов, соответствующих требованиям ESG, велико, а отсутствие внимания к устойчивому развитию существенно сокращает круг потенциальных инвесторов, которых может привлечь компания [3].

Еще несколько лет назад Россия считалась «серым пятном» в сфере ESG-принципов, но сейчас уже сложилось понимание важности устойчивого развития на основе ESG-принципов управления [4]. Составляются национальные ESG-рейтинги российских компаний (рис. 1), лидер которых – АО «Полиметалл» – первым вошел и в мировые рейтинги [5].

Составлено авторами по материалам источника [5]

Рис. 1. Топ-10 российских компаний в ESG-рейтинге

Вопросы устойчивого развития уже освещены в российском законодательстве и программных документах, таких как Указ Президента Российской Федерации № 440 от 1 апреля 1996 г. «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» [6], «Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 г.» [7].

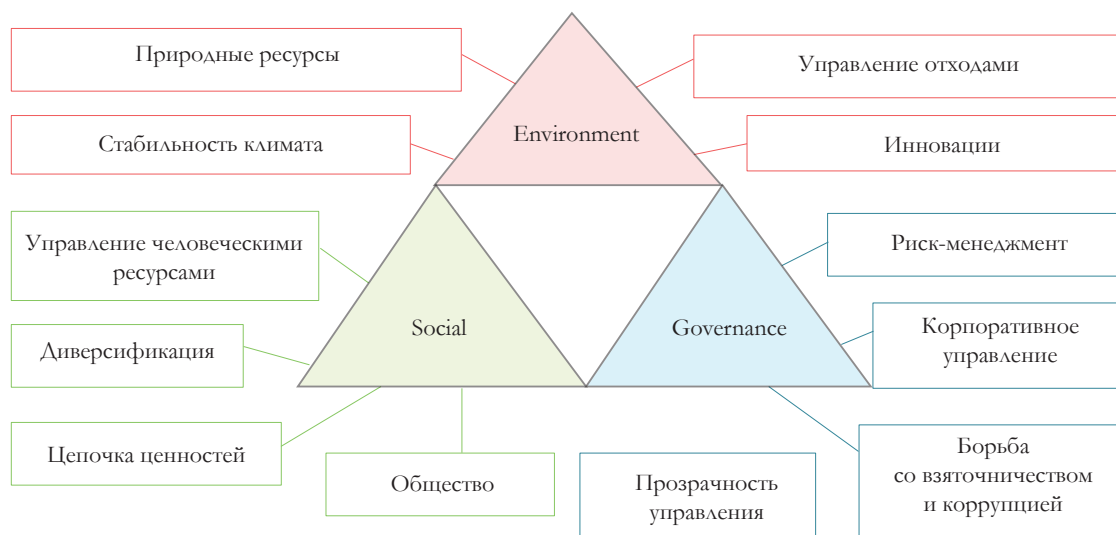
Значительный вклад в изучение проблем устойчивого развития внесен целым рядом авторов. Проблематика на международном и национальном уровнях прорабатывалась такими авторами, как Я. Корнаи, Д.Х. Медоуз, А. Печчеи, Дж. Стиглиц, Дж. Хикс, С.Н. Бобылев, Б.Е. Большаков, В.И. Вернадский, С.Ю. Глазьев, Л.М. Григорьев, В.И. Данилов-Данильян, М.В. Захаров, Г.Б. Клейнер, В.А. Коштыг, Е.И. Лаврова, А.И. Татаркин, А.Д. Урсул и другими. На отраслевом уровне либо на уровне кластеров вопросы устойчивого развития рассматривались У. Айзардом, Ж.-Р. Будвилем, А. Лешу, Г. Мюрдалем,

М. Портером, Х. Ричардсоном, Л.И. Абалкиным, А.Г. Аганбегяном, В.М. Агеевым, Б.В. Архиповым, Н.И. Брагиным, А.С. Боташевым, А.Г. Гранбергом, Г.Р. Хасаевым и другими учеными. Вопросы управления компанией, ориентированного на устойчивое развитие, рассматривались такими авторами, как Дж. Гарднер, С. Коул, С. Лефшец, Д. Уайт, Р. Шеннон, И.В. Брянцева, В.Н. Булгаков, О.В. Бусоргин, Р.С. Гринберг, А.А. Колобова, А.В. Колосов, С.В. Орехова, Ю.К. Перский, Т.А. Худякова. В предыдущих работах авторов статьи уже аргументировалась необходимость комплексного подхода к оценке и управлению проектами и компаниями в целом с тем, чтобы объединить экономический, социальный эффект и качество менеджмента в компании [1; 8; 9].

Тем не менее вопрос нельзя считать до конца изученным. Во-первых, управление на основе ESG-принципов не тождественно понятию «управление, ориентированное на устойчивое развитие». Во-вторых, ESG-управление, только наметившее свое развитие в России, в настоящее время столкнулось с препятствиями в виде санкций стран Запада. Российские компании были исключены из ряда международных ESG-рейтингов, отечественным специалистам был закрыт доступ к некоторым источникам международной статистики. Возникает вопрос, означает ли разрыв хозяйственных, коммерческих и финансовых связей России с целым рядом иностранных партнеров и исключение из рейтингов отказ российских компаний от внедрения и развития ESG-принципов? Второй актуальный вопрос касается последствий, спровоцированных в иностранных экономиках антироссийскими санкциями, которые могут привести к невозможности реализовать ESG-принципы в соответствующих странах и регионах.

ПРОБЛЕМЫ, ЦЕЛИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие ESG объединяет в себе экологические задачи, социальную политику и корпоративный менеджмент, а в более широком смысле означает устойчивое развитие коммерческой деятельности компании, основанное на принципах ответственного отношения к окружающей среде (Environment – E); высокой социальной ответственности (Social – S); высокого качества корпоративного управления (Governance – G) [10]. В свою очередь, каждый из аспектов Environment, Social и Governance включает в себя ряд вопросов (рис. 2).

Составлено авторами по материалам источников [11; 12]

Рис. 2. Содержание аспектов ESG

Авторы изучили, насколько актуален каждый из аспектов ESG и чем он характеризуется в настоящее время. В рамках исследования был применен метод системного подхода, ретроспективного, институционального, статистического и сравнительного анализа, а также метод экспертных оценок. Данными для работы послужили отчеты аналитических агентств Bloomberg [13], Frank GR [14], InfraOne Research [15; 16], Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, экспертного центра по ESG-трансформации ООО «Деловая Россия», материалы конференций «ESG и устойчивое развитие» (Москва, 23 апреля 2021 г.) и «ESG – корпоративное управление в условиях санкционного давления» (Санкт-Петербург, 30 марта 2022 г.).

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

События 2022 г. оказали влияние на цели устойчивого развития во всем мире. Специалисты вновь заговорили о деглобализации и о взаимоисключающей природе устойчивого развития и глобализации [17]. Оказались разорванными цепочки поставок и финансовые схемы, выстроенные компаниями, в международных расчетах начался возврат к национальным валютам.

Компании в России сейчас вынуждены решать новые злободневные задачи: исследовать рынки дружественных стран; искать, кому сбыть товары; обеспечивать поставки комплектующих, сырья; понять, как обслуживать оборудование и т.п. [18].

Особенно сильное влияние санкции оказали на Е-составляющую – экологическую или «зеленую» повестку дня. Сложности в фактической доступности традиционных энергоносителей и их финансовой доступности (возможности оплаты) на фоне невозможности одномоментно заменить их альтернативными источниками, включая возобновляемые источники, повлияли на их стоимость. В ряде стран поставили под сомнение возможность реализации «зеленых» планов (так, в Германии, Австрии, Франции, Нидерландах уже началось расконсервирование угольных станций). Атомная и газовая энергетика отнесены к условно «зеленым». Одним словом, европейские компании готовы сделать шаг в сторону от Е-принципов управления. Однако можно ожидать, что это отступление временное, вызванное необходимостью в краткосрочной перспективе заместить российское топливо, а через некоторое время предприятиям европейских топливно-энергетических комплексов удастся найти баланс между возобновляемыми и традиционными источниками энергии, который позволит обеспечить потребителя при минимально возможных выбросах CO₂.

В самой России санкции привели к определенным сложностям с доступом к инновационным технологиям, что в свою очередь способно замедлить внедрение экологически чистых возобновляемых источников энергии: с рынка ушли компании Fortum, Vestas, Uniper, Enel. С другой стороны, их место готовы занять новые поставщики энергетического оборудования, прежде всего – китайские: Dongfang Electric Corporation и Harbin Electric Wind Energy. Достаточно сильны и перспективны российские компании, такие как Росатом, Хевел, Солар Системз, РусГидро, EN+ Group. Если раньше стандарты экологичности компаниям задавал Запад, западные инвесторы, то теперь их детерминирует Восток и восточные партнеры. Эта переориентация не несет с собой существенных сложностей для российских компаний, поскольку принципиальных различий между европейскими и современными восточными экологическими нормами нет [19].

В свою очередь, не все российские компании оказались «выдавленными» с западных рынков. Остались на своих позициях сельскохозяйственные предприятия, производители удобрений, ряд других компаний, поставляющих продукцию в Евросоюз, и они по-прежнему ориентированы на европейские экологические стандарты.

Составляющая S проявляется в том, что в создавшихся социально-экономических условиях предпочтение отдается «социально окрашенным» проектам, которые направлены на комплексное развитие инфраструктуры, улучшение качества жизни населения, отказ от инфляционного наполнения цен и процентных ставок. Наиболее здравомыслящие компании учитывают, что покупательная способность сейчас снижена, и ориентированы на стратегию отложенного спроса.

Составляющая G сейчас отличается оттоком экспатриантов и нелояльных сотрудников, кадровыми перестановками, изменениями в составе топ-менеджмента за счет вывода из советов директоров и других органов управления лиц, попавших под личные санкции. Происходит передача активов ряда иностранных компаний отечественным игрокам, что также требует от них нового подхода к управлению.

Особую актуальность в рамках корпоративного управления приобретает в текущих условиях риск-менеджмент. Что касается финансовой деятельности компаний, в сложившихся условиях идет отток денежных средств из различных фондов, в том числе ESG-фондов [20], но выводы делать рано. По мнению ряда экспертов, ситуация с этими фондами еще нормализуется [12; 21].

ДИСКУССИЯ

Впрочем, нужно признать, что не все эксперты единодушны в оценке перспектив применения ESG-принципов в управлении российскими компаниями.

Известны мнения, что российский бизнес недостаточно внимания уделяет триаде ESG. Самым слабым звеном является составляющая G: управление зачастую осуществляется на основе лояльности и неформальных коммуникаций, а не на принципах научного менеджмента.

Существует даже позиция, что ориентированность на ESG-принципы и вовсе нужна компаниям в тех странах, которые слабо обеспечены ресурсами. Преимущество же российских компаний заключается в богатстве природных ресурсов страны, которые целесообразно использовать, соединяя старые промышленные традиции с новыми отечественными (импортозамещающими) технологиями, в том числе безотходными.

Согласно исследованиям [22], в России интерес к принципам ESG пока остается прерогативой крупных компаний. Четкое представление о ESG в крупных компаниях имеют 50 % топ-менеджеров, а в средних и малых – только 33 %.

Только 14 % знающих о ESG-принципах (или 6 % всех опрошенных руководителей) считают, что в их деятельности важно учитывать наработки в сферах экологии, социальной политики и управления. 78 % руководителей, которые знают о принципах ESG (31 % всех опрошенных), утверждают, что на данный момент их соблюдение не является важным фактором для продолжения сотрудничества с партнерами, инвесторами и кредиторами. Порядка 30 % знающих о принципах ESG в управлении (или 12 % всех опрошенных) не соблюдают их в своей практической деятельности, хотя планируют это сделать в будущем. Определенный оптимизм внушает то, что 41 % руководителей, знающих о ESG-принципах (16 % всех опрошенных), соблюдают все принципы или их часть.

ВЫВОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сегодня многие европейские компании готовы отступить от ESG-принципов управления из-за последствий санкций.

В то же время в странах, готовых сотрудничать с Россией, эти принципы управления все так же востребованы, причем и на европейском, и на азиатском рынках. В самой России усиливается опора на национальные энергетические ресурсы, продовольственную программу, совершенствование системы поставок и расчетов, прозрачность управления; очевидна положительная динамика в экологическом и социальном аспекте. Таким образом, принципы ESG сохраняют свою актуальность даже в кризисный период и в условиях санкционного давления и создают для компаний, реализующих их, дополнительные преимущества.

Запрос на экологичность и социальную ориентированность бизнеса весьма высок и в России, и за рубежом. У нынешнего поколения уже сформирована привычка к выбору «чистых» продуктов и благоприятной среды обитания, за которые потребитель готов доплачивать, особенно в странах, где достигнут более высокий уровень благосостояния. Для инвестора компании с хорошим ESG-рейтингом более привлекательны и быстрее решают проблему обеспечения капиталом.

Разумеется, нужны меры господдержки тех компаний, которые нацелены на ESG-принципы управления, энергосберегающие технологии, чистую воду, современные инженерные сети и т.д. Кроме того, информированность и повышение квалификации кадров в сфере ESG должны сыграть положительную роль. Ориентация на устойчивое развитие на основе ESG-принципов способна помочь компаниям преодолеть текущий кризис, несмотря на санкции против экономики России и разрыв ряда партнерских связей.

Библиографический список

1. Васильева Е.Ю. Комплексный подход к оценке привлекательности инновационного проекта. *Экономика и предпринимательство*. 2019;11(112):698–703.
2. Смирнов Н.А. *ESG-факторы как основа устойчивого развития предприятия: монография*. М.: ИНФРА-М; 2021. 160 с.
3. Кузнецов С.В. *Факторы и инструменты оценки уровня устойчивого развития промышленного предприятия*. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; 2019. 216 с.
4. ESG и устойчивой развитие. *Материалы конференции компании Regent Capital Communications*. Москва. 26 мая 2022. <http://regentcapital.ru/esg> (дата обращения: 25.08.2022).
5. RAEX. Аналитика. Рейтинговое агентство. *ESG рейтинг российских компаний RAEX-Europe*. https://raex-a.ru/rankings/ESG_ratings_RUS_companies/2021 (дата обращения: 25.08.2022).
6. Российская Федерация. *Указ Президента Российской Федерации от 01.04.1996 №440 «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию»*. <http://docs.cntd.ru/document/9017665> (дата обращения: 26.08.2022).
7. Российская Федерация. *Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года*. Утверждены Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 года. <https://docs.cntd.ru/document/902369004> (дата обращения: 26.08.2022).

8. Vasilyeva E., Krupnov Yu. Development of the methodological approach to the comprehensive assessment of the innovative project effectiveness. *E3S Web of Conferences*. 2020;164:10037. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202016410037>
9. Васильева Е.Ю., Бакрунов Ю.О. Перспективы развития ESG-финансирования как инновационного подхода к привлечению ресурсов в строительные проекты в России *Управленческий учет*. 2022;4:544–551. <https://doi.org/10.25806/uu4-32022544-551>
10. РБК. Тренды. Что такое ESG и почему это актуально. <https://trends.rbc.ru/trends/green/614b224f9a7947699655a435> (дата обращения: 12.08.2022).
11. Зингер О.А., Ильясова А.В. Факторы, влияющие на устойчивое развитие промышленных предприятий *Современные проблемы науки и образования*. 2015;1-1:591.
12. Якунина Е., Фомина М., Жундриков А. ESG-финансирование. Рынок устойчивого развития ждет перерождение? *InfraOne Research*. Четверг 7 апреля 2022. <https://infraoneresearch.ru/fkh2ub/2rdqv0?s1qtyk=1noixc> (дата обращения: 07.08.2022).
13. Bloomberg Intelligence Research. *Bloomberg ESG & Climate Indices*. <https://www.bloomberg.com/professional/product/indices/bloomberg-esg-and-climate-indices/> (accessed 04.08.2022).
14. Frank GR. *Рынок ESG инвестирования в России: настоящее и будущее. Подготовлено для Россельхозбанка*. <https://www.rshb.ru/download-file/472115/> (дата обращения: 05.08.2022)
15. InfraOne Research. *Аналитический обзор: Инвестиции в инфраструктуру*. https://infraone.ru/sites/default/files/analitika/2020/investitsii_v_infrastrukturu_2020_infraone_re. (дата обращения: 06.08.2022).
16. InfraOne Research. *Рынок ESG-финансирования в России на начало 2022 года*. <https://infraoneresearch.ru/materials/a404a99726bf81bdfab02f07ec9cc568.pdf> (дата обращения: 04.08.2022).
17. Губин А.М. Концептуальные основы экономической интеграции в условиях глобализации и устойчивого развития региональной экономики. *Экономика, предпринимательство и право*. 2020;12(10).
18. Подкорытова Е.В., Платонов А.М. ESG-трансформация для России в условиях экономических санкций. В сб.: *Весенние дни науки: сборник докладов*, Екатеринбург, 21–23 апреля 2022 г. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. С. 680–683.
19. Измайлова М.А. Реализация ESG-стратегий российских компаний в условиях санкционных ограничений. *МИП (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2022;13(2):185–201. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2022.13.2.185-201>
20. ESG – корпоративное управление в условиях санкционного давления. *Материалы ежегодной конференции. Санкт-Петербург. 30 марта 2022 г.* https://events.vedomosti.ru/events/spb_esg_kachestvo_korporativnogo_upravleniya (дата обращения: 04.08.2022).
21. Кожевников Г. Что ждет ответственное финансирование в России. +1 (Плюс Один). Среда 23 марта 2022. <https://plus-one.ru/economy/2022/03/29/chto-zhdet-otvetstvennoe-finansirovanie-v-rossii> (дата обращения: 05.08.2022).
22. Ресурсный центр по ESG. Исследования и опросы. *Интерес к ESG остается прерогативой крупных компаний*. <https://www.b-soc.ru/io/interes-k-esg-ostaetsya-prerogativoj-krupnyh-kompanij/> (дата обращения: 15.08.2022)

References

1. Vasilyeva E.Yu. Comprehensive approach to the assessment of the innovative project attractiveness. *Journal of economy and entrepreneurship*. 2019;11(112):698–703.
2. Smirnov N.A. *ESG factors as basis of sustainable development of the enterprise: monograph*. Moscow: INFRA-M; 2021. (In Russian).
3. Kuznetsov S.V. *Factors and tools of assessment of level of sustainable development of industrial enterprise*. Abstr. Diss. ... Cand. Sci. (Econ.): 08.00.05. Yekaterinburg: Ural Federal University; 2019. 216 p.
4. ESG and sustainable development. *Materials of the conference of the Regent Capital Communications company. Moscow, 26 May 2022*. <http://regentcapital.ru/esg> (accessed 25.08.2022).
5. RAEX. Analytics. Rating agency. *ESG ranking of the Russian companies RAEX-Europe*. https://raex-a.ru/rankings/ESG_raitings_RUS_companies/2021 (accessed 25.08.2022).
6. Russian Federation. *Decree of the Russian President dated 01 April 1996 No. 440 "Concept of transition of the Russian Federation to sustainable development"*. <http://docs.cntd.ru/document/9017665> (accessed 26.08.2022).
7. Russian Federation. *Principles of the state policy in the field of ecological development of Russia until 2030*. Approved by President of the Russian Federation on April 30, 2012. <https://docs.cntd.ru/document/902369004> (accessed: 26.08.2022).
8. Vasilyeva E., Krupnov Yu. Development of the methodological approach to the comprehensive assessment of the innovative project effectiveness. *E3S Web of Conferences*. 2020;164:10037. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202016410037>
9. Vasilyeva E.Yu., Bakrunov Yu.O. Prospects of ESG financing development as the innovation approach to the attraction of resources in construction projects in Russia. *Managerial accounting*. 2022;4:544–551. <https://doi.org/10.25806/uu4-32022544-551>

10. RBC. Trends. *What is ESG and why it is relevant*. <https://trends.rbc.ru/trends/green/614b224f9a7947699655a435> (accessed 12.08.2022).
11. Zinger O.A., Ilyasova A.V. Factors influencing the sustainable development of industrial enterprises *Modern issues of science and education*. 2015;1-1:591.
12. Yakunina E., Fomina M., Zhundrikov A. *ESG financing. The market of sustainable development waits for regeneration?* 2022. <https://infraoneresearch.ru/fkh2ub/2rdqv0?s1qtyk=1noixc> (accessed 07.08.2022).
13. Bloomberg Intelligence Research. *Bloomberg ESG & Climate Indices*. <https://www.bloomberg.com/professional/product/indices/bloomberg-esg-and-climate-indices/> (accessed 04.08.2022).
14. Frank GR. *Market of ESG investment in Russia: present and future. Prepared for Rosselkhozbank*. 2021. <https://www.rshb.ru/download-file/472115/> (accessed 05.08.2022)
15. InfraOne Research. *State-of-the-art review: Investments into infrastructure*. https://infraone.ru/sites/default/files/analitika/2020/investitsii_v_infrastrukturu_2020_infraone_re. (accessed 06.08.2022).
16. InfraOne Research. *Market of ESG financing in Russia for the beginning of 2022*. <https://infraoneresearch.ru/materials/a404a99726bf81bdfab02f07ec9cc568.pdf> (accessed 04.08.2022).
17. Gubin A.M. Conceptual bases of economic integration in the conditions of globalization and sustainable development of regional economy. *Economy, entrepreneurship and law*. 2020;12(10).
18. Podkorytova E.V., Platonov A.M. ESG transformation for Russia in the conditions of economic sanctions. In: *Spring days of science: collection of reports, Yekaterinburg, 21–23 April, 2022*. Yekaterinburg: Ural Federal University. P. 680–683.
19. Izmailova M.A. Realization of ESG strategy in the Russian companies in the conditions of sanctions restrictions *MIR (Modernization, innovation, research)*. 2022;13(2):185–201. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2022.13.2.185-201>
20. ESG – corporate management in the conditions of sanctions pressure. *Materials of an annual conference. St. Petersburg, March 30, 2022* https://events.vedomosti.ru/events/spb_esg_kachestvo_korporativnogo_upravleniya (accessed 04.08.2022).
21. Kozhevnikov G. What is responsible financing in Russia waiting for? +1 (*Plus One*). Wednesday 23 March 2022. <https://plus-one.ru/economy/2022/03/29/chto-zhdet-otvetstvennoe-finansirovanie-v-rossii> (accessed 05.08.2022).
22. Resource center for ESG. Researches and polls. *Interest in ESG remains a prerogative of the large companies*. <https://www.b-soc.ru/io/interes-k-esg-ostaetsya-prerogativoj-krupnyh-kompanij/> (accessed 15.08.2022)

Российский консерватизм: контуры ответственного политического курса

Воробьев Антон Павлович

Канд. полит. наук, доц. каф. государственного управления и политических технологий
ORCID: 0000-0003-2590-0681, e-mail: ap_vorobev@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы развития консерватизма в современном российском обществе. Сложившаяся общественно-политическая ситуация свидетельствует о том, что российское общество отказывается принимать либеральные западные ценности, отдавая предпочтения ценностям консервативного свойства. Существует очевидный запрос на то, чтобы консервативные проекты учитывали ценности социальной справедливости, большей социальной ориентации государства, значимые для людей правила и порядки, которые были с ними в течение десятилетий. Российские элиты пока слабо представляют возможности отражения такого запроса и остаются в рамках привычных идейных и концептуальных подходов. В статье очерчены основные проблемные зоны российского консерватизма, к которым относятся отсутствие консервативного взгляда на экономику, определенная степень закрытости консерватизма для общества, нарушенный баланс между обновлением и сохранением. Современная Россия нуждается в разработке нового традиционалистско-консервативного учения как возможной методологии развития всего российского общества, нового, более широкого, российского консерватизма. Необходимо разработать собственный «язык», учитывающий цивилизационные, культурные, социально-исторические особенности.

Ключевые слова

Консерватизм, политическая идеология, методология, традиционные ценности, традиционный консерватизм

Для цитирования: Воробьев А.П. Российский консерватизм: контуры ответственного политического курса // Вестник университета. 2022. № 10. С. 13–17.

Russian conservatism: outlines of a responsible political course

Anton P. Vorobev

Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof. at the Public Administration and Political Technologies Department
ORCID: 0000-0003-2590-0681, e-mail: ap_vorobev@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article deals with the development of conservatism in modern Russian society. The current socio-political situation indicates that Russian society refuses to accept liberal Western values, giving preference to values of a conservative nature. There is an obvious demand for conservative projects to consider the values of social justice, the greater social orientation of the state, the rules and orders that are significant for people and have been with them for decades. The Russian elites are still poorly aware of the possibilities of reflecting such a request and remain within the framework of their usual ideological and conceptual approaches. The article outlines the main problem areas of Russian conservatism, which include the lack of a conservative view on the economy, a certain degree of closeness of conservatism to society, and an upset balance between renewal and preservation. Modern Russia needs to develop a new traditionalist-conservative doctrine as a possible methodology for the development of the entire Russian society, a new, broader, Russian conservatism. It is necessary to develop own “language”, taking into account civilizational, cultural and socio-historical features.

Keywords

Conservatism, political ideology, methodology, traditional values, traditional conservatism

For citation: Vorobev A.P. (2022) Russian conservatism: outlines of a responsible political course. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 13–17.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из значительных изменений, нашедших свое выражение в поправках к Конституции Российской Федерации, стало более четкое выражение духовно-идеологического вектора в развитии российского общества. В экспертном сообществе достаточно давно актуализировалась проблема деидеологизированности общественных и политических отношений, ширилось понимание того, что конституционное положение о недопущении официальной идеологии не освобождает государство и его институты от выработки и осуществления внятной политики в области духовно-ценностных оснований развития общества. Стоящая сегодня задача формирования образа России без самоопределения в отношении конституирующих ее духовно-нравственных качеств вообще становится беспредметной и невыполнимой.

© Vorobev A.P., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Общественно-политическое развитие России в 1990-е гг. показало, что либеральные идеи, привносимые российскому обществу, оказались невостребованными. В своей внешнеполитической деятельности Россия отказывается принимать европейские общественные и политические ценности [1, с.119]. Одновременно данные многочисленных опросов свидетельствуют, что россияне тяготеют к консервативным ценностям. В обществе существует запрос на создание в России сильного, суверенного, социального государства с утверждением принципов справедливости [2]. Осмысление этих и других качеств, реализация которых может способствовать развитию и модернизации России, является актуальной задачей исследовательской деятельности.

КОНСЕРВАТИЗМ: СУЩНОСТЬ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ

Российские ученые сходятся во мнении, что консерватизм не является политической идеологией. По мнению Т.Д. Соловей и В.Д. Соловья, подобно тому, как всякая идеология способна приобретать революционный модус, консерватизм не отдельная идеология, а такой же модус, то есть временное состояние любой идеологии [3, с. 173]. В.С. Малахов отмечает, что консерватизм не столько идеология, сколько состояние ума. Либерализм аргументирует. Консерватизм просто есть [4, с. 164–165]. М.Н. Начапкин называет консерватизм политической философией, ориентированной на сохранение традиционных основ государственной, общественной, культурной, религиозной жизни [5, с. 199]. Консерватизм, по мнению А.М. Беляковой, это мировоззрение, настаивающее на сохранении и защите традиционных основ государственной, социальной, культурной и религиозной жизни [6, с. 141].

Всякая политическая идеология представляет собой план реализации какой-либо политической идеи, системы ценностей и инструментария власти, претендующий на универсальность. Политическая идеология стремится ко всемирному доминированию, подстраивая окружение под идеальный образ. При этом любая идеология может иметь консервативную направленность.

Консерватизм в этом смысле не может претендовать на универсальность, являясь скорее некой рамочной методологией мышления, содержание которой может быть совершенно различным. Именно в этом заключается очень сильная творческая сущность консервативной методологии как таковой.

При слове «консерватизм» у большинства слышащих его людей возникают ложные ассоциации. Во-первых, консерватизм – это что-то реакционное, не творческое, не имеющее никаких тенденций к развитию, стремящееся наоборот только сохранить все как есть. Во-вторых, консерватизм – это стремление сохранить, законсервировать некие политико-экономические, социальные, духовные, культурные отношения, выгодные определенному кругу правящей элиты, чтобы не потерять свои возможности управлять тем или иным обществом. В-третьих, еще одна ложная ассоциация, что консерватизм – это то, что не нужно обществу, что мешает обществу развиваться. Подобное определение консерватизма в российской литературе считается нерелевантным [7, с. 27] и является порождением бытового консерватизма, который понимается как сохранение того, что присутствует. Эти цепочки ассоциаций являются следствием более чем столетней традиции господства в общественном сознании либеральной и революционной идеологии. Эти ложные трактовки возникают из использования самого слова «консерватизм», которое воспроизводится с различными дополнениями: либеральный консерватизм, творческий консерватизм, разумный консерватизм и т.д.

В то же время специалистам в области общественной мысли понятно, что «консерватизм» бывает разным, поскольку «консервировать» можно совершенно разные принципы жизни. Например, так называемый «американский консерватизм» явно противоречит «русскому консерватизму», потому что в США консерваторы – это представители «правого» либерализма, и не более того, а «русские консерваторы» – это сторонники традиционализма и цивилизационного своеобразия России. Как отмечает Н.А. Омельченко, совокупность многих факторов и исторических условий способствовали формированию в России особой общественно-государственной системы, которая существенно отличалась от западных моделей. Единственным социально значимым актором политической системы была государственная власть. Причем власть, менее чем где-либо, ограниченная индивидуальными и групповыми притязаниями, превратившаяся во власть деспотическую и самодержавную, поглотившая и поработившая и общество, и личность [8, с. 20].

Поэтому, если говорить о «консерватизме» применительно к России, то необходимо использовать термин «традиционный консерватизм» или «русский консерватизм». В основе «традиционного консерватизма» лежит не просто принцип сохранения чего-либо, но принцип сохранения жизни во всем ее многообразии,

не насаждение унифицированных правил существования и мысли, но «сохранение» мира. При этом не нужно бояться творческого подхода к пониманию сущности консерватизма, то есть нельзя лишь догматически воспринимать основные положения, предложенные в работах русских мыслителей XIX–XX вв.

Одной из важнейших категорий общественной науки выступает сегодня категория социальных изменений. Это понятно и оправданно: слишком масштабна динамика происходящих перемен, слишком значимы проблемы генерального вектора движения. Не менее значимым, однако, является и вопрос, что изменяется и каков субстрат этих изменений.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

В российском обществе возникший запрос на консерватизм остается не до конца реализованным. Современные консерваторы обращаются к образцам из прошлого, находят разные идеи и консенсусы. Опыт недавних реформ остается болезненным, и консерватизму не хватает динамизма. Проблемой и вызовом для российской консервативной мысли является отсутствие консервативного взгляда на экономику, в то время как на Западе он имеет экономическую доктрину и реализует ее. Ни одна консервативная ценность не может быть в полной мере реализована без сильной и работающей экономики. Современный консерватизм невозможен без широкого и разностороннего участия.

Философия развития консерватизма призвана разработать правильный вектор процессов развития в сотрудничестве с другими ответственными политическими силами. Во всем мире консерваторы и либералы — оппоненты и конкуренты, но ни в коем случае не антагонисты, а часто партнеры, которые объединяются для развития.

Консерватизм должен быть открыт для всего общества, и важнейшие для консерватизма темы морали, совести, семейных отношений обязаны соответствовать историческим примерам, что означает сохранение традиции, и в то же время предоставление гражданам свободы для саморазвития и решения сегодняшних проблем.

Нужен баланс между обновлением и сохранением. По мере того как общество развивается, меняются механизмы социальной коммуникации между людьми. Консолидация мысли не исключается, предполагая плюрализм мнений политики и общественной дискуссии.

Важными условиями для развития консерватизма являются баланс между центром и живым самоуправлением и эволюционный подход к развитию демократических процедур. Еще одним условием выступает верховенство права, неотъемлемая черта любого консерватизма.

Общая черта всех успешных консервативных доктрин состоит в том, что они современные, они рождаются и реализуются в конкретный исторический период, защищая то, что сохранено, накоплено обществом, и ведут его вперед.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для понимания характера позиционирования российского консерватизма в современном государстве и обществе следует учитывать три модальности его существования и воспроизводства в жизни общества. Прежде всего, консерватизм следует оценивать как своеобразную проекцию русского национального характера на социокультурную почву. В этом смысле консерватизм должен пониматься как особая форма российской ментальности, не столько ценностного, сколько мифо-ориентированного характера. Второй модус существования консерватизма в современной России носит идейный, идеологический и, соответственно, концептуализированный характер. Это пространство работы идеологов, технологов и любых иных специалистов-интеллектуалов, работающих в информационно-символической сфере. Третий модус консерватизма представляет собой инструментальное использование коммуникативного и политического потенциала консерватизма для поддержки политического курса правящего режима.

Суммарная оценка творящего функционирования феномена консерватизма свидетельствует о доминировании консерватизма как ведущей субкультурной конструкции российского общества и оппонента либерально-демократическим идеалам и ценностям, которые в среднесрочной перспективе выглядят устойчивыми и неразложимыми. Использование российской версии консерватизма в качестве символической платформы поддержки правящих кругов можно рассматривать как закономерный и рационально обоснованный идейно-политический выбор правящих элит.

Эксперты отмечают, что основными чертами российского консерватизма являются [9, с. 153–154]:

- сильное государство;
- историческая преемственность;
- важнейшая роль православия;
- сохранение ценностных основ семьи, общества, традиций, этики сексуальной сферы, отношения к современному искусству и культуре.

Укрепление государственного суверенитета, преемственность и развитие лучших традиций является главной задачей государственной политики в контексте российской модернизации [10, с. 154].

В отношении российской элиты или лиц, принимающих решения, стоит говорить о двух видах консерватизма. Первый вид консерватизма инструментальный, используемый в целях короткого горизонта. При этом можно оперировать установками и некоторыми представлениями общества, традиционными укладами. Это удобно, так как есть опора на толщу времени, на мощные социокультурные основания. Второй вид консерватизма – стратегический. Это может быть идеология, программа или направление, в которых учитываются интересы не только элиты и правящего класса, а всей страны в целом.

Библиографический список

1. Мир Мохаммад С.Э., Вахшитех А. Основные принципы внешней политики России при Владимире Путине. *Управление*. 2020;8(4):116–122. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-4-116-122>
2. Литвинова М. Россияне не готовы забыть гендерные роли. *Коммерсантъ*. Понедельник 14 декабря 2020. <https://www.kommersant.ru/doc/4614123> (дата обращения: 17.08.2022).
3. Соловей Т.Д., Соловей В.Д. *Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма*. М.: АСТ: Астрель; 2011. 544 с.
4. Малахов В.С. *Национализм как политическая идеология. Учебное пособие*. М.: КДУ; 2005. 315 с.
5. Начапкин М.Н. Феномен современного российского консерватизма: проблемы изучения и перспективы развития. *Научный диалог*. 2016;7(55):199–214.
6. Белякова А.М. Консерватизм как идеология современной России. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2020;1:139–142.
7. Коровин В.М. Русский взгляд на консерватизм. *Гуманитарий Юга России*. 2021;10(6):24–39. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.6.2>
8. Омельченко Н.А. Свобода или порядок (к вопросу о консервативной и либеральной традиции в России). *Власть*. 2009;4:18–21.
9. Макаренко Б.И. *Консерватизм и развитие. Основы общественного согласия*. М.: Альпина Паблишер; 2015. 332 с.
10. Тян В.В. Доктрина возрождения России как политическая основа развития института президентства в демократическом транзите: новые моменты. *Управление*. 2020;8(1):150–158. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-1-150-158>

References

1. Mir Mohammad S.E., Vakhshitekh A. Basic principles of Russian foreign policy under Vladimir Putin. *Upravlenie / Management (Russia)*. 2020;8(4):116–122. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-4-116-122>
2. Litvinova M. Russians are not ready to forget gender roles. *Kommersant*. Monday 14 December 2020. <https://www.kommersant.ru/doc/4614123> (accessed 17.08.2022).
3. Solovey T.D., Solovey V.D. *A failed revolution. Historical meanings of Russian nationalism*. Moscow: AST: Astrel; 2011. (In Russian).
4. Malakhov V.S. *Nationalism as a political ideology. Textbook*. Moscow: KDU; 2005. (In Russian).
5. Nachapkin M.N. The phenomenon of modern Russian conservatism: problems of study and development prospects. *Scientific dialogue*. 2016;7(55):199–214.
6. Belyakova A.M. Conservatism as an ideology of modern Russia. *Actual problems of the humanities and natural sciences*. 2020;1:139–142.
7. Korovin V.M. Russian view on conservatism. *Humanitarian of the South of Russia*. 2021;10(6):24–39. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.6.2>
8. Omelchenko N.A. Freedom or order (on the issue of conservative and liberal traditions in Russia). *Power*. 2009;4:18–21.
9. Makarenko B.I. *Conservatism and development. Fundamentals of public consent*. Moscow: Alpina Publisher; 2015. (In Russian).
10. Tyan V.V. Doctrine of the revival of Russia as a political basis of development of the institute of presidency in democratic transit: new moments. *Upravlenie / Management (Russia)*. 2020;8(1):150–158. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-1-150-158>

Модели цифровой компетентности государственных служащих: подходы к формированию и оценке

Гегедюш Наталья Сергеевна¹

Канд. социол. наук, доц. каф. государственного и муниципального управления

ORCID: 0000-0003-2659-4743, e-mail: ns_gegedyush@guu.ru

Масленникова Елена Викторовна²

Канд. социол. наук, вед. науч. сотрудник Центра технологий государственного управления

ORCID: 0000-0001-6291-0411, e-mail: ev_maslennikova@guu.ru

Осипов Виктор Анатольевич³

Канд. полит. наук, ассист. каф. государственного и муниципального управления

ORCID: 0000-0002-3643-9280, e-mail: vityaosipov@gmail.com

¹Государственный университет управления, г. Москва, Россия

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

³Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Аннотация

Целью исследования стал анализ российской практики оценки цифровой компетентности государственных служащих и обоснование предложений по совершенствованию подходов к оценке и развитию изучаемых компетенций. В статье представлен анализ существующих требований к компетентности гражданских служащих России, закрепленных официально, и выявлено соответствие таких требований текущим и перспективным направлениям деятельности государственных органов и развитию современного общества в условиях цифровой трансформации. Авторами исследовались подходы к формированию и применению моделей цифровой компетентности гражданских служащих, в том числе на основе анализа содержания должностных регламентов. В ходе исследования был сделан вывод, что в органах исполнительной власти в отношении содержания квалификационных требований сложилось достаточное единообразие подходов, что предопределено исполнением методического инструментария Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, но профессиональные знания и навыки в области информационно-коммуникационных технологий, по сути, дублируют базовые квалификационные требования и не отражают специфики применения информационно-коммуникационных технологий в различных отраслях, а также дифференциации функционала служащих в зависимости от категорий и групп должностей. Авторами обосновываются предложения в отношении формирования модели цифровой компетентности, а именно – необходимость учета деления требований на базовые и профессиональные, отражение дифференциации по категориям и группам должностей гражданской службы.

Ключевые слова

Гражданская служба, компетентность, цифровая трансформация, модель компетентности, информационно-коммуникационные технологии, профессиональные знания и умения, должностной регламент

Для цитирования: Гегедюш Н.С., Масленникова Е.В., Осипов В.А. Модели цифровой компетентности государственных служащих: подходы к формированию и оценке // Вестник университета. 2022. № 10. С. 18–30.

Models of civil servants' digital competence: approaches to formation and evaluation

Natalia S. Gegedyush¹

Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. at the State and Municipal Administration Department
ORCID: 0000-0003-2659-4743, e-mail: ns_gegedyush@guu.ru

Elena V. Maslennikova¹

Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher at the Center for Public Administration Technologies
ORCID: 0000-0001-6291-0411, e-mail: ev_maslennikova@guu.ru

Viktor A. Osipov³

Cand. Sci. (Polit.), Assistant. at the State and Municipal Administration Department
ORCID: 0000-0002-3643-9280, e-mail: vityaosipov@gmail.com

¹State University of Management, Moscow, Russia

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

³Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Abstract

The purpose of the study is to analyze the Russian practice of assessing the digital competence of civil servants and substantiate proposals for improving approaches to assessing and developing the competencies under study. The article presents an analysis of the existing requirements for the competence of Russian civil servants, officially fixed and the compliance of such requirements with the current and promising areas of activity of state bodies and the development of modern society in the context of digital transformation. The authors studied approaches to the formation and application of civil servants' digital competence models, including on the basis of the job regulations content analysis. In the course of the study, the authors conclude that there is sufficient uniformity of approaches in the executive authorities regarding the content of qualification requirements, which is predetermined by the implementation of the methodological tools of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. But professional knowledge and skills in the field of information and communication technologies, in fact, duplicate the basic qualification requirements and do not reflect the use of information and communication technologies specifics in various industries and the differentiation of employees' functionality depending on categories and groups of positions. The authors substantiate proposals regarding the formation of a model of digital competence, namely, the need to take into account the division of requirements into basic and professional ones, the reflection of differentiation into categories and groups of civil service positions.

Keywords

Civil service, competence, digital transformation, competence model, information and communication technologies, professional knowledge and skills, job regulations

For citation: Gegedyush N.S., Maslennikova E.V., Osipov V.A. (2022) Models of civil servants' digital competence: approaches to formation and evaluation. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 18–30

ВВЕДЕНИЕ

Развитие информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) и глобальной сети «Интернет» (далее – Интернет) существенным образом изменили систему общественных отношений. По данным агентства We Are Social и сервиса Hootsuite, в мире на начало 2021 г. уровень проникновения Интернета составил 59,5 % (4,66 млрд пользователей), при этом мобильным телефоном пользуются 66,6 % населения планеты (5,22 млрд человек), социальными сетями – 53,6 % (4,2 млрд человек) [1]. Современный человек повсеместно и постоянно использует цифровые устройства и сервисы: в работе, в сфере досуга, при взаимодействии с государством. Последнее становится все более массовым и привычным для россиян.

За 2020 г. граждане России заказали на портале «Госуслуги» 228 млн услуг, провели 78 млн платежей на сумму 76 млрд рублей. К концу 2020 г. число зарегистрированных пользователей на портале составило 126 млн, из которых 24 млн присоединились в 2020 г. [2]. В период с мая 2020 г. по май 2021 г. на портале предоставлено 230 млн услуг.

В официальных документах в перспективе до 2030 г. применение цифровых технологий в деятельности органов власти обозначено как условие, которое позволит повысить качество жизни граждан и развить бизнес, с одной стороны, и в целом обеспечит успешность перехода России к цифровой экономике, с другой. Цифровая трансформация системы управления предусматривает изменение механизмов предоставления государственных услуг, перевод официальных сайтов органов власти и их подведомственных организаций на единую платформу, внедрение и развитие различных платформенных решений, например обратной связи, цифровых профилей граждан и организаций и многое другое. Разработка новых информационных продуктов осуществляется силами ИТ-специалистов, представляющих коммерческий сектор, тогда как их эксплуатация становится задачей государственных гражданских служащих. Соответственно, возникает необходимость оценки имеющегося и необходимого уровня владения гражданскими служащими знаниями и навыками в сфере цифровых технологий, поиска способов их оценки и развития. Целью исследования является анализ российской практики оценки цифровой компетентности государственных служащих и формирование предложений по совершенствованию подходов к оценке и развитию изучаемых компетенций.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Цифровизация системы публичного управления и отраслей народного хозяйства в России динамично протекает под воздействием глобальных трендов. Ключевые направления этого процесса определены официально принятыми правовыми актами. Так, до 2030 г., согласно Указу Президента России № 474 от 21 июля 2020 г., доля социально значимых услуг, предоставляемых в электронном виде, должна достигнуть 95 % [3], а уже к 2024 г., как результат федерального проекта «Цифровое государственное управление», 60 % граждан должны иметь цифровое удостоверение личности с квалифицированной электронной подписью [4].

Цифровая реальность меняет логику создания и потребления информационного контента и специфику взаимодействия всех сторон-участников. Граждане все чаще становятся пользователями разнообразных постоянно появляющихся государственных электронных ресурсов, посредством которых они получают услуги в один клик или взаимодействуют с государством. Нарастание цифрового пользовательского опыта предопределяет рост запросов к характеристикам государственных цифровых продуктов: клиентоцентричности, интероперабельности, доступности с разных устройств, понятности интерфейса и прочее.

В таких условиях остро встают вопросы кадрового обеспечения всех нововведений в деятельности органов власти и подведомственных им организаций. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» не включает положения, определяющие обязательное наличие у служащих цифровых знаний или умений; в должностных регламентах преимущественно даны общие описания профессиональных знаний и навыков. Несмотря на активное использование в публичной риторике многих терминов, связанных с цифровизацией, в правовых актах и методических документах, регулирующих вопросы прохождения государственной службы, применяется словосочетание «знания и умения в области информационно-коммуникационных технологий». В повестку дня органов власти задача проверять компьютерную грамотность служащих попала на этапе

завершения программы «Электронная Россия». 17 августа 2008 г. в ходе заседания Президиума Государственного Совета Российской Федерации Д.А. Медведев высказал мнение, что «чиновники, не владеющие элементарными компьютерными навыками, не могут эффективно работать. Надо не только организовать непрерывное обучение госслужащих, но и ввести этот критерий в результаты периодической аттестации, предусмотренной законом» [5].

В структуру квалификационных требований для прохождения государственной службы указанные знания и умения вошли после утверждения рекомендаций Комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности Правительства Российской Федерации, утвердившей их содержание протоколом от 18 декабря 2017 г. № 3. Поводом для этого стала принятая распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р национальная программа «Цифровая экономика» [6]. На основании рекомендаций Комиссии, Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации (далее – Минтруд РФ) включило в структуру базовых квалификационных требований знания и умения в области ИКТ, что отражено в методическом материале этого органа власти, касающемся установления требований к кандидатам на должности государственной гражданской службы [7]. Детализация требований отражена в справочнике квалификационных требований, необходимых для замещения должностей государственной гражданской службы как основного методического документа для формирования модели компетенций служащих [8]. Динамичность внедрения цифровых технологий в практику работы органов власти не поменяла ситуацию с терминологическим аппаратом: понятия «цифровая компетентность», «цифровые компетенции», «знания и навыки в сфере цифровых технологий» в официальных документах не применяются.

В российской науке разработка вопросов цифровой компетентности государственных служащих осуществляется в течение последних пяти лет, но в публикациях на эту тему чаще встречается обоснование необходимости сформировать и закрепить требования к «цифровым» знаниям и навыкам служащих, нежели их конкретное содержание, а также обсуждается модель компетенций служащих, отвечающая современным запросам. Понятие «цифровая компетентность» используется в значении потенциальной готовности служащего эффективно решать профессиональные задачи с опорой на знания, умения и опыт взаимодействия с современными информационно-коммуникационными или цифровыми технологиями. Исследования 2018 г. позволяют констатировать, что цифровая компетентность не рассматривается государственными служащими как значимая часть квалификационных требований в противовес занявшим первое место нацеленности на результат, тайм-менеджменту и стрессоустойчивости [9].

В целом текущий уровень цифровых компетенций государственных служащих эксперты оценивают как низкий и включают его в число факторов, замедляющих переход на принципы и механизмы цифровой экономики в России [10–12]. Эту точку зрения подкрепляют и результаты социологических опросов, проведенных в 2018–2020 гг., авторы которых фиксируют, что выполнению задач развития цифрового государственного управления и цифровой экономики в России препятствует не столько низкий уровень сформированности таких компетенций, сколько неравномерность их развития, дифференциация в уровнях достижения цифровой грамотности, отсутствие единых методических подходов к определению структуры и содержания подготовки по направлению их развития [13]. Анализ трансформации компетенций гражданских служащих в условиях цифровой экономики представлен также в трудах Т.Г. Архиповой, Т.А. Васько, М.В. Ивановой, Е.В. Ковшиковой, И.В. Шиндряевой, Т.А. Яковлевой и других.

Попытки провести анализ необходимых цифровых компетенций административно-управленческого персонала промышленных предприятий сталкиваются с проблемами, аналогичными тем, которые существуют в публичном секторе: многообразие и бессистемность подходов [14]. Также некоторыми авторами предлагались общие описания цифровых компетенций без привязки к сфере деятельности; потенциальная модель предполагает уровневость компетенций, измерение компетенции в баллах [15; 16].

В настоящее время экспертами Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) разработана Модель компетенций «Команды цифровой трансформации в системе государственного управления» [17]. Ее применение пока не имеет массового характера, но отдельные элементы заимствованы федеральными исполнительными органами в ходе организации работы так называемого Chief Digital Transformation Officer (CDTO) или, в переводе с английского языка, руководителя цифровой трансформации и реализации ведомственных дорожных карт по цифровой трансформации. В то же время вопрос об актуализации квалификационных

требований к знаниям и умениям в области ИКТ Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации не ставится. Российские исследования в области оценки и развития цифровых компетенций на государственной службе фрагментарны и разнонаправлены, требуется их систематизация и научная интерпретация накопленного опыта.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В соответствии с рекомендациями Минтруда РФ, федеральные органы и органы власти субъектов РФ, прописывая конкретные квалификационные требования к должностям государственной службы, включают пять базовых обобщенных составляющих знаний и навыков в сфере ИКТ [18].

1. Основы защиты информации, информационной безопасности: принципы работы с профессиональной информацией вплоть до сведений, составляющих государственную тайну; способы обеспечения информационной безопасности; правила надежности паролей в системах электронной почты и «мгновенных» сообщений, учетных записей пользователей при работе на служебных персональных компьютерах (далее – ПК), а также связанные с этим риски и угрозы; признаки электронных сообщений, содержащих вредоносные вложения или ссылки на мошеннические сайты в сети «Интернет» и умение правильно реагировать на них; требования к соблюдению информационной безопасности при удаленном доступе к электронным системам и ресурсам органа власти; правила и ограничения подключения внешних носителей и устройств к служебным компьютерам.

2. Основы законодательства о персональных данных, понятие персональных данных, принципы, условия их обработки, инструменты защиты.

3. Принципы и порядок работы подсистем электронного документооборота.

4. Порядок работы с электронными документами.

5. Умение работать с ПК, в том числе: осуществлять оперативный поиск информации; работать с электронными правовыми базами и официальным порталом правовой информации (pravo.gov.ru); работать с общими сетевыми ресурсами; создавать, редактировать, форматировать, сохранять и печатать документы текстового формата, электронные таблицы и презентации; формировать, отправлять, получать сообщения посредством электронной почты и/или системы межведомственного электронного взаимодействия, работать с вложениями.

Указанный набор знаний и умений как базовый уровень соответствует тому, что знает и умеет рядовой пользователь ПК. Следовательно, для выполнения специфических задач, возложенных на органы власти в рамках программы «Цифровая экономика», в должностном регламенте служащего должны быть указаны требования к профессиональным знаниям и умениям в области ИКТ.

Так ли развивается ситуация в действительности и какие способы оценки цифровой компетентности служащих применяются или имеют перспективный характер, авторы выясняли посредством методов сравнительного анализа и анализа вторичных данных. Сравнительный анализ проводился в отношении содержания требований к цифровой компетентности служащих, закрепленных нормативными правовыми актами по вопросам поступления и прохождения государственной службы федеральных и региональных органов власти. За период с сентября 2021 г. по январь 2022 г. проведен анализ содержания квалификационных требований к должностям гражданской службы (120 объявлений, размещенных в разделе «Вакансии» на портале Госслужба (<https://gosszluzhba.gov.ru>), критериями отбора выступали профессиональные области: информационные технологии, деятельность по профилю организации.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

На момент проведения исследования в федеральных исполнительных органах требования к профессиональным знаниям и умениям в области ИКТ определены ведомственными правовыми актами, включены в структуру должностных регламентов согласно линейке «категории – группы» должностей. Так, в Министерстве финансов Российской Федерации (далее – Минфин РФ) профессиональные квалификационные требования утверждены приказом от 25 июня 2012 г. № 88н, имеющим два приложения: первое приложение содержит требования к большей по численности части служащих, второе касается меньшей части, а именно тех служащих, которые курируют применение ИКТ в работе министерства и служащих и обеспечивают формирование, функционирование и администрирование информационных систем [19]. Взаимосвязь требований в паре «категории – группы» с базовыми требованиями в сфере ИКТ представлена в Таблице 1.

Таблица 1

Профессиональные знания и навыки в сфере информационно-коммуникационных технологий в структуре квалификационных требований к должностям государственной гражданской службы в Министерстве финансов Российской Федерации

	Профессиональные знания и навыки	Категория / группа должностей					
		Руководители / высшая, главная	Помощники (советники) / высшая	Специалисты / главная	Специалисты / ведущая, старшая	Обеспечивающие специалисты / ведущая	Обеспечивающие специалисты / старшая, младшая
Базовые квалификационные требования к знаниям и умениям в области ИКТ	Знание порядка работы со служебной информацией	<i>Знания:</i>					
		правовых аспектов в области информационно-коммуникационных технологий	-	-	-	-	-
		программных документов и приоритетов государственной политики в области информационно-коммуникационных технологий	+	-	-	-	-
		порядка работы со служебной и секретной информацией	+	+	+	+	+
		аппаратного и программного обеспечения	+	+	+	+	+
		возможностей и особенностей применения современных информационно-коммуникационных технологий в Министерстве финансов Российской Федерации, включая возможности межведомственного документооборота	+	+	+	+	+
Знание основ информационной безопасности и защиты информации		общих вопросов в области информационной безопасности	+	+	+	+	+
		<i>Навыки:</i>					
		стратегического планирования и управления групповой деятельностью с учетом возможностей и особенностей применения современных информационно-коммуникационных технологий в Министерстве финансов Российской Федерации	+	-	-	-	-

Окончание табл. 1

Базовые квалификационные требования к знаниям и умениям в области ИКТ	Профессиональные знания и навыки	Категория / группа должностей						Обеспечивающие специалисты / старшая, младшая	Обеспечивающие специалисты / ведущая	Специалисты / ведущая, старшая	Специалисты / главная	Помощники (советники) / высшая	Руководители / высшая, главная
Знание правил и ограничений подключения внешних устройств	работы с внутренними и периферийными устройствами компьютера	работы с информационно-телекоммуникационными сетями, в том числе сетью «Интернет»						+	+	+	+	+	+
								+	+	+	+	+	+
								+	+	+	+	+	+
								+	+	+	+	+	+
Умение создавать, отправлять и получать электронные сообщения с помощью служебной почты	управления электронной почтой	работы в операционной системе						+	+	+	+	+	+
								+	+	+	+	+	+
								+	+	+	+	+	+
								+	+	+	+	+	+
Умение работать с текстовыми документами	работы в текстовом редакторе	работы с электронными таблицами						+	+	+	+	+	+
								+	+	+	+	+	+
								+	+	+	+	+	+
								+	+	+	+	+	+
Умение работать со справочными нормативно-правовыми базами, с общими сетевыми ресурсами	работы с базами данных	подготовки презентаций						+	+	+	+	+	+
								+	+	+	+	+	+
								+	+	+	+	+	+
								+	+	+	+	+	+
Умение работать с презентациями, включая их создание, редактирование и форматирование, сохранение и печать	использования графических объектов в электронных документах							+	+	+	+	+	+
								+	+	+	+	+	+
								+	+	+	+	+	+
								+	+	+	+	+	+

Составлено авторами по материалам источника: [19]

В структуре анализируемого приказа приложением 2 выделены две составляющие:

- требования в сфере ИКТ для высшей группы должностей категории «руководители», в чьи обязанности входит координация внедрения ИКТ в деятельность Минфина РФ;
- требования к иным группам и категориям должностей, в чьи обязанности входят формирование, функционирование и администрирование информационных систем в Минфине РФ.

Содержательная часть указанных требований идентична, соответственно, можно утверждать формальный характер разделения указанных требований.

В частности, к профессиональным знаниям отнесено знание следующих систем:

- учета, используемых для выполнения Минфином РФ основных задач и функций;
- взаимодействия с гражданами и организациями и межведомственного взаимодействия;
- управления информационными ресурсами;
- информационно-аналитических, необходимых для сбора, обработки, хранения и анализа данных;
- управления электронными архивами;
- информационной безопасности;
- управления эксплуатацией.

При этом навыки работы со всеми перечисленными системами определены как обязательные.

По результатам сравнительного анализа базовых требований к знаниям и умениям в области ИКТ и требований к профессиональным знаниям/навыкам в сфере ИКТ в линейке «группы – категории» должностей гражданской службы на примере Минфина РФ, можно констатировать следующее.

Во-первых, профессиональные знания и навыки по содержанию мало отличаются от базовых квалификационных требований в этой сфере. Они имеют обобщенные формулировки, не отражают никакой отраслевой специфики, либо такой специфики в области ИКТ просто нет.

Во-вторых, профессиональные знания и навыки абсолютно идентичны для категорий «помощник (советники)», «специалисты», «обеспечивающие специалисты» всех групп должностей.

В-третьих, требования к профессиональным знаниям и навыкам для высшей и главной групп должностей категории «руководители» примерно на 80 % идентичны аналогичным требованиям ко всем иным категориям и группам должностей.

В-четвертых, к служащим, курирующим внедрение ИКТ в деятельность Минфина РФ, и служащим, осуществляющим функции по формированию, функционированию и администрированию информационных систем, предъявляются абсолютно идентичные требования.

Резюмируя результаты, считаем возможным утверждать, что в настоящее время на государственной службе нет четкого понимания того, как внедрение цифровых технологий изменит деятельность служащих и какие конкретные цифровые компетенции будут необходимы на конкретной должности для эффективного исполнения служебных обязанностей.

В Министерстве экономического развития Российской Федерации (далее – Минэкономразвития РФ) в отношении установления квалификационных требований в сфере ИКТ применяется подход, концептуально аналогичный описанному выше. Позиции по профессиональным знаниям и навыкам в сфере ИКТ сформированы для должностей, обеспечивающих выполнение основного функционала министерства, и должностей, курирующих вопросы внедрения ИКТ, обеспечение формирования, функционирования и администрирование государственных информационных систем. Внутри каждого из этих блоков требования ранжированы по категориям и группам должностей. До 11 апреля 2021 г. перечисленные принципы определялись приказом Минэкономразвития РФ от 7 июня 2013 г. № 314 [20]. В качестве положительного момента отметим, что содержание профессиональных знаний и умений для должностей, обеспечивающих развитие ИКТ в работе министерства, включает иное содержание, чем это установлено для высшей группы должностей категории «руководители» и иных групп и категорий; формулировки здесь конкретнее и в большей степени ориентированы на специфику сферы ИКТ. Так, для высшей группы должностей категории «руководители» к обязательным отнесены знания:

- правового сопровождения информатизации и информационной безопасности;
- целей и приоритетов государственной политики Российской Федерации в сфере ИКТ;
- процессов организации мероприятий по информатизации в органе власти;
- стандартов и правил информационного взаимодействия между органами власти и иными организациями;
- этапов жизненного цикла информационных систем.

К обязательным навыкам отнесены стратегическое и тактическое планирование, управление групповой деятельностью при использовании имеющихся или внедрении новых ИКТ в органе власти.

В отношении должностей высшей группы категории «помощники (советники)», главной, ведущей и старшей групп категории «специалисты», в обязанности которых включено обеспечение формирования и функционирования, а также администрирование государственных информационных систем дополнительно установлены следующие знания:

- принципов проектирования вычислительных центров, стадий создания и функционирования информационных систем;
- технических свойств назначения средств вычислительной техники и телекоммуникаций, перспектив и направлений их развития;
- передовых практик использования ИКТ, обслуживания средств вычислительной техники.

В структуре профессиональных навыков выделены внедрение и функционирование ИКТ, администрирование ПК и автоматизированных информационных систем.

Учитывая рекомендации Минтруда РФ, субъекты РФ устанавливают квалификационные требования к должностям государственной службы самостоятельно. В этой связи сложилось разнообразие подходов, применяется различный терминологический аппарат. Так, в структуре Программы развития государственной гражданской службы на 2018–2020 гг., утвержденной распоряжением Главы Республики Карелия от 4 апреля 2018 г. № 181-р, выделено отдельное направление – создание условий для повышения компьютерной грамотности служащих [21]. Несмотря на принятие республиканской программы, в период выполнения мероприятий национальной программы «Цифровая экономика» все еще используется понятие «компьютерная грамотность». Указанное направление составляют два мероприятия:

- формирование положения о порядке проведения тестирования компьютерной грамотности гражданских служащих на предмет соответствия квалификационным требованиям, которое на практике должно осуществляться после утверждения Минтрудом РФ соответствующих методических рекомендаций;
- тестирование компьютерной грамотности служащих.

Анализ правовой базы Камчатского края показал, что квалификационные требования к гражданским служащим края в отношении знаний, навыков в сфере ИКТ ранжированы на базовый, расширенный и специальный уровни [22].

Базовый уровень включает:

- знания аппаратного и программного обеспечения, возможностей и особенностей применения современных ИКТ в исполнительных органах, использования возможностей межведомственного документооборота, общих вопросов в области информационной безопасности;
- навыки подготовки презентаций, работы с электронными таблицами, базами данных, использования графических объектов в электронных документах, работы с текстовым редактором, использования внутренних и периферийных устройств компьютера, сети «Интернет», операционной системы, управления электронной почтой.

Базовый уровень касается всей совокупности групп и категорий должностей кроме «руководителей» – высшей и главной групп должностей, знания и навыки которых должны соответствовать расширенному уровню компетенций. Здесь необходимо знание правовых аспектов в сфере ИКТ и в сфере предоставления государственных услуг посредством ИКТ, программных документов и приоритетов государственной политики в области ИКТ. Для расширенного уровня отличительным выступает навык стратегического планирования и управления групповой динамикой, на основе современных ИКТ тогда как все иные навыки дублируют базовый уровень.

В системе квалификационных требований к должностям гражданской службы Камчатского края во всей линейке групп и категорий выделен специальный уровень знаний и навыков, в состав которого включены требования, описанные Минфином РФ как профессиональные для высшей группы должностей категории «руководители».

Специальный уровень применяется в отношении следующих категорий работников:

- руководители, заместители руководителей, координирующие вопросы внедрения ИКТ в деятельность соответствующих государственных органов;
- работники подразделений, в ведении которых находятся вопросы информатизации;

- работники, в функциональные обязанности которых входят формирование, функционирование и администрирование информационных систем;
- работники подразделений – пользователи программных продуктов, которые обеспечивают автоматизацию функций, возложенных на соответствующие подразделения.

Охарактеризуем еще один региональный опыт, но уже на примере конкретного органа исполнительной власти региона – Министерства финансов Саратовской области. Здесь наряду с общими положениями по профессиональным знаниям/навыкам, а также специальными профессиональными знаниями/навыками по группам и категориям должностей, отдельно установлены профессиональные знания/навыки в сфере ИКТ.

Этот перечень содержит три уровня требований [23]:

- базовый: распространяется на категории «специалисты», «обеспечивающие специалисты»;
- расширенный: распространяется на высшую и главную группы должностей категории «руководители»;
- специальный: применяется в отношении первого заместителя министра по вопросам внедрения ИКТ, служащих подразделений, занимающихся вопросами информатизации, и подразделений, выступающих пользователями программных продуктов и обеспечивающих автоматизацию функций, возложенных на соответствующие подразделения, служащих, в должностные обязанности которых входят формирование, развитие и администрирование информационных систем.

Сложившееся в регионах разнообразие подходов к определению того, какие компетенции следует формулировать в сфере ИКТ, предопределено не только собственным правовым регулированием института гражданской службы, но и тем, какая модель управления государственной службой установлена в субъекте Российской Федерации.

Анализ содержания квалификационных требований к вакантным должностям гражданской службы, информация о которых размещена на портале Госслужба, также свидетельствует об отсутствии комплексной работы по формированию модели цифровой компетентности гражданских служащих. Например, в квалификационных требованиях к вакансии в Департамент цифрового развития Воронежской области (профиль деятельности организации – Цифровое развитие, область профессиональной деятельности – Информационные технологии) включены элементарные базовые требования в области ИКТ. В объявлении о вакансии в Министерстве информационных технологий, связи и цифрового развития Челябинской области (профиль деятельности организации – Транспорт и связь, область профессиональной деятельности – Информационные технологии) также заявлены требования к квалификации, соответствующие базовому уровню.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие информационно-коммуникационных технологий и расширяющийся функционал органов публичной власти, реализуемый на их основе, повлекли включение в состав квалификационных требований к должностям государственной службы знаний и умений в области ИКТ. При этом содержание базовых знаний и умений сформулировано в 2017 г. Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, тогда как профессиональные требования органы власти разрабатывают самостоятельно с учетом категорий и групп должностей. Как показал проведенный анализ, в федеральных органах исполнительной власти в отношении содержания этих требований сложилось относительное единообразие подходов, что предопределено исполнением методического инструментария Минтруда РФ. В то же время выявлено, что профессиональные знания/навыки в сфере ИКТ, по сути, дублируют базовые требования, не отражают специфики применения ИКТ в отраслях народного хозяйства. Несмотря на то, что в наименованиях и в структуре правовых актов зафиксирован учет категорий и групп должностей, содержание профессиональных знаний и навыков в сфере ИКТ для разных групп и категорий идентично в пределах 80–100 %.

Таким образом, модель формирования квалификационных требований к знаниям и умениям в области ИКТ строится на следующих принципах:

- 1) деление требований на базовые и профессиональные;
- 2) деление требований по категориям и группам должностей;
- 3) выделение требований к должностям, обеспечивающим исполнение основного функционала органа власти, и к должностям, курирующим внедрение ИКТ либо обеспечивающим формирование, функционирование и администрирование географических информационных систем.

В субъектах РФ, в силу собственного правового регулирования организации института государственной гражданской службы и специфики модели управления институтом государственной службы, представлены различные подходы к формированию и структуризации профессиональных знаний и умений в сфере ИКТ, вплоть до выделения нескольких уровней требований (например, базового, расширенного и специального). Применительно к региональной власти также выделено дублирование базовых и профессиональных требований либо отсутствие четкого разграничения между ними.

Применяемый в настоящее время подход, по мнению авторов, не соответствует задачам цифровой экономики. Выдвигаемые к государственным служащим требования равнозначны по уровню владения персональным компьютером рядовым пользователем и включают в себя работу с пакетом программного обеспечения Microsoft Office, с социальными сетями и Интернетом. К ним в качестве отраслевой специфики добавляются лишь знания соответствующего законодательства и умения пользоваться государственными информационными системами и ресурсами. Все это происходит на фоне утвержденных в федеральных органах власти дорожных карт по цифровой трансформации государственного управления и создания команд цифровой трансформации. Тенденции цифровизации общественных отношений в России и в мире, анализ содержания национальной программы «Цифровая экономика», ее отдельных федеральных проектов, направлений развития государственной гражданской службы в России на 2019–2021 гг., утвержденных Указом Президента от 24 июня 2019 г. № 288, свидетельствуют о необходимости разработки дифференцированных по функциональным обязанностям и уровням должностей требований к цифровым компетенциям государственных служащих. Однако в квалификационных требованиях в настоящее время не применяется ни термин «цифровые компетенции», ни одна из девяти цифровых технологий, на основе которых реализуется государственная программа «Цифровая экономика».

Библиографический список

1. WebCanape. *Вся статистика Интернета и соцсетей на 2021 год — цифры и тренды в мире и в России*. <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-i-socsetej-na-2021-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii> (дата обращения: 01.08.2022).
2. Госуслуги. *2020 на Госуслугах: новые пользователи, выплаты и вывозные рейсы*. https://www.gosuslugi.ru/help/news/2020_12_30_results_of_the_year (дата обращения: 01.08.2022).
3. Президент Российской Федерации. *Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»*. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения: 01.08.2022).
4. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. *Федеральный проект «Цифровое государственное управление»*. <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/> (дата обращения: 01.08.2022).
5. Президент Российской Федерации. *Заседание президиума Государственного совета «О реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации» 17 июля 2008 г.* <http://www.kremlin.ru/events/president/news/820> (дата обращения: 01.08.2022).
6. Правительство Российской Федерации. *Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»*. <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (дата обращения: 01.08.2022).
7. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. *Квалификационные требования для замещения должностей государственной гражданской службы*. <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/gossluzhba/16/1> (дата обращения: 01.08.2022).
8. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. *Справочник квалификационных требований к специальностям, направлениям подготовки, знаниям и умениям, которые необходимы для замещения должностей государственной гражданской службы с учетом области и вида профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих*. https://mintrud.gov.ru/uploads/editor/1a/b2/Справочник_квалификационных_требований_к_специальностям,_направлениям_подготовки,_знаниям_и_умениям.pdf (дата обращения: 01.08.2022).
9. Васильева Е.В., Пуляева В.Н., Юдина В.А. Развитие цифровых компетенций государственных гражданских служащих в Российской Федерации. *Бизнес-информатика*. 2018;4(46):28–43.
10. Шклярчук М.С., Гаркуши Н.С. *Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управления*. М.: Изд-во РАНХиГС; 2020. 84 с.
11. Карапетян Н.С., Каунов Е.Н. Трансформация компетенций государственных служащих в условиях развития цифровых технологий. *Креативная экономика*. 2020;14(6):993–1010. <http://dx.doi.org/10.18334/ce.14.6.110503>
12. Иванова М.В. Ключевые компетенции государственных служащих в цифровом государстве. В сб.: Родионов Д.Г., Бабкин А.В. (ред.) *Устойчивое развитие цифровой экономики, промышленности и инновационных систем. Сборник трудов*

научно-практической конференции с зарубежным участием, Санкт-Петербург, 20–21 ноября 2020 г. СПб.: Политех-пресс; 2020. С. 214–216.

13. Фролова Н.Н., Правдина О.А., Рассказова А.А. Новый подход к навыкам государственных и муниципальных служащих в рамках цифровой трансформации. В сб.: Большаков С.Н. (ред.). *Цифровая трансформация государственного управления. Материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург – Пушкин, 25–27 сентября 2019 г.* СПб.: Изд-во ЛГУ имени А.С. Пушкина; 2020. С. 31–35.
14. Боровских Н.В., Кипервар Е.А. Цифровые компетенции административно-управленческого персонала: проблемы идентификации и перспективы формирования в условиях цифровизации экономики. *Креативная экономика*. 2019;13(10):1943–1956. <http://dx.doi.org/10.18334/ce.13.10.41193>
15. Хорошильцева Н.А. Модель цифровых компетенций. В сб.: Лагутина Е.Е., Плутова М.И. (отв. ред.) *Достойный труд – основа стабильного общества : Материалы X Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 24–27 октября 2018 г.* Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного экономического университета; 2018. С. 186–189.
16. Ташбаев А.М., Маликов А.А., Жакшылык К.Г. Цифровые навыки и компетенции для цифровой экономики: модели, структура и виды цифровых навыков. *Финансовая экономика*. 2020;2:430–435.
17. Шклярчук М.С., Гаркуша Н.С. *Модель компетенций. Команды цифровой трансформации в системе государственного управления*. <https://hr.cdto.ranepa.ru/model-kompetencij-komandy-cifrovoj-transformacii> (дата обращения: 01.08.2022).
18. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. *Рекомендации Минтруда России от 10.06.2020 о составе квалификационных требований компьютерной грамотности, необходимых для исполнения должностных обязанностей федеральными государственными гражданскими служащими*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354702/ (дата обращения: 01.08.2022).
19. Министерство финансов Российской Федерации. *Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 25.06.2012 № 88н «Об утверждении квалификационных требований к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей федеральными государственными гражданскими служащими Министерства финансов Российской Федерации»*. <http://base.garant.ru/70214124/f7ee959fd36b5699076b35abf4f52c5c/> (дата обращения: 01.08.2022).
20. Министерство экономического развития Российской Федерации. *Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 7.06.2013 № 314 «Об утверждении квалификационных требований к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей федеральными государственными гражданскими служащими центрального аппарата и заграничного аппарата Министерства экономического развития Российской Федерации» (документ утратил силу)*. <http://base.garant.ru/70422260/3e22e51c74db8e0b182fad67b502e640/> (дата обращения: 01.08.2022).
21. Глава Республики Карелия. *Распоряжение Главы Республики Карелии от 04.04.2018 г. № 181-р «Об утверждении Программы развития государственной гражданской службы Республики Карелия на 2018–2020 годы»*. <https://docs.cntd.ru/document/465417223> (дата обращения: 01.08.2022).
22. Правительство Камчатского края. *Распоряжение Правительства Камчатского края от 28.04.2012 г. № 166-п «Об утверждении перечня квалификационных требований к профессиональным знаниям и навыкам в области информационно-коммуникационных технологий с учетом категорий и групп должностей государственной гражданской службы в исполнительных органах государственной власти Камчатского края»*. <https://docs.cntd.ru/document/446224503> (дата обращения: 01.08.2022).
23. Министерство финансов Саратовской области. *Квалификационные требования*. <https://minfin.saratov.gov.ru/ministerstvo/kadrovое-obespechenie/kvalifikatsionnye-trebovaniya/> (дата обращения: 01.08.2022).

References

1. WebCanape. *All Internet and social media statistics for 2021 – numbers and trends in the world and in Russia*. <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-i-socsetej-na-2021-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii> (accessed 01.08.2022).
2. Gosulugi. *2020 on Gosuslugi: new users, payments and repatriation flights*. https://www.gosuslugi.ru/help/news/2020_12_30_results_of_the_year (accessed 01.08.2022).
3. President of the Russian Federation. *Decree of the President of the Russian Federation dated 21 July 2020 No. 474 “On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030”*. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (accessed 01.08.2022).
4. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. *Federal project “Digital public administration”*. <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/> (accessed 01.08.2022).
5. President of the Russian Federation. *Meeting of the Presidium of the State Council “On the implementation of the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation” 17 July 2008*. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/820> (accessed 01.08.2022).

6. The Government of the Russian Federation. *Passport of the national program "Digital Economy of the Russian Federation"*. <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (accessed 01.08.2022).
7. Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation. *Qualification requirements for admission to the positions of the civil service*. <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/gossluzhba/16/1> (accessed 01.08.2022).
8. Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation. *A reference book of qualification requirements for specialties, areas of training, knowledge and skills that are necessary to fill positions in the civil service, taking into account the area and type of professional service activity of civil servants*. https://mintrud.gov.ru/uploads/editor/1a/b2/Справочник_квалификационных_требований_к_специальностям,_направлениям_подготовки,_знаниям_и_умениям.pdf (accessed 01.08.2022).
9. Vasilyeva E.V., Pulyaeva V.N., Yudina V.A. Development of digital competencies of state civil servants in the Russian Federation. *Business Informatics*. 2018;4(46):28–43.
10. Shklyaruk M.S., Garkushi N.S. *The competence model of the digital transformation team in the public administration system*. Moscow: RANEPa Publ. house; 2020. (In Russian).
11. Karapetyan N.S., Kaunov E.N. Transformation of competencies of civil servants in the conditions of development of digital technologies. *Creative economy*. 2020;14(6):993–1010. <http://dx.doi.org/10.18334/ce.14.6.110503>
12. Ivanova M.V. Key competencies of civil servants in a digital state. In: Rodionov D.G., Babkin A.V. (eds.) *Sustainable development of digital economy, industry and innovative systems: Proceedings of a scientific and practical conference with foreign participation, St. Petersburg, 20–21 November 2020*. St. Petersburg: Polytech-press; 2020. P. 214–216.
13. Frolova N.N., Pravdina O.A., Rasskazova A.A. A new approach to the skills of state and municipal employees in the framework of digital transformation. In: Bolshakov S.N. (ed.) *Digital Transformation of Public Administration. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, 25–27 September 2019*. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University Publ. House; 2020. P. 31–35.
14. Borovskikh N.V., Kipervar E.A. Digital competencies of administrative and managerial personnel: problems of identification and prospects of formation in the conditions of digitalization of the economy. *Creative Economy*. 2019;13(10):1943–1956. <http://dx.doi.org/10.18334/ce.13.10.41193>
15. Khoroshiltseva N.A. Model of digital competencies. In: Lagutina E.E., Plutova M.I. (eds.) *Decent work is the foundation of a stable society : Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, October 24–27, 2018*. Yekaterinburg: Ural State University of Economics Publ. House; 2018. P. 186–189.
16. Tashbayev A.M., Malikov A.A., Zhakshylyk K.G. Digital skills and competencies for the digital economy: models, structure and types of digital skills. *Financial Economics*. 2020;2:430–435.
17. Shklyaruk M.S., Garkusha N.S. *Competency model. Digital transformation teams in the public administration system*. <https://hr.cdto.ranepa.ru/model-kompetencij-komandy-cifrovoj-transformacii> (accessed 01.08.2022).
18. Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation. *Recommendations of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated 10 June 2020 on the composition of the qualification requirements for computer literacy required for the performance of official duties by federal state civil servants*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354702/ (accessed 01.08.2022).
19. Ministry of Finance of the Russian Federation. *Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 25 June 2012 No. 88n "On approval of qualification requirements for professional knowledge and skills necessary for the performance of official duties by federal state civil servants of the Ministry of Finance of the Russian Federation"*. <http://base.garant.ru/70214124/f7ee959fd36b-5699076b35abf4f52c5c/> (accessed 01.08.2022).
20. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. *Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated 07 June 2013 No. 314 "On approval of qualification requirements for professional knowledge and skills necessary for the performance of official duties by federal state civil servants of the central apparatus and foreign apparatus of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation" (invalid document)*. <http://base.garant.ru/70422260/3e22e51c74db8e0b182fad67b502e640/> (accessed 01.08.2022).
21. Head of the Republic of Karelia. *Decree of the Head of the Republic of Karelia No. 181-r dated 04 April 2018 "On Approval of the Development Program of the State Civil Service of the Republic of Karelia for 2018–2020"*. <https://docs.cntd.ru/document/465417223> (accessed 01.08.2022).
22. Government of the Kamchatka Krai. *Order of the Government of the Kamchatka Krai dated 28 April 2012 No. 166-p "On approval of the list of qualification requirements for professional knowledge and skills in the field of information and communication technologies, taking into account the categories and groups of positions of the state civil service in the executive bodies of state power of the Kamchatka Krai"*. <https://docs.cntd.ru/document/446224503> (accessed 01.08.2022).
23. Ministry of Finance of the Saratov region. *Qualification requirements*. <https://minfin.saratov.gov.ru/ministerstvo/kadrovoe-obespechenie/kvalifikatsionnye-trebovaniya/> (accessed 01.08.2022).

Методический подход к оценке уровня организационной культуры университета

Котов Евгений Валериевич

Канд. экон. наук, доц. каф. теории управления и государственного администрирования
ORCID: 0000-0002-0926-3072, e-mail: kotovev@mail.ru

Рощина Юлия Олеговна

Ст. преп. каф. теории управления и государственного администрирования
ORCID: 0000-0001-8158-667X, e-mail: roschina.94@mail.ru

Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика

Аннотация

В статье предложен методический подход к количественной оценке уровня организационной культуры университета гуманитарного профиля. Приведены краткие результаты экспертного опроса научно-педагогических работников, на которых была апробирована предлагаемая методика оценки. Экспертами выступили не только сотрудники гуманитарных вузов, так и работники университетов естественно-научного и технического профиля, имеющие образование в сфере общественных наук. Целью исследования было выявление особенностей и закономерностей в формировании и реализации организационной культуры университета гуманитарного профиля. Предложенная методика оригинальная, позволяет оценивать уровень организационной культуры одновременно с трех позиций – прошлого, настоящего и будущего (желаемого) состояния. Уровень организационной культуры определяется на основании интегрального (обобщающего) показателя, который, в отличие от аналогов, разработанных другими исследователями, рассчитывается как среднегеометрическое интегральных индексов групп показателей, что позволяет определить медианное значение, которое является наиболее приближенным к среднему значению.

Ключевые слова

Организационная культура, методика, оценка, интегральный показатель, университет, гуманитарный профиль, экспертные оценки

Для цитирования: Котов Е.В., Рощина Ю.О. Методический подход к оценке уровня организационной культуры университета // Вестник университета. 2022. № 10. С. 31–40.

Methodological approach to evaluation the level of a university organizational culture

Evgeny V. Kotov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Theory of Management and Public Administration Department
ORCID: 0000-0002-0926-3072, e-mail: kotovev@mail.ru

Yulia O. Roschina

Senior Lecturer at the Theory of Management and Public Administration Department
ORCID: 0000-0001-8158-667X, e-mail: roschina.94@mail.ru

Donetsk Academy of Management and Public Service under the Head of Donetsk People's Republic,
Donetsk, Donetsk People's Republic

Abstract

The authors propose a methodological approach to quantitative assessing the level of organizational culture of a university of a humanitarian profile. This assessment methodology was tested on scientific and pedagogical workers who took part in an expert survey. The results of an expert interview are given in the article. Not only employees of humanitarian universities, but also employees of universities of a natural and technical profile, having education in the field of social (humanitarian) sciences acted as experts. The purpose of the study was to identify the features and patterns in the formation and implementation of the organizational culture of the university of humanitarian profile. The authors propose an original methodology, which allows assessing the level of organizational culture simultaneously from three positions – past, present and future (desired) state. The level of organizational culture is determined on the basis of an integral (generalizing) indicator, which, unlike analogues developed by other researchers, is calculated as the geometric mean of the integral indexes of groups of indicators, which makes it possible to determine the median value, which is the closest to the average value.

Keywords

Organizational culture, methodology, evaluation, integral indicator, university, public (humanitarian) profile, expert assessments

For citation: Kotov E.V., Roschina Yu.O. (2022) Methodological approach to evaluation the level of a university organizational culture. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 31–40.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях усложнения производственных отношений, когда для обеспечения производительности труда уже недостаточно контролировать только действия работника, актуализировалась проблема мониторинга других его операций, прямо или косвенно связанных с производственной деятельностью и влияющих на ее эффективность и результативность. Это привело к необходимости создания системы, способной справиться с комплексом такого рода задач и обеспечить надлежащий уровень регуляции поведения работников, которой и стала организационная культура (далее – оргкультура).

Поиск методических подходов к оценке организационной культуры актуализировался в последнее время. Такое пристальное внимание к этой теме обусловлено возрастающей потребностью в обеспечении высокой производительности труда работников при минимальных издержках на производство продукта (товара или услуги). Поэтому значительный научно-исследовательский потенциал направлен на поиск методов и способов измерения различных аспектов оргкультуры: ее количественных и качественных характеристик, сфер деятельности и уровней реализации, отдельных ее составляющих как в автономном их функционировании, так и во взаимосвязи с другими элементами.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Поскольку организационная культура является подсистемой общей системы управления персоналом на производстве, получившей на Западе название «менеджмент», то и первые научные исследования были проведены представителями зарубежных научных школ [1–4]. С распадом Советского Союза это направление стало активно исследоваться и на постсоветском пространстве [5; 6].

Организационная культура как механизм управления работниками и способ повышения их эффективности и результативности последние десятилетия исследуется очень интенсивно. Обновляются справочники [7], ставшие классическими в данном направлении исследований, предпринимаются попытки разработать универсальную формулу внедрения принципов оргкультуры [8]. Проводятся активные поиски эффективных методик оценки организационной культуры как целостной системы производственных отношений, реализуемой в различных отраслях, сферах и социально-экономических системах и на различных уровнях управления [9–15].

Все методики оценки можно условно разделить на три категории.

1. Оценка уровня организационной культуры (количественная характеристика). Оценивается ее вертикальная шкала через интегральный показатель (далее – ИП). ИП характеризует высокий, средний или низкий уровень развития оргкультуры. Рассчитывается как среднее значение или устанавливается диапазон баллов для каждого уровня.

2. Оценка качества оргкультуры. Ей подвергается степень удовлетворенности оргкультурой работниками, представляющими как управляющий, так и управляемый состав.

3. Смешанный подход. Симбиоз количественной и качественной оценок. Распространенная модель, при которой оценивается уровень оргкультуры, характеризующий ее состояние и ее качество, представляющее собой оценку предпочтений работников (экспертов) по изменению функционирующей оргкультуры.

Однако при всем разнообразии, исследования, направленные на оценку особенностей формирования и реализации организационной культуры университета с акцентом на его общественный (гуманитарный) профиль, отсутствуют. В этой работе предпринята попытка восполнить имеющийся пробел в системе научных знаний. Еще одной особенностью представленного исследования является то, что проводилось оно в частично признанном государстве, что дало возможность выделить отдельные специфические черты оргкультуры, функционирующей в условиях ограниченных возможностей. Определенные наработки по этой проблематике были раскрыты авторами в своих ранних работах [16; 17]. В статье предлагается методика оценки уровня организационной культуры, имеющая простой алгоритм расчета и позволяющая быстро и качественно провести анализ оргкультуры организации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Разработанная методика оценки уровня организационной культуры вуза имеет стандартную для диагностических инструментов форму – это анкета (опросный лист), который заполняется экспертом. Помимо закрытых вопросов (вопросы с определенными альтернативами), в анкету (опросный лист) включены

открытые вопросы, в которых эксперт отражает данные собственных наблюдений и дает комментарии. Для оценки уровня оргкультуры используется комплексная таблица, разбитая на четыре блока. Остальные вопросы в анкете носят информационный и контрольный характер.

В предлагаемой методике оценка производится по четырем ключевым измерениям организационной культуры.

1. Управление – принятие эффективных управленческих решений и вовлеченность сотрудников в этот процесс, понимание стратегии развития организации, функционирование механизма профессиональной оценки деятельности сотрудников организации.

2. Профессиональная деятельность – материально-техническое обеспечение профессиональной деятельности, возможность исследовать интересующие проблемы, обеспечение оптимальной трудовой нагрузки, уровень трудовой дисциплины.

3. Коммуникации – уровень и качество горизонтального взаимодействия и вертикальных связей, уважение к сотрудникам и проведение качественной оценки их профессиональной деятельности.

4. Мотивация – поощрение научно-педагогического состава со стороны руководства к активности и инициативности в решении профессиональных задач.

Исследование проводилось на базе Донецкой академии управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики (далее – ДонАУнГС), отдельных структурных подразделений Донецкого национального технического университета (далее – ДонНТУ) и Донецкого национального медицинского университета имени М. Горького (далее – ДонНМУ имени М. Горького), предоставляющих образовательные услуги в сфере гуманитарных и общественных наук.

Интегральный индекс группы определяется как сумма полученных баллов, взвешенных на долю экспертов, их выставивших. Наибольшее количество баллов – 115, наименьшее – 23. Доля экспертов определяется как удельный вес экспертов, выставивших определенный балл. Диапазоны значений интегрального индекса группы представлены в таблице 1.

Таблица 1

Диапазоны значений интегрального индекса группы

Уровень	7-факторная группа	6-факторная группа	4-факторная группа
Очень высокий	1,95–2,04	1,88–1,97	1,73–1,82
Высокий	1,65–1,94	1,68–1,87	1,53–1,72
Средний	0,85–1,64	0,76–1,67	0,63–1,52
Низкий, имеющий тенденцию к деградации	менее 0,85	менее 0,76	менее 0,63

Составлено авторами по материалам исследования

Интегральный индекс группы (далее – ИИ_{гр.}) рассчитывается как среднее геометрическое по формуле:

$$\text{ИИ}_{\text{гр.}} = \sqrt[n]{\sum_{i=1}^m \Pi_i \Delta_i}, \quad (1)$$

где Π_i – значение оценки, выставленной экспертом (от 1 до 5); Δ_i – весовой коэффициент, равный доле экспертов, выставивших определенные баллы показателям группы; m – количество делений шкалы оценки (от 1 до 5); n – количество оцениваемых показателей в группе.

Интегральный индекс уровня организационной культуры (далее – ИИ_{ок.}) рассчитывается как среднее геометрическое суммы интегральных индексов групп показателей с учетом их значимости в формировании и реализации оргкультуры:

$$\text{ИИ}_{\text{ок}} = \sqrt[k]{\sum_{k=1}^4 \text{ИИ}_{\text{гр.}} \cdot B_{\text{гр.}}}, \quad (2)$$

где k – количество групп показателей (от 1 до 4); $B_{\text{гр.}}$ – весовой коэффициент группы показателей (определяется экспертным путем).

Весовой коэффициент группы показателей демонстрирует ее значимость в формировании и развитии организационной культуры по мнению экспертов. Эксперты выставили следующие весовые коэффициенты: управление – 0,3; профессиональная деятельность – 0,25; коммуникации – 0,2; мотивация – 0,25.

Значения интегрального индекса свидетельствуют о следующем уровне организационной культуры вуза: 1,168–1,182 – очень высокий; 1,131–1,167 – высокий; 0,932–1,130 – средний; ниже 0,932 – низкий, имеющий тенденцию к деградации.

Преимущества предложенной авторской методики.

1. Существующие методики оценивают укороченную динамику: или только текущее состояние, или текущее и желаемое (будущее). Методики по оценке в динамичной совокупности – от прошлого через текущее (настоящее) к будущему состоянию организационной культуры – не развиты. Предложенная авторская методика этот пробел восполняет и позволяет оценивать оргкультуру в сочетании трех позиций – прошлого, настоящего и будущего (желаемого) состояния.

2. Предлагаемая методика оценивает интегральный уровень оргкультуры на основании взвешенных показателей. Взвешивание (нормирование) производится как по параметру доли экспертов, выставивших определенную оценку, так и по параметру важности группы показателей, определяемой экспертным методом.

3. Интегральный показатель уровня организационной культуры определяется как среднегеометрическое интегральных индексов групп показателей, что позволяет определить медианное значение, которое, в отличие от среднearифметического значения, является максимально приближенным к среднему значению.

4. При расчете уровня организационной культуры мнение тех, кто воздержался от ответа, не учитывается. Это позволяет получить более точные результаты оценки уровня и динамики организационной культуры в вузе.

5. Методика позволяет за короткий срок и без сложных вычислений провести анализ уровня оргкультуры и получить объективную картину ценностей и установок сотрудников, а при определенном совершенствовании – сделать это на всех уровнях управления организацией.

Оценки экспертов скорректированы с учетом исключенных ответов тех, кто не работал в указанных высших учебных заведениях до 2014 г. (начало военно-политического конфликта на Украине), или тех, кто не ответил (затруднился ответить).

Как показывают данные таблицы 2, общий и почти все групповые интегральные индексы организационной культуры вуза гуманитарного профиля (ДонАУиГС) имеют высокий уровень. Исключение – индексы групп показателей «Мотивация» (средний уровень) и «Управление» (очень высокий уровень). Необходимо отметить, что уровень организационной культуры по группе показателей «Мотивация» самый низкий не только среди других групп показателей оргкультуры ДонАУиГС, но и среди соответствующей группы в образовательных организациях другого профиля. Также обращают на себя внимание ожидания экспертами существенного роста качества управленческих решений в ДонАУиГС – интегральному индексу группы «Управление» экспертами было выставлено самое большее значение. Эта же зависимость прослеживается и в других учебных заведениях, по которым проводилось исследование.

Таблица 2

**Значения интегральных индексов групп показателей вуза гуманитарного профиля
(Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики)**

Показатели	Прошлое (как было), баллы					Настоящее (как есть), баллы					Будущее (как должно быть), баллы				
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
Управление															
Взвешенные оценки экс- пертов	0,12	1,38	6,96	9,28	7,75	0,1	0,78	4,71	12,96	8,5	0	0,12	2,43	8,36	20,2
Интегральный индекс группы	1,91					1,93					1,99				
Уровень организационной культуры группы	высокий					высокий					очень высокий				
Профессиональная деятельность															

Окончание табл. 2

Показатели	Прошрое (как было), баллы					Настоящее (как есть), баллы					Будущее (как должно быть), баллы				
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
Взвешенные оценки экспертов	0,14	1,36	3,07	4,48	4,94	0	0,98	2,71	5,31	5,23	0	0,06	1,08	3,26	12,46
Интегральный индекс группы	1,69					1,7					1,76				
Уровень организационной культуры группы	высокий					высокий					высокий				
Коммуникации															
Взвешенные оценки экспертов	0	1,3	3,46	4,95	4,39	0,09	0,5	2,81	6,72	4,55	0,12	0,12	0,86	5,02	10,04
Интегральный индекс группы	1,7					1,71					1,74				
Уровень организационной культуры группы	высокий					высокий					высокий				
Мотивация															
Взвешенные оценки экспертов	0	0,76	1,75	2,16	1,92	0,04	0,3	1,44	3,02	1,89	0	0	0,58	1,67	5,24
Интегральный индекс группы	1,46					1,46					1,5				
Уровень организационной культуры группы	средний					средний					средний				
Интегральный индекс уровня организационной культуры	1,14					1,14					1,15				
Уровень организационной культуры	высокий					высокий					высокий				

Составлено авторами по материалам исследования

Распределение оценок экспертов, имеющих гуманитарное образование, но представляющих университет естественно-научного профиля (ДонНМУ имени М. Горького), свидетельствует о массовом желании не только сохранить достигнутые результаты оргкультуры, но существенно их усилить. Подавляющее количество экспертов при оценке будущего (желаемого) состояния выставили 4 и 5 баллов. Причина такого единения мнений лежит в плоскости опасений, что ситуация может измениться (табл. 3).

Таблица 3

**Значения интегральных индексов групп показателей вуза естественно-научного профиля
(Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького)**

Показатели	Прошлое (как было), баллы					Настоящее (как есть), баллы					Будущее (как должно быть), баллы				
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
Управление															
Взвешенные оценки экспертов	0,35	1,7	3,99	7,2	13,35	0,35	0	2,49	5,84	21,8	0,25	0	2,01	5,16	23,95
Интегральный индекс группы	1,93					1,98					1,99				
Уровень организационной культуры группы	высокий					очень высокий					очень высокий				
Профессиональная деятельность															
Взвешенные оценки экспертов	0	1,08	1,59	6,72	16,25	0	0,68	1,8	7,28	16,2	0	0,48	0,48	5,6	20,95
Интегральный индекс группы	1,91					1,92					1,94				
Уровень организационной культуры группы	очень высокий					очень высокий					очень высокий				

Показатели	Прошлое (как было), баллы					Настоящее (как есть), баллы					Будущее (как должно быть), баллы				
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
Коммуникации															
Взвешенные оценки экспертов	0	1	4,47	8,4	9,55	0	0,26	2,88	7,6	15,05	0	0	0	8,96	18,8
Интегральный индекс группы	1,88					1,92					1,94				
Уровень организационной культуры группы	очень высокий					очень высокий					очень высокий				
Мотивация															
Взвешенные оценки экспертов	0	0,34	2,07	4,12	10,55	0	0	1,17	5,16	11,6	0	0	0,48	3,64	14,65
Интегральный индекс группы	1,76					1,78					1,80				
Уровень организационной культуры группы	очень высокий					очень высокий					очень высокий				
Интегральный индекс уровня организационной культуры	1,17					1,17					1,18				
Уровень организационной культуры	очень высокий					очень высокий					очень высокий				

Составлено авторами по материалам исследований

Поскольку эти эксперты представляют немногочисленную группу специалистов гуманитарного образования, работающих в организации естественно-научного профиля, уровень их консолидации (объединения) достаточно высокий (аналогом может служить проживание национальных диаспор в других государствах в качестве национально-культурного меньшинства, землячества), что позволяет им быть удовлетворенными своим положением (это подтверждается их оценками настоящего). Однако чувство тревоги, вследствие тех же самых причин, у них выше, чем у коллег, работающих в вузах гуманитарного профиля, что и находит свое выражение в самых высоких оценках будущего (желаемого) состояния.

Расчет общего и групповых интегральных индексов уровня организационной культуры учебного заведения естественно-научного профиля подтверждает, что содержательно и функционально созданная в образовательной организации система оргкультуры и механизмы по ее реализации наиболее эффективные среди рассмотренных учебных заведений. Главное отличие этого типа вуза заключается в теснейшей взаимосвязи практики и теории, когда получение знаний и навыков и их применение происходят не последовательно, как в других организациях, а параллельно (одновременно), систематически дополняя и корректируя друг друга. Именно эта специфическая особенность и позволяет создавать наиболее эффективное и результативное профессиональное взаимодействие, что и обуславливает высокий уровень организационной культуры.

Оценки экспертов, имеющих гуманитарное образование, но представляющих университет технического профиля (ДонНТУ), подтверждают вышеприведенное утверждение, что консолидация (объединение) одной группы выше в инородной среде (табл. 4). Оценки более размыты, поскольку доля работников с гуманитарным образованием в организации высшего образования технического профиля на порядок больше, чем в вузе естественно-научного профиля, но в целом, они демонстрируют похожую тенденцию – массовое желание не просто сохранить достигнутые результаты оргкультуры, а существенно их развить.

Стоит обратить внимание на то, что при оценке настоящего состояния оргкультуры эксперты технического университета чаще используют вариант «3 балла», что свидетельствует о наличии определенного уровня неудовлетворенности существующей системой организационной культуры. Однако при наличии более высокого уровня неудовлетворенности, оценки желаемого состояния оргкультуры ниже, чем у экспертов из образовательной организации естественно-научного профиля. Одной из причин такого состояния может быть зависимость желания улучшить состояние от количества работников, имеющих гуманитарное образование, но работающих в образовательных организациях иного профиля.

**Значения интегральных индексов групп показателей вуза технического профиля
(Донецкий национальный технический университет)**

Показатели	Прошлое (как было), баллы					Настоящее (как есть), баллы					Будущее (как должно быть), баллы				
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
Управление															
Взвешенные оценки экспертов	0,45	2,06	5,31	9,6	6,75	0,98	1,02	8,67	6,52	4,95	0,14	0,28	1,89	7,4	21,2
Интегральный индекс группы	1,89					1,86					1,99				
Уровень организационной культуры группы	высокий					высокий					очень высокий				
Профессиональная деятельность															
Взвешенные оценки экспертов	0,32	0,32	5,52	5,92	11	0,93	0,74	6,03	3,32	9,3	0,14	0,42	1,26	3,68	21,55
Интегральный индекс группы	1,87					1,83					1,93				
Уровень организационной культуры группы	высокий					высокий					очень высокий				
Коммуникации															
Взвешенные оценки экспертов	0,87	1,16	4,92	8,8	3,55	1,14	2,26	4,53	5,76	3,9	0,21	0,28	0,42	6,56	19,35
Интегральный индекс группы	1,81					1,77					1,93				
Уровень организационной культуры группы	высокий					высокий					очень высокий				
Мотивация															
Взвешенные оценки экспертов	0,38	0,74	3,27	4,04	5,75	0,64	0,98	2,82	4,56	3,95	0	0	0,84	3,4	14,35
Интегральный индекс группы	1,7					1,67					1,79				
Уровень организационной культуры группы	высокий					высокий					высокий				
Интегральный индекс уровня организационной культуры	1,16					1,16					1,18				
Уровень организационной культуры	высокий					высокий					очень высокий				

Составлено авторами по материалам исследований

Исследование показало, что оценка будущего состояния была ниже там, где группа работников с гуманитарным образованием была больше, а связь между получением теоретических знаний и их апробацией на практике была слабее. В результате продемонстрирован нисходящий тренд: ДонАУТГС к ДонНТУ, а затем к ДонНМУ имени М. Горького.

Общий и групповые индексы организационной культуры, рассчитанные на основании оценок экспертов, имеющих гуманитарное образование, но представляющих вуз технического профиля (ДонНТУ), показали, что прошлое и настоящее организационной культуры оценивается высоко, а ожидания (желаемое состояние) так же как и в образовательной организации естественно-научного профиля оцениваются очень высоко. Именно будущему состоянию организационной культуры значительная часть экспертов выставила наибольший балл (5 баллов), что и обусловило высокое значение интегрального индекса группы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Эксперты в своих оценках не могут разделить прошлое и настоящее состояния организационной культуры. Производя оценку показателя в настоящем, они автоматически проецируют свою оценку на данный показатель и в прошлом. Вследствие этого во всех исследуемых организациях интегральный индекс организационной культуры в прошлом и настоящем имеет одинаковое значение. Но при оценке будущего (желаемого) состояния такой связи не наблюдается. Можно заключить, что в связке «прошлое-настоящее» доминирует текущая оценка состояния, тем самым формируя оценку прошлого, а в связке «настоящее-будущее» доминирует будущее, о чем свидетельствует интегральный индекс, показатель которого больше, чем показатель настоящего.

2. Исследование показало высокий уровень зависимости ожиданий от размера группы работников с гуманитарным образованием в университете и тесноты связи между получением теоретических знаний и их применением на практике.

3. Группа показателей «Мотивация» продемонстрировала самое низкое значение среди других групп показателей оргкультуры. Эта особенность наблюдается по всем трем типам исследуемых вузов.

4. Самое высокое значение интегрального индекса группы при оценке экспертами желаемого (будущего) состояния оргкультуры получила группа показателей «Управление» во всех образовательных учреждениях. Это подтверждает, что несмотря на общий достаточно высокий уровень организационной культуры, потребность в существенном росте качества управленческих решений крайне высока независимо от профиля вуза.

5. В результате оценки общего уровня организационной культуры и по ее группам была выявлена высокая важность для работников организаций высшего образования состояния организационной культуры в будущем. Именно из-за наличия потенциальной возможности получить в будущем более высокий уровень оргкультуры, в том числе обусловленный повышением мотивации, они продолжают работать в организации, даже несмотря на невысокие оценки текущего состояния организационной культуры.

Библиографический список

1. Barnard C. *Organization and Management. Selected Papers*. Cambridge: Harvard University Press; 1948. 256 p.
2. Blake R., Mouton J. *The Managerial Grid III: The Key to Leadership Excellence*. Houston: Gulf Publishing; 1985. 244 p.
3. Denison D.R. What IS the Difference Between Organizational Culture & Organizational Climate? A Native's Point of View on a Decade of Paradigm Wars. *Academy of Management Review*. 1996;21(3):619–654.
4. Schein E.H. Organizational Culture. *American Psychologist*. 1990;45(1):109–119. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.45.2.109>
5. Рудницкий В.В. Культура общественной организации и экономические отношения. Л.: Изд-во ЛГУ; 1991. 149 с.
6. Могутнова Н.Н. Первые шаги. Корпоративная культура: понятия, подходы. *Социологические исследования*. 2005;4:130–135.
7. Ashkanasy N.M., Wilderom C.P.M., Peterson M.F. *The handbook of organizational culture and climate*, 2nd ed., Thousand Oaks: SAGE Publications; 2010. 665 p. <https://dx.doi.org/10.4135/9781483307961>
8. Фей К.Ф., Дэнисон Д.Д. *Организационная культура и эффективность: можно ли применить американскую теорию в России?* Стокгольм: Стокгольмская Школа Экономики в России, препринт 98-101R; 2003. 51 с.
9. Широнова Е.М. Практические аспекты оценки организационной культуры. *Вестник университета*. 2020;9:21–26. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-9-21-26>.
10. James Heskett *Win from Within: Build Organizational Culture for Competitive Advantage*. New York City: Columbia Business School Publishing; 2022. 264 p.
11. Teemu R. and Oedewald P. *The assessment of organisational culture. A methodological study*. Espoo: VTT Tiedotteita n Research Notes; 2002. 39 p.
12. Saleh Hamed Alharbi, Selma Sidahmed Abdelrahim. Organizational Culture Assessment using the Competing Values Framework (CVF) in Public Universities in Saudi Arabia: A Case Study of Tabuk University. *International Journal of Business and Management*. 2018;VI(2):1–16. <https://doi.org/10.20472/BM.2018.6.2.001>
13. Choi Y., Seo M., Scott D., and Martin J.J. Validation of the organizational culture assessment instrument: An application of the Korean version. *Journal of Sport Management*. 2010;24(2):169–189.
14. Arshad Zaheer, Kashif ur Rehman, and Abrar Ahmad. Organizational Culture Assessment of Small & Medium Sized Enterprises. *The Lahore Journal of Economics*. 2006;11(2):155–167.
15. Academy to innovate HR. *How to Measure Company Culture: A Quick Guide*. <https://www.aihr.com/blog/how-to-measure-company-culture/> (accessed 25.08.2022).
16. Котов Е.В. Организационная культура высшей школы в условиях политико-экономической неопределенности. *Менеджер*. 2020;2(92):196–202.
17. Рощина Ю.О. Организационная культура университета: индикаторы и методика оценки. *Менеджер*. 2021;1(95):221–234.

References

1. Barnard C. *Organization and Management. Selected Papers*. Cambridge: Harvard University Press; 1948. 256 p.
2. Blake R., Mouton J. *The Managerial Grid III: The Key to Leadership Excellence*. Houston: Gulf Publishing; 1985. 244 p.
3. Denison D.R. What IS the Difference Between Organizational Culture & Organizational Climate? A Native's Point of View on a Decade of Paradigm Wars. *Academy of Management Review*. 1996;21(3):619–654.

4. Schein E.H. Organizational Culture. *American Psychologist*. 1990;45(1):109–119. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.45.2.109>
5. Rudnitsky V.V. *Culture of social organization and economic relations*. Leningrad: Leningrad State University Publ. House; 1991. 149 p.
6. Mogutnova N.N. First steps. Corporate culture: concepts, approaches. *Sociological research*. 2005;4:130–135.
7. Ashkanasy N.M., Wilderom C.P.M., Peterson M.F. *The handbook of organizational culture and climate*, 2nd ed., Thousand Oaks: SAGE Publications; 2010. 665 p. <https://dx.doi.org/10.4135/9781483307961>
8. Fay K.F., Denison D.D. Organizational culture and efficiency: can American theory be applied in Russia? Stockholm: Stockholm School of Economics in Russia, preprint 98-101R; 2003. 51 p.
9. Shironina E.M. Practical aspects of organizational culture assessment. *Bulletin of the University*. 2020;9:21–26. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-9-21-26>.
10. James Heskett *Win from Within: Build Organizational Culture for Competitive Advantage*. New York City: Columbia Business School Publishing; 2022. 264 p.
11. Teemu R. and Oedewald P. *The assessment of organisational culture. A methodological study*. Espoo: VTT Tiedotteita ñ Research Notes; 2002. 39 p.
12. Saleh Hamed Alharbi, Selma Sidahmed Abdelrahim. Organizational Culture Assessment using the Competing Values Framework (CVF) in Public Universities in Saudi Arabia: A Case Study of Tabuk University. *International Journal of Business and Management*. 2018;VI(2):1–16. <https://doi.org/10.20472/BM.2018.6.2.001>
13. Choi Y., Seo M., Scott D., and Martin J.J. Validation of the organizational culture assessment instrument: An application of the Korean version. *Journal of Sport Management*. 2010;24(2):169–189.
14. Arshad Zaheer, Kashif ur Rehman, and Abrar Ahmad. Organizational Culture Assessment of Small & MediumSized Enterprises. *The Labore Journal of Economics*. 2006;11(2):155–167.
15. Academy to innovate HR. *How to Measure Company Culture: A Quick Guide*. <https://www.aihr.com/blog/how-to-measure-company-culture/> (accessed 25.08.2022).
16. Kotov E.V. Organizational culture of higher education in conditions of political and economic uncertainty. *Manager*. 2020;2(92):196–202.
17. Roshchina Yu.O. Organizational Culture of the University: Indicators and Methods of Evaluation. *Manager*. 2021;1(95):221–234.

Корпоративная социальная ответственность: к вопросу об источниках

Лебедева Надежда Юрьевна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики и управления промышленным производством

ORCID: 0000-0002-3113-3274, e-mail: pgpr@mail.ru

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Россия

Аннотация

В статье обосновывается необходимость единого подхода к исследованию таких экономических явлений, как корпоративная социальная ответственность, этика бизнеса, корпоративная культура и устойчивое развитие. Предлагается попытка соответствующего развития идеи А.Б. Кэрролла о поэтапном повышении уровня социальной ответственности бизнеса по мере его становления на основе принципа возобновляемости экономических и неэкономических благ. Показан объективный характер участия бизнеса в производстве не только экономических, но и неэкономических благ. Отмечаются риски преждевременного взятия бизнесом на себя сверхнормативных обязательств. Объясняется необходимость экзистенциального выбора менеджмента предприятия в отношении взятия на себя ответственности за последствия своей деятельности как условия реализации концепции корпоративной социальной ответственности. Осуществление этого выбора происходит на определенном уровне развития участвующих в бизнесе индивидуумов.

Ключевые слова

Корпоративная социальная ответственность, этика бизнеса, корпоративная культура, устойчивое развитие, социально ответственный бизнес, гуманистическая экономика, социальная экономика

Для цитирования: Лебедева Н.Ю. Корпоративная социальная ответственность: к вопросу об источниках // Вестник университета. 2022. № 10. С. 41–48.

Corporate social responsibility: to the issue of origins

Nadezhda Yu. Lebedeva

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics and Industrial Management Department
ORCID: 0000-0002-3113-3274, e-mail: pgpr@mail.ru

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Abstract

The article substantiates the need for a unified approach to the study of such economic phenomena as corporate social responsibility, business ethics, corporate culture and sustainable development. The author proposes to develop A. Carroll's ideas on the gradual increase in the level of social responsibility of business as it develops on the basis of the renewability principle of economic and non-economic benefits. The objective nature of business participation in the production of not only economic, but also non-economic resources is substantiated. Risks for businesses of prematurely taking on excess obligations are noted. The article explains the need for an existential choice of the enterprise management to take responsibility for the consequences of its activities as a condition for implementing the concept of corporate social responsibility. The implementation of this choice occurs at a certain level of development of the individuals involved in the business.

Keywords

Corporate social responsibility, business ethics, corporate culture, sustainable development, socially responsible business, humanistic economics, social economy

For citation: Lebedeva N.Yu. (2022) Corporate social responsibility: to the issue of origins. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 41–48.

ВВЕДЕНИЕ

Любая человеческая деятельность осуществляется в обществе в соответствии с нравственными нормами, которые обеспечивают возможность одновременной совместной и независимой друг от друга жизнедеятельности людей и сообществ и, соответственно, условий для их развития. Что не может не отвечать потребностям и интересам человека, как основного объекта изучения экономической науки и хозяйственной практики, поскольку в конечном итоге вся она направлена на повышение качества жизни людей.

Согласно принятому определению, качество жизни людей есть совокупная характеристика уровня и условий жизни человека и общества. Под уровнем жизни при этом понимается степень развития и удовлетворения материальных и идеальных потребностей человека. При этом человек как приспосабливается, так и целенаправленно корректирует условия своей жизни. Экономическая деятельность предполагает изменение условий жизни в сторону их улучшения, основная же форма ее осуществления в современных условиях это корпорация. Корпоративная социальная ответственность понимается как продвижение практик ответственного бизнеса, которые приносят пользу предприятию и обществу и способствуют социальному, экономическому и экологическому устойчивому развитию.

© Lebedeva N.Yu., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Для обозначения явления и последствий целенаправленного изменения условий существования человеком используется понятие «культура» (от лат. cultura – возделывание, позднее воспитание, образование, развитие, почитание). В отличие от Древнего Рима, в Древней Греции использовалось понятие «пандейя», близкое к понятию «внутренней культуры», или, иначе говоря, «культуры души», родственное современному понятию «образование».

По мнению автора, и древнегреческий, и латинский термины, и понятие «просвещение» в русском языке предполагают наличие разумного, надбиологического источника культуры («свет» знания противопоставляется «тьме» невежества). Таким образом, культурный или, иными словами, цивилизованный человек – это тот, кто обучился (то есть приобрел знания от предшественников), имеет мотивацию (то есть обладает развитой структурой ценностей) к участию в направленной на повышение качества жизни людей деятельности.

С учетом приобретаемого, а не биологического характера культурного развития, в настоящем всегда есть более развитые и менее развитые индивидуумы и, соответственно, организуемые ими сообщества, к которым относятся и экономические корпорации. Социально ответственный бизнес не мыслит себя отдельно от контекста развития общества [1].

Возникновение концепции социальной ответственности (далее – КСО) относят к середине XX столетия. Однако целый ряд исследователей отмечает, что сами идеи служения бизнесу обществу имеют гораздо более раннее происхождение [2]. Поэтому целесообразно (чтобы обосновать КСО не только с позиции нравственности, но и именно экономической науки) рассмотреть данную проблему с фундаментальной основы. Ученые, в том числе Ю.Е. Благов, отмечают взаимосвязь исследовательских вопросов: что именно следует понимать под КСО и каковы ее источники [3]. В работе рассмотрен второй вопрос (об источниках), ответ на него даст основу для понимания первого.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Любое коммерческое предприятие по своему назначению является социально ответственным, поскольку предполагает производство и реализацию неких благ для общества на возмездной основе. Такое утверждение детально обосновывается в работах социальной экономической школы (Ж.Ш.А. де Сисмонди, Дж. Хобсон), изучающей принципы, на которых производство товаров и услуг может быть осуществлено таким образом, чтобы человеческое благосостояние в самом широком его смысле (с учетом как материальных, так и духовных потребностей) было максимальным. М.А. Лутц отмечает, что социальная экономика отвечает на два вопроса: что есть общее благо и какое место занимает социальное измерение в экономическом анализе и мышлении [4]. Исследователи доказывают связь производства материальных и нематериальных благ.

Отличие коммерческих организаций от некоммерческих, общественная ценность которых и участие в производстве нематериальных благ не подвергается сомнению, заключается только в способе получения вознаграждения. Так называемые бюджетные организации получают вознаграждение из бюджетов соответствующих уровней, сами же бюджеты создаются посредством складчины (скорее принудительной, чем добровольной) – отчислений, взносов и налогов. Подробно об особенностях рыночной и складочной экономики, а также о дополнении, а не противопоставлении рыночных и нерыночных институтов в процессе организации хозяйственной деятельности в рамках интегрально-институциональной парадигмы пишет О.Э. Бессонова [5; 6].

Аналогично отдельному бизнесу экономически неэффективное государство может существовать только эксплуатируя экономические системы других стран или за счет «проедания» ресурсов, созданных предшествующими поколениями. Именно вопрос источника экономического благополучия государства решал А. Смит в известном, сделавшем его классиком труде «Причины богатства народов». Конкуренция на рынке, принуждающая собственника бизнеса организовывать его более результативно, определяет богатство государства. При этом он утверждал объективный характер обогащения нравственных чувств в человеке по мере его развития как индивидуума. То есть идеи того, что, помимо экономической результативности бизнеса, требования этического и юридического его соответствия обществу закономерны, в работе классика также присутствовали.

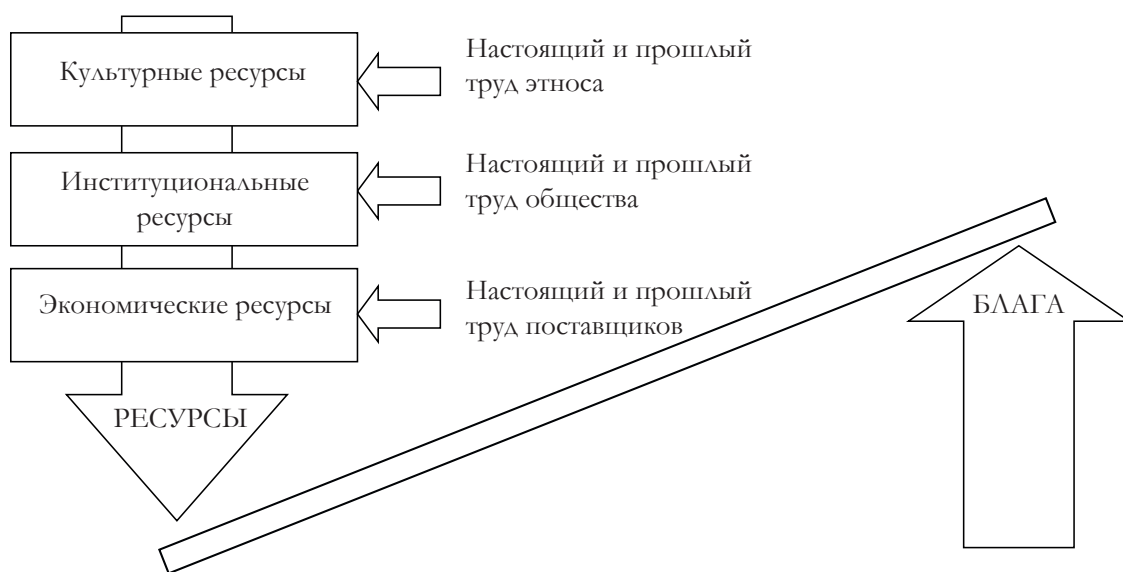
Ряд современных ученых обращается за подтверждением нормативных научных положений относительно ведения бизнеса как к философской, так и религиозной литературе. Например, доктор экономических наук Е.Е. Румянцева приводит цитаты из Евангелия [7]. М.Е. Уланов исследует влияние этики буддизма на успешность бизнеса [8]. И.Г. Минервин обращается к конфуцианской этике, когда рассматривает достижения китайских корпораций [9]. То есть общие основания устанавливаемых законодательно и предъявляемых обществом к бизнесу норм лежат в области общечеловеческих ценностей.

Автор одного из наиболее известных определений КСО А.Б. Кэрролл обосновывает взаимодополняющий характер концепций социальной ответственности и этики бизнеса. Кроме того, он указывает на взаимосвязь этих концепций с концепциями стейкхолдерского менеджмента (англ. stakeholder management), корпоративной гражданственности (англ. corporate citizenship) и устойчивости (англ. sustainability) [10].

Исходя из этого, можно выдвинуть гипотезу, что есть некие общие фундаментальные закономерности этического ведения экономической деятельности, обеспечивающие развитие бизнеса и общества, проявления которых привели к возникновению ряда взаимосвязанных концепций.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ученые расходятся во мнениях, какой бизнес считать социально ответственным, однако исходя из признаваемой большинством исследователей логики постепенного увеличения уровня социальной ответственности от экономического уровня до филантропического и их содержательного направления [11], можно предложить следующую концепцию, объясняющую сложность достижения полноты реализации социальной ответственности любым предприятием (рис. 1).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Ресурсы, используемые и учитываемые при определении результатов деятельности социально ответственного бизнеса

Поскольку любой бизнес является открытой системой, как привлекающей ресурсы (материальные, институциональные и культурные) извне, так и производящей их вовне, то всегда есть некая результативность: либо положительная, то есть производится (в том числе накапливается) ресурсов больше, чем потребляется, либо отрицательная. Поскольку первым принципом КСО является «воспроизводимость ресурсов, благ, условий жизни, необходимых для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, сохранение и накопление капитала общества (природного, экономического, человеческого, социального)» [12].

На рисунке 1 представлена основная идея рачительного осуществления хозяйственной деятельности. Это производство блага большего, чем потреблено, – соотношение произведенного блага к потребляемому – и есть уровень реальной продуктивности предприятия как участника общественного разделения труда.

При этом четыре выделяемых уровня социальной ответственности (экономический, юридический, этический и филантропический) соответствуют более глубокому раскрытию первого – экономическо-го, учитывающего соотношение производимых благ и потребляемых ресурсов. На следующих уровнях осуществляется более полный учет используемых предприятием ресурсов.

Достижение первого уровня социальной ответственности означает выход коммерческого предприятия на безубыточную работу. Чем больше объем и качество поставляемой на рынок продукции, работ и услуг, тем больше получаемое вознаграждение предприятия и, с учетом стоимости приобретенных от поставщиков ресурсов, прибыль. Таким образом, прибыльная работа – показатель результативного осуществления главного назначения предприятия.

В то же время, как уже было показано, предприятие использует для производства своей продукции, работ и услуг не только экономические ресурсы, приобретаемые с рынка, но и так называемые общественные блага. За эти блага оно расплачивается налогами, кроме того, его обязывают сохранять общественные ресурсы, которые оно затрачивает в процессе осуществления своей хозяйственной деятельности, включая окружающую среду и здоровье граждан. Эти обязательства регламентируются законодательными актами.

Поэтому исполнение требований законодательства означает более полное возмещение обществу затрачиваемых ресурсов, нежели только оплата поставщикам материальных ресурсов и оплата труда работников. Предприятие, способное выполнять такие обязательства и при этом генерировать прибыль, поставляет на рынок больше востребованной продукции, работ и услуг.

Однако помимо требований государства есть также и не оговариваемые в официальных документах нравственные нормы общества, следование которым обеспечивает сохранение культурного наследия. Такие нормы предприятие выполняет либо добровольно, либо под общественным давлением. Как правило, это требует от предприятия дополнительных затрат ресурсов. И опять-таки эти траты могут позволить себе предприятия, генерирующие большую добавленную стоимость. Следование нравственным нормам предполагает чувствительность к их восприятию со стороны сотрудников предприятия, а значит, определенного уровня их собственного развития. Кроме того, творческой задачей управления является внедрение конкретных способов воплощения нравственных норм и правил в хозяйственную практику конкретного предприятия, так как по своей сути они носят достаточно общий характер. Таким образом предприятие становится транслятором этических норм.

Именно этот вопрос решается в ходе развития корпоративной культуры предприятия. Таким образом, явление корпоративной культуры также следует рассматривать в связи с перечисленными выше концепциями. Следует отметить, однако, что, только начиная с достижения этического уровня социальной ответственности, развитие корпоративной культуры становится частью хозяйственной деятельности предприятия. На этом уровне КСО формирует то, что называют инновационной культурой, которая за счет использования социальных и экологических составляющих может создавать новые бизнес-модели, продукты, услуги или процессы, которые повышают производительность предприятия, а также оказывают благоприятное воздействие на общество [13].

Последовательность возникновения и развития содержания ценностей индивидуума в ходе сначала осознания, а затем и освоения им все более сложных условий своего существования исследовалась К. Грейвзом и далее была концептуально упорядочена для диагностики и использования в организационном развитии К. Кованом и Д. Беком [14].

Следует отметить, что неразвитость индивидуумов, препятствующая рачительному ведению хозяйства, обнаруживается на всех уровнях экономики: от наноуровня (где решения принимает единичный экономический агент за себя) до макро- и международного уровня.

Возможная неадекватность размеров и системы налоговых отчислений в виду непросвещенности правителей всегда допускалась учеными. Рекомендации правителям по этому поводу давались и даются учеными людьми как прошлого, так и настоящего. Особенно известны миру нравоучения Конфуция, определявшего надлежащие образцы поведения для «благородного человека», отличавшие его от поведения людей невежественных. Как было отмечено выше, в настоящее время экономисты, а именно представители гуманистического направления в экономике, также исследуют данный вопрос. Ретроспективный анализ их основных идей изложен в указанной выше работе М.А. Лутца.

Инструментальная роль государства, служащего для общественного блага, предполагает критическое, в отличие от догматического, осмысление устанавливаемых законом норм. Однако само понятие общественного

блага не юридическая категория. Традиционно оно рассматривается в рамках этики, и только социальные экономисты стали претендовать на определение этого понятия в рамках экономики. Поэтому осмысление своих действий и хозяйственной практики с точки зрения вклада в общественное благополучие означает переход на этический уровень ответственности бизнеса. При этом предприятие экономически в состоянии принимать на себя сверхнормативные обязательства, например, в отношении работников: большая компенсация работы в выходные дни или сверхнормативная очистка выбросов в окружающую среду.

Последний, гуманистический, уровень социальной ответственности предполагает наличие ресурсов действовать в интересах развития всего человечества. Это предполагает еще более высокую степень развития бизнеса, доступную единичным предприятиям. Конечно, по мере перехода с одного уровня социальной ответственности на следующий, каждый раз может вставать вопрос не только направления избыточного дохода на оплату ресурсов, соответствующих новому уровню, но и перераспределения текущего дохода. Например, вместо выплаты повышенной премии часть средств может направляться на материальную помощь работникам, оказавшимся в сложном материальном положении, или запланированный бюджет на корпоративный праздник может быть направлен на благотворительность. Такие решения изменяют общие для сотрудников приоритеты ценностей в сторону нематериальных. Нематериальные ценности оказываются так же важны для работников, как и традиционные – заработная плата и безопасные условия работы.

Выделяемые в настоящее время четыре уровня социальной ответственности бизнеса (экономический, юридический, этический и филантропический) предприятием могут использоваться как ориентир для последовательного повышения своего вклада в благополучие общества, что в действительности означает наиболее полную реализацию его назначения, так как целью деятельности предприятия является производство и реализация востребованных на рынке материальных или идеальных благ, обеспечивающие извлечение прибыли.

В самом общем варианте при экономическом уровне социальной ответственности предприятие начинает производить больше ресурсов, чем потребляет. При правовом уровне этот процесс сопровождается соблюдением всех нормативных требований, а, следовательно, предприятие также поддерживает институциональную систему общества. При этическом уровне оно поддерживает достигнутый уровень нравственной культуры, соответственно при гуманистическом или филантропическом еще и повышает ее.

Иначе говоря, деятельность такого бизнеса созидательна для общества. Что бывает сложно выполнить с учетом недобросовестной конкуренции на рынке. Однако это и показывает уровень компетенций руководства и сотрудников компании и является объективной характеристикой их профессионального мастерства. Конкретизация главной функции отдельно взятого бизнеса в определенное время и на четко обозначенном рынке формулируется как видение его миссии.

Однако последнее может быть как осуществлено в действительности, так и симитировано. Отчужденность наемного руководителя от бизнеса и сам характер его труда предполагают подотчетность собственнику, а, следовательно, всегда создают мотив для искажения реального положения дел как неосознанного, так и осознанного.

Поэтому историческое отделение собственников бизнеса от управления им привело к возникновению внешних по отношению к бизнесу показателей его результативности. Кроме того, в качестве стейкхолдера легального бизнеса традиционно выступает государство, поскольку бизнес является источником доходов для казны. Классической функцией государства является создание ряда общественных благ, за которые население расплачивается специфической формой платежа в виде налога. При этом также происходит внешняя оценка масштабов и результатов хозяйственной деятельности субъекта налогообложения, и возникает мотив для искажения наемным менеджментом реального положения дел.

Таким образом, в реальности действительное положение дел всегда отделяется от формальных фактов, зафиксированных определенным институциональным способом.

Культивирование в обществе принятия решений на основе не реальных данных, а их институциональных представлений приводит к подмене целей у руководителей бизнеса, стремящихся воздействовать на управляющий центр посредством искаженной обратной связи.

Как следствие, руководство бизнеса смещает свой выбор с позиции реальной результативности на ее имитацию в соответствии с институциональными фактами. Создается ситуация системной архетипической ошибки подмены проблемы, описанная в книге П. Сенге, посвященной вопросу адаптации бизнеса

к постоянно изменяющимся условиям [15]. Именно способность к адаптации определяет устойчивость развития бизнеса [16]. В описываемой ситуации бизнес тратит ресурсы не на решение реальной проблемы, а на устранение симптомов. Неконструктивность такого подхода заключается в том, что ресурсы расходуются, а проблема остается и усугубляет положение дел бизнеса, пока в итоге ресурсы развития его как системы не исчерпываются. Понятно, что в долговременном периоде такой бизнес без вливаний извне не может работать, и далее, по закону развития систем, слабая система становится частью других подсистем. Таким образом, бизнес, не способный развивать свой собственный автопоэзис, развивается как часть более крупной экономической системы.

Выход из описанной ситуации также предложен в работе П. Сенге, где обозначены пять компетенций руководителей, необходимые им для реализации возможностей развития бизнеса в ходе осуществления ими хозяйственной практики. Одной из них является «мастерство в личностном самосовершенствовании», предполагающее выбор в пользу «быть», а не «казаться» [15]. Согласно результатам исследований мотивации КСО, в России постепенно происходит соответствующее смещение целеполагания от ориентира на «поддержание репутации в среднесрочной перспективе», доминировавшего в 2014 г. (64 % респондентов), к «созданию разделяемой (общей) ценности» в 2019 г. (84 % респондентов) [17].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время большинство бизнесов являются скорее потребителями нежели генераторами культуры в обществе; ее развитием занимаются так называемые некоммерческие организации, чей результат, наоборот, измеряется производством неэкономических благ. Иначе говоря, в обществе присутствует разделение труда, способствующее противопоставлению материальных и духовных благ.

Социальное давление, когда коммерческие предприятия преждевременно вынуждают осуществлять адресную поддержку бюджетных и некоммерческих организаций, по сути, представляет собой вымогательство, подрывающее экономические основания реализации потенциала данного предприятия. Имеется большое количество примеров предприятий, не решивших собственные задачи обеспечения охраны труда и безопасности, или организации коллективных переговоров как элемента социального партнерства, но осуществляющих благотворительные проекты. В подобном ключе отсутствует понимание источника возникновения экономического результата от социально ответственного бизнеса. Таким образом, попытки реализации концепции социальной ответственности, этики бизнеса и связанных с ними концепций без понимания их фундаментальных оснований несут угрозы для устойчивости бизнеса и, в конечном итоге, благополучия общества.

Библиографический список

1. Чудинов О.О. Анализ понятия «Корпоративная социальная ответственность». *Modern Economy Success*. 2020;2:89–93.
2. Плосконосова В.П. Особенности взаимосвязей этики и бизнеса. *Вестник СибАДИ*. 2016;3(49):159–166.
3. Благов Ю.Е. *Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции*. СПб.: Высшая школа менеджмента; 2010. 272 с.
4. Lutz M.A. *Economics for the Common Good: Two Centuries of Economic Thought in the Humanist Tradition*. London: Routledge; 1999. 320 p.
5. Бессонова О.Э. *Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции*. М.: Политическая энциклопедия; 2015. 151 с.
6. Бессонова О.Э. Институциональная матрица социального государства и демократии в России. *Экономическая социология*. 2018;19(3):50–67.
7. Румянцева Е.Е. *Нравственные законы экономики*. М.: ИНФРА-М; 2010. 96 с.
8. Уланов М.Е. Буддийская культура и бизнес в условиях современной экономики. В сб.: *Социально-экономические и экологические аспекты развития Прикаспийского региона. Материалы Международной научно-практической конференции, Элиста, 28–30 мая 2019 г.* Элиста: Изд-во Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова; 2019. С. 99–103.
9. Минервин И.Г. Азиатский менеджмент: конфуцианское наследие и современность. *Экономические и социальные проблемы России*. 2015;1:66–106.
10. Carroll A.B. Corporate social responsibility: The centerpiece of competing and complementary frameworks. *Organizational Dynamics*. 2015;44(2):87–96. <https://doi.org/10.1016/j.orgdyn.2015.02.002>

11. Аблякимова Л.Р. Сущность понятия «Корпоративная социальная ответственность». *Вестник современных исследований*. 2021;1-1(39):4–7.
12. Канаева О.А., Канаев А.В. Корпоративная социальная ответственность и устойчивое развитие компании: компаративный анализ концепций. *OIKONOMOS: Journal of Social Market Economy*. 2019;2(14):6–28.
13. Кучумов А.В., Печерица Е.В. Корпоративная социальная ответственность, «зеленые» инновации и конкурентоспособность – причинно-следственная связь. *Экономический вектор*. 2022;2(29):101–105. <https://doi.org/10.36807/2411-7269-2022-2-29-101-105>
14. Бек Д., Кован К. *Спиральная динамика. Управляя ценностями, лидерством и изменениями в XXI веке*. СПб.: Бест Бизнес Букс; 2010. 424 с.
15. Сенге П. *Пятая дисциплина. Искусство и практика обучающейся организации*. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2018. 496 с.
16. Воронина Д.А., Попова Е.В. Корпоративная социальная ответственность как залог устойчивости современного бизнеса. *Modern Science*. 2020;11-1:358–361.
17. Благов Ю.Е., Петрова-Савченко А.А. *Доклад о социальных инвестициях в России – 2019: к трансформации бизнеса в интересах устойчивого развития*. М.: Ассоциация Менеджеров; 2020. https://amr.ru/upload/Доклад_о_социальных_инвестициях_2019_ebook.pdf (дата обращения: 30.08.2022).

References

1. Chudinov O.O. Analysis of the concept of “Corporate social responsibility”. *Modern Economy Success*. 2020;2:89–93.
2. Ploskonosova V.P. Features of interrelations of ethics and business. *Bulletin of the Siberian automobile and highway academy*. 2016;3(49):159–166.
3. Blagov Yu.E. *Corporate social responsibility: the evolution of the concept*. St. Petersburg: Higher School of Management; 2010. (In Russian).
4. Lutz M.A. *Economics for the Common Good: Two Centuries of Economic Thought in the Humanist Tradition*. London: Routledge; 1999. 320 p.
5. Bessonova O. E. *Market and distribution in the Russian matrix: from confrontation to integration*. Moscow: Political Encyclopedia; 2015. (In Russian).
6. Bessonova O.E. Institutional Matrix of the Welfare State and Democracy in Russia. *Economic sociology*. 2018;19(3):50–67.
7. Rumyantseva E.E. *Moral laws of economics*. M.: INFRA-M; 2010. (In Russian).
8. Ulanov M.E. Buddhist culture and business in a modern economy. In: *Socio-economic and environmental aspects of the development of the Caspian region. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Elista, 28–30 May 2019*. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University; 2019. P. 99–103.
9. Minervin, I.G. Asian management: Confucian heritage and modernity. *Economic and social problems of Russia*. 2015;1:66–106.
10. Carroll A.B. Corporate social responsibility: The centerpiece of competing and complementary frameworks. *Organizational Dynamics*. 2015;44(2):87–96. <https://doi.org/10.1016/j.orgdyn.2015.02.002>
11. Ablyakimova L.R. The essence of the concept of “Corporate social responsibility”. *Bulletin of modern research*. 2021;1-1(39):4–7.
12. Kanaeva O.A., Kanaev A.V. Corporate social responsibility and sustainable development of the company: a comparative analysis of concepts. *OIKONOMOS: Journal of Social Market Economy*. 2019;2(14):6–28.
13. Kuchumov A.V., Pecheritsa E.V. Corporate Social Responsibility, Green Innovations and Competitiveness – Cause-and-Effect Relationship. *Economic vector*. 2022;2(29):101–105. <https://doi.org/10.36807/2411-7269-2022-2-29-101-105>
14. Beck D., Kovan K. *Spiral dynamics. Driving values, leadership and change in the 21st century*. St. Petersburg: Best Business Books; 2010. (In Russian).
15. Senge P. *Fifth discipline. Art and practice of the learning organization*. M.: Mann, Ivanov and Ferber; 2018. (In Russian).
16. Voronina D.A., Popova E.V. Corporate Social Responsibility as a Key to the Sustainability of Modern Business. *Modern Science*. 2020;11-1:358–361.
17. Blagov Yu.E., Petrova-Savchenko A.A. *Report on social investments in Russia – 2019: to the transformation of business in the interests of sustainable development*. Moscow: Association of Managers; 2020. https://amr.ru/upload/Доклад_о_социальных_инвестициях_2019_ebook.pdf (accessed 30.08.2022).

Личностная или групповая мотивация: какой инструмент эффективнее

Рязанова Галина Николаевна

Канд. экон. наук, доц. каф. институциональной экономики
ORCID: 0000-0001-9742-3437, e-mail: ryazanovagn63@gmail.com

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В условиях динамичных трансформаций экономического ландшафта ценности и поведенческие особенности экономического агента претерпевают изменения. Руководитель организации сталкивается с новыми вызовами: как в современной действительности управлять поведением потребителей и сотрудников, какие методы мотивации использовать для максимизации экономической эффективности предприятия. Индивидуалистическая концепция, основанная на неоклассической экономической парадигме с предпосылками полной рациональности агентов, не всегда дает нужные результаты и требует пересмотра с учетом кросс-культурных особенностей страны. Целью работы является выявление ключевых мотивирующих факторов индивидуума, определение личностных и коллективных предпосылок в поведении члена группы на примере коллектива студентов. В статье представлена эмпирическая работа, проведенная сравнительным методом, методом наблюдений и психометрическими методами исследования, с использованием синтеза и системного подхода. Автор раскрывает особенности личностей подгрупп коллектива по психоэмоциональному признаку по методу Р. Кэттелла, специфику групповых сегментов и выявляет социальную мотивацию при достижении общей групповой цели.

Ключевые слова

Управленческая парадигма, теория мотивации, человеческий капитал, поведение индивидуума, личностная и групповая мотивация

Для цитирования: Рязанова Г.Н. Личностная или групповая мотивация: какой инструмент эффективнее // Вестник университета. 2022. № 10. С. 49–56.

Personal or group motivation: which tool is more efficient

Galina N. Ryazanova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Institutional Economics Department
ORCID: 0000-0001-9742-3437, e-mail: ryazanovagn63@gmail.com

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

In the context of the economic landscape dynamic transformations, the values and behavioral characteristics of an economic agent undergo changes. The head of the organization faces new challenges: how to manage the behavior of the consumers and employees in modern reality, what methods of motivation to use to maximize the economic efficiency of the enterprise. The individualistic concept, based on the neoclassical economic paradigm with the assumptions of complete rationality of agents, does not always give the desired results and needs to be revised taking into account the cross-cultural characteristics of the country. The purpose of the work is to identify the key motivating factors of the individual, to determine the personal and collective prerequisites in the behavior of a group member using the example of a group of students. The article presents empirical work carried out by the comparative, observational and psychometric research methods, using synthesis and a systematic approach. The author reveals the characteristics of the personalities of the collective subgroups on a psycho-emotional basis using the R. Cattell method, the specifics of group segments and reveals social motivation in achieving a common group goal.

Keywords

Management paradigm, motivation theory, human capital, individual behavior, personal and group motivation

For citation: Ryazanova G.N. (2022) Personal or group motivation: which tool is more efficient. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 49–56.

ВВЕДЕНИЕ

Англо-саксонская модель управления, основанная на неоклассической парадигме поведения экономического агента, предполагает управленческое воздействие на индивидуумов, базирующееся на личной мотивации участников коллектива. Действительно, при постановке частных задач в организации руководителю нужно ориентироваться на психологические особенности подчиненных, их характерные черты, специфические ценностные и мотивационные аспекты. Для повышения продуктивности сотрудника необходимо создавать для него персональные эмоциональные условия, регулярно проводить психологические поглаживания, позволяющие обеспечить высокую мотивацию и повышение производительности его труда. Теоретические исследования и хозяйственная практика показывают, что позитивное эмоциональное состояние положительно сказывается на работе индивидуума и на результатах его деятельности.

Однако, несмотря на огромное влияние либеральных тенденций, российским экономическим агентам ментально ближе идеология коллективизации, характерны черты общественной социализации, что особенно ярко выражается при достижении групповых целей. В настоящее время, когда экономический ландшафт стремительно изменяется, важно понимать, что движет современным индивидуумом, каковы ключевые факторы его производительности. Эти знания необходимы руководителю для формирования совокупности наиболее эффективных инструментов воздействия на работников разных уровней иерархии, чтобы максимизировать экономический и общественно-полезный результат. Весьма значимым является понимание мотивационных факторов, влияющих на поведение экономических агентов, для формирования государственной идеологии, которая является основой устойчивости государства, его суверенности и эффективного экономического развития, а для организации – залогом долгосрочного и успешного функционирования на рынке. Из совокупности экономических агентов наименее изученным и чрезвычайно важным сегментом, который нуждается в грамотном управлении, является молодежь, обладающая мощной неумной энергией, жадой изменений, горением и целеполаганием. Поэтому исследование посвящено изучению преобладающих мотивационных факторов современных молодых людей.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В последние десятилетия экономическому пространству присуща особенно быстрая изменчивость, что оказывает значительное влияние на экономических агентов [1] и, в частности, на молодежь. Экономическое и социальное поведение индивидуумов неоднозначно, подвержено постоянным колебаниям, сменой ценностных ориентаций [2]. В изменчивых условиях руководителю организации необходимо находить новые управленческие методы, гармонично встраивая их в бизнес-процессы в организации [3]. Одним из ключевых аспектов управления в настоящее время является управление человеческими ресурсами, в частности, мотивацией персонала [4]. Современная научная литература изобилует трудами ученых на эту тему, подходит к ней с разных ракурсов и представляет теоретические обоснования и практические примеры [5; 6]. Однако вопросы синтеза личностных характеристик и групповой мотивации молодежи недостаточно освещены в исследованиях, что обусловило цель этой работы.

Среди современных мотивационных концепций неоклассическая экономико-управленческая парадигма является мейнстримом [7]. Она предполагает, в первую очередь, монетарные методы мотивации, так как построена на ценностях либерализма и демократической этики. С точки зрения неоклассики, основной предпосылкой поведения экономического агента служит рациональность, порождающая индивидуализм как набор приоритетов развития коммуникаций в обществе независимо от уровня социальных страт [8]. Поэтому в большинстве подходов к управлению социальными группами и к мотивации персонала присутствуют личностно-ориентированные аспекты, в обосновании которых лежит тезис о формировании индивидуальных комфортных зон и политики индивидуального творческого развития [9]. Считается, что эффективность коллективной работы как суммы взаимодействия энергии индивидуумов, ориентированных на собственное понимание цели и, соответственно, на индивидуальные принятия решений, сравнительно выше, чем при ориентации членов группы на общие интересы. Например, хорошее эмоциональное состояние на личностном уровне каждого члена коллектива должно априори обеспечить повышение эффективности общей работы всей группы, а, значит, системы профилактики производительности труда должны быть ориентированы на личностный уровень, практически полностью вытесняя методы, нацеленные на групповую мотивацию. Эти положения характерны для

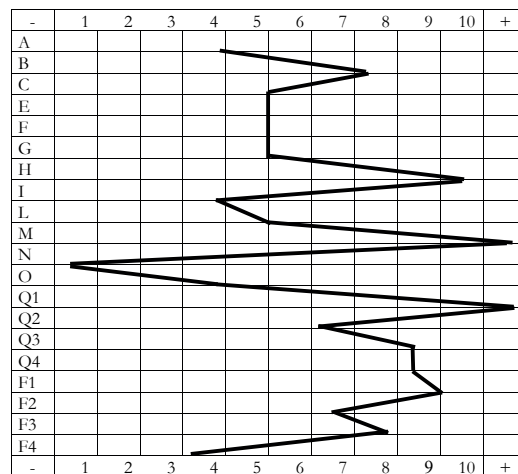
содержательной теории мотивации, родоначальником которой выступил А. Маслоу, а затем его идеи продолжили К. Альдерфер, Ф. Герцберг и другие. Предпосылками этой концепции являются неудовлетворенные личные потребности разного иерархического уровня и стремления индивидуума максимизировать свою полезность [10]. Представители процессуальной теории мотивации В. Врум, А. Портер, Э. Лоулер, Д. Мак-Грегор и другие расширили представления содержательной мотивационной теории аспектами личностного восприятия и ожиданий человека. Эти теории и сегодня демонстрируют свою эффективность, однако они работают не во всех коллективах.

Уже в конце прошлого века даже в развитых странах содержательная и процессуальная теория эволюционировала в теорию Х и Y Д. Мак-Грегора, а следом – в институционально-социальную теорию У. Оучи, который синтезировал неоклассическую и коллективную концепции мотивации [11]. Для российских индивидуумов с кросс-культурными особенностями общинного типа либеральные методы являются действенными только в минималистских организациях (где фирма осуществляет краткосрочный проект с четкими промежуточными и финальной целями, а сотрудники являются ресурсами, поэтому построение неформальных отношений нецелесообразно). Для большей части российских граждан (не только русской национальности) характерно стремление принадлежать определенной социальной группе, достигать общих интересов, что подтверждается историческими фактами. Несмотря на импорт либеральных институтов и пропаганду индивидуализма, подсознательная программа, заложенная предыдущими поколениями, заставляет людей объединяться в группы, взаимодействовать и сообща идти к цели. Эта гипотеза подтверждена эмпирическими результатами, доказывающими высокий уровень значимости коллективной мотивации в малой социальной группе.

МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Для изучения особенностей индивидуальной и коллективной мотивации в молодежной группе был проведен эмпирический эксперимент. В качестве модельного объекта была выбрана группа студентов из 24 человек, неоднородная как по интеллектуальному развитию, так и по психологическим особенностям ее членов. Первым этапом были выявлены личные психоэмоциональные особенности и влияние индивидуальных эмоциональных состояний членов малой социальной группы на общие бизнес-процессы. Эмоциональное состояние определялось методом тестирования по факторам профиля личности по тесту Р. Кэттелла [12]. Каждый молодой человек отвечал на вопросы, а затем программа представляла графическую интерпретацию результатов с текстовым пояснением (рис. 1). Вопросы теста сформулированы таким образом, чтобы выявить уровень замкнутости/открытости, уравновешенности/тревожности, зажатости/расслабленности, сдержанности/спонтанности, доверия/недоверия, смелости/застенчивости. Опросник содержит 105 вопросов, раскрывающих особенности личности, в частности, когнитивные способности, хобби и увлечения, специфику коммуникационных процессов, аккуратность, уровень раздражительности, причины неприятностей, отношение к людям и к себе, прошлое и настоящее, принципы принятия решений и т.д. Однотипные вопросы формируют особенности личности, суммируя результаты и распределяя графически по принципу полярностей: чем дальше графически точка от центра, тем жестче полярность характеристики. В результате тестирования было установлено, что в общей группе с явными или скрытыми нарушениями в эмоциональной сфере (вероятность диагностирования невротического состояния 80 %) присутствуют 16 человек. Уровень тревожности большей частью имел незначительные отклонения, однако 4 человека продемонстрировали очень нестабильное эмоциональное состояние.

Вторым этапом эксперимента стало сопоставление параметра личной активности и невротического состояния. Для выявления корреляционных связей между этими аспектами в качестве маркерного признака «деловой» активности использовался показатель личной активности на семинарских занятиях курса (ответы

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Визуальное представление психодиагностического теста по Р. Кэттеллу

на вопросы «по желанию») с оценкой за единичную активность – 1 балл. Поскольку учащиеся на занятиях были вовлечены в процесс, каждый хотел проявить свои знания по предмету и заработать рейтинговые баллы. При среднем показателе за занятие 3,2 балла у студентов с эмоциональными нарушениями индивидуальный балл приближен к среднему по группе – 3,04 (наименьшая существующая разница (далее – НСР) $0,5 < 0,3$) (табл. 1). Полученные результаты позволяют утверждать, что, если на занятии созданы комфортные условия, позволяющие каждому индивидууму проявить себя, эмоциональные нарушения и индивидуальные черты характера не оказывают влияния на личное поведение в групповых бизнес-процессах и ориентированы на «средний» показатель без активного проявления лидерства или отстраненности.

Таблица 1

Деловая активность учащихся на семинарах

Показатель	Личная активность на одном занятии	Примечание
Средняя «деловая» активность за одно занятие по всей выборке (24 человека)	3,04 (НСР ₀₅ > 0,76)	Высокий показатель по значимой минимальной разнице (более 20 %) характерен по всем вариантам выборок, что указывает на отсутствие взаимосвязи между эмоциональным состоянием и «деловой» активностью
Средняя деловая активность у студентов с отмеченным невротическим состоянием (8 человек)	3,2 (НСР ₀₅ > 0,93)	
Средняя деловая активность у студентов без невротических состояний (16 человек)	2,97 (НСР ₀₅ > 0,66)	

Составлено автором по материалам исследования

На третьем этапе исследования была изучена взаимосвязь между эмоциональным состоянием и личными коммуникативными предпочтениями. Методами наблюдений и прямого опроса получены результаты по распределению студентов внутри группы по подгруппам, исходя из личных симпатий и антипатий (табл. 2). Коэффициент корреляции между наличием невротического состояния и отнесением к конкретной подгруппе составил 0,86, что говорит о влиянии эмоционального состояния индивидов на личные симпатии и антипатии. В подгруппах из двух человек на формирование устойчивой социальной «дружбы» оказывает влияние гендерная принадлежность участников. Подгруппа 2 – «мужская», подгруппа 5 – «женская». В целом гендер оказал влияние и на уровень наименьшей средней разницы как показателя значимости успешности в подгруппах. Разница в «деловой» активности между участниками групп напрямую зависит от пола. В мужских и смешанных подгруппах есть «активные» и «неактивные» участники. В женских подгруппах все участники «активные».

Таблица 2

Распределение испытуемых на устойчивые подгруппы по личным симпатиям и антипатиям

Показатель	Личная активность на одном занятии	Примечание
Подгруппа 1 9 человек ♂+♀	2,7 (НСР ₀₅ > 0,91)	Самая большая подгруппа. Высокое значение наименьшей существующей разницы показывает, что объединение подгруппы не зависит от «деловой» активности отдельных индивидуумов
Подгруппа 2 2 человека ♂	3,3 (НСР ₀₅ > 1,19)	Объединение в пару по симпатиям, с явным лидером в паре
Подгруппа 3 4 человека ♂ Трое из них с выявленными невротическими симптомами	3,3 (НСР ₀₅ > 0,66)	Подгруппы с явным преобладанием испытуемых с невротическими симптомами. На уровень наименьшей существующей разницы оказывают явное влияние гендерные предпочтения
Подгруппа 4 4 человека ♀ Трое из них с выявленными невротическими симптомами	3,4 (НСР ₀₅ > 0,15)	

Показатель	Личная активность на одном занятии	Примечание
Подгруппа 5 2 человека ♀	3,3 ($HCP_{05} > 0,01$)	Объединение в пару по симпатиям, без явного лидера в паре
Испытуемые без проявленных личных симпатий и антипатий (вне подгрупп) – 3 человека ♂+♀ Двое из них с выявленными невротическими симптомами	2,9 ($HCP_{05} > 0,89$)	-
Корреляция между факторами наличия невротических симптомов и распределением в одну группу (без учета гендера)		0,86

Составлено автором по материалам исследования

Четвертый этап эксперимента предполагал провокационную задачу. Методом жеребьевки студенты произвольно были разбиты на две равные группы. По условиям игры учащиеся должны были в дебатах аргументированно изложить две диаметрально противоположные точки зрения. В ситуации провокации все индивидуумы независимо от личного отношения к проблеме идентифицировали себя как члены нового коллектива, объединенные одной целью и задачами, и прямо противопоставленные своим соперникам. Уже на этапе подготовки к дебатам наблюдалась максимальная включенность и вовлеченность всех членов группы к поиску доказательств для убеждения соперников в правоте защищаемого тезиса. Никаких затруднений в аргументации, отвечающей групповой точке зрения, обнаружено не было. Зависимости от внутреннего невротического состояния, оказывающие влияние на личностные предпочтения, были стерты, что доказывает единение эмоционального состояния внутри группы при групповой поляризации. Все испытуемые показали готовность к успешной работе как в малых группах по личным предпочтениям, так и в собранных в случайном порядке. Дебаты были яркие и непримиримые, каждая группа яростно боролась за свою идею, аргументированно доказывая ее состоятельность. Этот эксперимент показал результативность групповой мотивации молодежи, что подтвердило теоретическую гипотезу высокой эффективности коллективной мотивации в стремлении к достижению общей цели.

ВЫВОДЫ

В период динамичных перемен организации чрезвычайно важно иметь лояльных, высокопроизводительных сотрудников с высокой мотивацией на результат. Неоклассические содержательные и процессуальные мотивационные теории, основанные на индивидуальной мотивации экономического агента, остаются актуальными и в настоящее время. Личностная мотивация индивидуума, персонифицированное управленческое воздействие с учетом психоэмоциональных черт личности позволяет руководителю раскрыть и монетизировать интеллектуальный и творческий потенциал человека. Однако для достижения синергетического эффекта групповой работы необходимо ориентироваться на более широкую теорию мотивации [13]. Для выполнения групповых задач коллективная мотивация оказывается наиболее успешной, поскольку в момент общего целеполагания стираются особенности психоэмоционального состояния человека, личные привязанности и дружеские предпочтения, и индивидуум вовлекается в энергетическое поле группы, максимально раскрывая индивидуальный потенциал в совокупной коллективной работе. Идентификация себя как члена группы при решении совместных задач превалирует над индивидуальной идентичностью. Эту закономерность необходимо использовать как государству при создании идеологических основ с ориентацией на групповые ценности и мотивационные стимулы современных индивидуумов для усиления единства гражданского общества и мощи страны, так и организациям при разработке стратегии и тактики управления персоналом для усиления своих конкурентных позиций на рынке.

Библиографический список

1. Шарипов Ф.Ф., Дьяконова М.А. Россия и мир. В кн.: *Актуальные проблемы управления – 2015. Материалы 20-й Международной научно-практической конференции*. М.: Изд-во ГВУ; 2015. С. 261–264.
2. Сазанова С.А., Жак А. Ценностное управление в экономике 5.0. *Вестник университета*. 2021;8:20–24. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-8-20-24>
3. Ксенофонтов А.А., Камалетдинов А.Ш. Процессный подход к управлению как инструмент повышения эффективности хозяйственной деятельности организации. В сб.: *Управленческие науки в современном мире. Сборник докладов научной конференции, Москва, 7–9 ноября 2019 г.* СПб.: ИД «Реальная экономика»; 2019. С. 279–285.
4. Лукьянченко Н.В. Мотивационные цели сотрудников организации. В сб.: Забуга В.Ф. (гл. ред.) *Экономика и управление в современных условиях. Материалы международной (заочной) научно-практической конференции, 4 декабря 2015 г.* Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии; 2015. С. 157–160.
5. Халикова Д.Д., Кузьмина Ю.А., Полянская И.К. Современные проблемы управления человеческими ресурсами: креативность, мотивация, управление командой. В сб.: Е.П. Велихов (ред.) *Молодежь и будущее: управление экономикой и социумом. Сборник статей участников всероссийской научно-практической конференции в рамках РеФОРУМа «Управлять мечтой!», Челябинск, 16 апреля 2020 г.* Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета; 2020. С. 278–281.
6. Басюк А.С. Мотивация как механизм эффективного управления персоналом. В сб.: *Социально-экономические и гуманитарные науки: сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 27 декабря 2020 г.* СПб: Изд-во Гуманитарного национального исследовательского института «НАЦРАЗВИТИЕ»; 2020. С. 100–103.
7. Галиба М.В. Актуальные подходы к мотивации персонала. В сб.: *От синергии знаний к синергии бизнеса. Сборник статей и тезисов докладов IX Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и преподавателей, Омск, 17 ноября 2017 г.* Омск: Издательский центр КАН; 2022. С. 171–174.
8. Ermilov M.M., Samoletov R.V., Surkova L.E. Mathematical modeling of consumer behavior, taking into account entropy. In: *Frontier Information Technology and Systems Research in Cooperative Economics. Studies in Systems, Decision and Control Series*. Heidelberg: Springer International Publishing; 2021. P. 269–278. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-57831-2_28
9. Chernigovskaya T.V., Parin S.B., Parina I.S., Konina A.A., Urikh D.K., Yachmonina Yu.O., Chernova M.A., Poleva S.A. Simultaneous interpreting and stress: pilot experiment. *International journal of psychophysiology*. 2016;108:155–165. <https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2016.07.472>
10. Камынина А.Е. Мотивация персонала в современных организациях (теоретические аспекты). В сб.: *Современный молодежный рынок труда: тренды, вызовы и перспективы развития. сборник научных статей Научно-практической конференции, Нижний Новгород, 25–26 ноября 2021 г.* Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; 2021. С. 454–458.
11. Муртузалыева М.М. Нематериальная мотивация-эффективный способ мотивации персонала. *Вестник науки*. 2020;4(25):49–52.
12. Капустина А.Н. *Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла: учебно-методическое пособие*. СПб.: Речь; 2001. 97 с.
13. Пурьскина В.А. Организационное развитие как вектор управления мотивацией персонала. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2022;12(5-1):470–477.

References

1. Sharipov F.F., Dyakonova M.A. Russia and the world. In: *Actual problems of management – 2015. Proceedings of the 20th International Scientific and Practical Conference*. Moscow: State University of Management Publ. House; 2015. P. 261–264.
2. Sazanova S.L., Zhak L. Value management in economics 5.0. *Vestnik universiteta*. 2021;8:20–24. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-8-20-24>
3. Ksenofontov A.A., Kamaletdinov A.Sh. Process approach to management as a tool to improve the efficiency of the organization's economic activity. In: *Management sciences in the modern world. Proceedings of the scientific conference, Moscow, 7–9 November 2019*. St. Petersburg: Real economy Publishing house; 2019. P. 279–285.
4. Lukyanchenko N.V. Motivational goals of employees of the organization. In: Zabuga V.F. (ed.) *Economics and management in modern conditions. Proceedings of the international (correspondence) scientific-practical conference, 4 December 2015*. Krasnoyarsk: Siberian Institute of Business, Management and Psychology; 2015. P. 157–160.
5. Halikova D.D., Kuzmina Yu.A., Polyanskaya I.K. Modern problems of human resource management: creativity, motivation, team management. In: Velikhov E.P. (ed.) *Youth and the future: management of the economy and society. Proceedings of the participants of the All-Russian scientific-practical conference within the framework of the ReFORUM “Manage the dream!”, Chelyabinsk, 16 April 2020*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Publ. House; 2020. P. 278–281.

6. Basyuk A.S. Motivation as a mechanism for effective personnel management. In: *Socio-economic and human sciences. Proceedings of selected articles based on the materials of the International Scientific Conference, St. Petersburg, 27 December 2020*. St. Petersburg: Publishing house of the Humanitarian National Research Institute NATSRAZVITIE; 2020. P. 100–103.
7. Galiba M.V. Actual approaches to staff motivation. In: *From knowledge synergy to business synergy. Collection of articles and abstracts of reports of the IX International scientific-practical conference of students, undergraduates and teachers, Omsk, 17 November 2017*. Omsk: KAN Publishing Center; 2022. P. 171–174.
8. Ermilov M.M., Samoletov R.V., Surkova L.E. Mathematical modeling of consumer behavior, taking into account entropy. In: *Frontier Information Technology and Systems Research in Cooperative Economics. Studies in Systems, Decision and Control Series*. Heidelberg: Springer International Publishing; 2021. P. 269–278. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-57831-2_28
9. Chernigovskaya T.V., Parin S.B., Parina I.S., Konina A.A., Urikh D.K., Yachmonina Yu.O., Chernova M.A., Polevaya S.A. Simultaneous interpreting and stress: pilot experiment. *International journal of psychophysiology*. 2016;108:155–165. <https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2016.07.472>
10. Kamynina A.E. Personnel motivation in modern organizations (theoretical aspects). In: *Modern youth labor market: trends, challenges and development prospects. Proceedings of the Scientific-practical conference, Nizhny Novgorod, 25–26 November 2021*. Nizhny Novgorod: N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Publ. House; 2021. P. 454–458.
11. Murtuzalieva M.M. Non-material motivation is an effective way to motivate staff. *Vestnik nauki*. 2020;4(25):49–52.
12. Kapustina A.N. Multifactorial personality technique of R. Kettell: educational and methodical manual. St. Petersburg: Rech; 2001. (In Russian).
13. Puryskina V.A. Organizational development as a vector of staff motivation management. *Economics: yesterday, today, tomorrow*. 2022;12(5-1):470–477.

Обзор подходов и методов идентификации экспертов в организационных исследованиях

Широнина Елена Михайловна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики и управления промышленным производством
ORCID: 0000-0002-5625-956X, e-mail: ElenaShironina@yandex.ru

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Россия

Аннотация

В научной литературе выделяются три подхода идентификации экспертов в организационных исследованиях: социологический, поведенческий, когнитивный. В социологическом подходе акцент делается на социально-политическом статусе лица. Поведенческий подход фокусируется на том, как делается выбор в ситуациях неопределенности. В когнитивном подходе рассматривается непосредственно субъект мыслительного процесса. В статье показаны ограничения каждого из подходов. Приведены методы идентификации экспертов в организационных исследованиях в российской и зарубежной научной литературе. Рассмотрены методы социального одобрения, политического влияния, проблемной ситуации, личной вовлеченности, внешних сигналов, самооценки, прошлых результатов, тестирования знаний, определения ментальных черт. Показаны преимущества и недостатки каждого метода. Для исследователей организации и организационного поведения в зависимости от задач методы идентификации экспертов предоставляют следующие возможности: экспертного суждения или экспертного знания; процедуры экспертной оценки или продукта профессиональной деятельности; знания темы, проблемы, узкоспециализированных рынков или представления интересов конкретных действующих субъектов, группы, идеи, концепции. В работе применены общелогические методы исследования: индукция, дедукция, анализ, синтез, научная абстракция, сравнение и сопоставление.

Ключевые слова

Эксперт, экспертная оценка, экспертность, экспертное суждение, экспертное мнение, подход, метод

Для цитирования: Широнина Е.М. Обзор подходов и методов идентификации экспертов в организационных исследованиях // Вестник университета. 2022. № 10. С. 57–65.

Review of approaches and methods for identifying experts in organizational research

Elena M. Shironina

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics and Industrial Management Department
ORCID: 0000-0002-5625-956X, e-mail: ElenaShironina@yandex.ru

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Abstract

In scientific studies, three approaches are used to identify experts in organizational research: sociological, behavioral, and cognitive. In the sociological approach, the emphasis is on the socio-political status of a person. The behavioral approach focuses on how choices are made in situations of uncertainty. In the cognitive approach, the subject of the thought process is considered directly. The article shows the limitations of each of the approaches. Methods for identification of experts in organizational research in domestic and foreign scientific studies are given. Methods are considered: social acclamation, political influence, problem situation, personal involvement, external cues, self-ratings, past performance, knowledge tests, psychological traits. The advantages and disadvantages of each method are shown. Expert identification methods provide a set of opportunities for researchers of organization and organizational behavior, depending on the need for: expert judgment or expert knowledge; expert evaluation procedures or the product of professional activity; knowledge of a topic, a problem, highly specialized markets or representation of the interests of specific actors, groups, ideas, concepts. The author uses general logical research methods: induction, deduction, analysis, synthesis, scientific abstraction, comparison and contrasting.

Keywords

Expert, expert assessment, expertise, expert judgment, expert opinion, approach, method

For citation: Shironina E.M. (2022) Review of approaches and methods for identifying experts in organizational research. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 57–65.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время метод экспертной оценки широко применяется в различных областях для анализа слабоформализуемых объектов или процессов в следующих случаях:

- когда отсутствуют точные и достаточные статистические данные;
- когда стандартные методы решения неприменимы или не могут дать удовлетворительный результат;
- когда требуется выбор наиболее эффективного решения из нескольких вариантов, и при этом отсутствует прецедент.

Также метод экспертной оценки применяется при исследовании будущего, которое не является чем-то абсолютно независимым от организационных действий. Вместе с тем расширяется спектр и развиваются управленческие инструменты по принятию эффективных решений в условиях возрастающей сложности и неопределенности [1].

© Shironina E.M., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Б. Симс, Э. Видли, Г. Уилсон разделяют экспертную оценку на: а) экспертное суждение о значении конкретной величины или интересующей вероятности; и б) экспертное знание о структуре зависимостей системы [2]. В зарубежной научной литературе приводятся доказательства существенной значимости экспертных суждений для принятия решений для корпоративной среды в организации в форме корректировки статистических прогнозов [3; 4] или в виде чистых прогнозов [5]. Критерием рассмотрения экспертной оценки как процедуры или продукта является сам эксперт, его субъективное мнение, основанное на знаниях, умениях, опыте, квалификации. Так, П.Б. Мельник подчеркнул, что «эксперт является ключевым субъектом экспертно-аналитической деятельности» [6, с. 40]. Потому чрезвычайно значимым представляется выбор экспертов и то, каким образом обеспечивается экспертный статус лица.

ПОДХОДЫ К ИДЕНТИФИКАЦИИ ЭКСПЕРТОВ В ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

С. Маукш, Х. фон дер Грахт и Т. Гордон выделили три подхода к идентификации экспертов: социологический, поведенческий и когнитивный [7].

В *социологическом* подходе акцент делается на том, кому позволяется выполнять роль эксперта. По мнению Н. Агню, К. Форда и П. Хейса, мы должны «... думать об экспертах не столько с той точки зрения, что они обладают какой-то конкретной редкой когнитивной компетенцией или большим количеством «истинных» знаний, чем их коллеги, а с той, что они были выбраны группой, готовой приписать им экспертность» [8, с. 2]. Социологический подход определяет экспертность как реляционную конструкцию, возникающую из межличностного взаимодействия в сети и объединяющую агентов, концепции, а также институциональные и пространственные механизмы [9]. С. Маукш, Х. фон дер Грахт и Т. Гордон указали, что отбор экспертов здесь основывается на социально-политическом статусе человека [7]. Согласно позиции Дж. Бейкера, К. Ловелл и Н. Харриса, важным критерием для определения эксперта является его способность влиять на курс, будущую стратегию [10]. А. Девани и М. Хенчион показали, что исследователи могут выбирать представителей определенных подгрупп, чтобы обеспечить взаимное социальное обучение, позволяющее интегрировать различные социальные, научные, культурные, политические, экономические, технологические точки зрения [11]. С. Маукш, Х. фон дер Грахт и Т. Гордон отметили, что выбор лиц с определенным социальным статусом, репутацией, представительской ролью в качестве экспертов сопряжен с риском выбора людей, которые не являются экспертами, но убедительно демонстрируют внешние признаки уверенности [7].

Поведенческий подход основывается на том, как делается выбор в ситуациях неопределенности. Для данного подхода типичен сравнительный анализ, например, в какой степени прошлые результаты работы экспертов служат ориентиром для прогнозирования точности будущих оценок, или как прошлые оценки экспертов связаны с фактическим воплощением в жизнь [7]. Однако учеными признается предвзятость в экспертном суждении. П. Экен, Т. Гнаци, Х. фон дер Грахт показали, что эксперты систематически оценивают вероятность появления желательных прогнозов на будущее выше, а нежелательных – ниже, чем вероятность прогнозов с нейтральной желательностью [12]. Ряд исследователей указали на чрезмерную уверенность экспертов, которая может приводить к тому, что они будут игнорировать информацию, которая не соответствует их собственному изначальному мнению, или уделять ей недостаточное внимание [13; 14].

Для улучшения качества исследований ряд авторов предлагает стандартизированные процедуры. Так, А. Бонаккорси, Р. Апреда, Г. Фантони для преодоления эффекта фрейминга, якорения, влияния желательности, самоуверенности, ошибки планирования, предвзятости ретроспективного взгляда, ложного консенсуса предложили увеличивать разнообразие участников, даже путем включения неэкспертов, использовать отрицание, путем систематического учета противоположных взглядов, и абстракцию, путем рассуждений в рамках фреймворков и графических функций [15]. Я. Белтон, Э. Макдональд, Дж. Райт, И. Хэмлин предложили последовательность шагов для уравнивания предвзятости группы, исследователей и мнений [16].

Когнитивный подход сосредоточен непосредственно на субъекте мыслительного процесса. И здесь рассматривается два подхода к компетентности эксперта: абсолютный и относительный [17; 7]. Предположение, что эксперты представляют собой исключительных людей, лежит в основе абсолютного подхода к компетентности [17]. Это предположение о генетически детерминированном превосходстве

определенных людей порой руководит нашим обыденным восприятием экспертов. Однако чаще используется относительный, или сравнительный, подход, который рассматривает компетентность эксперта как уровень мастерства, которого можно достичь [7]. Как отметили К. Эрикссон, М. Притула, Э. Кокли, экспертами становятся, а не рождаются. Эти авторы говорят о десятилетней целенаправленной практике для развития экспертных знаний [18]. Эксперты выносят суждения, полагаясь на более глубокие познания, организуя их по типам и имея более сложный категориальный аппарат [19]. Знания экспертов структурированы таким образом, чтобы сделать их более доступными, функциональными и эффективными [7]. Эксперты опираются на обширную сеть связей между концепциями, в то время как дилетанты склонны опираться на поверхностные особенности представленной информации [19]. Эксперты также обладают лучшими навыками идентификации проблем, трансформируя, например, плохо структурированную проблему в четко определенную, дилетанты же, напротив, сразу начинают решать проблему [7].

Ряд исследователей обратили внимание на то, что отдельные личности могут последовательно в течение длительного периода времени превосходить других в прогнозировании очень сложных задач [20; 21]. Подобную успешность Ф. Тетлок и Дж. Гарднер приписывают: а) философскому мировоззрению, б) способностям и стилю мышления, в) методу прогнозирования и г) рабочей этике [20]. Б. Меллерс с соавторами индивидуальные результаты связали с: а) когнитивными способностями и стилем, б) навыками, специфичными для конкретной задачи, в) мотивацией и приверженностью и г) обогащенной средой [21].

МЕТОДЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЭКСПЕРТОВ В ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В российской научной литературе выделяются две группы методов: объективные и субъективные. К объективным методам, основанным на документальной информации и сведениях о результатах практической деятельности экспертов, относят документальный и экспериментальный. К субъективным методам, основанным на собственном мнении экспертов о себе и/или мнениях коллег, относят методы самооценки и коллективной оценки, последняя, в свою очередь, реализуется методами тайной или открытой аттестации и взаимной оценки [6].

В зарубежной научной литературе, где авторы основываются на введении в социологический, поведенческий и когнитивный подходы идентификации экспертов, прослеживается более широкий репертуар методов отбора экспертов в организационных исследованиях (табл. 1).

У каждого из рассмотренных методов есть преимущества и недостатки, ни один из методов не является универсальным. Представленную таблицу можно рассматривать как навигатор по методам отбора экспертов в организационных исследованиях. Непосредственно выбор метода или методов определяется ожиданиями от экспертов, такими как: глубокое знание темы; высокая креативность или способность нестандартно мыслить; представительство интересов определенных действующих субъектов, группы или идеи, концепции. В первом случае отбор экспертов может основываться на предполагаемых уровнях знаний и релевантным будет использование таких методов, как метод внешних сигналов, самооценка или тестирование. Креативность или способность мыслить нестандартно важны для решения «злых» (по Х. Риттелю и М. Уэбберу), «жестких» (по П. Чекланду) проблем в жизнедеятельности организации. В этом контексте значимым является то, как результаты работы экспертов в прошлом способствовали решению проблем, не имеющих однозначного, понятного или верного решения, и релевантным будет использование метода прошлых результатов. Если организационное исследование нацелено на создание структурированного диалога, выработку видения и стратегии действий, на построение желаемого будущего, и, соответственно, значимым будет расширение горизонта мыслимого, появление альтернативных вариантов и вызов общепринятой точки зрения, то в этом случае стоит обратиться к методам социального одобрения, политического влияния и личной вовлеченности. Если организационное исследование нацелено на социальные изменения, следует использовать методы социального одобрения, политического влияния, проблемной ситуации, личной вовлеченности, которые будут способствовать взаимному обучению, формированию консенсуса или разделяемого контекста.

Таблица 1

Обзор методов идентификации экспертов

Метод	Содержание	Подход	Преимущества	Недостатки
Метод социального одобрения	Выдвижение кандидатов	Социологический	- эксперты являются хорошими оценщиками других экспертов в конкретной предметной области; - демократический и целостный метод; - отобранные эксперты превосходят непрофессионалов; - коллапсальные оценки коррелируют с внешними сигналами; - включение неизвестных экспертов; - менее вероятный пропуск экспертов в процессе выдвижения кандидатов	предвзятость социальной желательности или эффект популярности, то есть требуемая экспертность связывается с популярностью кандидата
Метод политического влияния	Отбор экспертов с потенциальным политическим влиянием	Социологический	- легкодоступность информации; - участие влиятельных экспертов положительно влияет на успешность изменений	политически влиятельные кандидаты не всегда являются экспертами
Метод проблемной ситуации	Вариатбельность экспертов, представляющих ключевые действующие субъекты	Социологический	- представление точки зрения важных участников в проблемных ситуациях; - участие влиятельных экспертов положительно влияет на решение проблемной ситуации	предвзятость социальной желательности или эффект популярности
Метод личной вовлеченности	Выбор на основе личной заинтересованности в предмете исследования	Социологический / когнитивный	- целенаправленный опыт как важный элемент экспертности; - более высокая скорость отклика; - более широкий выбор экспертов	- необходимость операционализации/измерения; - предвзятость самоотбора; - влияние личных корыстных интересов
Метод внешних сигналов	Оценка на основе внешних критериев: стажа, должности, анкет, грамотности, удостоверений, публикаций и т.д.	Социологический / когнитивный	- доступность информации; - внешнее отображение навыков, умений; - опыт часто коррелирует с более развитыми когнитивными навыками и умениями и более глубокими знаниями	- риск предвзятости в решениях исследовательской группы, кого считать экспертом; - большой опыт не всегда означает большую экспертность; - некоторые профессионалы никогда не становятся экспертами; - неприменимость к областям, в которых отсутствуют институционализированные критерии экспертности; - хорошие теоретики не обязательно являются хорошими практиками; - пренебрежение креативностью и воображением

Окончание табл. 1

Метод	Содержание	Подход	Преимущества	Недостатки
Метод самооценки	Самооценка экспертности	Поведенческий / когнитивный	– низкობарьерный метод для областей, в которых отсутствуют объективные критерии экспертности; – эксперты теоретически являются лучшими судьями своей деятельности; – эксперты выделяют сильными навыками самоконтроля; – самооценивание экспертов превосходит самооценивание неспециалистов	– неоднозначность результатов исследования принятия решений; – предубеждения: чрезмерный оптимизм, самоуверенность
Метод прошлых результатов	Выбор на основе прошлых результатов	Поведенческий	– низкობарьерный, несложный метод при наличии данных о прошлых результатах; – существование в некоторых областях устойчивых «золотых стандартов» и рейтинговых систем; – применение к повторяющимся задачам с подающимися оценке результатами	– зависимость от измеримых результатов; – неприменимость для прогнозирования экстремальных или редких событий; – предубеждения: чрезмерная самоуверенность после успеха; – неприменимость для не поддающихся количественной оценке ненаблюдаемых аспектов (например, неявных знаний)
Тестирование знаний	Отбор на основе подающихся проверке знаний	Когнитивный	– возможность отбора внутри группы; – возможность проверки ответов	– недостаточность, в силу большей важности умения, приносить знания, чем их наличие; – пренебрежение связанной с опытом эвристикой; – этичность и затраты ресурсов: кандидаты проверяются, а затем исключаются; – пренебрежение креативностью и воображением
Метод определения ментальных черт	Когнитивные тесты, оценивающие экспертность	Когнитивный / социологический	– выявление «истинных» экспертов в предметной области, отвечающих важным когнитивным критериям (внутренняя согласованность, проинициативность, проведение аналогий и т.д.)	– высокие требования к подготовке; – отсутствие знаний о когнитивных процессах в некоторых областях; – неприменимость в том случае, когда эксперты сталкиваются с новыми задачами; – сложные и трудоемкие процедуры; – пренебрежение креативностью и воображением

Составлено автором по материалам источников [7; 22]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Статус эксперта не является самоочевидным. Отбор экспертов может обуславливаться континуумом предпосылок:

- необходимостью экспертного суждения или экспертного знания;
- необходимостью процедуры экспертной оценки или продукта профессиональной деятельности;
- знанием темы, проблемы, узкоспециализированных рынков или представлением интересов конкретных действующих субъектов, группы, идеи, концепции.

Выбор экспертов может основываться на предполагаемых знаниях, умениях, опыте, и тогда чем больше экспертов, тем лучше. В другом случае отсутствие зашоренности, наличие нестандартного видения темы, проблемы является важным параметром. Выбор экспертов может быть сопряжен с поиском кандидатов, представляющих интересы конкретных действующих субъектов, группы или приверженных какой-то идее, концепции. Необходимость осуществления социальных изменений будет требовать использования методов, относимых к социологическому подходу: методов социального одобрения, политического влияния, личной вовлеченности, проблемной ситуации. Необходимость технологической экспертизы, касающейся разработок на узкоспециализированных рынках, будет требовать экспертных знаний и опыта в соответствующей области, и тогда релевантным будет использование различных показателей, основанных на внешних сигналах, самооценке или тестировании.

Социологический, поведенческий и когнитивный подходы к идентификации экспертов направляют различные методы отбора. Рассмотренные нами методы идентификации экспертов в организационных исследованиях имеют свои достоинства и недостатки, некоторые методы требуют трудоемкой подготовительной работы, другие зависимы от когнитивных искажений и предвзятости группы, исследователей и мнений. Предлагаемый нами обзор методов предоставляет набор возможностей исследователям организации и организационного поведения.

Библиографический список

1. Оленев В.М., Широнова Е.М. Технологии исследования будущего в стратегическом менеджменте. *Экономика и предпринимательство*. 2021;12(137):831–834. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.137.12.164>
2. Sims B.H., Wiedlea A.K., Wilson G.D. Expert Opinion in Reliability. In: F. Ruggeri, R.S. Kenett, F.W. Faltin (eds.) *Encyclopedia of Statistics in Quality and Reliability*. New Jersey: Wiley; 2008. <https://doi.org/10.1002/9780470061572.eqr110>
3. Fildes R., Goodwin P., Lawrence M., Nikolopoulos K. Effective forecasting and judgmental adjustments: An empirical evaluation and strategies for improvement in supply-chain planning. *International Journal of Forecasting*. 2009;25(1):3–23. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijforecast.2008.11.010>
4. Nikolopoulos K., Lawrence M., Goodwin P., Fildes R. *On the accuracy of judgmental interventions on forecasting support systems. Working Paper*. Lancaster: The Department of Management Science, Lancaster University; 2005.
5. Franses P.H., Legerstee R. Do experts' adjustments on model-based SKU-level forecasts improve forecast quality. *Journal of Forecasting*. 2010;29(3):331–340. <https://doi.org/10.1002/for.1129>
6. Мельник П.Б. Математическая модель эксперта. *Инноватика и экспертиза: научные труды*. 2020;2(30):40–64. <https://doi.org/10.35264/1996-2274-2020-2-40-64>
7. Mauksch S., von der Gracht H.A., Gordon T.J. Who is an expert for foresight? A review of identification methods. *Technological Forecasting & Social Change*. 2020;154:119982. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.119982>
8. Agnew N.M., Ford K.M., Hayes P.J. 10 Expertise In Context: Personally Constructed, Socially Selected and Reality-Relevant? *International Journal of Expert Systems*. 1997;7(1):65–88.
9. Eyal G. For a sociology of expertise: the social origins of the autism epidemic. *American Journal of Sociology*. 2013;118(4):863–907. <https://doi.org/10.1086/668448>
10. Baker J., Lovell K., Harris N. How expert are the experts? An exploration of the concept of 'expert' within Delphi panel techniques. *Nurse Researcher*. 2006;14(1). <https://doi.org/10.7748/nr2006.10.14.1.59.c6010>
11. Devaney L., Henchion M. Who is a Delphi 'expert'? Reflections on a bioeconomy expert selection procedure from Ireland. *Futures*. 2018; 99 (1): 45–55. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2018.03.017>
12. Ecken P., Gnatzy T., von der Gracht H.A. Desirability bias in foresight: consequences for decision quality based on Delphi results. *Technological Forecasting and Social Change*. 2011;78(9):1654–1670. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2011.05.006>

13. Almandoz J., Tilcsik A. When experts become liabilities: domain experts on boards and organizational failure. *Academy of Management Journal*. 2016;59(4):1124–1149. <https://doi.org/10.5465/amj.2013.1211>
14. Finkelstein S. Don't Be Blinded by Your Own Expertise. *Harvard Business Review*. May–June 2019. https://hbr.org/2019/05/dont-be-blinded-by-your-own-expertise?ab=at_art_art_1x4_s03 (accessed 17.08.2022).
15. Bonaccorsi A., Apreda R., Fantonia G. Expert biases in technology foresight. Why they are a problem and how to mitigate them. *Technological Forecasting and Social Change*. 2020;151:119855. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.119855>
16. Belton I., MacDonald A., Wright G., Hamlin I. Improving the practical application of the Delphi method in group-based judgment: a six-step prescription for a well-founded and defensible process. *Technological Forecasting and Social Change*. 2019;147:72–82. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.07.002>
17. Chi M. Two Approaches to the Study of Experts' Characteristics. In K. Ericsson, N. Charness, P. Feltovich, & R. Hoffman (eds.) *The Cambridge Handbook of Expertise and Expert Performance*. Cambridge: Cambridge University Press; 2006. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511816796.002>
18. Ericsson K.A., Prietula M.J., Cokely E.T. The making of an expert. *Harvard Business Review*. July–August 2007. <https://hbr.org/2007/07/the-making-of-an-expert> (accessed 03.08.2022).
19. Kuchinke K.P. Employee expertises the status of the theory and the literature. *Performance Improvement Quarterly*. 1997;10(4):72–86. <https://doi.org/10.1111/j.1937-8327.1997.tb00068.x>
20. Tetlock P.E., Gardner D. *Superforecasting: The art and science of prediction*. New York: Crown Publishing Group; 2015. 352 p.
21. Mellers B., Stone E., Murray T., Minster A., Rohrbach N., Bishop M., Chen E., Baker J., Hou Y., Horowitz M., Ungar L., Tetlock P. Identifying and cultivating superforecasters as a method of improving probabilistic predictions. *Perspectives on Psychological Science*. 2015;10(3):267–281. <https://doi.org/10.1177/1745691615577794>
22. Müller M.O., Groesser S.N., Ulli-Beer S. How do we know who to include in collaborative research? Toward a method for the identification of experts. *European Journal of Operational Research*. 2012;216(2):495–502. <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2011.07.014>

References

1. Olenov V.M., Shironina E.M. Research techniques of the future in strategic management. *Economy and Entrepreneurship*. 2021;12(137):831–834. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.137.12.164>
2. Sims B.H., Wiedlea A.K., Wilson G.D. Expert Opinion in Reliability. In: F. Ruggeri, R.S. Kenett, F.W. Faltin (eds.) *Encyclopedia of Statistics in Quality and Reliability*. New Jersey: Wiley; 2008. <https://doi.org/10.1002/9780470061572.eqr110>
3. Fildes R., Goodwin P., Lawrence M., Nikolopoulos K. Effective forecasting and judgmental adjustments: An empirical evaluation and strategies for improvement in supply-chain planning. *International Journal of Forecasting*. 2009;25(1):3–23. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijforecast.2008.11.010>
4. Nikolopoulos K., Lawrence M., Goodwin P., Fildes R. *On the accuracy of judgmental interventions on forecasting support systems. Working Paper*. Lancaster: The Department of Management Science, Lancaster University; 2005.
5. Franses P.H., Legerstee R. Do experts' adjustments on model-based SKU-level forecasts improve forecast quality. *Journal of Forecasting*. 2010;29(3):331–340. <https://doi.org/10.1002/for.1129>
6. Melnik P.B. Mathematical model of the expert. *Innovation and expertise: scientific works*. 2020;2(30):40–64. <https://doi.org/10.35264/1996-2274-2020-2-40-64>
7. Mauksch S., von der Gracht H.A., Gordon T.J. Who is an expert for foresight? A review of identification methods. *Technological Forecasting & Social Change*. 2020;154:119982. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.119982>
8. Agnew N.M., Ford K.M., Hayes P.J. 10 Expertise In Context: Personally Constructed, Socially Selected and Reality-Relevant? *International Journal of Expert Systems*. 1997;7(1):65–88.
9. Eyal G. For a sociology of expertise: the social origins of the autism epidemic. *American Journal of Sociology*. 2013;118(4):863–907. <https://doi.org/10.1086/668448>
10. Baker J., Lovell K., Harris N. How expert are the experts? An exploration of the concept of 'expert' within Delphi panel techniques. *Nurse Researcher*. 2006;14(1). <https://doi.org/10.7748/nr2006.10.14.1.59.c6010>
11. Devaney L., Henchion M. Who is a Delphi 'expert'? Reflections on a bioeconomy expert selection procedure from Ireland. *Futures*. 2018; 99 (1): 45–55. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2018.03.017>
12. Ecken P., Gnatzy T., von der Gracht H.A. Desirability bias in foresight: consequences for decision quality based on Delphi results. *Technological Forecasting and Social Change*. 2011;78(9):1654–1670. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2011.05.006>
13. Almandoz J., Tilcsik A. When experts become liabilities: domain experts on boards and organizational failure. *Academy of Management Journal*. 2016;59(4):1124–1149. <https://doi.org/10.5465/amj.2013.1211>

14. Finkelstein S. Don't Be Blinded by Your Own Expertise. *Harvard Business Review*. May–June 2019. https://hbr.org/2019/05/dont-be-blinded-by-your-own-expertise?ab=at_art_art_1x4_s03 (accessed 17.08.2022).
15. Bonaccorsi A., Aprea R., Fantoni G. Expert biases in technology foresight. Why they are a problem and how to mitigate them. *Technological Forecasting and Social Change*. 2020;151:119855. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.119855>
16. Belton I., MacDonald A., Wright G., Hamlin I. Improving the practical application of the Delphi method in group-based judgment: a six-step prescription for a well-founded and defensible process. *Technological Forecasting and Social Change*. 2019;147:72–82. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.07.002>
17. Chi M. Two Approaches to the Study of Experts' Characteristics. In K. Ericsson, N. Charness, P. Feltovich, & R. Hoffman (eds.) *The Cambridge Handbook of Expertise and Expert Performance*. Cambridge: Cambridge University Press; 2006. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511816796.002>
18. Ericsson K.A., Prietula M.J., Cokely E.T. The making of an expert. *Harvard Business Review*. July–August 2007. <https://hbr.org/2007/07/the-making-of-an-expert> (accessed 03.08.2022).
19. Kuchinke K.P. Employee expertises the status of the theory and the literature. *Performance Improvement Quarterly*. 1997;10(4):72–86. <https://doi.org/10.1111/j.1937-8327.1997.tb00068.x>
20. Tetlock P.E., Gardner D. *Superforecasting: The art and science of prediction*. New York: Crown Publishing Group; 2015. 352 p.
21. Mellers B., Stone E., Murray T., Minster A., Rohrbaugh N., Bishop M., Chen E., Baker J., Hou Y., Horowitz M., Ungar L., Tetlock P. Identifying and cultivating superforecasters as a method of improving probabilistic predictions. *Perspectives on Psychological Science*. 2015;10(3):267–281. <https://doi.org/10.1177/1745691615577794>
22. Müller M.O., Groesser S.N., Ullrich-Berger S. How do we know who to include in collaborative research? Toward a method for the identification of experts. *European Journal of Operational Research*. 2012;216(2):495–502. <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2011.07.014>

Проблемы и перспективы цифровизации таможенных органов Российской Федерации

Аксенов Илья Антонович

Канд. экон. наук, доц. каф. государственного права и управления таможенной деятельностью
ORCID: 0000-0003-0541-327X, e-mail: IL_aks@mail.ru

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Россия

Аннотация

Цифровые технологии становятся неотъемлемой частью современного общества. Они проникают во все сферы жизни и деятельности человечества. Таможенное дело не стало исключением. Цель исследования – выявление проблем и перспектив внедрения цифровых технологий в деятельность таможенных органов Российской Федерации. Методологическую основу исследования составил комплекс мер научного познания, среди которых были применены общенаучные методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, а также частнонаучные методы: системный анализ и логический метод. В исследовании утверждается, что таможенные операции напрямую связаны с тем, насколько развиты и внедрены цифровые технологии в деятельность таможенных органов. Несмотря на все очевидные перспективы дальнейшей цифровизации в сфере таможенного дела, существуют и определенные сложности. В статье автором выявляются ключевые проблемы цифровизации таможенных органов Российской Федерации. На основании выявленных недостатков формируются рекомендации по их устранению с учетом современной экономической и геополитической ситуации.

Ключевые слова

Цифровизация, таможенные органы, личный кабинет, участник внешне-экономической деятельности, информационная безопасность

Для цитирования: Аксенов И.А. Проблемы и перспективы цифровизации таможенных органов Российской Федерации // Вестник университета. 2022. № 10. С. 66–71.

Problems and prospects of the Russian Federation customs authorities digitalisation

Ilia A. Aksenov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the State Law and Management of Customs Activities Department
ORCID: 0000-0003-0541-327X, e-mail: Il_aks@mail.ru

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia

Abstract

Digital technologies are becoming an integral part of the modern society. They penetrate into all spheres of life and activity of mankind. Customs is no exception. The purpose of the study is to identify the problems and prospects for the introduction of digital technologies in the activities of the customs authorities of the Russian Federation. The methodological basis of the study is a set of measures of scientific knowledge, including general scientific methods of analysis, synthesis, induction and deduction, as well as private scientific methods: system analysis, logical method. The study argues that customs operations are directly related to the extent to which digital technologies are developed and implemented in the activities of customs authorities. Despite all the obvious prospects for further digitalisation in the field of customs, there are certain problems. In the article, the author identifies the key issues of the Russian Federation customs authorities digitalisation. Based on the identified limitations, recommendations are made for their elimination, taking into account the current economic and geopolitical situation.

Keywords

Digitalisation, customs authorities, personal account, foreign trade participant, information security

For citation: Aksenov I.A. (2022) Problems and prospects of the Russian Federation customs authorities digitalisation. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 66–71.

ВВЕДЕНИЕ

Современные реалии таковы, что на смену компьютерным технологиям приходит эпоха цифровизации. Это явление является многоаспектным процессом, при котором происходит перевод информации в цифровую форму. Это, в свою очередь, ведет к заметному снижению издержек, повышению показателей производительности труда, появлению дополнительных возможностей по созданию, хранению, а также передаче различных сведений и информации. Процесс цифровизации в России проникает во все сферы деятельности, в том числе и таможенную.

В связи с переходом Российской Федерации на современные основы формирования экономики и интеграции в мировое хозяйство, а также с переменами масштабов, форм и характера внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД), реализуется разработка и внедрение новых технологий в деятельность таможенных органов. Главной целью кардинальных изменений считается создание наиболее благоприятной среды для участников ВЭД.

© Aksenov I.A., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

На сегодняшний день трансформация таможенных технологий в России происходит в русле глобального мирового тренда. Цифровизация таможенных органов нацелена на обеспечение эффективности труда, внедрение передовых инновационных проектов, однако существует и ряд проблем в области цифровизации таможенной деятельности.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

С.В. Мозер считает, что впервые термин «цифровая экономика» предложил ученый из Канады Дон Тапскотт в 1994 г. [1]. А.Н. Козырев полагает, что зарождение цифровизации началось в 1933 г. с момента публикации работы российского ученого А.В. Котельникова, в которой он сформулировал «теорему отчетов» и где была представлена идея возможности воспроизведения аналогового сигнала по цифровому сигналу при определенных условиях [2].

По мнению В.П. Бауэра, цифровая экономика является некой цифровой экосистемой информационного общества, которая позволяет при использовании цифровых технологий достигать целей информационного общества по решению социально-экономических проблем [3].

С точки зрения И.А. Филипповой и Д.Д. Незванова, цифровизация устанавливает формирование в экономическом пространстве цифровых платформ, которые дают возможность регулировать проблемы стратегического характера в разных сферах деятельности [4].

Е.А. Скорятина и Р.К. Соболев под цифровизацией подразумевают итог трансформационного результата новых технологических процессов общего назначения в области информации и коммуникации [5].

П.А. Паулов отмечает, что деятельность таможен полностью основана на принципах цифровых технологий, которые являются важной частью работы таможенных органов [6].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В цифровизации таможенных органов можно выделить ряд проблем.

1. Проблемы информационной безопасности.

В условиях цифровизации возрастает риск потери данных, как участников ВЭД, так и должностных лиц таможенных органов. В данном случае важно отметить, что использование цифровых технологий приводит к киберприступности и кибертерроризму. В последнее время участились кибератаки на информационные ресурсы государственных органов Российской Федерации, в частности и Федеральной таможенной службы Российской Федерации. В связи с этим возросла нагрузка на сайт ведомства, что привело к неполному отображению информации на интернет-ресурсе. Злоумышленники незаконно получают доступ к различным информационным системам и извлекают данные. Это происходит из-за украденных учетных записей, слабых или повторно используемых паролей и других уязвимостей в системе, которая может быть подвержена атакам разного рода.

Сегодня в отношении Российской Федерации введены многочисленные санкции. Из-за этого многие зарубежные цифровые платформы прекращают свою деятельность на территории России. Но еще остаются технологии, которые эффективно используются в работе таможенных органов. Например, продолжает свою работу платформа Oracle, которая активно применяется в таможенных органах для анализа больших данных и имеет обширный функционал. Но сложные современные взаимоотношения между Россией и зарубежными странами могут привести к неблагоприятным последствиям. Возможны непредвиденные кибератаки со стороны стран-производителей. Например, все цифровые платформы нуждаются в обновлениях, и платформа Oracle не является исключением. Разработчики этой платформы, запустив обновление, могут получить сведения, содержащие государственную тайну. Отследить нарушение такого характера почти невозможно. Будут наблюдаться лишь помехи, сбои в работе и долгая загрузка, что может показаться допустимым в работе с цифровой платформой [7]. Но разработчики могут и не остановиться на этом. Никто не знает, какие последствия ждут Россию в дальнейшем. Производители могут лишить таможенные органы доступа, удалив или заблокировав программы. Есть риск глобальной потери данных без права на восстановление.

Киберпреступность и кибертерроризм негативно влияют на экономические отношения, поскольку происходит нарушение взаимосвязи элементов экономической системы. Так как цифровизация предполагает, что информация является экономическим ресурсом, а эффективное функционирование информационных систем зависит полностью от информации, то киберпреступность и кибертерроризм являются самой опасной угрозой для таможенных операций.

2. Проблемы функционирования личного кабинета участника ВЭД на сайте Федеральной таможенной службы Российской Федерации.

Личный кабинет является цифровым продуктом, созданным для значительного упрощения и облегчения деятельности участника ВЭД. Личный кабинет на официальном сайте Федеральной таможенной службы Российской Федерации (далее – ФТС России) существует с 2015 г. Функционал личного кабинета на сегодняшний день составляет более 80 сервисов, предназначенных для оказания различного рода услуг. Но участники ВЭД пользуются им неохотно. По статистике, в 2019 г. личный кабинет участника ВЭД на сайте ФТС России завели 248 тысяч пользователей. Это говорит о том, что популярность сервиса в целом очень мала. На сегодняшний день самыми популярными сервисами личного кабинета являются «Лицевой счет», «Предварительное информирование и операции в пунктах пропуска» и «Валютный контроль» [8].

Несмотря на эффективность сервиса, существует ряд проблем, с которыми сталкиваются как участники ВЭД, так и должностные лица таможенных органов.

1. Частые сбои в системе, что приводит к долгому ответу на запрос.
2. Отсутствие технической онлайн-поддержки. Консультирование через форму обратной связи в реалиях цифровизации на сегодняшний день значительно устарело.
3. Недоработки сервиса: например, не отображаются различные расписки, отчеты о внесенных платежах [9]. Это приводит к задержке выпуска товара, находящегося на контроле. Должностные лица таможенных органов, в свою очередь, не имеют возможности удостовериться в наличии денежных средств на счетах.
4. Сбои, касающиеся декларирования и платежных документов. Во время заполнения декларации нередко случается зависание системы, и эта проблема вынуждает заполнять декларацию заново. Также стоит отметить, что при заполнении платежной документации зачастую по своей невнимательности участники ВЭД совершают опечатки и ошибки. Денежные средства не поступают, и их признают «невыясненными» [10]. Участник ВЭД обращается в ФТС России для устранения проблемы. Но заявление рассматривается 21 день, а за это время произойдет задержка выпуска товара, нарушатся сроки поставки, и участник ВЭД понесет большие денежные потери за простой груза.
5. Личный кабинет может подвергаться атакам со стороны, что приведет к утечке информации.

Можно сделать вывод, что цифровизация таможенных органов активно развивается, но возникает достаточно много проблем и рисков, связанных с недоработками функционирования таможни и ее взаимодействия с другими органами Российской Федерации [11]. В настоящее время, в соответствии со Стратегией развития таможенных органов до 2030 г., необходимо решить все проблемные вопросы и обеспечить бесперебойную и эффективную работу таможенных органов.

1. Для решения проблем, связанных с информационной безопасностью, необходимо следующее.

Во-первых, отказываться от использования зарубежного программного обеспечения. Неизвестно, насколько долго продлятся санкции, что в дальнейшем будет с сотрудничеством Российской Федерации с иностранными партнерами. Необходимо осуществить переход с платформ иностранных разработчиков на версии российского производства. Это позволит сохранить данные, серверы и минимизировать количество кибератак. В связи с развитием цифровизации и цифровых технологий в целях обеспечения конкурентоспособности России на мировом рынке следует серьезно подойти к вопросу о запуске цифровой платформы, которая может быть использована для работы таможенных органов.

Во-вторых, следует внедрить программу, обеспечивающую безопасный вход в личный кабинет на сайте Федеральной таможенной службы Российской Федерации. Например, в процедуру авторизации в личном кабинете участника ВЭД стоит включить метод двухфакторной аутентификации. Он позволит заходить в сервисы только владельцу личного кабинета после подтверждения его личности двумя разными способами [12]. Для этого свой аккаунт нужно связать с номером телефона или приложением на смартфоне, куда будет приходить код доступа. Такая программа обеспечит двойную защиту личных данных и аккаунтов от несанкционированного проникновения. Она будет полезна как для личного кабинета участника ВЭД, так и для персональных компьютеров сотрудников и должностных лиц таможенных органов.

В-третьих, необходимо устанавливать четкий контроль за рабочими местами сотрудников, которые могут оставить персональный компьютер без присмотра.

В-четвертых, требуется детальная проработка всех имеющихся цифровых платформ. Для того чтобы минимизировать возникающие риски, связанные с кибератаками и получением сведений, нужно

провести детальную проверку всех цифровых платформ на наличие вредоносных программ. Необходимо осуществить оценку востребованности сервиса и частоту его использования [13]. Целесообразно определить, какие нормативные правовые акты нуждаются в корректировке, доработать законодательство.

В-пятых, важно проводить планомерные работы по развитию информационно-технического обеспечения. Следует постоянно модернизировать ведомственную интегрированную телекоммуникационную сеть ФТС России для того, чтобы информация, которая направляется через каналы связи, была актуальной.

2. Для решения проблем, связанных с функционированием личного кабинета участника ВЭД на сайте Федеральной таможенной службы Российской Федерации необходимо следующее.

Во-первых, осуществлять техническую поддержку в онлайн-формате, чтобы в любой момент реагировать на обращения участников ВЭД, касающихся технических перебоев при работе с сервисом «Личный кабинет». Следует организовать на сайте ФТС России горячую линию техподдержки или запустить чат-бот, через который можно обратиться за помощью, и специалисты в течение 10–15 минут смогут обработать запрос в режиме реального времени.

Во-вторых, нужно обеспечить сервис «Личный кабинет участника ВЭД» функцией автоматического сохранения данных. При различных сбоях в сервисе «Личный кабинет» сведения будут в виде копии храниться в течение какого-то времени. Также не станет лишней функция автоматической проверки информации, указанной участниками ВЭД, которая будет предупреждать об ошибке, совершенной при вводе данных.

В-третьих, следует поднимать популярность сервисов личного кабинета. Это можно сделать с помощью социальных сетей «ВКонтакте», Telegram и других. Важно предоставлять гражданам информацию о функциональности сервиса. В социальной сети «ВКонтакте» можно выпускать видеоролики с кратким обзором каждой услуги или инструкциями для неопытных пользователей. Также необходимо чаще публиковать информационные посты. В мессенджере Telegram следует создать канал, где будут публиковаться актуальные новости и статистика. Также в социальных сетях можно проводить интерактивные викторины и игры, которые поспособствуют появлению интереса у пользователей к работе в личном кабинете участника ВЭД [14].

В-четвертых, необходимо обеспечить защиту мобильной версии личного кабинета. Для предотвращения хакерских атак требуется разработать российскую программу защиты. За базу можно взять версию зарубежных стран, а именно мобильную программу Google Authenticator. Технология должна работать следующим образом. Два приложения будут связываться друг с другом. При каждом входе в личный кабинет программа защиты будет запрашивать код, который будет приходить на телефон пользователя. После выхода из личного кабинета участника ВЭД программа автоматически завершает сеанс на устройстве. Так можно будет обеспечить сохранность личных данных. Также программа должна уведомлять о каждой попытке входа со стороны злоумышленника.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в настоящий момент активно идет процесс цифровизации таможенных органов, но возникает ряд проблемных вопросов. Они, главным образом, связаны с информационной безопасностью и отсутствием интереса у пользователей к сервисам личного кабинета участника ВЭД на сайте Федеральной таможенной службы Российской Федерации. Предложенные решения по устранению проблемных вопросов, например, отказ от использования цифровых платформ зарубежных разработчиков, внедрение программ двухфакторной аутентификации, защита мобильной версии сервиса «Личный кабинет участника ВЭД», запуск чат-ботов, позволят более эффективно реализовывать дальнейшую цифровизацию таможенных органов.

Библиографический список

1. Мозер С.В. Совершенствование правового института цифровой таможни: анализ модели зрелости ВТамО. *Проблемы экономики и юридической практики*. 2019;15(2):234–240.
2. Козырев А.Н. Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе. *Цифровая экономика*. 2018;1(1):5–19.
3. Бауэр В.П. *Проблемы на пути создания унифицированной цифровой платформы цифровой экономики*. М.: Российская академия естественных наук; 2017. 39 с.
4. Филиппова И.А., Незванов Д.Д. Развитие цифровой экономики в России. *Вестник Ульяновского государственного технического университета*. 2018;3(83):54–56.

5. Скорятина Е.А., Соболев Р.К. Особенности формирования и становления цифровой экономики. В сб.: Бабкин А.В. (ред.) *Инновационные кластеры в цифровой экономике: теория и практика : Труды VIII научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 17–22 мая 2017 г.* СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; 2017. С. 208–211.
6. Паулов П.А. К вопросу о личном таможенном досмотре как форме таможенного контроля. *Актуальные проблемы правоведения.* 2014;3-4(43):76–79.
7. Левинская Е.В., Сафонова А.М., Трегубов А.Н. Цифровые технологии взаимодействия таможенных органов с участниками внешнеэкономической деятельности. *Таможенное дело.* 2021;1:22–24. <https://doi.org/10.18572/2071-1220-2021-1-22-24>
8. Бондаренко А.О. Цифровая трансформация деятельности таможенных органов Российской Федерации на примере технологии автоматического выпуска. *Вестник университета.* 2021;11:24–30. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-11-24-30>
9. Орлова Е.Р., Кудрявцев П.Е. Внедрение цифровых технологий в деятельность таможенных органов: результаты и перспективы развития. *Аудит и финансовый анализ.* 2021;1:148–153.
10. Васильев С.Н. Использование современных цифровых технологий в деятельности таможенных органов. *Вестник Российской таможенной академии.* 2018;2:116–123.
11. Аксенов И.А. Использование цифровых технологий при оказании государственных таможенных услуг. *Таможенное дело.* 2022;1:3–6. <https://doi.org/10.18572/2071-1220-2022-1-3-6>
12. Архипова Д.А., Паулов П.А. Цифровые технологии в таможенном контроле. *Modern Science.* 2020;12-1:242–244.
13. Москаленко О.А., Зыбенк С.В. От цифровой таможни к интеллектуальной. *Russian Journal of Management.* 2020;8(3):126–130. <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2020-8-3-126-130>
14. Мешечкина Р.П. Цифровизация как фактор повышения эффективности администрирования таможенной деятельности. *Вестник Российской таможенной академии.* 2020;3(52):33–39.

References

1. Moser S.V. Improving the legal institution of digital customs: analysis of the WCO maturity model. *Problems of economics and legal practice.* 2019;15(2):234–240.
2. Kozyrev A.N. Digital economy and digitalisation in historical retrospective. *Digital economy.* 2018;1(1):5–19.
3. Bauer V.P. *Problems on the way to creating a unified digital platform for the digital economy.* Moscow: Russian Academy of Natural Sciences; 2017. (In Russian).
4. Filippova I.A., Nezvanov D.D. Development of the digital economy in Russia. *Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University.* 2018;3(83):54–56.
5. Skoryatina E.A., Sobolev R.K. Features of the formation and development of the digital economy. In: Babkin A.V. (ed.) *Innovative clusters in the digital economy: theory and practice: Proceedings of the VIII scientific and practical conference with international participation, St. Petersburg, 17–22 May 2017.* St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Publ. House; 2017. P. 208–211.
6. Paulov P.A. On the issue of personal customs inspection as a form of customs control. *Actual problems of jurisprudence.* 2014;3-4(43):76–79.
7. Levinskaya E.V., Safonova A.M., Tregubov A.N. Digital technologies for the interaction of customs authorities with participants in foreign economic activity. *Customs business.* 2021;1:22–24. <https://doi.org/10.18572/2071-1220-2021-1-22-24>
8. Bondarenko A.O. Digital transformation of the activities of the customs authorities of the Russian Federation on the example of automatic release technology. *Vestnik Universiteta.* 2021;11:24–30. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-11-24-30>
9. Orlova E.R., Kudryavtsev P.E. Implementation of digital technologies in the activities of customs authorities: results and development prospects. *Audit and financial analysis.* 2021;1:148–153.
10. Vasiliev S.N. The use of modern digital technologies in the activities of customs authorities. *Bulletin of the Russian Customs Academy.* 2018;2:116–123.
11. Aksenov I.A. The use of digital technologies in the provision of state customs services. *Customs business.* 2022;1:3–6. <https://doi.org/10.18572/2071-1220-2022-1-3-6>
12. Arkhipova D.A., Paulov P.A. Digital technologies in customs control. *Modern Science.* 2020;12-1:242–244.
13. Moskalenko O.A., Zybenk S.V. From digital to intellectual customs. *Russian Journal of Management.* 2020;8(3):126–130. <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2020-8-3-126-130>
14. Meshechkina R. P. Digitalisation as a factor in improving the efficiency of administration of customs activities. *Bulletin of the Russian Customs Academy.* 2020;3(52):33–39.

Совершенствование научно-методических основ определения требований и критериев экологического характера к инфраструктурным проектам

Вишняков Яков Дмитриевич

Д-р техн. наук, член Комиссии РАН по изучению научного наследия выдающихся ученых¹,
проф. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе²
ORCID: 0000-0003-0656-140X, e-mail: vishnyakov1@yandex.ru

Годлевский Петр Петрович

Канд. воен. наук, доц. каф. безопасности жизнедеятельности³
ORCID: 0000-0003-2965-2275, e-mail: machine61@mail.ru

Киселева Светлана Петровна

Д-р экон. наук, член Комиссии РАН по изучению научного наследия выдающихся ученых¹,
гл. науч. сотрудник, проф. каф. безопасности жизнедеятельности³
ORCID: 0000-0002-0564-7626, e-mail: svetkiseleva@yandex.ru

¹Российская академия наук, г. Москва, Россия

²Государственный университет управления, г. Москва, Россия

³Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена проблематике учета экологического фактора при оценке и отборе инфраструктурных проектов, финансирование которых осуществляется с привлечением средств Фонда национального благосостояния России. Цель исследования состоит в совершенствовании научно-методической базы оценки и отбора инфраструктурных проектов в условиях современных вызовов и угроз экологического характера. В работе использовались всеобщие и общенаучные методы, методы эмпирического и теоретического научного познания, а также специальные методы, обусловленные сущностью объекта и предмета исследования. Представлены разработанные научно-методические основы и предложения по нормативно-правовому регулированию оценки и отбора инфраструктурных проектов с учетом экологического фактора.

Ключевые слова

Инфраструктурный проект, научно-методические основы, обеспечение экологической безопасности, повышение конкурентоспособности, финансирование, Фонд национального благосостояния, экологический императив, технологическое развитие, экологическая эффективность, эколого-экономическая эффективность, экологический фактор, эколого-ориентированное развитие

Благодарности. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. В статье отражены результаты прикладной научно-исследовательской работы «Анализ требований к планированию и реализации инфраструктурных проектов, финансирование которых осуществляется с привлечением средств Фонда национального благосостояния России, в том числе с возможностью использования технологий информационного моделирования».

Для цитирования: Вишняков Я.Д., Годлевский П.П., Киселева С.П. Совершенствование научно-методических основ определения требований и критериев экологического характера к инфраструктурным проектам // Вестник университета. 2022. № 10. С. 72–79.

© Вишняков Я.Д., Годлевский П.П., Киселева С.П., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Improving the scientific and methodological foundations for determining environmental requirements and criteria for infrastructure projects

Yakov D. Vishnyakov

Dr. Sci. (Techn.), member of the Russian Academy of Sciences Commission for the Study of the scientific heritage of outstanding scientists¹, Prof. at the Economics and Management in the Fuel and Energy Complex Department²
ORCID: 0000-0003-0656-140X, e-mail: vishnyakov1@yandex.ru

Pyotr P. Godlevskiy

Cand. Sci. (Mil.), Assoc. Prof. at the Life Safety Department³
ORCID: 0000-0003-2965-2275, e-mail: machine61@mail.ru

Svetlana P. Kiseleva

Dr. Sci. (Econ.), member of the Russian Academy of Sciences Commission for the Study of the scientific heritage of outstanding scientists¹, Chef Researcher at the Life Safety Department³
ORCID: 0000-0002-0564-7626, e-mail: svetkiseleva@yandex.ru

¹Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²State University of Management, Moscow, Russia

³Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the issue of taking into account the environmental factor in the evaluation and selection of infrastructure projects that are financed with the involvement of funds from the Russian National Wealth Fund. The purpose of the study is to improve the scientific and methodological base for the assessment and selection of infrastructure projects in the face of modern environmental challenges and threats. The work used universal and general scientific methods, methods of empirical and theoretical scientific knowledge, as well as special methods, due to the essence of the object and subject of research. The developed scientific and methodological foundations and proposals for the legal regulation of the assessment and selection of infrastructure projects, taking into account the environmental factor, are presented.

Keywords

Infrastructure project, scientific foundations, methodological foundations, ensuring environmental safety, improving competitiveness, financing, National Wealth Fund, ecological imperative, technological development, environmental efficiency, ecological and economic efficiency; environmental factor, environmental-focused development

Acknowledgements. The article was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation. The article reflects the results of applied research work "Analysis of requirements for planning and implementation of infrastructure projects that are financed with the funds from the Russian National Wealth Fund, including the possibility of using information modeling technologies".

For citation: Vishnyakov Ya.D., Godlevskiy P.P., Kiseleva S.P. (2022) Improving the scientific and methodological foundations for determining environmental requirements and criteria for infrastructure projects. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 72–79.

ВВЕДЕНИЕ

Инфраструктурные проекты, финансирование которых осуществляется с привлечением средств Фонда национального благосостояния России (далее – инфраструктурные проекты), призваны повысить конкурентоспособность территорий и способствовать их устойчивому и сбалансированному развитию и обеспечению национальной безопасности. Экологический фактор играет весомую роль в поддержке безопасности и эффективности инфраструктурных проектов.

Нормативно-правовые акты, регулирующие оценку и отбор инфраструктурных проектов [1], определяют, что в рамках разработки комплексного обоснования инвестиционного проекта осуществляется анализ заключения относительно экологической безопасности проекта (далее – заключение по ЭБ). Требования по экологической безопасности – это необходимые и первоочередные условия экологического характера [2]. Экологический фактор следует учитывать не только в интересах обеспечения безопасности, но и в интересах развития экономики. Он определяет качество жизни населения, влияет на эффективность природопользования и структуру экономики, обуславливает характер и динамику экономического роста [3]. В условиях политического и экономического давления на Россию, инновационного развития страны, декарбонизации экономики нужно обратить более пристальное внимание на экологический фактор и его влияние на социально-экономическое развитие России в интересах ее национальной безопасности и повышения конкурентоспособности. Значимая роль в решении данной задачи принадлежит процедуре оценки и отбора инфраструктурных проектов.

Цель исследования состоит в совершенствовании научно-методической базы отбора и оценки инфраструктурных проектов с учетом современных угроз и рисков экологического характера (далее – научно-методические основы). Задача исследования состоит в разработке научно-методических основ оценки и отбора инфраструктурных проектов, которые позволят наиболее полно оценить экологические и эколого-экономические аспекты реализации инфраструктурного проекта на протяжении его жизненного цикла (далее – ЖЦ).

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ

Междисциплинарность и многогранность предметной области исследования обусловили использование различных методов. В работе применены всеобщие и общенаучные методы научного познания, методы эмпирического и теоретического научного познания, а также специальные методы. Методология исследования базируется на основных положениях и принципах теории рисков [4] и теории эколого-ориентированного инновационного развития [5].

Разработка научно-методических основ определения требований и критериев оценки инфраструктурных проектов с учетом экологического фактора должна опираться на определенную концепцию. Академик Н.Н. Моисеев говорил: «Человечество, как единое целое, должно подчиняться условиям экологического императива» [6; 7]. В свою очередь, академик Н.Н. Моисеев придавал большое значение технологическому развитию, он говорил: «Сегодня ставка на новые высшие технологии, поэтому та страна, которая сумеет сохранить образование, обеспечить развитие наук, в следующем поколении будет впереди» [8]. На основании изложенного, определение требований и критериев экологического характера к инфраструктурным проектам предложено осуществлять с учетом теории эколого-ориентированного инновационного развития на базе экологического императива технологического развития. Теория эколого-ориентированного инновационного развития и реализации экологического императива технологического развития разработана Я.Д. Вишняковым и С.П. Киселевой [5; 9].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В интересах реализации экологического императива технологического развития экономики [9] в научно-методических основах предложено закрепить следующую цель определения требований и критериев экологического характера к инфраструктурным проектам (далее – Цель) – обеспечение выбора экологически безопасных и наиболее эколого-ориентированных инфраструктурных проектов в интересах национальной безопасности и повышения конкурентоспособности России.

Важно понимать, что экологическая ориентированность – это направленность на снижение негативного воздействия на окружающую среду (далее – ОС), которую можно и необходимо оценивать в динамике [5; 10].

Таким образом, эколого-ориентированный инфраструктурный проект – это проект, в рамках ЖЦ которого обеспечивается постепенное снижение негативного воздействия на окружающую среду, что характеризуется повышением экологической и эколого-экономической эффективности деятельности. Кроме экологической безопасности инфраструктурных проектов предлагается дополнительно оценивать их эколого-ориентированность (рис. 1).

Оценка инфраструктурного проекта с учетом экологического фактора	
Оценка экологической безопасности инфраструктурного проекта (обеспечивается)	Оценка эколого-ориентированности инфраструктурного проекта (предлагается дополнительно)

Составлено автором по материалам источников [5; 10]

Рис. 1. Составляющие оценки инфраструктурного проекта с учетом экологического фактора

В научно-методических основах предложено закрепить следующие взаимосвязанные задачи определения требований и критериев экологического характера к инфраструктурным проектам (далее – Задачи).

1. Требования и критерии оценки инфраструктурных проектов должны обеспечивать выбор экологически безопасных проектов.

2. Требования и критерии оценки инфраструктурных проектов должны обеспечивать выбор наиболее эколого-ориентированных инфраструктурных проектов.

В настоящее время отсутствуют утвержденные перечни показателей для оценки и отбора наиболее эколого-ориентированных инфраструктурных проектов, а также утвержденные подходы и методики формирования перечня таких показателей.

Для оценки эколого-ориентированности инфраструктурных проектов предлагается использовать комплекс показателей, который позволит оценить основные аспекты экологической эффективности (отражающей отношение экологических результатов к затратам на их достижение) и эколого-экономической эффективности (отражающей соотношение общих экономических выгод и потерь с учетом экологических эффектов) инфраструктурных проектов, включающий следующие группы показателей [5; 10].

1. Группа показателей, характеризующих изменение соотношения двух экологических составляющих, выраженных в натуральных единицах (массы или объема), в процессе реализации ЖЦ инфраструктурного проекта.

Пример: изменение соотношения количества отходов (в тоннах) к общему потреблению ресурсов (в тоннах).

2. Группа показателей, характеризующих изменение соотношения экологической составляющей в натуральных единицах (в единицах массы или объема) и финансовой составляющей (в денежных единицах) в процессе реализации ЖЦ инфраструктурного проекта.

Пример: изменение соотношения объема выбросов CO₂ (в тоннах) к объему продаж (в рублях).

3. Группа показателей, характеризующих изменение соотношения экологической составляющей в экономическом выражении (в денежных единицах) и финансовой составляющей в экономическом выражении (в денежных единицах) в процессе реализации ЖЦ инфраструктурного проекта.

Пример: изменение соотношения платы за потребление энергии (в рублях) к прибыли (в рублях).

4. Группа показателей, характеризующих изменение экономической эффективности инфраструктурного проекта с учетом экономической оценки ущерба от загрязнения ОС в процессе реализации ЖЦ инфраструктурного проекта (в денежных единицах).

Пример: изменение чистого дисконтированного дохода инфраструктурного проекта, рассчитанного как разность между всеми денежными притоками и оттоками с учетом ущерба от загрязнения ОС в процессе реализации ЖЦ инфраструктурного проекта в денежных единицах, приведенных к текущему моменту времени (моменту оценки инфраструктурного проекта).

5. Группа показателей, характеризующих изменение соотношения значений традиционных показателей экономической эффективности (в денежных единицах) и значений показателей экономической оценки ущерба от загрязнения ОС в процессе реализации ЖЦ инфраструктурного проекта (в денежных единицах).

Пример: изменение соотношения чистого дисконтированного дохода инфраструктурного проекта к экономической оценке ущерба от загрязнения ОС в процессе реализации ЖЦ инфраструктурного проекта.

Разработку комплекса показателей рекомендуется проводить с использованием Стандарта ИСО 14031 «Оценивание экологической эффективности» [11] и частных инициатив отраслевых компаний [12], с учетом целей и задач оценки и отбора инфраструктурных проектов. В отношении показателей групп 4 и 5 важным является наиболее полный учет всех элементов ущерба в составе денежных потоков [13]. При разработке показателей для оценки эколого-экономической эффективности инфраструктурных проектов рекомендовано использовать достижения теории ущербов [14], а также опыт ее применения российскими и зарубежными учеными и специалистами при решении практических задач в области экономики природопользования.

Разработку комплекса показателей предложено проводить с учетом следующих принципов определения требований и критериев экологического характера к инфраструктурным проектам (далее – Принципы).

Принцип № 1: обеспечение выбора наиболее эколого-ориентированного инфраструктурного проекта, который будет оправдан с учетом экономических, социальных и иных условий и ограничений, с учетом концепции приемлемого риска [4].

Принцип № 2: учет негативного и позитивного влияния экологических факторов на ОС и на реализацию инфраструктурного проекта, а также негативного и позитивного влияния экологических факторов инфраструктурного проекта на его составляющие компоненты в процессе реализации ЖЦ [10].

Принцип № 3: возможность обеспечивать оценку инфраструктурного проекта как открытой динамической системы, развитие которой зависит от состояния и развития его подсистем (в том числе инновационных) с учетом их постоянного итеративного взаимообусловленного взаимодействия между собой и с ОС, принимая во внимание особенности и динамику развития инновационных процессов [9; 10; 15]. Оценка и отбор инфраструктурных проектов необходимо реализовывать на базе инструментов прогнозирования и моделирования развития систем с использованием цифровых технологий и искусственного интеллекта.

ОБСУЖДЕНИЕ

Для разработки комплекса показателей предложено использовать методологию «Цель – Задачи – Принципы – Комплекс показателей», которая предполагает формирование, уточнение и актуализацию показателей на базе разработанных Цели, Задач и Принципов. Алгоритм оценки и отбора инфраструктурных проектов с помощью комплекса показателей может быть основан на процедуре ранжирования проектов по приоритетным критериям и сравнительной рейтинговой оценке [14]. Варианты алгоритма отработаны в российской и зарубежной теории и практике оценки проектов, мероприятий, решений.

В настоящее время значительное внимание в Российской Федерации обращено на развитие экологической политики и инструментов ее реализации. Обеспечение экологической безопасности проектов регулируется целым рядом документов [2; 16–22]. Однако действующая процедура оценки и отбора инфраструктурных проектов не позволяет рассмотреть эколого-экономические аспекты их реализации в динамике. С учетом усугубления экологического кризиса на планете необходимо, чтобы каждый инфраструктурный проект был не только экологически безопасен на протяжении его ЖЦ, но также был эколого-ориентированным, то есть направленным на постепенное снижение негативного воздействия на ОС в рамках всего ЖЦ. Эколого-ориентированность инфраструктурного проекта определяет повышение его экологической и эколого-экономической эффективности, что будет способствовать повышению конкурентоспособности инфраструктурного проекта, улучшению состояния ОС, повышению уровня экологического благополучия населения, развитию экономики России в долгосрочной перспективе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного исследования сформированы научно-методические основы определения требований и критериев экологического характера к инфраструктурным проектам. Предлагается в структуру оценки комплексного обоснования инфраструктурных проектов [21] добавить еще одну составляющую – оценку эколого-ориентированности инвестиционного проекта. Необходимо внести соответствующие изменения в нормативно-методическую документацию [22], на базе которой осуществляется оценка и отбор инфраструктурных проектов. Имеется значительный научный задел для выполнения такой работы, который определен многолетними достижениями Научной школы «Управление рисками

и обеспечение безопасности социально-экономических и общественно-политических систем и природно-техногенных комплексов» (руководитель — заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Я.Д. Вишняков), а также научных школ, которые развиваются под руководством ведущих ученых в области управления рисками и обеспечения безопасности в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации, Российской академии наук [23–25].

Представленные в статье предложения призваны способствовать отбору наиболее безопасных и эффективных инфраструктурных проектов с учетом экологического фактора в интересах обеспечения национальной безопасности и эколого-ориентированного инновационного развития России.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Постановление Правительства Российской Федерации от 05.11.2013 г. № 991 «О порядке проведения оценки целесообразности финансирования инвестиционных проектов за счет средств Фонда национального благосостояния и (или) пенсионных накоплений, находящихся в доверительном управлении государственной управляющей компании, на возвратной основе». <https://docs.cntd.ru/document/499055004> (дата обращения: 15.08.2022).
2. Российская Федерация. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об охране окружающей среды». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 15.08.2022).
3. Осипов В.И. Устойчивое развитие. Экологический аспект. Вестник Российской академии наук. 2019;89(7):718–727. <https://doi.org/10.31857/S0869-5873897718-727>
4. Вишняков Я.Д., Радаев Н.Н. *Общая теория рисков: учебное пособие для студентов высших учебных заведений*. 2-е изд. М.: Академия; 2008. 368 с.
5. Вишняков Я.Д., Киселева С.П. *Эколого-ориентированное инновационное развитие национальной экономики: научная монография*. М.: ЦНИТИ «Техномаш»; 2009. 297 с.
6. Моисеев Н.Н. *Избранные труды*. М.: Тайдекс Ко; 2003 г.
7. Моисеев Н.Н. *Современный рационализм*. М.: МГВП КОКС; 1995. 376 с.
8. Моисеев Н.Н. *Агония России. Есть ли у нее будущее? Попытка системного анализа проблемы выбора*. М.: Экспресс-3; 1996. 78 с.
9. Вишняков Я.Д., Киселева С.П. *Экологический императив технологического развития России: научная монография*. Ростов н/Д.: Терра; 2016. 296 с.
10. Киселева С.П. *Экологическая безопасность инновационного развития: научная монография*. Тамбов: Издательство Першина Р.В.; 2013. 312 с.
11. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. ГОСТ Р ИСО 14031-2016. *Экологический менеджмент. Оценка экологической эффективности. Руководство по оценке экологической эффективности*. <https://docs.cntd.ru/document/1200142908?ysclid=l82zrh21xs135290524> (дата обращения: 15.08.2022).
12. ОАО «Газпром». Стандарт организации. СТО ГАЗПРОМ 9-2005. *Оценка экологической эффективности в системе менеджмента охраны окружающей среды*; 2005. <https://ohranatruda.ru/upload/iblock/200/4293849227.pdf?ysclid=l831bfr0ih990767981> (дата обращения: 15.08.2022).
13. Белик И.С. *Эколого-экономическая безопасность: учебное пособие*. Екатеринбург: Изд-во Урал; 2013. 224 с.
14. Тулунов С.А. *Теория ущерба: общие подходы и вопросы создания методического обеспечения: научная монография*. М.: Наука; 2009. 284 с.
15. Киселева С.П. *П.И.И.И. (П.И.нформация. П.И.нновации. П.И.нвестиции): научная монография*. М.: Деловой экспресс; 2011. 160 с.
16. Российская Федерация. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 15.08.2022).
17. Российская Федерация. Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года (утверждены Указом Президента РФ от 30.04.2012). <https://base.garant.ru/70169264/> (дата обращения: 15.08.2022).
18. Российская Федерация. *Стратегия экологической безопасности РФ на период до 2025 года (утверждена Указом Президента РФ от 19.04.2017 № 176)*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/ (дата обращения: 15.08.2022).
19. Российская Федерация. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ (ред. от 01.05.2022) «Об экологической экспертизе». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8515/ (дата обращения: 15.08.2022).
20. Российская Федерация. Градостроительный кодекс РФ от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 15.08.2022).
21. Российская Федерация. Постановление Правительства Российской Федерации от 05.11.2013 г. № 991 «О порядке проведения оценки целесообразности финансирования инвестиционных проектов за счет средств фонда национального благосостояния и (или) пенсионных накоплений, находящихся в доверительном управлении государственной управляющей компании, на возвратной основе». <https://docs.cntd.ru/document/499055004> (дата обращения: 15.08.2022).

22. Российская Федерация. Методические указания по подготовке стратегического и комплексного обоснований инвестиционного проекта, а также по оценке инвестиционных проектов, претендующих на финансирование за счет средств Фонда национального благосостояния и (или) пенсионных накоплений, находящихся в доверительном управлении государственной управляющей компании, на возвратной основе (утверждены приказом Министра экономического развития РФ от 14.12.2013 г. № 741 (с изменениями от 24.12.2021 г.). <https://docs.cntd.ru/document/499066505> (дата обращения: 15.08.2022).
23. Абросимов Н.В., Махутов Н.А., Овсяник А.И., Шустов Б.М. *Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Наука и технологии комплексной безопасности: постановка проблем: коллективная научная монография.* М.: МГОФ «Знание»; 2021. 576 с.
24. Абросимов Н.В., Овсяник А.И., Шустов Б.М. *Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Наука и технологии комплексной безопасности: исследования и разработки: коллективная научная монография.* М.: МГФО «Знание»; 2021. 876 с.
25. Ильин И.В., Степанов С.А. Моисеев Н.Н. о России в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. *Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика.* 2020;2:6–21.

References

1. Russian Federation. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 991 dated 05 November 2013 "On the Procedure for Assessing the Feasibility of Financing Investment Projects at the Expense of the National Welfare Fund and (or) Pension Savings Held in Trust by a State Management Company on a Refundable Basis". <https://docs.cntd.ru/document/499055004> (accessed 15.08.2022).
2. Russian Federation. Federal Law dated 10 January 2002 No. 7-FZ (as amended on 02 July 2021) "On Environmental Protection". http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (accessed 15.08.2022).
3. Osipov V.I. Sustainable development. Ecological aspect. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences.* 2019;89(7):718–727. <https://doi.org/10.31857/S0869-5873897718-727>
4. Vishnyakov Ya.D., Radaev N.N. *General theory of risks: a textbook for students of higher educational institutions.* 2nd edition. Moscow: Academy; 2008. (In Russian).
5. Vishnyakov Ya.D., Kiseleva S.P. *Environmental-focused innovative development of the national economy: a scientific monograph.* Moscow: Central Research Technological Institute "Technomash"; 2009. (In Russian).
6. Moiseev N.N. *Selected works.* Moscow: Tydex Co.; 2003. (In Russian).
7. Moiseev N.N. *Modern rationalism.* Moscow: MGVP KOKS; 1995. (In Russian).
8. Moiseev N.N. *Agony of Russia. Does she have a future? An attempt at a systematic analysis of the problem of choice.* Moscow: Express-3; 1996. (In Russian).
9. Vishnyakov Ya.D., Kiseleva S.P. *Ecological imperative of technological development of Russia: scientific monograph.* Rostov-on-Don: Terra; 2016. (In Russian).
10. Kiseleva S.P. *Ecological safety of innovative development: a scientific monograph.* Tambov: Pershin R.V. Publishing House; 2013. (In Russian).
11. Federal Agency for Technical Regulation and Metrology. GOST R ISO 14031-2016. *Environmental management. Environmental performance assessment. Guidelines for Environmental Performance Assessment.* <https://docs.cntd.ru/document/1200142908?ysclid=l82zrh21xs135290524> (accessed 15.08.2022).
12. LLC Gazprom. The standard of the organization. STO GAZPROM 9-2005. *Assessment of environmental efficiency in the environmental protection management system*; 2005. <https://ohranatruda.ru/upload/iblock/200/4293849227.pdf?ysclid=l831bf-p0ih990767981> (accessed 15.08.2022).
13. Belik I.S. *Ecological and economic security: textbook.* Yekaterinburg: Ural Publishing House; 2013. (In Russian).
14. Tulupov S.A. *Theory of damage: general approaches and issues of creating methodological support: scientific monograph.* Moscow: Nauka; 2009. (In Russian).
15. Kiseleva S.P. I.I.I. (Information. Innovation. Investments): *scientific monograph.* Moscow: Business Express; 2011. (In Russian).
16. Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation dated 02 July 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (accessed 15.08.2022).
17. Russian Federation. *Fundamentals of state policy in the field of environmental development of Russia for the period up to 2030 (approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated 30 April 2012).* <https://base.garant.ru/70169264/> (accessed 15.08.2022).
18. Russian Federation. *The Strategy of environmental Safety of the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated 19 April 2017 No. 176).* http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/ (accessed 15.08.2022).

19. Russian Federation. *Federal Law No. 174-FZ dated 23 November 1995 (as amended on 01 May 2022) "On Environmental Expertise"*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8515/ (accessed 15.08.2022).
20. Russian Federation. *Town-Planning Code of the Russian Federation No. 190-FZ dated 29 December 2004*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (accessed 15.08.2022).
21. The Russian Federation. *Resolution of the Government of the Russian Federation No. 991 dated 05 November 2013 "On the Procedure for Assessing the Feasibility of Financing Investment Projects at the Expense of the National Welfare Fund and (or) Pension Savings Held in Trust by a State Management company on a Refundable Basis"*. <https://docs.cntd.ru/document/499055004> (accessed 15.08.2022).
22. Russian Federation. *Methodological guidelines for the preparation of strategic and comprehensive justifications of an investment project, as well as for the evaluation of investment projects applying for financing at the expense of the National Welfare Fund and (or) pension savings held in trust by a state management company on a refundable basis (approved by Order of the Minister of Economic Development of the Russian Federation No. 741 dated 14 December 2013 (with as amended on 24.12.2021))*. <https://docs.cntd.ru/document/499066505> (accessed 15.08.2022).
23. Abrosimov N.V., Makhutov N.A., Ovseyanik A.I., Shustov B.M. *Security of Russia. Legal, socio-economic, scientific and technical aspects. Integrated security science and Technology: problem statement: collective scientific monograph*. Moscow: Znanie International Humanitarian Public Foundation; 2021. (In Russian).
24. Abrosimov N.V., Makhutov N.A., Ovseyanik A.I., Shustov B.M. *Security of Russia. Legal, socio-economic, scientific and technical aspects. Integrated Security Science and Technology: Research and development: collective scientific monograph*. Moscow: Znanie International Humanitarian Public Foundation; 2021. (In Russian).
25. Ilyin I.V., Stepanov S.A. Moiseev N.N. about Russia in the XXI century: global challenges, risks and solutions. *Bulletin of the Moscow University. Series 27: Globalistics and Geopolitics*. 2020;2:6–21.

Особенности применения регрессии Кокса в различных инструментальных средах

Крамаренко Инна Владимировна

Канд. экон. наук, доц. каф. математических методов в экономике и управлении
ORCID: 0000-0003-0861-8772, e-mail: i.v.kramarenko@kiber-guu.ru

Константинова Любовь Андреевна

Канд. экон. наук, доц. каф. математических методов в экономике и управлении
ORCID: 0000-0003-0228-4011, e-mail: konstantinova11@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Наличие больших объемов данных в информационно-аналитических системах порождает необходимость их изучения с использованием методов машинного обучения и искусственного интеллекта. Эти модели требуют определения настроечных параметров, связанных с особенностями предметной области. В статье представлена модель регрессии Кокса для решения проблемы оттока клиентов. Регрессия Кокса признана моделью с высокой точностью предсказаний в здравоохранении. Поэтому интересным представляется применение модели в иных отраслях. В работе приведены результаты и сравнительный анализ расчетов на модели Кокса с использованием трех инструментов: статистического пакета Statistical Package for the Social Sciences, языка программирования R и российского программного обеспечения – аналитической платформы Loginom. Отличительной особенностью разработанной вероятностной модели является определение риска наступления события в условиях неполноты данных, а также выделение показателей, оказывающих существенное влияние на степень его проявления.

Ключевые слова

Регрессия Кокса, риск, управление лояльностью клиентов, аналитическая платформа, статистический пакет

Благодарности. Авторы выражают благодарность и глубокую признательность генеральному директору ЗАО «Аналитические технологии» Алексею Ивановичу Арустамову за предоставление программного обеспечения в рамках сотрудничества с вузами, Николаю Борисовичу Паклину за рекомендации и наставления при разработке компонентов, рецензентам за советы и ценные замечания в процессе работы над статьей.

Для цитирования: Крамаренко И.В., Константинова Л.А. Особенности применения регрессии Кокса в различных инструментальных средах // Вестник университета. 2022. № 10. С. 80–88.

Features of using Cox regression in various instrumental environments

Inna V. Kramarenko

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Mathematical Methods in Economics and Management Department
ORCID: 0000-0003-0861-8772, e-mail: i.v.kramarenko@kiber-guu.ru

Lyubov A. Konstantinova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Mathematical Methods in Economics and Management Department
ORCID: 0000-0003-0228-4011, e-mail: konstantinova11@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The presence of large amounts of data in information and analytical systems makes it necessary to study them using machine learning and artificial intelligence methods. These models require the definition of tuning parameters related to the specifics of the subject area. The article presents a Cox regression model to solve the problem of customer churn. Cox regression is recognized as a model with high accuracy of predictions in health-care. Therefore, it is interesting to use the model in other industries. The paper presents the results and comparative analysis of calculations on the Cox model using three tools: Statistical Package for the Social Sciences, programming language R and Russian software – analytical platform Loginom. A distinctive feature of the developed probabilistic model is the determination of the risk of event occurrence in conditions of incomplete data, as well as the identification of indicators that have a significant impact on the degree of its manifestation.

Keywords

Cox regression, risk, customer loyalty management, analytical platform, statistical package

Acknowledgements. The authors express gratitude and deep appreciation to Alexey Arustamov, General Director of CJSC Analytical Technologies, for providing software in the course of cooperation with universities, to Nikolay Paklin for recommendations and instructions in the development of components and reviewers for advice and valuable comments when working on the article.

For citation: Kramarenko I.V., Konstantinova L.A. (2022) Features of using Cox regression in various instrumental environments. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 80–88.

ВВЕДЕНИЕ

Существует исторически сложившееся мнение, что регрессионная модель Кокса применима исключительно в биологических и медицинских испытаниях [1]. Однако современные исследования доказывают, что модель пропорциональных рисков может успешно применяться в банковской сфере [2], в страховании [3], в управлении производством и других сферах экономики и управления [4].

Теоретическая и методологическая основа исследования базируется на научных трудах российских и зарубежных авторов, посвященных особенностям построения и реализации регрессии Кокса в различных сферах жизнедеятельности общества, моделированию оттока клиентов с помощью различных методов, а также методологии проведения анализа выживаемости в различных программных средах [5–7]. В качестве базовой модели исследования используется классическая модель пропорциональных рисков Кокса, представленная в работе под названием «Регрессионные модели Дэвида Кокса и таблицы смертности»

© Kramarenko I.V., Konstantinova L.A., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

(англ. “Cox David Regression models and life-tables”) в 1972 г., и ее модификации, которые получили широкое распространение после 1986 г. Исследование также опирается на более поздние работы Д.Г. Кляйна, посвященные анализу выживаемости.

Анализ выживаемости – класс статистических моделей, характеризующий взаимоотношения между конечными точками времени до наступления события и независимыми переменными (ковариатами). Последующее изучение этой проблемы привело к формированию нового статистического метода, названного моделью пропорциональных рисков Кокса (англ. proportional hazard model) или регрессией Кокса (Cox regression) [1; 8]. Им были сформулированы четыре основных стимула, на основании которых произошло формирование регрессии Кокса как самостоятельного инструмента анализа и прогнозирования [9].

Новая функция правдоподобия соответствует четко определенной, хотя и довольно сложной серии условных операций, названной частичным правдоподобием (англ. partial likelihood). Д. Кокс считал, что ее доказательство привело бы к теореме с запутанными условиями регулярности, не представляющими научного интереса, однако последующие работы других специалистов достигли поразительно элегантных результатов. Удивительно быстро многие производители статистических пакетов включили метод в свои библиотеки, и именно с этого момента он начал активно использоваться в исследованиях [6; 10–12].

На сегодняшний день модель пропорциональных рисков Кокса является одной из самых известных публикаций по статистике. По данным Google Scholar (Google Академия), по состоянию на март 2022 г. она получила более 2 400 цитирований.

Существует множество универсальных инструментов для реализации модели Кокса, однако их тонкая настройка невозможна единообразном подходе [5–7; 13; 14].

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ

Цель исследования состоит в разработке и программной реализации модели пропорциональных рисков (регрессии Кокса) с использованием различных инструментальных сред. Выдвигается гипотеза о том, что не существует универсального инструмента для тонкой настройки модели. Для реализации модели, связанной с конкретной предметной областью, необходимо иметь инструменты, которые позволяют доработать готовые универсальные решения.

Выделим две основные задачи исследования.

1. Проведение сравнительного анализа моделей и методов для моделирования и прогнозирования оттока клиентов.

2. Построение регрессии Кокса с помощью статистического пакета Statistical Package for the Social Sciences (далее – SPSS), языка программирования R и реализации компонента «Регрессия Кокса» в аналитической платформе Loginom.

В таблице 1 представлена сравнительная характеристика моделей и методов, с помощью которых возможен анализ оттока клиентов.

Таблица 1

Сравнительный анализ методов, моделирующих отток клиентов

Метод	Достоинства	Недостатки
Регрессия Кокса	– учитывает время жизни; – способна работать в условиях неполноты данных и наличия категориальных переменных; – возможность графической интерпретации	– несостоятельность результатов в связи с наличием цензурированных данных
Логистическая (бинарная) регрессия	– имеет широкую сферу применения; – проста построения; – простота интерпретации параметров; – высокая точность; – функционал содержит оценку качества	– предсказываемый параметр, является непрерывным числом; – требует большого количества данных

Метод	Достоинства	Недостатки
Методы кластеризации (K-средних)	– прост в построении; – хорошо интерпретирует результаты	– плохо работает с дискретными данными; – результат зависит от выбора исходных центров кластеров; – высокая сложность одного прогноза
Деревья решений	– эффективны при работе с данными с большим количеством факторов и классов; – работают с дискретными и непрерывными признаками; – нечувствительны к монотонным преобразованиям	– большая размерность моделей; – склонны к переобучению
Нейронные сети	– возможность использования при неидентифицируемых закономерностях; – устойчивость к шумам; – самообучаемость; – отказоустойчивость	– неинтерпретируемость результатов в связи с отсутствием логики причин принятого решения; – отсутствие гарантий получения однозначных повторяемых результатов

Составлено авторами по материалам источника [9]

Каждый из рассмотренных методов имеет свои достоинства и недостатки. Отметим, что нейронная сеть, несмотря на ряд достоинств, таких как адаптация к изменениям среды и устойчивость к шумам, не всегда дает качественные результаты для прогнозирования оттока клиентов. Деревья решений эффективны в задачах классификации и кластеризации, что важно при моделировании оттока клиентов, однако модели имеют большую размерность данных [2].

Для построения регрессии Кокса, моделирующей отток клиентов, воспользуемся выборкой из набора данных клиентской базы от анонимного оператора, предоставленной платформой IBM Developer [15]. Этот массив данных содержит информацию за 3 года в общей сложности о 4 042 клиентах и 11 атрибутах, основанных на личных характеристиках пользователей, предоставленных услугах и деталях контрактов. В качестве индикатора для этой оценки лояльности будет использоваться переменная Churn [12].

Количество активных клиентов (2 351) превышает количество абонентов (1 511), отказавшихся от услуг компании, в 1,7 раз.

В качестве рассматриваемых переменных модели Кокса для телекоммуникационной отрасли могут выступать [12]:

- *CustomerID* – идентификационный номер клиента;
- *Gender* – пол (male – мужской, female – женский);
- *SeniorCitizen* – индикатор принадлежности клиента к группе пенсионного возраста (yes – да, no – нет);
- *Partner* – индикатор семейного положения (yes – есть партнер, no – нет партнера);
- *Dependents* – индикатор наличия иждивенцев (yes – да, no – нет);
- *Tenure* – время жизни клиента (в месяцах);
- *PhoneService* – использование абонентом услуг телефонной связи (yes – да, no – нет);
- *InternetService* – предоставление пользователю доступа к сети «Интернет» (yes – да, no – нет);
- *Contract* – срок действия контракта с пользователем (month – месяц, one year – один год, two years – два года);
- *MonthlyCharges* – ежемесячная сумма, взимаемая с клиента (в долларах США);
- *Churn* – индикатор отказа клиента от услуг компании (yes – да, no – нет).

Поясним трактовку нескольких переменных. В исследовании под событием рассматривается уход клиента из телекоммуникационной компании (Churn). Период наблюдения (Tenure) – количество месяцев от момента, когда клиент начал пользоваться услугами представленной фирмы. Группа риска – активные клиенты компании. Независимые переменные, влияющие на отток, – демографические показатели (пол (Gender), возраст (SeniorCitizen), семейное положение (Partner), наличие иждивенцев (Dependents), услуги, используемые клиентами (телефонная связь (PhoneService), сеть «Интернет» (InternetService), информация об аккаунте пользователя (срок действия контракта (Contract), ежемесячная оплата (MonthlyCharges).

Построим классическую модель Кокса, представленную формулой:

$$h(T) = h_0(T) e^{\sum_{i=1}^p x_i \beta_i}, \quad (1)$$

где $x_1, x_2, \dots, x_p$ – независимые переменные (ковариаты); $\beta_1, \beta_2, \dots, \beta_p$ – коэффициенты регрессии, которые необходимо оценить; T – рассматриваемый период времени; $h_0(T)$ – базовый уровень риска, когда все ковариаты равны нулю.

В таблице 2 представлен основной отчет SPSS [16] по построенной регрессии Кокса. Это базовые характеристики для ковариат при их добавлении в модель на каждом шаге.

Таблица 2

**Характеристика переменных в регрессии Кокса в статистическом пакете
Statistical Package for the Social Sciences**

Этапы	Переменные модели Кокса для телекоммуникационной отрасли	Значение коэффициента регрессии B	Стандартная ошибка	Критерий Вальда	Степени свободы	Значимость	Спрогнозированное значение риска при изменении независимой переменной на единицу $Exp(B)$	Доверительный интервал 95 % для $Exp(B)$	
								Нижняя	Верхняя
Шаг 1	<i>InternetService</i>	-1,325	0,101	172,894	1	0,000	0,266	0,218	0,324
Шаг 2	<i>InternetService</i>	-1,056	0,101	109,474	1	0,000	0,348	0,286	0,424
	<i>Contact</i>	3,864	0,708	29,740	1	0,000	47,633	11,881	190,962
Шаг 3	<i>Parnter</i>	0,237	0,28	70,277	1	0,000	1,267	1,199	1,339
	<i>InternetService</i>	-1,066	0,101	111,667	1	0,000	0,344	0,283	0,420
	<i>Contact</i>	3,804	0,708	28,834	1	0,000	44,881	11,196	179,919
Шаг 4	<i>Parnter</i>	0,183	0,031	35,737	1	0,000	1,201	1,131	1,276
	<i>Dependents</i>	0,312	0,076	16,907	1	0,000	1,367	1,178	1,586
	<i>InternetService</i>	-1,033	0,101	104,163	1	0,000	0,356	0,292	0,434
	<i>Contact</i>	3,743	0,709	27,896	1	0,000	42,206	10,525	169,252

Составлено авторами по материалам исследования

Таблица 2 показывает, что основные характеристики предикторов содержат значение коэффициента регрессии для каждой вводимой переменной, стандартную ошибку, критерий Вальда (аналог статистики для модели пропорциональных рисков) и его значимость, а также спрогнозированное значение риска при изменении независимой переменной на единицу. Так как значимость всех ковариат, включенных в модель, меньше принятого уровня значимости, то эти факторы являются значимыми и могут обуславливать риск ухода клиента.

На основании показателя можно сделать следующие выводы.

1. Риск ухода клиентов, не имеющих партнера, в 1,201 раз выше, чем для тех, кто состоит в отношениях.
2. Клиенты, имеющие на попечении иждивенцев, имеют склонность к уходу в 1,367 ниже, чем абоненты, у которых их нет.
3. Для клиентов, не пользующихся интернет-услугами, риск ухода выше в 0,356 раз, чем для пользователей, имеющих доступ к сети «Интернет».
4. Риск отказа от услуг компании абонентов, которые подписывают контракт на срок менее одного года, в 42 раза выше, чем для тех, кто имеет соглашение на более длительный период.

Приведем результаты построения модели Кокса с использованием языка программирования R. Отчет по модели пропорциональных рисков, написанный в среде Rstudio, также выводит все основные характеристики модели, однако в отличие от алгоритма, реализованного в SPSS, для оценки значимости коэффициентов используется не критерий Вальда, а Z-статистика [14].

Итоговый отчет модели представлен на рисунке 2. Проверка на пропорциональность рисков представлена в нижней части рисунка 2.

<code>>res.cox1</code>					
Call:					
Coxph(formula=Surv0bj ~ Contact+ Depends, data=DT, ties="breslow")					
	coef	Exp(coef)	Se(coef)	z	p
Contact	4.14305	62.99485	0.70790	5.853	4.84e-09
Dependents	0.55931	1.74947	0.06978	8.016	1.09e-15

	chisq	df	p
Contact	3.36	1	0.067
Dependents	1.71	1	0.190
GLOBAL	4.95	1	0.084

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Сводная статистика по регрессии Кокса, реализованная в среде Rstudio с проверкой на пропорциональность рисков

Отметим, что в SPSS оценка модели Кокса осуществлялась с помощью приближения Бреслоу, так как только данный тип реализован в статистическом пакете. С помощью языка программирования R можно задать иной метод приближения (Эфрона) для оценки параметров и на основании информационных критериев качества определить наилучшую модель.

Все более нарастающая популярность модели Кокса отражается и в разнообразии инструментальных средств для ее реализации. В качестве примера можно привести запатентованный программный продукт [7] для реализации оценки Каплана–Мейера и модели пропорциональных рисков с изменяющимися во времени переменными.

Третий инструмент реализации – это российская аналитическая платформа Loginom [5]. На ней был разработан сценарий, содержащий шесть узлов «Python» [14], реализующих 6 подмоделей. Базовый отчет подмодели «Выход регрессии» представлен на рисунке 3, «Коэффициенты регрессии» – на рисунке 4.

Регрессия Кокса • Выход регрессии • Быстрый просмотр данных									
Таблица									
#	ab customerID	12 Dependents	12 time	12 Contract	0 ₁ indicator	9.0 Условный риск	9.0 Базовый риск	9.0 Предсказанный риск	
1	7590-VHVEG	1	1	1	false	1,50	0,07	0,11	
2	8779-QRDMV	1	1	1	true	1,50	0,07	0,11	
3	1066-JKSGK	1	1	1	true	1,50	0,07	0,11	
4	8665-UTDZH	0	1	1	true	0,85	0,07	0,06	
5	7310-EGVHZ	1	1	1	false	1,50	0,07	0,11	
6	3413-BMNZE	1	1	1	false	1,50	0,07	0,11	
7	2273-QCKXA	1	1	1	false	1,50	0,07	0,11	
8	5919-TMRGD	0	1	1	true	0,85	0,07	0,06	
9	2424-WVHPL	1	1	1	false	1,50	0,07	0,11	
10	6380-ARCEH	1	1	1	false	1,50	0,07	0,11	
11	3679-XASPY	0	1	1	false	0,85	0,07	0,06	
12	3930-ZGWWE	1	1	1	false	1,50	0,07	0,11	
13	3091-FYHKL	1	1	1	true	1,50	0,07	0,11	
14	0390-DCFDQ	1	1	1	true	1,50	0,07	0,11	
15	2135-RXIHG	1	1	1	true	1,50	0,07	0,11	

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Результат работы компонента «Выход регрессии» сценария Loginom

Регрессия Кокса • Коэффициенты регрессии • Быстрый просмотр данных		
Таблица	Форма	К < Строка 2 из 2 >
№	Метка	Значение
	Поиск	
1	ab Ковариаты	Contract
2	9.0 B	4,16
3	9.0 exp(B)	64,29
4	9.0 Стандартная ошибка	0,71
5	9.0 Нижняя граница ДИ для B	2,78
6	9.0 Верхняя граница ДИ для B	5,55
7	9.0 Нижняя граница ДИ для exp(B)	16,06
8	9.0 Верхняя граница ДИ для exp(B)	257,41
9	9.0 z-статистика	5,88
10	9.0 p-значение	4,05e-9
11	9.0 Формула Хартли	27,88

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 4. Результат работы компонента
«Коэффициенты регрессии» сценария Loginom

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Полученная регрессия Кокса с помощью метода Эфрона имеет следующий вид и может быть определена по формуле:

$$h(T) = h_0(T)e^{4,16361 \cdot \text{Contract} + 0,57015 \cdot \text{Dependents}} \quad (2)$$

Качество модели оценивалось с использованием индекса конкордации (C-индекс) и информационных критериев Акаике (англ. Akaike information criterion, AIC) и Шварца (англ. Bayesian information criterion, BIC). Результаты сравнения моделей представлены в таблице 3. Жирным выделен метод, дающий лучший результат вычислений.

Таблица 3

Итоговые результаты оценки качества моделей Кокса

Метод оценивания	C-индекс	Информационный критерий Акаике (AIC)	Информационный критерий Шварца (BIC)
Метод Бреслоу	0,586	22 782,4	22 793,04
Метод Эфрона	0,586	22 706,08	22 716,72

Составлено авторами по материалам исследования

На основании результатов, представленных в таблице 3, можно сделать следующие выводы.

1. Чем меньше значение показателей AIC и BIC, тем модель лучше, а значит, следует предпочесть модель, оцениваемую методом Эфрона.
2. Индекс конкордации (C-индекс) для обоих приближений близок к 0,5, а значит, прогнозы оценки риска можно признать удовлетворительными [4; 9].

Сравнительная характеристика трех инструментальных сред представлена в таблице 4.

Таблица 4

Сравнительная характеристика программных сред для реализации модели пропорциональных рисков

Критерий	Статистический пакет Statistical Package for the Social Sciences	Язык программирования R	Аналитическая платформа Loginom
Спецификация модели	+	+	+
Оценка параметров модели с помощью различных приближений	-	+	+/-
Оценка качества модели и ее параметров	+	+	+
Возможность графической интерпретации функций выживаемости и риска	+	+	+
Проверка на пропорциональность рисков	-	+	+
Вывод остатков	+	+	+
Расчет характеристик качества модели	-	+	+
Удобство интерфейса	+	-	+

Составлено авторами по материалам исследования

Исходя из данных таблицы 4, разработанный компонент «Регрессия Кокса» на платформе Loginom может стать хорошей альтернативой для построения полной и функциональной модели пропорциональных рисков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, существенное влияние на отток клиентов оказывает срок заключения контракта с фирмой, а также наличие иждивенцев. Однако средний уровень индекса конкордации указывает на то, что прогностические свойства модели не являются достаточно надежными для определения ухода клиента.

Основываясь на логике и характеристиках качества полученной модели, можно утверждать, что модель Кокса применима для решения широкого круга задач в области экономики и управления. Однако для доказательства этого утверждения следует провести более глубокое исследование.

В ходе работы также установлено, что статистический пакет SPSS обладает удобным интерфейсом, но не включает в себя тестирование на пропорциональность рисков и вычисление характеристик качества, а язык программирования R, способный провести грамотную реализацию модели, не подходит для аналитики рядовому пользователю, который не умеет программировать.

Сценарий, разработанный при помощи аналитической платформы Loginom, допускающей использование узлов, реализованных с применением языка программирования Python, способен дополнить функционал различных инструментальных сред. Таким образом, любой пользователь может получить всю необходимую информацию о параметрах модели и ее качестве, а также провести визуальный анализ на основе графиков кривых выживаемости и риска и остатков. Помимо этого, аналитическая платформа позволяет дополнить функционал построения регрессии Кокса такими элементами, как: настройка пользователем метода оценивания регрессии Кокса (приближения Бреслоу, Эфрона и других); настройка пользователем метода оценивания остатков; проведение перекрестной проверки для оценки качества модели; автоматическая интерпретация графиков выживаемости и риска.

В современной цифровой среде существует множество технологий, которые могут решить перечень стандартных задач. Однако любая предметная область требует тонкой настройки. Особенности предметной области не позволяют использовать готовые инструменты в силу множества ограничений. Современные аналитические платформы позволяют устранить эти недостатки и становятся гибким элементом, который позволяет донстроить модель под особенности любой предметной области. Разработанный программный инструментариум дает возможность использовать гибкую настройку параметров модели Кокса для прогнозирования вероятности оттока клиентов с использованием платформы Loginom.

Библиографический список

1. Шарашова Е.Е., Холматова К.К., Горбатова М.А., Гржибовский А.М. Применение анализа выживаемости в здравоохранении с использованием пакета статистических программ SPSS. *Наука и здравоохранение*. 2017;5:5–28.
2. Широбокова М.А., Пивкин К.С. Интерпретация моделей случайного леса выживаемости в применении к расчету банковского кредитного риска. В сб.: *Статистические методы анализа экономики и общества: Труды 11-й Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, Москва, 12–15 мая 2020 г.* М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 2020. С. 163–164. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2305-6>
3. Красоткина О.В., Попов В.А., Нгуен Т.Ч., Моттль В.В. Байесовский подход к оцениванию факторов риска в анализе продолжительности жизни. *Известия ТулГУ. Технические науки*. 2013;2:168–176.
4. Изергина А.Р. Обзор статистических методов оценки надежности. В сб.: Новиков Д.А. (ред.) *Математические модели современных экономических процессов, методы анализа и синтеза экономических механизмов. Актуальные проблемы и перспективы менеджмента организаций в России: Сборник статей XII Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 28–31 мая 2018 г.* Самара: Самарский научный центр РАН; 2018. С. 45–50.
5. Аналитическая платформа Loginom. *О платформе*. <https://loginom.ru/platform> (дата обращения: 01.08.2022).
6. Шарашова Е.Е., Холматова К.К., Горбатова М.А., Гржибовский А.М. Применение регрессии Кокса в здравоохранении с использованием пакета статистических программ SPSS. *Наука и здравоохранение*. 2017;6:5–27.
7. Рей А.И., Андропова Е.С. *Анализ выживаемости фирм отрасли: оценка Каплана–Мейера и модель пропорциональных рисков с изменяющимися во времени переменными. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2020664382 Российская Федерация. RU2020663158 (Патент) 2020.*
8. HR портал. *Анализ выживаемости*. <https://hr-portal.ru/statistica/gl14/gl14.php> (дата обращения: 01.08.2022).

9. Грищенко Д.А., Катаев А.В. Анализ методов моделирования и прогнозирования оттока клиентов. *Вестник науки и образования*. 2018;2(5-41):21–23.
10. Паклин Н.Б., Кацко И.А., Кремянская Е.В. Моделирование LTV подписчика сайта с использованием low-code платформы Loginom. *САЕС*. 2021;3:94–106.
11. Румянцева Е.В., Фурманов К.К. Использование вневыборочных остатков Кокса–Снелл при прогнозировании наступления событий. *Бизнес-информатика*. 2021;1(15):7–18. <https://doi.org/10.17323/2587-814x.2021.1.7.18>
12. Vafeiadis T., Diamantaras K.I., Sarigiannidis G., Chatzisavvas K. Customer churn prediction in telecommunications. *Simulation Modelling: Practice and Theory. Journal of Applied Technology and Innovation*. 2018;1(2):7–14.
13. Яблонцева А.Д. Реализация модели пропорциональных рисков Кокса средствами языка программирования R. *Modern Science*. 2021;7:380–384.
14. Аналитическая платформа Loginom. *Помощник по языку программирования Python в Loginom*. <https://help.loginom.ru/userguide/processors/programming/python/index.html/> (дата обращения: 20.08.2022).
15. Kaggle. *Telco Customer Churn*. <https://www.kaggle.com/blatchar/telco-customer-churn> (accessed 10.08.2022).
16. R Documentation. *Cox Regression*. <https://www.rdocumentation.org/packages/survival/versions/3.2-10/topics/coxph/> (accessed 09.08.2022).

References

1. Sharashova E.E., Kholmatova K.K., Gorbatoва M.A., Grzhibovsky A.M. Application of survival analysis in healthcare using the SPSS statistical software package. *Science and healthcare*. 2017;5:5–28.
2. Shirobokova M.A., Pivkin K.S. Interpretation of models of random forest survival in application to the calculation of bank credit risk. In: *Statistical methods of analysis of economics and society: Proceedings of the 11th International Scientific and Practical Conference of Students and Postgraduates, Moscow, 12–15 May, 2020*. Moscow: National Research University “Higher School of Economics”; 2020. P. 163–164. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2305-6>
3. Krasotkina O.V., Popov V.A., Nguyen T.Ch., Mottl V.V. Bayesian approach to risk factors assessment in life expectancy analysis. *News of TulaSU. Technical Sciences*. 2013;2:168–176.
4. Izergina A.R. Review of statistical methods for assessing reliability. In: Novikov D.A. *Mathematical models of modern economic processes, methods of analysis and synthesis of economic mechanisms. Actual problems and prospects of management of organizations in Russia: Proceedings of the 12th All-Russian Scientific and Practical Conference, Samara, 28–31 May 2018*. Samara: Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 2018. P. 45–50.
5. Loginom analytical platform. *About the platform*. <https://loginom.ru/platform>. (accessed 01.08.2022).
6. Sharashova E.E., Kholmatova K.K., Gorbatoва M.A., Grzhibovsky A.M. Application of Cox regression in healthcare using the SPSS statistical software package. *Science and healthcare*. 2017;6:5–27.
7. Rey A.I., Andronova E.S. *Analysis of the survival of firms in the industry: Kaplan–Meyer assessment and a model of proportional risks with time-varying variable*. Certificate of state registration of the computer program No. 2020664382 Russian Federation. RU2020663158: application 28.10.2020 (Patent) 2020.
8. HR portal. *Survival analysis*. <https://hr-portal.ru/statistika/gl14/gl14.php> (01.08.2022).
9. Grishchenko D.A., Kataev A.V. Analysis of methods for modeling and forecasting customer outflow. *Bulletin of Science and Education*. 2018;2(5-41):21–23.
10. Paklin N.B., Katsko I.A., Kremyanskaya E.V. LTV modeling of a site subscriber using the low-code Loginom platform. *САЕС*. 2021;3:94–106.
11. Rumyantseva E.V., Furmanov K.K. The use of non-selective Cox-Snell residues in predicting the occurrence of events. *Business informatics*. 2021;1(15):7–18. <https://doi.org/10.17323/2587-814x.2021.1.7.18>
12. Vafeiadis T., Diamantaras K.I., Sarigiannidis G., Chatzisavvas K. Customer churn prediction in telecommunications. *Simulation Modelling: Practice and Theory. Journal of Applied Technology and Innovation*. 2018;1(2):7–14.
13. Yablontseva A.D. Implementation of the cox proportional risks model by means of the programming language R. *Modern Science*. 2021;7:380–384.
14. Loginom analytical platform. *Python programming language Assistant in Loginom*. <https://help.loginom.ru/userguide/processors/programming/python/index.html/> (accessed 20.08.2022).
15. Kaggle. *Telco Customer Churn*. <https://www.kaggle.com/blatchar/telco-customer-churn> (accessed 10.08.2022).
16. R Documentation. *Cox Regression*. <https://www.rdocumentation.org/packages/survival/versions/3.2-10/topics/coxph/> (accessed 09.08.2022).

Вовлеченность в образовательный процесс российских и иностранных студентов в условиях применения цифровых дистанционных образовательных технологий в российских вузах

Танина Мария Алексеевна

Канд. экон. наук, доц. каф. менеджмента, информатики и общегуманитарных наук
ORCID: 0000-0001-7311-6280, e-mail: margo10@inbox.ru

Бондаренко Владимир Викторович

Д-р экон. наук, проф. каф. менеджмента, информатики и общегуманитарных наук
ORCID: 0000-0002-6716-1963, e-mail: bond40@bk.ru

Юдина Вера Александровна

Канд. экон. наук, доц. каф. менеджмента, информатики и общегуманитарных наук
ORCID: 0000-0001-9835-9430, e-mail: vayudina@fa.ru

Зябликова Ольга Александровна

Канд. экон. наук, доц. каф. менеджмента, информатики и общегуманитарных наук
ORCID: 0000-0002-1624-0071, e-mail: has18068881@rambler.ru

Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Пенза, Россия

Аннотация

В условиях глобальных изменений в мировой социально-экономической системе, формирования общемирового образовательного научно-исследовательского пространства, смены технологической платформы системы образования и повсеместного применения дистанционных технологий обучения крайне актуальным является проведение сравнительного анализа вовлеченности в образовательный процесс российских и иностранных студентов в вузах Российской Федерации. В статье приводятся результаты электронного анкетного опроса 760 иностранных и 2280 российских учащихся вузов, расположенных в 38 регионах России и во всех федеральных округах. Российские и иностранные студенты оценили свой уровень вовлеченности в образовательный процесс при дистанционном и очном обучении по параметрам четырех видов вовлеченности: эмоциональной (аффективной), поведенческой, когнитивной и академической. Вовлеченность в образовательный процесс при дистанционном формате обучения снижается у всех студентов, при этом у иностранных учащихся – в большем объеме, чем у российских, что обусловлено языковыми, культурными, ментальными особенностями этой категории обучающихся. В качестве проблем, снижающих вовлеченность в образовательный процесс при дистанционном формате обучения российских и зарубежных студентов, были выделены организационные, технические, психологические и эмоциональные барьеры.

Ключевые слова

Эмоциональная вовлеченность, аффективная вовлеченность, поведенческая вовлеченность, когнитивная вовлеченность, академическая вовлеченность, вовлеченность в образовательный процесс, российские и иностранные студенты, цифровое дистанционное обучение

Благодарность. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации по проекту «Разработка механизмов реализации международного сотрудничества в системе высшего образования России в условиях дистанционных технологий обучения и цифровой трансформации образовательной системы» (ВТК-ГЗ-ПИ-48-22).

Для цитирования: Танина М.А., Бондаренко В.В., Юдина В.А., Зябликова О.А. Вовлеченность в образовательный процесс российских и иностранных студентов в условиях применения цифровых дистанционных образовательных технологий в российских вузах // Вестник университета. 2022. № 10. С. 89–96.

© Танина М.А., Бондаренко В.В., Юдина В.А., Зябликова О.А., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Russian and foreign students' involvement in the educational process in the context of the digital distance educational technologies use in the Russian universities

Maria A. Tanina

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Management, Computer Science and General Humanities Department
ORCID: 0000-0001-7311-6280, e-mail: margo10@inbox.ru

Vladimir V. Bondarenko

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Management, Computer Science and General Humanities Department
ORCID: 0000-0002-6716-1963, e-mail: bond40@bk.ru

Vera A. Yudina

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Management, Computer Science and General Humanities Department
ORCID: 0000-0001-9835-9430, e-mail: vayudina@fa.ru

Olga A. Zyablikova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Management, Computer Science and General Humanities Department
ORCID: 0000-0002-1624-0071, e-mail: has18068881@rambler.ru

Financial University under the Government of the Russian Federation (Penza branch), Penza, Russia

Abstract

In the context of global changes in the world socio-economic system, the formation of an international educational research space, in the technological platform of the education system, the widespread use of distance learning technologies it is extremely relevant to conduct a comparative analysis of the involvement of Russian and foreign students in the educational process in Russian universities. The article provides the results of an electronic questionnaire survey of 760 foreign and 2,280 Russian students at universities located in 38 regions of the Russian Federation in all federal districts. Russian and foreign students assessed their level of involvement in the educational process in distance and face-to-face learning according to the parameters of four types of involvement: emotional (affective), behavioral, cognitive and academic. Involvement in the educational process during the distance learning decreases among all students, while for foreign students it is to a greater extent than for Russian students, which is due to the linguistic, cultural, mental characteristics of this category of students. Organizational, technical, psychological and emotional barriers were identified as problems that reduce the involvement in the educational process in the distance learning format of Russian and foreign students.

Keywords

Emotional involvement, affective involvement, behavioral involvement, cognitive involvement, academic involvement, involvement in the educational process, Russian and foreign students, digital distance learning

Acknowledgements. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation under the project "Development of mechanisms for the international cooperation implementation in the system of higher education in Russia in the context of distance learning technologies and educational system digital transformation" (VTK-GZ-PI -48-22).

For citation: Tanina M.A., Bondarenko V.V., Yudina V.A., Zyablikova O.A. (2022) Russian and foreign students' involvement in the educational process in the context of the digital distance educational technologies use in the Russian universities. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 89–96.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время наблюдается трансформация условий конкурентной борьбы на мировых рынках образовательных услуг. Рост численности иностранных обучающихся свидетельствует о повышении конкурентоспособности и привлекательности российского высшего образования для иностранных абитуриентов. Этому также способствует государственная стратегия международной конкурентоспособности российского высшего образования.

Однако пандемия вируса COVID-19 оказала значительное влияние на деятельность российских вузов в сфере международной конкурентоспособности, привлечения иностранных студентов. Существенные изменения произошли в учебном процессе как российских, так и иностранных студентов, обучающихся в российских вузах. В условиях распространения коронавируса вузы быстро осуществили переход с обычного очного формата обучения на дистанционный, который предполагает использование онлайн-технологий при проведении лекций и семинарских занятий, а также образовательных порталов и платформ для просмотра видео, графических и текстовых материалов.

При переходе на дистанционный формат обучения возникла угроза снижения вовлеченности в учебный процесс иностранных и российских студентов в вузах Российской Федерации, так как этот формат исключает личный контакт преподавателя и обучающегося [1].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Снижение уровня вовлеченности в учебный процесс, связанное с переходом к дистанционному цифровому формату обучения, затронуло как российских, так и иностранных студентов. Причем последним адаптироваться к дистанционному формату обучения было сложнее. А поскольку наращивание численности и процента иностранных студентов входит в перечень приоритетных задач образовательной политики Российской Федерации, то актуальными проблемами являются сравнительный анализ уровня вовлеченности российских студентов и иностранцев в учебный процесс и разработка мероприятий по ее повышению [2].

Цель статьи – проведение сравнительного анализа уровня вовлеченности российских и иностранных студентов в образовательный процесс в условиях очного и дистанционного обучения.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Изучение студенческой вовлеченности относится к сравнительно новому направлению в области высшего образования, появившемуся во второй половине XX в. Данный феномен берет начало из исследований студенческих отчислений из университетов. Среди зарубежных ученых на формирование понятия «студенческая вовлеченность» оказали значительное влияние труды А. Астина, В. Тинто, С. Манн, Д. Фредерикса, Э. Каху [3].

Одно из наиболее популярных и часто встречаемых понятий студенческой вовлеченности предложено Александром Астином. Студенческая вовлеченность, по его мнению, – это совокупность физической и психической энергии, затрачиваемой для приобретения академического опыта.

В. Тинто и С. Манн рассматривают студенческую вовлеченность как социальную характеристику, то есть включение в университетскую деятельность и социальные группы.

Отдельный интерес представляют подходы, предлагаемые авторами к рассмотрению вовлеченности студентов в учебную деятельность. Д. Фредрикс выделил три взаимодействующие между собой формы вовлеченности обучающихся: поведенческую, эмоциональную и когнитивную. Э. Каху рассмотрел четыре подхода к исследованию вовлеченности обучающихся: поведенческий, психологический, социокультурный и холистический [4].

Среди российских исследователей проблема студенческой вовлеченности только получает должное освещение. Л.В. Оренбурова, Н.Н. Калацкая рассматривают вовлеченность студентов в учебный процесс как социально-психологический феномен, определяющийся количеством физической и психологической энергии, которую обучающиеся вкладывают в учебную деятельность, интегрируясь в академическую и социальную жизнь университета [5].

Н.Г. Малопоноков в своих работах выделяет два аспекта вовлеченности: академическую и социальную. Академическая вовлеченность выражается через количество усилий, которые студент затрачивает

на образовательную деятельность. Социальная вовлеченность отражает интеграцию студента в университетское сообщество [6].

К.В. Киуру, Е.Е. Попова в своих исследованиях отмечают, что решением проблемы низкой вовлеченности студентов может служить активное включение в образовательный процесс цифрового контента, представленного на открытых образовательных ресурсах [3].

Кросс-культурному сравнению учебной вовлеченности студентов посвящены работы И.А. Шегловой [7], Е.Ю. Литвиновой, Н.В. Киселевой [8], Н.Г. Малошенок [6], С.А. Иванчина, А.В. Куц, О.В. Мещеряковой [9].

Следующие авторы рассматривают использование цифровых образовательных технологий в вузе на основе:

- идеи информатизации общества (С.А. Дятлов [10], А.Н. Чумаков [11]);
- концепции внедрения информационных технологий в образование (А.В. Поначутин, Ю.Н. Лапыгин [12], Д.С. Константинова, М.М. Кудяева [13]).

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ

Теоретической базой исследования выступили научные разработки российских и зарубежных авторов, учебные издания, данные эмпирических исследований, в том числе размещенных в открытом доступе в сети «Интернет».

Эмпирическое исследование проводилось в 2022 г. с применением электронного анкетного опроса иностранных и российских учащихся вузов России. Опрос проведен в формате онлайн в технике анкетирования на платформе Google Формы. Для иностранных студентов анкета была представлена на русском и английском языке.

В электронном анкетном опросе приняли участие 760 иностранных и 2 280 российских студентов, обучающихся в 38 регионах России во всех федеральных округах.

Принявшие участие в опросе иностранные студенты были родом из стран СНГ, Восточной и Западной Европы, Азии, Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки. Российские и зарубежные студенты обучались на подготовительных отделениях, а также с первого по шестой курс по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, стажировки, ординатуры, аспирантуры.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

Большинство исследователей выделяют четыре вида вовлеченности обучающихся в образовательный процесс:

- эмоциональная (аффективная);
- поведенческая;
- когнитивная;
- академическая.

В данном исследовании были разработаны параметры вовлеченности в образовательный процесс для каждого вида, которые в дальнейшем были предложены российским и иностранным студентам для оценивания по 5-балльной шкале Лайкерта, где 5 баллов соответствуют значению «полностью согласен», 4 балла – «в большей степени согласен», 3 балла – «частично согласен», 2 балла – «скорее не согласен», 1 – «полностью не согласен». Затем рассчитывалось среднее арифметическое значение уровня вовлеченности. При этом российские и зарубежные студенты оценили свою вовлеченность в учебный процесс при очном и дистанционном формате обучения.

В таблице 1 представлены результаты оценки уровня вовлеченности в образовательный процесс российских и иностранных студентов вузов России при очном и дистанционном формате обучения. По оценкам как российских, так и иностранных студентов видно, что вовлеченность в образовательный процесс сократилась.

По мнению иностранных студентов, их вовлеченность в образовательный процесс при дистанционном формате упала ниже 4-х баллов по параметрам поведенческой, когнитивной и академической вовлеченности, что свидетельствует о том, что им стало значительно сложнее проявлять активность на практических и семинарских занятиях, участвовать в групповой работе из-за дискомфорта общения через веб-камеру, также из-за отсутствия личного контакта им стало сложнее взаимодействовать с одногруппниками и преподавателями. Снижение когнитивной вовлеченности иностранных студентов свидетельствует

о снижении внимания и концентрации при проведении занятий онлайн или самостоятельном изучении текстового, графического и видеоматериала по сравнению с очными занятиями, что в итоге приводит к снижению общей эффективности учебного процесса. Снижение академической вовлеченности иностранных студентов связано со сложностями подготовки к семинарским и практическим занятиям, выполнения и защиты письменных работ по дисциплинам и сдачи зачетов и экзаменов в онлайн-формате, по сравнению с очным форматом. Это объясняется тем, что им трудно лично задать вопрос преподавателям и одногруппникам, а также отсутствием четких и понятных инструкций, в том числе на иностранном языке, по выполнению работ и сдаче промежуточной аттестации.

Таблица 1

Результаты оценки уровня вовлеченности в образовательный процесс российских и зарубежных студентов вузов России при очном и дистанционном формате обучения (по 5-балльной шкале Лайкерта)

Параметры вовлеченности в образовательный процесс	Оценка вовлеченности в образовательный процесс иностранными студентами		Оценка вовлеченности в образовательный процесс российскими студентами	
	Очный формат обучения	Дистанционный формат обучения	Очный формат обучения	Дистанционный формат обучения
Эмоциональная (аффективная) вовлеченность (среднее значение)	4,31	4,11	4,56	4,21
Я получаю удовольствие от учебного процесса	4,20	4,10	4,50	4,30
Мне интересно учиться в вузе	4,40	4,30	4,50	4,40
Мне комфортно с психологической точки зрения находиться на лекционных занятиях	4,30	4,30	4,40	4,30
Мне комфортно с психологической точки зрения находиться на практических и семинарских занятиях	4,30	3,90	4,40	3,90
Мне легко взаимодействовать с преподавателями во время занятий	4,40	3,80	4,80	3,90
Мне легко взаимодействовать со студентами во время занятий	4,10	3,70	4,90	4,10
Мне легко взаимодействовать с преподавателями во внеучебное время	4,20	4,30	4,40	4,30
Мне легко взаимодействовать со студентами во внеучебное время	4,60	4,50	4,60	4,50
Поведенческая вовлеченность (среднее значение)	4,01	3,69	4,34	4,05
Я стараюсь всегда посещать лекционные занятия	4,10	4,10	4,60	4,20
Я стараюсь всегда посещать практические и семинарские занятия	4,20	4,20	4,80	4,50
Я часто участвую в групповой работе (дискуссии, кейсы, круглые столы и т.д.) на практических и семинарских занятиях	3,70	3,20	4,20	3,90
Я часто делаю доклады, презентации на семинарских и практических занятиях	4,10	3,30	4,30	3,80
Я часто задаю вопросы преподавателям в процессе учебных занятий	4,20	3,90	4,40	4,10
Я часто использую в учебной деятельности понятия, идеи и принципы из различных дисциплин и практической деятельности	4,40	4,40	4,50	4,40
Я часто готовлюсь к учебным занятиям совместно с другими студентами во внеучебное время	3,80	3,10	3,90	3,10

Параметры вовлеченности в образовательный процесс	Оценка вовлеченности в образовательный процесс иностранными студентами		Оценка вовлеченности в образовательный процесс российскими студентами	
	Очный формат обучения	Дистанционный формат обучения	Очный формат обучения	Дистанционный формат обучения
Я часто помогаю другим студентам при подготовке к домашним заданиям, контрольной работе, зачету или экзамену	3,50	2,80	3,90	3,50
Я выполняю все задания преподавателей при изучении дисциплин в вузе	4,20	3,90	4,80	4,20
Я использую дополнительные онлайн-ресурсы для более глубокого изучения тем	4,40	4,50	4,20	4,90
Я активно участвую в научно-исследовательской работе	3,50	3,20	4,1	3,90
Когнитивная вовлеченность (среднее значение)	4,10	3,32	4,40	4,02
Мне легко сконцентрироваться на лекционных занятиях	3,90	2,80	4,20	3,90
Мне легко сконцентрироваться на семинарских и практических занятиях	4,10	2,90	4,50	4,20
Эффективность моего учебного процесса высокая	4,20	3,80	4,60	4,10
Я эффективно планирую и распределяю свое время, затрачиваемое на учебный процесс	4,10	3,20	4,40	3,80
Цели моей учебной деятельности в вузе достигаются в полном объеме	4,20	3,90	4,30	4,10
Академическая вовлеченность (среднее значение)	4,03	3,30	4,30	4,05
Мне легко готовиться к семинарским и практическим занятиям	4,10	3,10	4,40	4,10
Мне легко сдавать зачеты и экзамены	3,80	3,40	4,10	3,90
Я с легкостью выполняю письменные работы по дисциплинам	4,10	3,20	4,20	4,10
Я с легкостью сдавал и защищал письменные работы по дисциплинам	4,10	3,50	4,50	4,10
Итого (средний уровень вовлеченности по всем параметрам)	4,11	3,61	4,40	4,08

Составлено авторами по материалам исследования

По мнению российских студентов, их вовлеченность в образовательный процесс снизилась, но по всем показателям осталась выше 4-х баллов. Российские студенты так же как и иностранные испытывали сложности со включением веб-камеры, рациональной организацией и использованием своего учебного времени, концентрацией внимания при работе с электронной информацией, интерфейсом электронных образовательных платформ (порталов), онлайн-курсов, программ для дистанционного обучения и видеосвязи, а также сталкивались с техническими проблемами.

Таким образом, вовлеченность в образовательный процесс при дистанционном формате обучения у иностранных студентов в вузах России снижается значительно больше, чем у российских, в связи с особенностями этой категории молодежи: языковые, культурные, ментальные различия, разница в часовых поясах при нахождении в родной стране и прочее.

Однако как российские, так и иностранные студенты отметили определенные преимущества дистанционного обучения:

- возможность обучаться в любой точке мира, в комфортной привычной обстановке;
- простота подключения к онлайн-занятиям, экономия времени на проезд до учебного заведения;
- учебный материал легко скачать с образовательной платформы (портала).

Следовательно, очный и дистанционный форматы обучения имеют конкретные преимущества, и введение смешанного формата обучения позволит вузам реализовать эти преимущества и сделать обучение наиболее эффективным и удобным как для российских, так и для иностранных студентов.

ВЫВОДЫ

По результатам проведенного сравнительного анализа было выявлено, что вовлеченность в образовательный процесс при дистанционном формате обучения снижается у всех студентов, при этом у иностранных в большем объеме, чем у российских, что обусловлено языковыми, культурными, ментальными особенностями этой категории обучающихся. В качестве проблем, снижающих вовлеченность в образовательный процесс при дистанционном формате обучения, можно выделить:

- трудности с разработкой оптимальной системы обучения, соответствующей потребностям и удобству всех студентов группы (например, с учетом разницы часовых поясов);
- проблемы в определении точной посещаемости студентами занятий, проводимых в дистанционном формате (студенты могут подключаться и отключаться в процессе лекции несколько раз), а также реальной их вовлеченности в процесс обучения;
- трудности в организации процесса сдачи экзаменов в дистанционном формате, при котором преподавателю невозможно быть полностью уверенным в том, что студент подготовил ответ самостоятельно, без помощи сторонних лиц и/или гаджетов;
- слабая техническая оснащенность и технологическая незащищенность отдельных категорий студентов (нехватка компьютерной и прочей техники с выходом в сеть «Интернет», низкая скорость интернет-соединения, отсутствие у имеющихся гаджетов полного набора функций, необходимых в процессе обучения),
- повышение психологического, социального и эмоционального напряжения обучающихся на фоне быстрого развития и трансформации цифрового образовательного пространства;
- ограниченные механизмы мотивации обучающихся в процессе освоения нового предмета с высокими требованиями к самодисциплине и самостоятельности обучения;
- перегрузка учащихся и преподавателей ввиду длительного времени нахождения перед компьютером и/или другими гаджетами, проблема поддержания режима дня, режимов труда и отдыха.

Таким образом, при дистанционном формате обучения как российских, так и иностранных студентов вузы должны проводить регулярный мониторинг вовлеченности обучающихся в образовательный процесс и реализовать комплекс мероприятий, позволяющий сохранить высокий уровень удовлетворенности учебным процессом и обеспечить необходимый уровень качества образования.

Библиографический список

1. Танина М.А., Бондаренко В.В., Юдина В.А., Лескина О.Н. Отечественные практики повышения международной конкурентоспособности российских высших учебных заведений в условиях глобальных вызовов и угроз. *Вестник университета*. 2021;6:61–69. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-61-69>
2. Бондаренко В.В., Полутин С.В., Юдина В.А., Танина М.А., Лескина О.Н. Привлекательность российских вузов среди иностранных студентов в условиях глобальной конкуренции на рынках образовательных услуг. *Интеграция образования*. 2022;1(26):72–92. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.106.026.202201.072-092>
3. Киуру К.В., Попова Е.Е. Проблема студенческой вовлеченности в процесс обучения в условиях онлайн-образования. *Проблемы современного педагогического образования*. 2018;3(59):380–384.
4. Киселева Н.В. *Социально-психологические характеристики вовлеченности в непрерывное образование*. Автореф. дис. канд. психол. наук: 19.00.05. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет; 2019. 44с.
5. Оренбурова Л.В., Калацкая Н.Н. Студенческая вовлеченность в учебный процесс: отечественный и зарубежный опыт исследования. *Наука и современное общество: взаимодействие и развитие*. 2019;1(6):68–73.
6. Малопонок Н.Г. Взаимосвязь использования Интернета и мультимедийных технологий в образовательном процессе со студенческой вовлеченностью. *Вопросы образования*. 2016;4:60–83.
7. Щеглова И.А. Кросс-культурное сравнение учебной вовлеченности студентов. *Университетское управление: практика и анализ*. 2018;3(22):155–164. <https://doi.org/10.15826/umpra.2018.03.034>
8. Литвинова Е.Ю., Киселева Н.В. Структурная модель вовлеченности обучающихся в непрерывное образование. *Социальная психология и общество*. 2016;3(7):5–17. <https://doi.org/10.17759/sps.2016070301>

9. Иванчин С.А., Куц А.В., Мещерякова О.В. Развитие межкультурной компетенции студентов как важный аспект интернационализации внутренней среды университета. *Вестник Воронежского государственного университета*. 2018;3:108–113.
10. Дятлов С.А. Нейросетевое образование в цифровую эпоху: теория и практика. *Инновации*. 2017;8:91–95.
11. Чумаков А.Н. Интернет как инновационная форма образования в условиях глобализации. *Профессиональное образование в современном мире*. 2016;3(6):398–407.
12. Поначугин А.В., Лапыгин Ю.Н. Цифровые образовательные ресурсы вуза: проектирование, анализ и экспертиза. *Вестник Минского университета*. 2019;2(7):55–72. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2019-7-2-5>
13. Константинова Д.С., Кудаева М.М. Цифровые компетенции как основа трансформации профессионального образования. *Экономика труда*. 2020;11(7):1055–1072. <https://doi.org/10.18334/et.7.11.111073>

References

1. Tanina M.A., Bondarenko V.V., Yudina V.A., Leskina O.N. Domestic practices of increasing the international competitiveness of Russian higher education institutions in the context of global challenges and threats. *Vestnik universiteta*. 2021;6:61–69. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-61-69>
2. Bondarenko V.V., Polutin S.V., Yudina V.A., Tanina M.A., Leskina O.N. Attractiveness of Russian Universities among Foreign Students in Conditions of Competitive Global Markets of Educational Services. *Integration of Education*. 2022;1(26):72–92. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.106.026.202201.072-092>
3. Kiuru K.V., Popova E.E. The problem of student involvement in the learning process in the context of online education. *Problems of modern teacher education*. 2018;3(59):380–384.
4. Kiseleva N.V. *Socio-Psychological Characteristics of Involvement in Lifelong Education*. Abstr. Diss. ... Cand. Sci. (Psy): 19.00.05. Moscow: Moscow State Psychological and Pedagogical University; 2019. 44 p. (In Russian).
5. Orenburova L.V., Kalatskaya N.N. Student involvement in the educational process: domestic and foreign research experience. *Science and modern society: interaction and development*. 2019;1(6):68–73.
6. Maloshonok N.G. The relationship of the use of the Internet and multimedia technologies in the educational process with student involvement. *Educational studies*. 2016;4:60–83.
7. Shcheglova I.A. Cross-Cultural Comparison of Student Learning Engagement. *University management: practice and analysis*. 2018;3(22):155–164. <https://doi.org/10.15826/umpa.2018.03.034>
8. Litvinova E.Yu., Kiseleva N.V. Structural model of student involvement in lifelong education. *Social psychology and society*. 2016;3(7):5–17. <https://doi.org/10.17759/sps.2016070301>
9. Ivanchin S.A., Kuts A.V., Meshcheryakova O.V. Development of intercultural competence of students as an important aspect of the internationalization of the internal environment of the university. *Bulletin of Voronezh State University*. 2018;3:108–113.
10. Dyatlov S.A. Neural Network Education in the Digital Age: Theory and Practice. *Innovation*. 2017;8:91–95.
11. Chumakov A.N. Internet as an innovative form of education in the context of globalization. *Professional education in the modern world*. 2016;3(6):398–407.
12. Ponachugin A.V., Lapygin Yu.N. Digital educational resources of the university: design, analysis and expertise. *Bulletin of Minsk University*. 2019;2(7):55–72. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2019-7-2-5>
13. Konstantinova D.S., Kudaeva M.M. Digital competencies as the basis for the transformation of professional education. *Labor economics*. 2020;11(7):1055–1072. <https://doi.org/10.18334/et.7.11.111073>

Концепция рекламного носителя в цифровом пространстве

Хохлов Даниил Александрович

Аспирант, ассистент каф. маркетинга
ORCID: 0000-0002-7858-3766, e-mail: Daniluk53@gmail.com

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье исследуются основные факторы, оказывающие влияние на эффективность продвижения в цифровом пространстве. Автор поднимает проблему определения рекламного носителя и распределения бюджета в медиаплане для цифровой среды. Анализ рекламных кампаний и систем веб-аналитики позволил выявить четыре основных фактора влияния на эффективность. На основе полученных результатов исследования автор определяет актуальный рекламный носитель для цифрового пространства, описывает его как рекламную гипотезу, состоящую из характеристик аудитории, рекламного сообщения, канала и формата рекламного сообщения. Именно между рекламными гипотезами автор рекомендует распределять бюджет при планировании рекламных кампаний в цифровом пространстве. В заключении к статье автор задает направления для развития поднятой темы и обращает внимание на необходимость проработки темы конверсии сайтов и ее зависимость от рекламных каналов.

Ключевые слова

Рекламный носитель, целевая аудитория, медиапланирование, характеристики целевых групп, цифровой маркетинг, формат рекламного объявления, рекламный канал, распределение бюджета, источник трафика

Для цитирования: Хохлов Д.А. Концепция рекламного носителя в цифровом пространстве // Вестник университета. 2022. № 10. С. 97–104.

The concept of advertising media in the digital marketing

Daniil A. Khokhlov

Postgraduate Student, Assistant at the Marketing Department
ORCID: 0000-0002-7858-3766, e-mail: Daniluk53@gmail.com

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article examines the main factors affecting the effectiveness of promotion in the digital marketing. The problems of determining the advertising media and the distribution of the budget in the media plan for the digital environment are examined in the article. Four main factors influencing effectiveness of digital promotion are revealed through the analysis of advertising campaigns and web analytics systems. Based on the results of the study, the actual advertising media for the digital marketing is determined, an advertising hypothesis, consisting of the characteristics of the audience, advertising message, channel and format of the advertising message is described. It is between advertising hypotheses that the author recommends distributing the budget when planning digital advertising campaigns. In conclusion, directions for the development of the topic raised are set and the need to study the topic of site conversion and its dependence on advertising channels is emphasized.

Keywords

Advertising media, target audience, media planning, characteristics of target groups, digital marketing, ad format, advertising channel, budget distributing, traffic source

For citation: Khokhlov D.A. (2022) The concept of advertising media in the digital marketing. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 97–104.

ВВЕДЕНИЕ

Практика разработки медиапланов в коммерческих организациях сталкивается с рядом сложностей, одна из которых – рекламный носитель. Специалисты дают ему различные определения: некоторые считают им сеть «Интернет» (далее – Интернет), имея в виду все цифровое пространство, хотя такой подход более характерен для стратегического планирования маркетинговых мероприятий; другие выделяют носители по типу трафика, например мобильный Интернет и стационарный, следующие указывают на рекламные каналы, например Яндекс.Директ, Google Ads и другие, четвертые называют носителем способ коммуникации, например, социальные медиа, поисковые системы и так далее.

Все эти подходы рассматривают рекламную кампанию либо на слишком высоком (стратегическом) уровне планирования, либо на слишком низком (операционном) уровне, а если появляется исследование на уровне интегрированных коммуникаций, то обычно оно старается систематизировать каналы. Все это не позволяет разработать эффективные медиапланы для рекламных кампаний, из-за чего часто рекламодатель отказывается от этого этапа, и планирование спускается сразу на операционный уровень, то есть на трафик-менеджера, который обычно ограничивает кампанию хорошо ему знакомыми

инструментами: так SEO-специалист (от англ. search engine optimization – поисковая оптимизация) будет использовать поисковую оптимизацию, SMM-специалист (от англ. social media marketing – маркетинг в социальных сетях) будет решать задачи с помощью контента.

Подобное разнообразие подходов свидетельствует о том, что ни один из них не позволяет специалистам получить желаемый результат. Каждая классификация обладает своими недостатками и позволяет лишь частично удовлетворить потребности рекламодателя. В ходе исследования будет рассмотрено большинство подходов и зависимость между предлагаемым автором подходом и сферой его интересов.

Для того чтобы медиаплан учитывал разнообразие инструментов продвижения в цифровом пространстве, но не слишком углублялся в каждый инструмент, необходимо определить рекламный носитель, который будет тем минимальным уровнем планирования непосредственно перед запуском рекламной кампании. С помощью такого медиаплана специалисты по продвижению смогут наиболее эффективно использовать разные инструменты и координировать свои действия и результаты на уровне рекламной кампании в целом.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Медиапланирование определяется как процесс сочетания рекламных каналов для достижения наибольшей эффективности рекламной кампании [1]. Традиционно под рекламными носителями подразумеваются телевизионный канал, радиостанция, газета, листовка, транспортное средство, но при попытках применить эту логику к инструментам цифрового пространства специалисты сталкиваются со сложностями.

При описании проблем разработки медиаплана для рекламных кампаний в цифровом пространстве исследователи выделяют сложность выбора медиаканала с точки зрения расчета ключевых показателей и отмечают их различия в традиционных и цифровых каналах. Другие специалисты заявляют, что в цифровом пространстве преобладают автоматические способы закупки рекламного инвентаря и показов рекламных сообщений, что в традиционных каналах практически не используется [2].

Менеджеры по продвижению часто приходят к выводу, что прогнозирование ключевых показателей рекламных кампаний перед ее стартом с приемлемой погрешностью практически невозможно ни на уровне рекламных сервисов, ни на уровне ключевых слов или таргетов.

Из этого следует, что традиционные методы медиапланирования, в частности определение рекламного носителя, не подходят для рекламных кампаний в цифровом пространстве. Осознавая наличие этой проблемы, исследователи решают ее по-разному, но все современные подходы можно условно поделить на две группы.

К первой можно отнести работы Ф. Котлера и К.А. Келлера, которые выделяют как отдельные носители Интернет и мобильный Интернет [3]. Основной недостаток их подхода в том, что в этой классификации совершенно не учитывается все многообразие инструментов и рекламных форматов, существующих в цифровом пространстве и радикально отличающихся друг от друга. С точки зрения этого подхода, Интернет – это некий единый рекламный канал, а не целое пространство, которое предлагает рекламодателю намного больше способов доставки и упаковки рекламного сообщения, чем традиционные СМИ.

Ко второй группе можно отнести подходы авторов А.Б. Албаррана и Д.А. Шевченко, которые в своих работах приводят различную систематизацию цифровых каналов, но их подходы страдают не только от амбициозной задачи учесть все рекламные инструменты в постоянно развивающемся цифровом пространстве, но и от многофункциональности отдельно взятых сервисов [4; 5].

МЕТОДОЛОГИЯ

Так как суть выбора рекламного носителя заключается в достижении экономической и коммуникационной эффективности, в качестве рекламного носителя должен выступать некий рекламный объект, эффективность которого рекламодатель может оценить. Частая цель рекламных кампаний – совершение целевого действия.

Изученные материалы позволяют предположить, что, в отличие от традиционного подхода, в цифровом пространстве рекламный носитель будет состоять из неких компонентов, учитывающих главные факторы, влияющие на эффективность продвижения. Далее необходимо определить основные факторы этого влияния и выявить, какие из них будут компонентами рекламного носителя, а также ввести понятие для компонентного рекламного носителя.

В процессе исследования проводился анализ статистики веб-ресурсов и рекламных кампаний. Для сравнения взяты сайты и кампании из разных сфер. Яндекс.Метрика и Google Analytics – основные сервисы веб-аналитики, использованные в работе. Для получения статистически значимых данных анализировался период в 30 календарных дней [6]. По результатам анализа и сравнения статистики веб-ресурсов автор описал основные факторы влияния, свойственные цифровому пространству. Выделенные факторы позволили определить рекламный носитель как комбинацию параметров рекламной кампании. Изучение технической документации рекламных сервисов помогло в описании логики работы алгоритмов формирования цены за размещение рекламных каналов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ литературы позволил сделать вывод, что рекламный носитель – это комбинация факторов, оказывающих влияние на эффективность продвижения. Как уже было сказано, один из факторов, влияющих на продвижение, – характеристики аудитории. В своей предыдущей статье автор выделил 6 групп характеристик аудитории [7]:

- 1) устройства, операционная система и браузеры;
- 2) опыт взаимодействия с кампанией и события, инициированные пользователем;
- 3) поведение пользователей (просматриваемый контент);
- 4) принадлежность к сообществам;
- 5) долгосрочные интересы пользователей;
- 6) поисковая активность пользователей.

Анализ характеристик был проведен с точки зрения возможности их использования при настройке рекламных кампаний, но в процессе разбора каждой группы была проанализирована именно эффективность той или иной характеристики.

На эффективность рекламной кампании также оказывает влияние источник трафика. На рисунке 1 видно, что у каждого рекламного источника свой показатель конверсии в целевое действие. Рекламный канал Google Ads наиболее эффективный в привлечении клиентов, а наименее эффективный рекламный инструмент – Facebook (владелец социальной сети компания Meta внесена в перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности на территории Российской Федерации по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»), с точки зрения конверсии на сайте без учета стоимости привлечения посетителей. Из этого следует, что рекламный инструмент доставки сообщения оказывает влияние на экономическую или коммуникационную эффективность продвижения в цифровом пространстве.

Рекламные каналы крупных сервисов, работающих на RTB-аукционах (от англ. real time bidding – торг в реальном времени), предоставляют широкий выбор форматов рекламных объявлений [8]. Статистика рекламных

Источники трафика, Источники трафика (детально)	Конверсия	Достижения цели	Целевые визиты
☐ Итого и средние	9,56%	36 862	34 255
☒ Переходы по рекламе	10,2%	23 200	21 626
☐ Яндекс: Директ	10,9%	8 188	7 709
☐ Google Ads	14,4%	8 103	7 506
☐ Admitad	8,9%	4 632	4 243
☐ Facebook	5,5%	1 515	1 444
☐ Другая реклама: определено по меткам	3,07%	279	261
☐ ВКонтакте	7,42%	249	238
☐ Яндекс.Директ: Не определено	6,72%	229	220
☐ Instagram	6,45%	4	4
☐ Медийная реклама	2,27%	1	1

Составлено автором по материалам сервиса Яндекс.Метрика

Рис. 1. Сравнение конверсии сайта в зависимости от источника трафика

кампаний, которые отличаются только форматом объявлений, показывает, что формат сильно влияет на стоимость привлечения трафика и на показатели кликабельности (CTR – от англ. click-through rate). На рисунке 2 видно, что у кампаний с графическими объявлениями очень низкий показатель кликабельности – не выше 0,53 %, в отличие от текстовых объявлений, CTR которых достигает 4,14 %. В то же время стоимость клика

Название ↑ · № ↑	Кампания ↑	CPC ↑	Показы ↑	Клики ↑	CTR, % ↑
Итого			1 697 260	11 007	0,65
dodo common 2 № 4415417126 Редактировать	Display_MSK-all_dodopizza № 58028518	8,06	596 770	2 382	0,40
dodo common 1 № 4415417125 Редактировать	Display_MSK-all_dodopizza № 58028518	8,44	701 736	2 768	0,39
dodo_pizza_delivery № 4415417124 Редактировать	Display_MSK-all_dodopizza № 58028518	8,70	283 532	1 503	0,53
dodo common 2 № 4414671268 Редактировать	Search_MSK-all_dodopizza № 58007654	24,01	20 884	862	4,13
dodo common 1 № 4414671267 Редактировать	Search_MSK-all_dodopizza № 58007654	24,35	72 601	2 592	3,57
dodo_pizza_delivery № 4414671266 Редактировать	Search_MSK-all_dodopizza № 58007654	32,47	21 737	900	4,14

Составлено автором по материалам сервиса Яндекс.Директ

Рис. 2. Сравнение показателей эффективности форматов рекламных объявлений

таблицу показателей конверсии из источников Яндекс.Директ и Google Ads (табл. 1).

(CPC – от англ. cost per click) для текстовых сообщений гораздо выше – до 32,47 руб., а для графических – максимальная стоимость 8,70 руб. в рамках приведенного примера. Значит формат рекламного объявления необходимо учитывать как фактор влияния на показатели эффективности продвижения.

Теперь необходимо разобраться, что оказывает большее влияние на эффективность продвижения: рекламный инструмент или рекламный формат. Для этого проведем анализ конверсии 20 сайтов из разных сфер: службы доставки еды, цирковые представления, сеть аптек, интернет-магазины одежды, парфюмерии, бытовой техники и другие. Составим сводную

Таблица 1

Сравнение показателей конверсии переходов из поисковых сервисов Google и Яндекс

Сайт	Показатели конверсии, %	
	Источник перехода Яндекс	Источник перехода Google
Сайт 1	14,70	14,02
Сайт 2	9,49	9,89
Сайт 3	14,19	13,03
Сайт 4	0,74	0,71
Сайт 5	2,29	2,40
Сайт 6	5,15	5,03
Сайт 7	3,60	3,81
Сайт 8	6,65	6,98
Сайт 9	5,70	5,42
Сайт 10	11,79	11,33
Сайт 11	9,86	9,72
Сайт 12	0,81	0,85
Сайт 13	11,23	12,12
Сайт 14	15,08	14,02
Сайт 15	9,84	10,65
Сайт 16	12,25	11,28
Сайт 17	11,87	11,42
Сайт 18	6,94	6,39
Сайт 19	13,45	12,89
Сайт 20	8,62	9,34

Составлено автором по материалам исследования

Из таблицы 1 видно, что между каналами трафика есть незначительная разница в рамках статистической погрешности. Теперь рассмотрим конверсии тех же сайтов, но сгруппируем данные по форматам рекламных объявлений в таблице 2. В ней мы видим, что именно формат оказывает наибольшее влияние

на эффективность продвижения. Таким образом, можно заключить, что именно формат, а не рекламный инструмент оказывается фактором влияния на экономическую и коммуникационную эффективность. Из этого следует, что указание только формата рекламного объявления без уточнения рекламного канала представляется бессмысленным, так как маркетолог, настраивающий рекламную кампанию, вынужден будет импровизировать и выбирать канал самостоятельно. Поэтому формат объявления и канал должны указываться в медиаплане.

Таблица 2

Группировка рекламных кампаний в контекстно-медийных сетях по показателю конверсии

Сайт	Показатели конверсии, %			
	Яндекс поиск	Google поиск	Рекламная сеть Яндекса	Контекстно-медийная сеть
Сайт 1	15,73	13,73	4,46	3,85
Сайт 2	10,43	10,69	3,30	3,21
Сайт 3	15,13	15,10	3,75	4,42
Сайт 4	0,77	0,69	0,23	0,19
Сайт 5	2,50	2,69	0,68	0,73
Сайт 6	5,40	5,96	1,86	1,57
Сайт 7	4,10	4,52	1,26	1,21
Сайт 8	7,13	7,40	2,33	2,36
Сайт 9	5,97	5,95	1,55	1,95
Сайт 10	12,64	11,78	3,30	3,76
Сайт 11	10,54	10,41	3,08	2,84
Сайт 12	0,92	0,94	0,09	0,12
Сайт 13	11,93	13,01	3,36	4,13
Сайт 14	15,77	15,58	3,85	4,42
Сайт 15	10,78	11,21	2,73	3,27
Сайт 16	12,90	11,29	3,67	3,71
Сайт 17	13,25	11,88	3,35	3,87
Сайт 18	7,49	6,79	1,99	1,87
Сайт 19	14,09	12,96	3,70	4,29
Сайт 20	9,53	10,61	2,76	1,87

Составлено автором по результатам исследования

Ранее было сделано предположение, что кроме формата рекламного объявления, на эффективность кампании влияет рекламное сообщение. На рисунке 3 представлена статистика результатов рекламных объявлений одинаковых групп объявлений в сервисе Яндекс.Директ. Данные показывают, что при одинаковых настройках объявления показали разную стоимость клика (CPC) и показатель кликабельности (CTR). Наиболее низкий CPC у объявления с заголовком «-30 % на первый заказ – По промокоду 30YA», наиболее высокий – у объявления «По промокоду YA22 – 4 пиццы 30 см за 990 руб.», но второе объявление показало более высокий показатель CTR, следовательно, предположение было верным и рекламное сообщение является одним из факторов, оказывающих влияние на эффективность рекламной кампании.

Теперь необходимо определить, какие еще факторы могут оказывать влияние на эффективность. К ним можно отнести сезонность, уровень конкуренции, демографические, научные и другие факторы. Рассмотрим их с точки зрения рекламного носителя и процесса медиапланирования.

Факторы макросреды могут быть политико-правовыми, демографическими, экономическими, социально-культурными, научно-техническими и природно-экологическими [9]. Эти факторы, ввиду их объективности и отношения именно ко внешней среде, сложно использовать при непосредственном медиапланировании. Их необходимо учитывать в маркетинговой стратегии и долгосрочных планах, но при запуске рекламной кампании маркетолог не может использовать их как настройку и исключить или включить как параметр кампании.

Объявление ↑	Расход, Р ↑	CPC ↑	Показы ↑	Клики ↑	CTR, % ↑	Отказы, % ↑
Итого	25 964,71		23 599	400	1,69	
Промокоду YA22 – 4 пиццы 30 см за 990 руб 4 пиццы со скидкой 52% Доставка 45 минут внутри МКАД. Закажи сейчас!	17 530,68	74,60	9 534	235	2,46	27,31
№ 10083053264 Дополнения: Уточнения, Быстрые ссылки Редактировать						
- 30% на первый заказ – По промокоду 30YA Скидка -30% на все меню промокод 30YA! Используй сам и поделись с друзьями!	5 595,88	48,66	8 760	115	1,31	20,54
№ 10083053263 Дополнения: Уточнения, Быстрые ссылки Редактировать						
4 пиццы 30 см за 990 руб – По промокоду YA22 4 пиццы со скидкой 52% Доставка 45 минут внутри МКАД. Закажи сейчас!	2 838,15	56,76	5 305	50	0,94	16,07
№ 10083053262 Дополнения: Уточнения, Быстрые ссылки Редактировать						

Составлено автором по материалам сервиса Яндекс.Директ

Рис. 3. Сравнение показателей эффективности рекламных объявлений

влияние на стоимость продвижения. В связи с этим выясним, может ли уровень конкуренции за показ объявления или за клик стать компонентом рекламного носителя.

Уровень конкуренции непосредственно влияет на стоимость показа, клика, конверсии, но рекламодатель не может узнать цену размещения до момента проведения аукциона [10]. То есть уровень конкуренции оказывает влияние, но рекламодатель не имеет возможности учитывать его, таким образом, уровень конкуренции на рекламных площадках тоже можно отнести ко внешним факторам, которые не могут быть включены в рекламный носитель. На основе проведенного анализа можно выделить основные параметры рекламной кампании, которые оказывают влияние на эффективность продвижения:

- характеристики целевой аудитории;
- рекламное сообщение, доставленное целевой аудитории;
- канал доставки сообщения или источник трафика;
- формат рекламного объявления.

Получается, с описанием целевой аудитории неразрывно связаны другие факторы влияния и их тоже необходимо указать как часть рекламного носителя, который будет состоять из комбинации характеристик, рекламного канала, формата объявления и рекламного сообщения. Рекламное сообщение и формат рекламного объявления будут выбраны в любом случае, и если выбор не будет сделан на этапе планирования, то он будет сделан на этапе запуска рекламной кампании. Это может привести к неэффективному сочетанию аудитории и рекламного сообщения или формата рекламного объявления и рекламного инструмента, что отразится на результатах продвижения. Изученные данные показывают, что медиапланиер при составлении комбинации параметров рекламной кампании не может опираться на один из них для планирования. Каждый фактор оказывает влияние на эффективность продвижения, а их сочетание может дать как положительный, так и отрицательный эффект на результаты рекламной кампании. Значит, специалист по медиапланированию может лишь предположить результативность какой-либо комбинации параметров рекламной кампании. Таким образом, необходимо ввести элемент, который будет учитывать это сочетание факторов. Наиболее подходящим названием этому элементу представляется «рекламная гипотеза». Рекламная гипотеза – это предположение об экономической или коммуникационной эффективности комбинации характеристик целевой группы, рекламного сообщения, рекламного канала и формата рекламного объявления.

И именно между рекламными гипотезами следует распределять бюджет; этот подход соответствует не только научным выводам, сделанным в статье, но и практической организации работы в коммерческих организациях, где выделяют бюджет именно на тестирование идей и предположений.

Потребители как фактор микросреды учтены в характеристиках аудитории. Сезонность спроса – так же, как и факторы макросреды необходимо учитывать на этапе планирования маркетинговых активностей, а не на этапе медиапланирования. Уровень конкуренции нужно рассмотреть с двух сторон: с точки зрения товарной конкуренции, он относится к факторам внешней среды, и медиаплан этого учитывать не должен. А с точки зрения рекламодателя, медиаплан его должен учитывать, так как этот фактор оказывает

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования были выявлены четыре основных фактора, которые оказывают влияние на рекламную кампанию непосредственно на уровне медиаплана, остальные факторы, которые в действительности оказывают влияние, медиапланиер не может учитывать в своей работе, так как они относятся к более высокому уровню планирования маркетинговых активностей.

Исследование вопроса рекламного носителя позволило прийти к выводу, что в цифровом пространстве рекламный носитель — это комбинация факторов, влияющих на рекламную кампанию. Эту комбинацию автор статьи назвал рекламной гипотезой. Именно между рекламными гипотезами предлагается распределять рекламный бюджет. Такой подход представляется логичным развитием процесса медиапланирования в цифровом пространстве, он позволяет учитывать все разнообразие инструментов продвижения в цифровой среде и практический опыт коммерческой деятельности.

Заявленная тема имеет потенциал для дальнейшего исследования. В первую очередь, необходимо разработать правила распределения бюджета между гипотезами. Также приведенный в статье анализ конверсии сайтов позволил увидеть некоторую закономерность в зависимости от формата рекламного объявления. Эта тема также требует дополнительной проработки.

Библиографический список

1. Азоев Г.А. *Маркетинг освоение профессии*. Учебник для вузов. СПб.: Питер; 2020. 544 с.
2. Азоев Г.А., Хохлов Д.А. Развитие компетенций медиапланиера в веб-среде. *Маркетинг в России и за рубежом*. 2019;5(133):53–63.
3. Котлер Ф., Келлер К.Л. Разработка и управление интегрированными маркетинговыми коммуникациями. В кн.: *Маркетинг Менеджмент*. Пер. с англ. Кузин В.; общ. ред. Власова Е. 15-е изд. СПб.: Питер; 2018. С. 626–655.
4. Albarran A.B. *Management of Electronic and Digital Media*. Boston: Cengage Learning; 2016. 368 p.
5. Шевченко Д.А. Цифровой маркетинг обзор каналов и инструментов. *Системные технологии*. 2018;1(26):84–89.
6. Хохлов Д.А. Исследование актуальных характеристик описания целевой аудитории для продвижения в цифровой среде. *Вестник Университета*. 2021;(11):47–52. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-11-47-52>
7. Скоробогатых И.И., Ефимова Д.М. *Маркетинговые исследования и ситуационный анализ: Учебник*. М.: Изд-во РЭУ имени Г.В. Плеханова; 2017. 340 с.
8. Яндекс.Метрика. *Как Метрика определяет источник трафика*. <https://yandex.ru/support/metrica/general/sources-tracking.html> (дата обращения: 31.08.2022)
9. Шевкунов К.С. Факторы, влияющие на эффективность продвижения товаров торговой организации. *Молодой ученый*. 2020;3(293):399–401.
10. Азоев Г.А., Хохлов Д.А. Формирование модели прогнозирования спроса на проектируемые цифровые продукты. *Маркетинг и маркетинговые исследования*. 2021;1:18–27. <https://doi.org/10.36627/2074-5095-2021-1-1-18-27>

References.

1. Azoev G.L. *Marketing mastering the profession. Textbook for universities*. St. Petersburg: Piter; 2020. (In Russian).
2. Azoev G.L., Khokhlov D.A. Development of media planner competencies in the web-space. *Marketing in Russia and abroad*. 2019;5(133):53–63
3. Kotler F., Keller K.L. Development and management of integrated marketing communications. In: Vlasova E (ed.) *Marketing Management*. Trans. from Eng. Kuzin V. 15th edition. St. Petersburg: Piter; 2018. P. 415–423. (In Russian).
4. Albarran A.B. *Management of Electronic and Digital Media*. Boston: Cengage Learning; 2016. 368 p.
5. Shevchenko D.A. Digital Marketing overview of channels and tools. *System technologies*. 2018;1(26):84–89.
6. Khokhlov D.A. Research of actual characteristics for describing of the target audience for digital marketing. *Vestnik Universiteta*. 2021;(11):47–52. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-11-47-52>
7. Skorobogatykh I.I., Efimova D.M. *Marketing research and Situational Analysis: Textbook*. Moscow: Plekhanov Moscow State University of Economics Publ. House; 2017. (In Russian).
8. Yandex.Metrica *How Yandex.Metrica determines the traffic source*. <https://yandex.ru/support/metrica/general/sources-tracking.html> (accessed 31.08.2022).
9. Shevkunov K.S. Factors are affected on the effectiveness of the promotion of goods of a trade organization. *Young scientist*. 2020;3(293):399–401.
10. Azoev G.L., Khokhlov D.A. Formation of a demand forecasting model for designed digital products. *Marketing and marketing research*. 2021;1:18–27. <https://doi.org/10.36627/2074-5095-2021-1-1-18-27>

Разработка принципов управления предприятием технического сервиса

Коловертнова Мария Юрьевна

Канд. экон. наук, ст. науч. сотрудник
ORCID: 0000-0001-9111-7308, e-mail: mariakolov@mail.ru

Тяпухин Алексей Петрович

Д-р экон. наук, директор филиала
ORCID: 0000-0002-1819-5905, e-mail: aptyapuhin@mail.ru

Оренбургский филиал Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, г. Оренбург, Россия

Аннотация

Для достижения оперативных и стратегических целей предприятие технического сервиса с помощью принципов управления воздействует на объекты управления, ресурсы, оборудование, технику, технологии, персонал, клиентов и партнеров. Несмотря на относительную стабильность содержания и структуры принципов управления предприятиями, они могут быть реализованы в различных вариантах и подвержены изменениям в зависимости от состояния и тенденций развития окружающей среды. Статья посвящена уточнению и дополнению количества и взаимосвязей принципов управления предприятиями технического сервиса. В ней использованы методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также классификации, а в качестве инструментов выбраны бинарные матрицы, предусматривающие совместное использование качественных признаков исследуемых принципов управления и их дихотомий. Полученные результаты позволяют сократить затраты, время, а также упущенную выгоду в сфере технического сервиса за счет четкой структуризации принципов управления по уровням управления предприятием и должностям, предусмотренным его штатным расписанием.

Для цитирования: Коловертнова М.Ю., Тяпухин А.П. Разработка принципов управления предприятием технического сервиса // Вестник университета. 2022. № 10. С. 105–114.

Ключевые слова

Техника, обслуживание, управление, принцип, структура, потенциал, доступность, удовлетворенность, эффективность

Благодарности. Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2022 год.

Development of a technical service enterprise management principles

Maria Yu. Kolovertnova

Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher
ORCID: 0000-0001-9111-7308, e-mail: mariakolov@mail.ru

Alexey P. Tyapukhin

Dr. Sci. (Econ.), Branch Director
ORCID: 0000-0002-1819-5905, e-mail: aptyapuhin@mail.ru

Orenburg Branch of the Institute of Economics (Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)

Abstract

In order to achieve operational and strategic goals, a technical service enterprise, with the help of management principles, affects management facilities, resources, equipment, machinery, technologies, personnel, customers and partners. Despite the relative stability of the content and structure of the principles of enterprise management, they can be implemented in various ways and are subject to changes depending on the state and trends of environmental development. The article is devoted to clarifying and supplementing the number and interrelationships of management principles of technical service enterprises. It uses methods of analysis and synthesis, induction and deduction, as well as classification, and the tools are binary matrices that provide for the joint use of qualitative features of the studied management principles and their dichotomies. The results obtained make it possible to reduce costs, time, as well as lost profits in the field of technical service due to a clear structuring of management principles by levels of enterprise management and positions provided for by its staffing schedule.

Keywords

Technique, service, management, principle, structure, potential, availability, contentment, efficiency

Acknowledgements. The article was prepared in accordance with the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2022.

For citation: Kolovertnova M.Yu., Tyapukhin A.P. (2022) Development of a technical service enterprise management principles. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 105–114.

ВВЕДЕНИЕ

Бесперебойная работа машин и оборудования обеспечивается регулярным техническим обслуживанием. Проведение профилактических мер способствует увеличению производительности и исключению сбоев в работе техники. Актуальное техническое состояние машинного парка определяется как характером и интенсивностью обновления, его переоснащением, так и качеством эксплуатации машин и оборудования. Такие меры служат обязательным условием для эффективного развития предприятия [1; 2].

Система технического сервиса является основополагающей частью общей системы воспроизводства машин и оборудования практически во всех отраслях национальной экономики [3].

Приоритет усилий и времени необходимо отдавать обслуживанию, поскольку даже незначительное время простоя из-за поломки может снизить общую эффективность, что приведет к большим производственным потерям, сверхурочным работам и утилизации техники до истечения срока ее службы [4].

Технический сервис с применением инновационных методов диагностики сокращает время ремонта техники на 88 %, и снижает его стоимость на 93 % [5].

Технический сервис стал одной из стратегических функций, он обеспечивает непосредственную доступность техники и оборудования, технологических процессов, человеческих и финансовых ресурсов, а также запасных частей и расходных материалов. Стремление к повышению конкурентоспособности и лучшим результатам за счет технического сервиса рассматривается как важный ресурс предприятия [6].

В современных экономических условиях предприятиям технического сервиса сложно рассчитывать на успех без эффективной адаптации к быстрым и трудно прогнозируемым изменениям на рынке. Руководство предприятия сталкивается с комплексными проблемами, вызванными конкуренцией, требованиями клиентов, а также негативными воздействиями окружающей среды.

Для получения конкурентного преимущества на предприятии технического сервиса нужно принимать меры по повышению эффективности и инновационности управления ресурсами [7]. Использование принципов управления поможет предприятиям технического сервиса в решении данных проблем. Свободный доступ потребителей к информационным ресурсам, экономическая интеграция приводят к острой конкуренции на рынке и, следовательно, повышаются требования к предприятию этого профиля деятельности.

Более широкое использование инструментов управления, к которым, кроме прочего, относятся принципы управления, порождает потребность в улучшении показателей качества и производительности, что ведет к повышению конкурентоспособности продукции, процессов и услуг предприятия [8].

Для дальнейшего развития предприятию технического сервиса необходима заинтересованность в повышении эффективности оказания услуг за счет освоения принципов управления. Принципы управления улучшают знания, способности и понимание руководителей всех категорий в различных ситуациях. Грамотное управление снижает потери материальных и человеческих ресурсов и помогает с наименьшими затратами достичь поставленных целей. Функция управления заключается в том, чтобы оптимально использовать и избегать их нецелесообразного расхода, что, в свою очередь, возможно только тогда, когда руководители предприятия применяют принципы управления.

Успешное использование принципов управления включает ряд теоретических и методических аспектов, которые на сегодняшний день недостаточно проработаны, но их оптимальное сочетание позволит говорить о полноценной концепции управления предприятиями технического сервиса. Поэтому в работе мы постарались уточнить и дополнить количество взаимосвязей принципов управления предприятиями технического сервиса.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Принципы управления являются составной частью системы управления предприятием технического сервиса. Сущность и содержание системы управления достаточно проработаны специалистами. В изученных источниках приводится несколько определений этого термина. Например, система управления – это «... процессы и процедуры, используемые для обеспечения того, чтобы предприятие могло выполнять все задачи, необходимые для достижения своих целей» [9]. По мнению иностранных ученых, система управления определяется как набор элементов, с помощью которых обеспечивается эффективный процесс управления с целью повышения экономической рентабельности предприятия [10]. В работе зарубежных исследователей система управления представлена как совокупность элементов, имеющих

решающий организационный, информационный, мотивационный характер, внутри предприятия, через которые осуществляются все процессы управления [11].

Исследователи полагают, что система управления – это инструмент, доступный предприятию, используемый для информирования о взаимодействии людей, а процессы, позволяющие принимать решения в условиях качественного анализа, помогут увеличить прибыль. Система управления объединяет компоненты бизнеса таким образом, чтобы способствовать скорейшему достижению целей и задач предприятия [12].

В научной литературе детально описан термин «принцип управления». Однако по мнению зарубежных авторов, он не только является компонентом системы управления, но и применяется в таких разделах менеджмента, как [13]:

- принятие управленческих решений;
- внешняя и внутренняя среда организации и ее корпоративная культура;
- этика, корпоративная ответственность и устойчивость;
- организационная структура и управление изменениями; лидерство и т.д.

Кроме того, термин «принцип менеджмента» применяется в основных разделах управления, включающих в себя стратегический менеджмент [14], управление проектами и устойчивым развитием [15], маркетинг [16], логистика [17], а также инновационный менеджмент [18].

В настоящее время известно несколько базовых принципов управления предприятиями [19], цепями поставок [20], а также цепями создания ценности [21]. Впрочем, у всех перечисленных выше вариантов имеются одни и те же недостатки, вызванные использованием единственного метода исследования. Они заключаются в следующем:

- а) количество принципов изменяется от 4 до 14 в зависимости от исследуемого варианта, при этом выбор того или иного количества принципов авторами не обосновывается;
- б) между принципами, предлагаемыми в различных источниках, не установлены взаимосвязи, что существенно затрудняет их реализацию в сложных по составу и уровням управления организационных структурах;
- в) слабо прослеживается эволюция принципов управления в зависимости от факторов внешней и внутренней среды, включая особенности того или иного технологического уклада.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Создание теоретических и методических предпосылок для совершенствования количества и качества принципов управления является одной из задач исследования.

Поскольку принципы системы управления предприятием технического сервиса описываются качественными характеристиками и реализуются предприятиями во внешней среде, факторы которой в большинстве случаев не поддаются количественной оценке, основным методом исследования выбран метод классификаций [22]. Этот метод делится на две части.

1. Дескрипторный метод, позволяющий обосновать и выбрать адекватные объекту исследования качественные признаки и их дихотомии. Причем в этом исследовании такими объектами являются либо актуальные признаки принципов управления, либо факторы внешней для него среды.

2. Фасетный метод, на основе которого формируются бинарные матрицы [22], содержащие 2^x вариантов данного объекта, где цифра «2» отражает количество дихотомий, а x – количество его качественных признаков.

Исследование предполагает выполнение следующих этапов:

- 1) определение четырех основных групп принципов, учитывающих предпочтения как разработчиков системы управления предприятием технического сервиса, так и конечных потребителей его продукции или услуг;
- 2) структуризацию каждой группы принципов по четырем компонентам, что позволяет сформировать 16 компонентов, увязанных с помощью используемых актуальных качественных признаков и дихотомий;
- 3) формирование принципов системы управления предприятием технического сервиса, наиболее полно соответствующих данным компонентам.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Начальный этап исследования предусматривает выделение двух типов целей управления предприятием технического сервиса (дихотомий): технологические и экономические, в состав которых входят группы признаков объекта исследования, сопровождающие жизненный цикл пред- и послепродажных услуг. Совместное использование качественных признаков и их дихотомий позволяет обосновать четыре

основные группы принципов предприятия технического сервиса, таких как доступность, выгодность, надежность, инвестиционная привлекательность (рис. 1).

Группа принципов «доступность» учитывает постоянную готовность системы управления предприятия к взаимодействию с конечным потребителем его продукции и услуг, ограниченным в финансовых возможностях и готовым поддерживать длительные отношения с поставщиками. Группа принципов «выгодность», с одной стороны, должна в максимальной степени обеспечить соответствие желаемой и воспринимаемой ценностей конечного потребителя, а с другой стороны, позволять предприятию технического сервиса получать при этом прибыль. Группа принципов «надежность» предполагает, с одной стороны, бесперебойность функционирования предприятия на рынке, а с другой стороны, отражает ориентацию системы управления предприятием на стабильность и устойчивое развитие, в том числе на создание условий для удовлетворения потребностей будущих поколений. Группа принципов «инвестиционная привлекательность» предусматривает постоянное техническое перевооружение, повышение квалификации персонала, ориентированное на проведение научных, опытно-конструкторских и технологических работ, а также на доходность инвестиций в долгосрочной перспективе.

		Тип цели управления	
		Технологические	Экономические
Стадия техническо- го сервиса	Подготовка	Доступность <i>А</i>	Выгодность <i>В</i>
	Выполнение	Надежность <i>С</i>	Инвестиционная привлекательность <i>Д</i>

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Классификация групп принципов управления предприятием технического сервиса

На рисунке 1 горизонтальные линии, выделенные жирным шрифтом, обозначают взаимосвязи между группами принципов управления предприятием технического сервиса: например, инвестиционная привлекательность и выгодность помогают данному предприятию получать экономические выгоды. Вертикальные линии, выделенные жирным шрифтом, показывают взаимосвязи между группами принципов управления предприятием технического сервиса: например, выгодность и доступность способствуют эффективному управлению на стадии подготовки к проведению технического сервиса. С помощью этих принципов предприятие сможет оперативно управлять объектами внутренней и внешней среды для достижения своих целей в долгосрочной перспективе.

В продолжение исследования для каждой группы принципов управления предприятием технического сервиса также необходимо определить актуальные классификационные признаки и их дихотомии (рис.2).

А) «Доступность». Для этой группы следует использовать такие классификационные признаки и дихотомии как:

- тип используемых ресурсов (материальные и человеческие);
- вариант обеспечения надежности (создание ценности и содействие созданию ценности).

Совместное использование этих признаков и дихотомий позволяет выделить четыре компонента принципов управления предприятием технического сервиса: 1) доступность запасных частей и расходных материалов; 2) технологии обслуживания и ремонта; 3) обслуживание станков, оборудования, оснастки; 4) знания, умения, навыки и компетенции предприятия, а также доступность желаемых ценностей для конечных потребителей его продукции и/или услуг.

В) «Выгодность». Этой группе соответствуют следующие классификационные признаки и дихотомии:

- компоненты, формирующие прибыль (непосредственно и опосредованно);
- варианты обеспечения выгоды технического обслуживания и ремонта (экономические и управленческие).

Использование данных классификационных признаков и дихотомий позволяет выделить четыре варианта выгоды технического сервиса: 1) снижение затрат; 2) экономия оборотных средств; 3) увеличение цены за качество и дополнительные услуги; 4) сокращение упущенной выгоды.

С) «Надежность». Для обоснования основных компонентов данной группы при управлении предприятием технического сервиса целесообразно использовать следующие классификационные признаки и их дихотомии:

- режим эксплуатации техники (номинальный и предельный);
- показатели назначения техники (относительно стабильны или требуют корректировки).

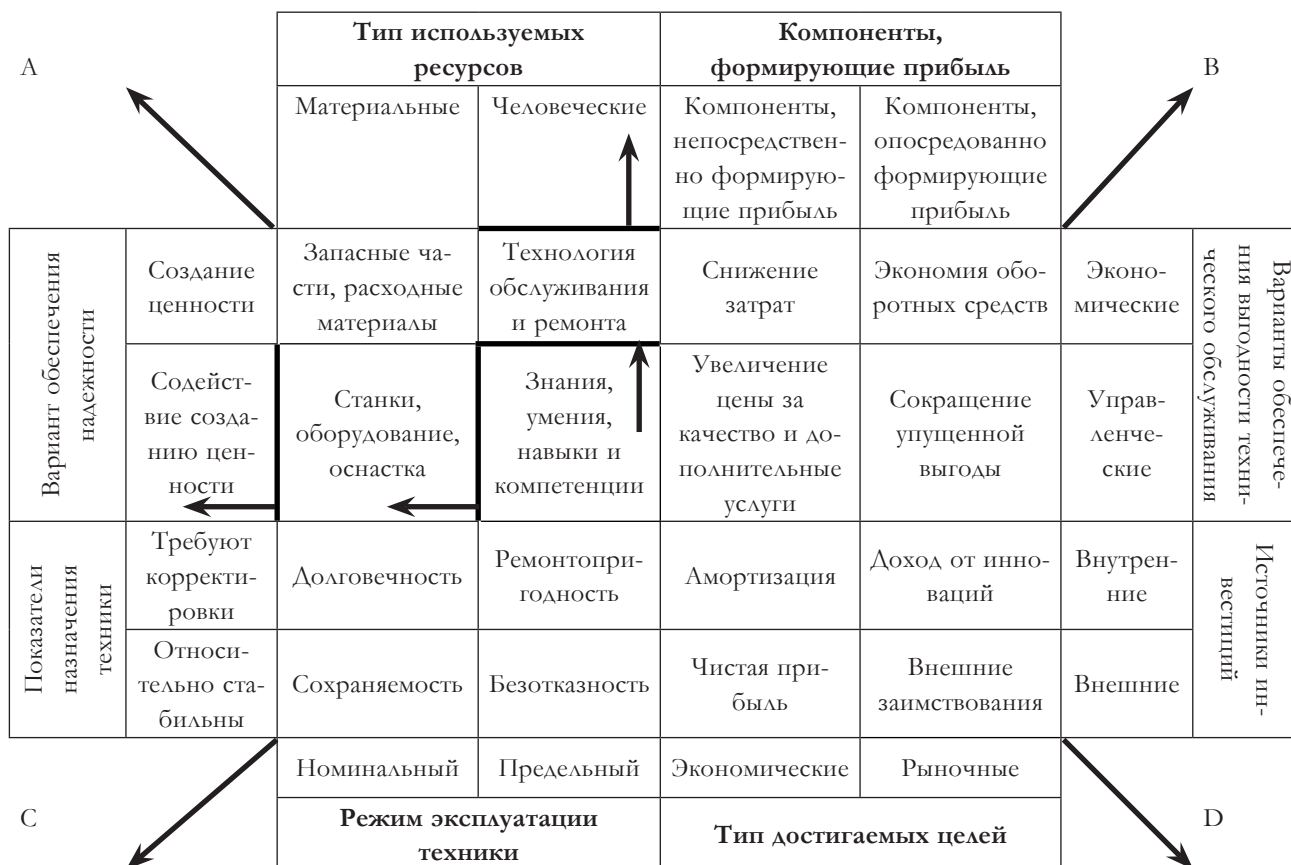
Совместное использование этих признаков и дихотомий позволяет выделить четыре компонента надежности, касающейся принципов управления предприятием технического сервиса: 1) сохраняемость; 2) долговечность; 3) безотказность; 4) ремонтпригодность.

Д) «Инвестиционная привлекательность». Чтобы выделить основные компоненты данной группы принципов управления, необходимо воспользоваться следующими классификационными признаками и дихотомиями:

- тип достигаемых целей (экономические и рыночные);
- источники инвестиций (внешние и внутренние).

В секторе D учитывается содержание основных этапов управления предприятием технического сервиса, таких как:

- увеличение оборотных средств предприятия, формирование фондов и резервов;
- разработка проекта по улучшению инвестиционных конкурентных преимуществ предприятия;
- эффективное использование амортизационной политики при производстве продукции и оказании услуг;
- внедрение управленческих инноваций в процесс деятельности предприятия.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Классификация компонентов групп принципов управления предприятием технического сервиса

Также на рисунке 2 можно установить взаимосвязи компонентов групп принципов управления предприятием технического сервиса. Так, например, жирными горизонтальными линиями в секторе А показаны взаимосвязи между тремя компонентами группы «Доступность». Общей для компонентов «технология обслуживания и ремонта» и «знания, умения, навыки и компетенции персонала» является дихотомия «человеческие ресурсы» (горизонтальные линии). В этом же секторе вертикальные выделенные линии выражают связь между признаками: «знания, умения, навыки, компетенции» и «станки, оборудование, оснастка».

Для сложных технологических процессов эффект повышения квалификации работников проявляется в постепенном росте производительности станков и оборудования, а недостаточная квалификация

персонала, наоборот, затягивает сроки ввода техники в эксплуатацию и достижения предприятием проектной мощности. Совершенствование технологий, техники и оборудования должно сопровождаться улучшением организации и управления производством, а компетенция персонала должна опережать технический и организационный уровень производства.

Информация, представленная на рисунке 2, позволяет преобразовать выделенные компоненты непосредственно в принципы управления предприятием технического сервиса и сформировать их трехуровневую структуру: «система принципов управления – группы принципов управления – принципы управления» (рис. 3). Как было показано ранее, компоненты принципов управления являются промежуточным этапом между формированием групп принципов и непосредственно самих принципов управления.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Структура принципов управления предприятием технического сервиса

Пунктирной линией на рисунке 3 показана обратная связь между принципами управления, то есть при разработке системы управления технического сервиса необходимо учитывать связи всех принципов, что позволит предприятию значительно улучшить эффективность управления, развивать бизнес, сократить затраты, увеличить производительность труда, внедрять информационные технологии. От их эффективного взаимодействия будет зависеть работа всего предприятия.

Часть из перечисленных выше недостатков можно устранить, воспользовавшись результатами настоящего исследования. Но в то же время целесообразно обсудить следующие возможные направления их совершенствования:

- определение содержания концепций управления предприятиями технического сервиса в новых экономических условиях;
- уточнение мероприятий, связанных с их внедрением в практику российских предприятий;
- разработка предложений по цифровизации компонентов системы управления предприятиями и разработки компьютерного и программного обеспечения управленческой деятельности;
- повышение качества машин и оборудования, а также их технического обслуживания и ремонта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе исследования была обоснована структура принципов управления предприятием технического сервиса на теоретическом уровне. Следующим этапом исследования является адаптация этих принципов к конкретным объектам управления в отраслевом и территориальном аспектах. Считаем целесообразным решение следующих вопросов совершенствования системы управления предприятием технического сервиса:

- разработка системы сбалансированных показателей его эффективности;
- уточнение экономического, социального и экологического аспектов устойчивости и устойчивого развития инновационной деятельности предприятий технического сервиса;
- выявление направлений снижения упущенной выгоды предприятиями данного типа.

Основываясь на результатах исследования, можно сделать вывод, что совершенствование системы управления позволит предприятиям технического сервиса достичь стратегических целей, повысить инвестиционную привлекательность, улучшить эффективность управления, масштабировать бизнес, сократить затраты, увеличить производительность труда, способствовать внедрению информационных технологий. Систему управления предприятием технического сервиса можно будет корректировать в зависимости от факторов внешней и внутренней среды для повышения практичности и простоты внедрения заинтересованными компаниями.

Библиографический список

1. Spinelli R., Eliasson L., Magagnotti N. Determining the repair and maintenance cost of wood chippers. *Biomass Bioenergy*. 2019;122:202–210. <https://doi.org/10.1016/j.biombioe.2019.01.024>
2. Коловертнова М.Ю., Огородников П.И., Ключин Д.И. К вопросу обоснования системы агротехцентров. *Вестник АПК Верхневолжья*. 2018;1(41):56–62.
3. Сидоров Е.А., Сидорова Л.И. Исследование динамики загрязненности дизельного топлива при существующей системе технического сервиса машин в сельскохозяйственном производстве. В сб.: *Образование, наука, практика: инновационный аспект: Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию ФГБОУ ВПО «Пензенская ГСХА»*, Пенза, 27–28 октября 2011 г. Пенза: Пензенская государственная сельскохозяйственная академия; 2011. С. 230–232.
4. Mehmeti Xh., Mehmeti B., Sejdiu Rr. The equipment maintenance management in manufacturing enterprises. *IFAC-PapersOnLine*. 2018;51(30):800–802. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ifacol.2018.11.192>
5. da Silva C.A.G., de Sa J.L.R., Menegatti R. Diagnostic of Failure in Transmission System of Agriculture Tractors Using Predictive Maintenance Based Software. *AgriEngineering*. 2019;1(1):132–144. <https://doi.org/10.3390/agriengineering1010010>
6. García S.G., García M.G. Design and Simulation of Production and Maintenance Management Applying the Viable System Model: The Case of an OEM Plant. *Materials*. 2018;11(8):1346. <https://doi.org/10.3390/ma11081346>
7. Sabetova T.V. Definition of the term “competitiveness of the labor market participant”. *Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences*. 2017;64(4):120–125. <http://dx.doi.org/10.18551/rjoas.2017-04.16>
8. MacDonald G., Brauman K. Rethinking agricultural trade relationships in an era of globalization. *Economics BioScience*. 2015;65(3):275–289. <http://dx.doi.org/10.1093/biosci/biu225>
9. Bizmanualz. *How to Build Effective Management System*; 2005. <https://www.bizmanualz.com/writing-policies-and-procedures/how-to-build-effective-management-systems.html> (accessed 15.08.2022).
10. Asif M., Bruijn E.D., Fisscher O. Corporate motivation for integrated management system implementation, why do firms engage in integration of management systems: A literature review & research agenda. In: *Proceedings of the 16th Annual High Technology Small Firms Conference and Doctoral Workshop, Enschede, Netherlands, 21–23 May 2008*. Enschede: University of Twente Publ. House; 2008. <https://doi.org/10.3990/2.268488950>
11. Shila Shahnaci, Choi Sang Long. The Review of Improving Innovation Performance through Human Resource Practices in Organization Performance. *Asian Social Science*. 2015;11(9). <http://dx.doi.org/10.5539/ass.v11n9p52>

12. Maier D., Vadastreanu A.M., Kepplerc T., Eidenmullerd T., Maier A. Innovation as a Part of an Existing Integrated Management System. *Procedia Economics and Finance*. 2015;26:1060–1067. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00930-2](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00930-2)
13. Prasad L.M. *Principles and Practice of Management*. New Delhi: Sultan Chand & Sons; 2020. 550 p.
14. Witcher B.J., Chau V.S. *Strategic Management: Principles and Practice*. Andover: Cenage Learning; 2010. 352 p.
15. Gareis R., Huemann M. *Project Management and Sustainable Development Principles*. Newtown Square: Project Management Institute, Inc.; 2013. 187 p.
16. Kotler P., Armstrong G. *Principles of marketing*. 9th ed., New York: Upper Saddle River; 2001. 126 p.
17. Shapiro R., Heskett J. *Logistics Strategy: cases and concepts*. St. Paul, Minnesota: Web Publishing; 1995. 602 p.
18. de Casanove A., Morel L. *Innovation management principles from ISO 50500 series*. Aston: International Association for Management of Technology IAMOT; 2018. 15 p. <https://hal.univ-lorraine.fr/hal-02789494>
19. Liker J.K. *The Toyota way: 14 Management principles from the world's greatest manufacturer*. New York: McGraw-Hill; 2004. 350 p.
20. Crandall R.E., Crandall W.R., Chen C.C. *Principles of Supply Chain Management*. 2nd edition, New York: CRC Press, Taylor & Francis Group, Boca Raton; 2015. 717 p.
21. McGuffog T., Wadsley N. The general principles of value chain management. *Supply Chain Management*. 1999;4(5):218–225. <https://doi.org/10.1108/13598549910295000>
22. Тягухин А.П., Коловертнова М.Ю. Потоки в цепях создания ценностей. *Мир транспорта*. 2021;19(1-92):110–134. <https://doi.org/10.30932/1992-3252-2021-19-1-110-134>

REFERENCES

1. Spinelli R., Eliasson L., Magagnotti N. Determining the repair and maintenance cost of wood chippers. *Biomass Bioenergy*. 2019;122:202–210. <https://doi.org/10.1016/j.biombioe.2019.01.024>
2. Kolovertnova M.Yu., Ogorodnikov P.I., Klyushin D.I. On the issue of substantiating the system of agrotechnical centers. *Herald of Agroindustrial Complex of Upper Volga region*. 2018;1(41):56–62.
3. Sidorov E.A., Sidorova L.I. Investigation of the dynamics of diesel fuel pollution under the existing system of technical service of machines in agricultural production. In: *Education, Science, practice: Innovative aspect: Proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the 60th anniversary of the Penza State Agricultural Academy, Penza, 27–28 October 2011*. Penza: Penza State Agricultural Academy; 2011. P. 230–232.
4. Mehmeti Xh., Mehmeti B., Sejdiu Rr. The equipment maintenance management in manufacturing enterprises. *IFAC-PapersOnLine*. 2018;51(30):800–802. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ifacol.2018.11.192>
5. da Silva C.A.G., de Sa J.L.R., Menegatti R. Diagnostic of Failure in Transmission System of Agriculture Tractors Using Predictive Maintenance Based Software. *AgriEngineering*. 2019;1(1):132–144. <https://doi.org/10.3390/agriengineering1010010>
6. García S.G., García M.G. Design and Simulation of Production and Maintenance Management Applying the Viable System Model: The Case of an OEM Plant. *Materials*; 2018;11;1346. DOI:10.3390/MA11081346
7. Sabetova T.V. Definition of the term “competitiveness of the labor market participant”. *Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences*. 2017;64(4):120–125. <http://dx.doi.org/10.18551/rjoas.2017-04.16>
8. MacDonald G., Brauman K. Rethinking agricultural trade relationships in an era of globalization. *Economics BioScience*. 2015;65(3):275–289. <http://dx.doi.org/10.1093/biosci/biu225>
9. Bizmanualz. *How to Build Effective Management System*; 2005. <https://www.bizmanualz.com/writing-policies-and-procedures/how-to-build-effective-management-systems.html> (accessed 15.08.2022).
10. Asif M., Bruijn E.D., Fisscher O. Corporate motivation for integrated management system implementation, why do firms engage in integration of management systems: A literature review & research agenda. In: *Proceedings of the 16th Annual High Technology Small Firms Conference and Doctoral Workshop, Enschede, Netherlands, 21–23 May 2008*. Enschede: University of Twente Publ. House; 2008. <https://doi.org/10.3990/2.268488950>
11. Shila Shahnaei, Choi Sang Long. The Review of Improving Innovation Performance through Human Resource Practices in Organization Performance. *Asian Social Science*. 2015;11(9). <http://dx.doi.org/10.5539/ass.v11n9p52>
12. Maier D., Vadastreanu A.M., Kepplerc T., Eidenmullerd T., Maier A. Innovation as a Part of an Existing Integrated Management System. *Procedia Economics and Finance*. 2015;26:1060–1067. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00930-2](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00930-2)
13. Prasad L.M. *Principles and Practice of Management*. New Delhi: Sultan Chand & Sons; 2020. 550 p.
14. Witcher B.J., Chau V.S. *Strategic Management: Principles and Practice*. Andover: Cenage Learning; 2010. 352 p.
15. Gareis R., Huemann M. *Project Management and Sustainable Development Principles*. Newtown Square: Project Management Institute, Inc.; 2013. 187 p.
16. Kotler P., Armstrong G. *Principles of marketing*. 9th ed., New York: Upper Saddle River; 2001. 126 p.

17. Shapiro R., Heskett J. *Logistics Strategy: cases and concepts*. St. Paul, Minnesota: Web Publishing; 1995. 602 p.
18. de Casanove A., Morel L. *Innovation management principles from ISO 50500 series*. Aston: International Association for Management of Technology IAMOT; 2018. 15 p. <https://hal.univ-lorraine.fr/hal-02789494>
19. Liker J.K. *The Toyota way: 14 Management principles from the world's greatest manufacturer*. New York: McGraw-Hill; 2004. 350 p.
20. Crandall R.E., Crandall W.R., Chen C.C. *Principles of Supply Chain Management*. 2nd edition, New York: CRC Press, Taylor & Francis Group, Boca Raton; 2015. 717 p.
21. McGuffog T., Wadsley N. The general principles of value chain management. *Supply Chain Management*. 1999;4(5):218–225. <https://doi.org/10.1108/13598549910295000>
22. Tyapukhin A.P., Kolovertnova M.Yu. Flows in value creation chains. *World of transport and transportation*. 2021;19(1-92):110–134. <https://doi.org/10.30932/1992-3252-2021-19-1-110-134>

Влияние сотрудничества со странами «Большой семерки» в сфере торговли товарами на национальную экономику России

Глебова Анна Геннадьевна

Д-р экон. наук, проф. Департамента мировых финансов
ORCID: 0000-0002-9449-6013, e-mail: nauka_rf@mail.ru

Гилядова Анна Альбертовна

Студент, ORCID: 0000-0001-9815-2317, e-mail: anna.gilyadova@bk.ru

Мартакова Екатерина Андреевна

Студент, ORCID: 0000-0003-3465-489X, e-mail: 79250415711kate@gmail.com

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

Предмет исследования – внешнеторговый товарооборот между Россией и странами «Большой семерки» (США, Канада, Франция, Германия, Италия, Япония, Великобритания), в частности, его структура. Цель работы – выявить степень влияния сотрудничества с рассматриваемыми в работе странами в сфере торговли товарами на национальную экономику России. Теоретико-методологической основой и информационной базой исследования являются труды российских и зарубежных авторов, посвященные вопросам взаимодействия России и стран «Большой семерки». В процессе написания статьи авторы также обращались к официальным источникам, в частности, к данным, представленным Федеральной таможенной службой России, Федеральной службой государственной статистики (Росстат), Министерством финансов Российской Федерации. Сделаны выводы, что сотрудничество со странами «Большой семерки» в сфере внешней торговли в целом эффективно для России. Однако следует отметить, что Россия активно реализует экспортно-направленную политику, основными товарами которой являются нефть и нефтепродукты, что, несомненно, способствует повышению темпов развития экономики, притоку иностранного капитала и увеличению размера валового внутреннего продукта. Но по причине введенных санкций, а также зависимости России от нефтегазовых доходов, следует направить вектор развития в прочие отрасли, уделить особое внимание развитию отечественного производства и диверсифицировать экономику. Полученные результаты могут применяться для прогнозирования экономического положения страны на мировой арене, анализа дальнейшего взаимодействия Российской Федерации с ключевыми торговыми партнерами и оценки реализуемости эффективного партнерства.

Ключевые слова

Внешняя торговля России, «Большая семерка», тенденции экспорта, структура экспорта, экономические санкции, «коронакризис», доходы от нефти, зависимость от нефтегазовых доходов, «голландская болезнь»

Для цитирования: Глебова А.Г., Гилядова А.А., Мартакова Е.А. Влияние сотрудничества со странами «Большой семерки» в сфере торговли товарами на национальную экономику России // Вестник университета. 2022. № 10. С. 115–124.

© Глебова А.Г., Гилядова А.А., Мартакова Е.А., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The impact of Russia's cooperation with the G7 countries in the sphere of trade in goods on the national economy of Russia

Anna G. Glebova

Dr. Sci. (Econ.), Prof. of the World Finance Department
ORCID: 0000-0002-9449-6013, e-mail: nauka_rf@mail.ru

Anna A. Gilyadova

Student, ORCID: 0000-0001-9815-2317, e-mail: anna.gilyadova@bk.ru

Ekaterina A. Martakova

Student, 0000-0003-3465-489X, e-mail: 79250415711kate@gmail.com

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

The subject of the study is the foreign trade turnover between Russia and the G7 countries (USA, Canada, France, Germany, Italy, Japan, Great Britain), in particular, its structure. The purpose of the work is to identify the degree of influence of Russia's cooperation with the countries considered in the work in the field of trade in goods on the national economy of Russia. The theoretical and methodological basis and information base of the study are the works of Russian and foreign authors devoted to the issues of interaction between Russia and the G7 countries. While writing this article the authors also referred to official Russian sources, in particular, to the data provided by the Federal Customs Service of Russia, the Federal State Statistics Service (Rosstat), and the Ministry of Finance of the Russian Federation. It is concluded that Russia's cooperation with the G7 countries in the sphere of foreign trade is generally effective for Russia. However, it should be noted that the Russian Federation is actively implementing an export-oriented policy, the main products of which are oil products, which undoubtedly contributes to the increase in the rate of economic development, the inflow of foreign capital and the increase in gross domestic product. But due to the imposed sanctions, as well as dependence of the Russian Federation on oil and gas revenues, it is necessary to direct the vector of development to other industries, pay special attention to the development of domestic products and diversify the economy. The results obtained in this paper can be used for forecasting the economic position of the country in the global arena, analyzing the further interaction of the Russian Federation with its key trading partners, and assessing the feasibility of an effective partnership.

Keywords

Russia's foreign trade, G7, export trends, export structure, economic sanctions, corona crisis, oil revenues, dependence on oil revenues, Dutch disease

For citation: Glebova A.G., Gilyadova A.A., Martakova E.A. (2022) The impact of Russia's cooperation with the G7 countries in the sphere of trade in goods on the national economy of Russia. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 115–124.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос внешней торговли является ключевым для развития как национальной, так и мировой экономики. Экспортно-импортные отношения считаются приоритетным направлением внешней политики и для Российской Федерации (далее – РФ) в том числе. Ситуация на внутреннем рынке РФ, уровень благосостояния граждан и степень профицита государственного бюджета напрямую зависят от эффективности внешнеторговых отношений.

В статье проанализированы основные показатели торговли товарами для России и государств-партнеров, являющихся членами «Большой семерки» (США, Канада, Франция, Германия, Италия, Япония, Великобритания), обозначены ключевые позиции в структурном разрезе поставок групп товаров в Россию и за рубеж, а также даны характеристики, демонстрирующие влияние проводимой внешнеторговой политики России на состояние ее национальной экономики. Проблема считается актуальной, так как от того, насколько успешным является выход России на мировой рынок, и того, какие отношения она способна выстроить с наиболее развитыми странами в ближайшем будущем, зависят уровень доходов страны, предприятий и отдельных граждан, развитие промышленного сектора, потенциал свободной конкуренции и другие ключевые вопросы.

В связи с поставленной целью в работе выполняются следующие задачи:

- раскрываются аспекты, влияющие на рост и падение показателей внешней торговли России;
- выявляются причины, воздействующие на тенденции общих объемов экспортируемых и импортируемых товаров (учитывая их структурный анализ);
- на основе аналитических данных выводятся факторы, обосновывающие положительное/отрицательное влияние экспортно-направленной внешней политики на функционирование и состояние внутреннего рынка страны;
- описываются торговые отношения России с некоторыми членами «Семерки», а также конкретные проблемы, возникающие в торговых взаимоотношениях между Россией и ее зарубежными партнерами;
- оцениваются перспективы улучшения обстановки в области внешней политики и эффективность применения выработанных методик.

В своем исследовании авторы опирались на труды российских ученых и экспертов, занимающихся проблемами международного торгово-экономического сотрудничества России, таких как М.В. Азжеев [1], С.А. Беляев [2], А.Г. Глебова [3; 4], Ж.В. Ивановская [4], И.В. Лукашенко [4], А.А. Рябченко [5], Е.Б. Стародубцева [6], Д.И. Ушкалова [7]. Обзор этих публикаций показал наличие интереса академического сообщества к вопросам влияния международного торгового сотрудничества на национальную экономику России.

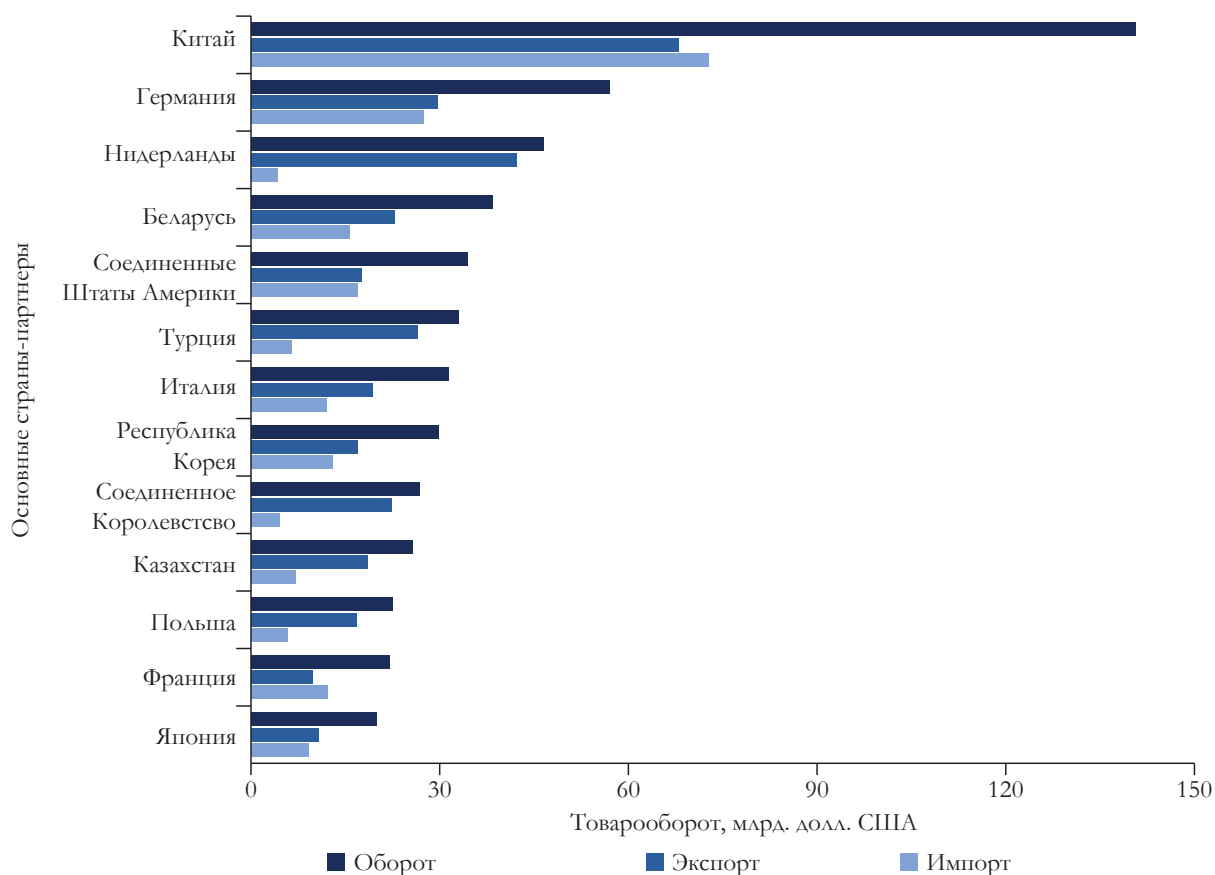
ДИНАМИКА ОБЪЕМА ТОВАРООБОРОТА И ЕГО СОСТАВЛЯЮЩИХ В РАМКАХ ТРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И СТРАН «БОЛЬШОЙ СЕМЕРКИ»

Россия, как активный участник мировой торговли, находится в условиях зависимости от внешних факторов, влияющих на динамику экспорта и импорта, а также на тренды изменения структуры товарных рынков на мировой арене. В результате наблюдения за тенденциями роста и спада мировых экономических показателей, а также анализа позитивного и негативного влияния экспортно-импортных отношений на национальную экономику страны, можно определить ряд эффективных мер по содействию торгово-экономическому развитию.

Результаты действующей в Российской Федерации экспортной и импортной политики включают в себя конкретные значения, описывающие величину поставок нефтегазовых и прочих продуктов в отдельные страны, а также объем и доли доходов, получаемых от реализации этой деятельности. Чтобы дать им более полную и подробную характеристику, следует детально рассмотреть торговые отношения России с наиболее развитыми странами, в число которых входят страны «Большой семерки», для чего стоит обратиться к статистическим данным [8].

«Большая семерка» («Группа семи», англ. G7, Group of Seven) на сегодняшний день является неформальным объединением экономически развитых государств, в число которых входят Великобритания, Италия, Канада, США, Германия, Япония и Франция. Участники «Группы семи» являются ключевыми партнерами для России в сфере обмена товарами. И хотя абсолютным лидером по поставкам экспорта

и импорта из и в Россию является Китай, все государства «Семерки», за исключением Канады, входят в топ-15 стран, с которыми Российская Федерация осуществляет внешнюю торговлю (рис. 1). Так, например, Германия находится на втором месте в рейтинге по показателю внешней торговли со всеми странами мира, занимая при этом первое место среди стран-участниц «Большой семерки». Соединенные Штаты и Италия, в свою очередь, занимают пятое и седьмое места в общемировом рейтинге соответственно.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Товарооборот России с основными партнерами с января 2021 г. по декабрь 2021 г.

В целом, товарооборот между Россией и странами «Семерки» показывает положительные результаты. Особенно это было очевидно в «досанкционные» времена.

К основным плюсам торговых отношений между Россией и странами «Большой семерки» можно отнести:

- взаимное устранение или снижение тарифов и квот;
- устранение различных барьеров для успешной торговли;
- объединение экономик стран в единую торговую рыночную площадку;
- выход государств на новые рынки;
- получение новых возможностей для участников рынка.

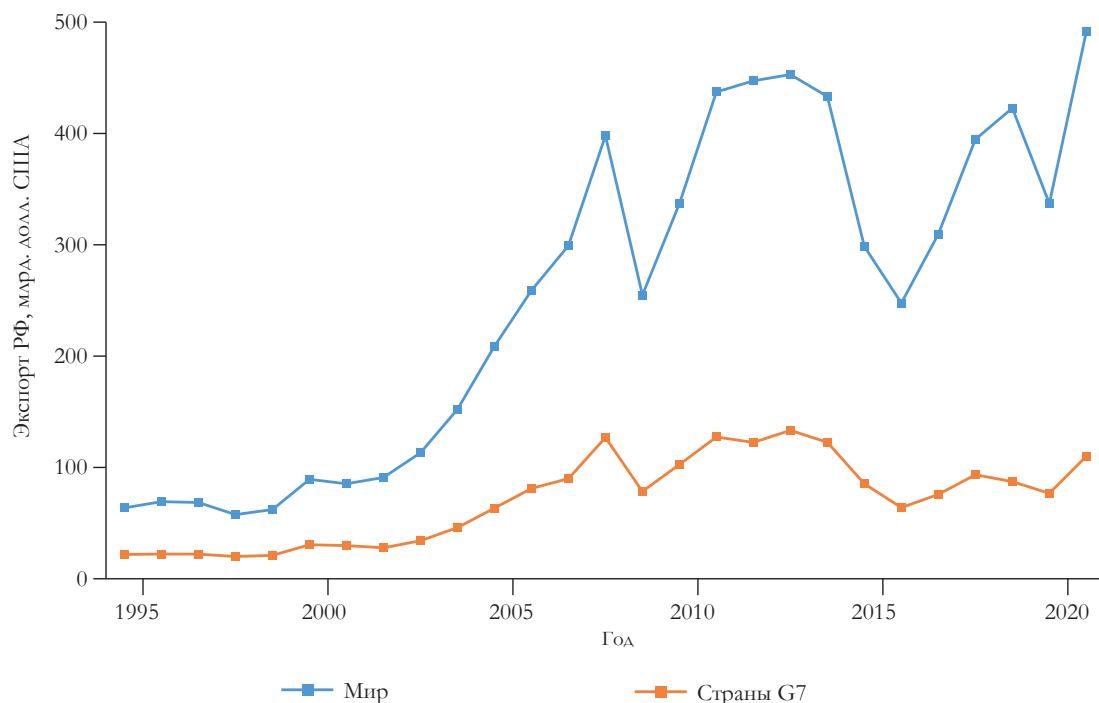
Безусловно, продолжение торговых отношений со странами «Семерки» очень важно для экономики России, особенно в свете событий последних лет, по праву называемых историческими. В первую очередь, это пандемия коронавируса, поразившая сферу экономики, здравоохранения, культуры и прочего не только в России, но и во всем мире. Ключевым аспектом стоит считать и риск возрастающих санкций со стороны Запада, влияющих как на финансово-экономическое, так и на социально-политическое состояние страны, и влекущих за собой приостановку деятельности многих зарубежных компаний на российском рынке, затрудненное положение участников банковской сферы, рост инфляции, безработицы и так далее. И хотя существующее положение России как участника мирового рынка можно без сомнения назвать сложным, важно понимать, что и в прошлом отношения России с ведущими экономиками мира (включая «Группу семи») были далеко не простыми.

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ НА ТОРГОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И СТРАН «БОЛЬШОЙ СЕМЕРКИ»

Начиная с 1991 г. торговые отношения между Россией и странами «Большой семерки» постепенно развивались, набирая обороты с каждым годом в отношении экспорта и импорта продукции вплоть до 2014 г., когда Россия была исключена из «Большой восьмерки» в результате украинского кризиса. Страны «Семерки» не приняли политику Российской Федерации в украинском вопросе, что привело к введению ряда ограничительных мер. С марта 2014 г. началось поэтапное введение санкций в отношении России [5].

Так как внешняя торговая деятельность России является важнейшей составляющей экономики страны – доход, получаемый от экспорта товаров и услуг, формирует существенную часть федерального бюджета, а в зависимости от импорта находятся многие отрасли – то снижение товарооборота, естественно, сказалось на национальной экономике государства.

Данные Федеральной службы государственной статистики [9] и Федеральной таможенной службы России [10], демонстрируют, что в 2014 г., как и в 2008 г., когда мир испытывал экономический кризис, товарооборот России показал значительные снижения, а его объемы опустились до локальных минимумов (рис. 2). Общий товарооборот РФ со всем миром упал к 2015 г. на 134,8 млрд долл. США (31,1 %), а со странами «Большой семерки» в частности – на 37,25 млрд долл. США (30 %) по сравнению с предыдущим годом.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Экспортные отношения Российской Федерации со всем миром и странами «Большой семерки», 1995–2021 гг., млрд долл. США

Следует отметить, что сокращение стоимостных объемов экспорта России началось еще до начала давления условий пандемии на функционирование российской экономики – в январе 2020 г. – и было связано со снижением цен на нефть. Максимальные темпы снижения российского экспорта наблюдались в мае 2020 г. (в отличие от мировой торговли, показавшей наиболее глубокое падение в апреле) и составили 34,1 % (в апреле – 31,5 %). На фоне роста цены на нефть в июне отставание от показателей предыдущего года замедлилось, однако в июле-августе вновь обнаружило тенденцию к росту под действием ценового фактора.

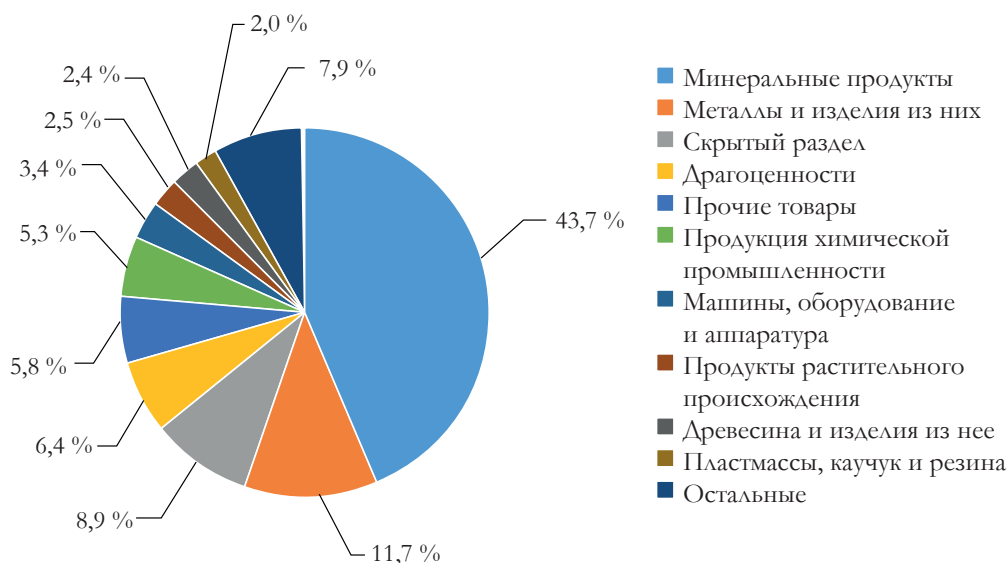
Очевидно, что кризис, вызванный пандемией коронавируса («коронакризис»), в мировой торговле оказал масштабное влияние на экономики всех стран. Для решения проблем, вызванных пандемией, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, мировая общественность попыталась разработать скоординированные и синхронизированные глобальные программы финансового и денежно-кредитного стимулирования национальных экономик [3]. Наблюдаемый рост экспорта российских товаров в 2021 г. во многом объясняется правительственной поддержкой борьбы с мировым «коронакризисом».

Однако ситуация кардинально изменилась в 2022 г. Российская Федерация столкнулась с новыми пакетами экономических и финансовых санкций, в том числе и со стороны стран «Большой семерки», российский рынок покинули многие зарубежные компании, в связи с чем внешний товарооборот России существенно сократился на неопределенный промежуток времени.

Можно отметить, что введенные санкции способствуют росту локализации российского производства (этот феномен сейчас называют импортозамещением), российские компании начали производить те товары и услуги, которые раньше предоставляли зарубежные поставщики. Таким образом были разработаны проекты, замещающие систему передачи межбанковских платежей SWIFT (англ. Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications), открыты новые сети быстрого питания и прочее. Развитие пострадавших отраслей будет и в дальнейшем поддерживаться государством и являться приоритетным направлением для экономики России [11].

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЭКСПОРТА НЕФТЕГАЗОВЫХ ПРОДУКТОВ ДЛЯ БЮДЖЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По данным Федеральной таможенной службы России [12], экспорт из РФ за 2021 г. составил 491,2 млрд долл. США, увеличившись по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 46 %. В основном экспортировались минеральные продукты, доля которых составила 43,7 %, из которых 6 % были направлены в Германию. 8,9 % составляет экспорт товаров, относящихся к «скрытому разделу», где 18% поставок – в Германию и 9 % – в Италию. 6 % от общего экспорта занимают драгоценности, большая часть из которых была направлена в Англию (55 %) и в США (8 %). «Прочие товары» также были поставлены в Италию (19 %) и Германию (11 %) (рис. 3).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Основные товары, экспортируемые из России в 2021 г.

Среди всех экспортируемых Россией товаров преобладающую часть занимают минеральные продукты, в число которых на 96,4 % входят нефть и нефтепродукты. При этом из 8 стран, являющихся лидерами по поставкам вышеуказанной продукции из России, 4 страны входят в состав «Большой семерки». Германия, Япония, Италия и США занимают 3, 5, 7 и 8 места соответственно.

По данным Министерства финансов Российской Федерации [13], в структуре поступлений в федеральный бюджет (табл. 1) доля нефтегазовых доходов в 2021 г. составила 35,8 %, ненефтегазовых – 64,2 %. Нефтегазовые доходы выросли на 20,4 % и составили 16,2 трлн руб. Это было вызвано ростом поступлений налога на добавленную стоимость, налога на прибыль организаций и так далее.

Нефтегазовые доходы выросли в 1,7 раза и составили 9,056 трлн руб. Это обусловлено увеличением поступлений налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья, вывозных таможенных пошлин на нефть, налога на добычу полезных ископаемых в виде углеводородного сырья. Среди нефтегазовых доходов доходы от экспорта составили 24,56 % в 2021 г.

Таблица 1

Структурный разрез доходов в бюджет Российской Федерации

Доходы в федеральный бюджет	Доля доходов по годам, %	
	2020	2021
<i>Нефтегазовые доходы</i>		
Доля нефтегазовых доходов от всех	27,97	35,82
<i>Ненефтегазовые доходы</i>		
Доля доходов, связанных с импортом	20,03	18,68
Доля доходов, связанных с внутренним производством	33,44	32,17
Прочие	18,56	13,33
Итого	100	100

Составлено авторами по материалам исследования

Около трети доходов Россия получает от нефти и газа, они являются основными экспортными продуктами. Все это указывает на экспортно-направленную внешнеторговую политику России. Существуют различные теории и взгляды, какая внешнеторговая политика наиболее эффективна и рентабельна, и, в частности, возникают разногласия по проблемам негативного воздействия экспортно-ориентированной политики.

Приверженцы теории экспортно-ориентированной политики говорят о том, что данное направление способствует дальнейшей специализации экономики, достижению положительного эффекта [14]. Конечно, для достижения такого результата требуется в необходимой мере развитое и конкурентоспособное производство, обеспеченное квалифицированными специалистами, современными и качественными технологиями и оборудованием, перспективными управленческими стратегиями и другими преимуществами, способствующими результативному выходу отечественных компаний на мировой рынок. В поддержку данной теории можно предоставить тот факт, что объем выпускаемой продукции непосредственно влияет на объем экспорта государства. Таким образом, увеличение внутреннего валового продукта стимулирует рост производительности, способствует экономии затрат, повышает эффективность экспорта.

Одной из теорий, поднимающих проблемы негативного влияния экспортно-ориентированной политики, является теория «ресурсного проклятия» или «голландской болезни» [15]. Основная мысль теории заключается в том, что большинство стран с достаточными запасами природных ресурсов (нефть, газ, уголь) развиваются медленнее стран, близких по характеристикам, но немного уступающих по запасам природных ресурсов. Причина в том, что некоторые страны используют свои природные запасы не так эффективно, как другие виды капиталов. В таком случае немаловажен курс обменной валюты, так как его рост приводит к уменьшению объема экспорта товаров других типов.

Россия, обладая одним из самых крупных запасов ископаемых в мире, является примером проявления «голландской болезни» [16]. Несмотря на то что большую часть бюджета характеризуют доходы от сырьевых ресурсов, присутствует и немалый вес, принадлежащий добывающей промышленности, которая преобладает над другими отраслями экономики и оказывает негативное влияние на внутренний рынок вследствие того, что обрабатывающий сектор развивается значительно медленнее добывающего.

Для устойчивого развития России следует уменьшать свою зависимость от нефтегазовых доходов, так как они составляют большую часть поступлений в бюджет. Преобладающая роль энергоносителей, а не конечных товаров, является негативным аспектом в российском экспорте. Однако у страны пока отсутствуют четкие планы по замене нефти и газа. Более того, на сегодняшний день не существует сформулированной позиции о том, как можно было бы стимулировать отказ от торговли сырьем.

Сотрудничество со странами «Большой семерки» в целом эффективно для России, так как оно является источником большого объема поступлений в бюджет. Однако для минимизации рисков, в связи с тенденцией к сокращению использования нефтяной продукции и последующим уменьшением потребления данного сырья, следует направить вектор развития национальной экономики России в сферы, не связанные с нефтью и газом [17]. Поэтому по планам российского правительства, к 2024 г. на нефтегазовые доходы будет приходиться менее трети бюджета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внешнеторговые отношения имеют огромное значение для экономики России. Быть поставщиком товаров на международный рынок – значит демонстрировать миру свои возможности, цели и результаты, позиционировать себя как партнера, с которым следует выстраивать долгосрочные торговые отношения. Участники «Большой семерки» по праву считаются одними из наиболее значимых торговых партнеров России, в эти страны десятки лет вывозились большие объемы минеральной продукции, драгоценных металлов и так далее. Россия, между тем, активно принимала из стран «Семерки» товары из области высоких технологий, химическую продукцию, транспорт.

Члены «Группы семи» – наиболее развитые страны с высоким уровнем экономики и совокупным валовым внутренним продуктом (далее – ВВП) в 40 % от мирового объема. Большая часть участников имеет перспективы осуществлять активное торгово-экономическое сотрудничество с Россией в том случае, если будет применено двустороннее партнерство и взаимная заинтересованность стран.

Эффективное сотрудничество России со странами «Большой семерки» в области внешней торговли, экономики и политики, хотя и не кажется в полной мере реализуемым, имеет большое значение для партнеров с обеих сторон. Для России взаимодействие с такими партнерами, как Германия, Великобритания, США, Япония и другими, является возможностью реализовывать свое производство и свою продукцию на мировом рынке. Для обеспечения конкурентоспособности российских предприятий следует улучшать качество производимого товара, внедрять новые технологии, поддерживать высокую квалификацию российских специалистов. Для стран, входящих в состав «Большой семерки», хорошие отношения с Россией способствуют более успешной торговле в больших объемах, с большим доходом и меньшими издержками от экспорта и импорта.

Стремление страны наращивать объем экспорта, а также активная реализация экспортно-направленной политики способствуют стимуляции производства товаров, а следовательно, повышают темпы развития экономики и размер ВВП, содействуют более крупному притоку иностранного капитала в страну. Экспорт является важным источником поступлений в федеральный бюджет, он укрепляет позиции национальной валюты, является инструментом повышения конкурентоспособности среди отечественных предприятий.

Главным направлением российского экспорта, конечно, является продукция топливно-энергетического комплекса (нефть, природный газ, нефтепродукты), металлургическая и химическая промышленность, драгоценные металлы.

Российская Федерация осуществляет активное стимулирование экспорта и обеспечение свободной конкуренции для участников рынка, применяя различные методы поощрения, например льготы, субсидии, антидемпинговые меры. Однако учитывая, что Россию относят к числу стран, проявляющих «голландскую болезнь», можно рекомендовать переориентацию политики страны с преимущественно внешнеторговой на внутреннюю, использование национальных капиталов в полной мере, развитие отечественного производства и постепенный отход от пропорциональной зависимости бюджета от поставок минеральной продукции за рубеж.

Библиографический список

1. Азжеурова М.В. Тенденции развития российского экспорта. В кн.: Миколайчик И.Н. (отв. ред.) *Приоритетные направления регионального развития: материалы II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием, Курган, 25 февраля 2021 г.* Курган: Курганская государственная сельскохозяйственная академия им. Т.С. Мальцева; 2021. С. 13–17.
2. Беляев С.А. Тенденции развития внешней торговли России в условиях пандемии коронавируса. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2021;10-3(36):59–62. <https://doi.org/10.26140/anie-2021-1003-0012>
3. Глебова А.Г. Правительственная поддержка борьбы с мировым коронакризисом. В кн.: Максимцев И.А., Горбашко Е.А., Шубаева В.Г. (научн. ред.) *Архитектура финансов: вызовы новой реальности: материалы XI Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22–26 марта 2021 г.* Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет; 2021. С. 408–411.
4. Glebova A.G., Ivanovskaya Zh.V., Lukashenko I.V. Reorientation of world financial and economic interests from West to East: the place of Russia. *Journal of Economy and entrepreneurship*. 2020;12(125):162–166. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.125.12.031>

5. Рябченко А.А. Россия и «Group of Seven»: история, перспективы, угрозы взаимодействия. В кн.: *Актуальные вопросы управления: вызовы и перспективы устойчивого развития: материалы международной научно-практической конференции, Краснодар, 6 мая 2020 г.* Краснодар: ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России Краснодарский ЦНТИ-филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2020. С. 293–298.
6. Стародубцева Е.Б. «Сделано в России» – новые возможности развития экспорта России. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление.* 2020;6-1:172–185.
7. Ушкалова Д.И. Внешняя торговля России в новых условиях. *Журнал Новой экономической ассоциации.* 2020;1(45):199–207. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-45-1-10>
8. Федеральная таможенная служба России. *Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации: бюллетень.* <http://stat.customs.gov.ru/documents> (дата обращения: 10.08.2022).
9. Федеральная служба государственной статистики. *Внешняя торговля.* <https://rosstat.gov.ru/folder/11193> (дата обращения: 10.08.2022).
10. Федеральная таможенная служба России. *Итоги внешней торговли с основными странами.* <https://customs.gov.ru/folder/511> (дата обращения: 10.08.2022).
11. Правительство Российской Федерации. *Меры Правительства по повышению устойчивости экономики и поддержке граждан в условиях санкций.* http://government.ru/sanctions_measures/ (дата обращения: 10.08.2022).
12. Федеральная таможенная служба России. *Экспорт России важнейших товаров, январь–декабрь 2021.* <https://customs.gov.ru/statistic/eksport-rossii-vazhnejshix-tovarov> (дата обращения: 10.08.2022).
13. Министерство финансов Российской Федерации. *Краткая информация об исполнении федерального бюджета.* <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/> (дата обращения: 10.08.2022).
14. Helpman E., Krugman P. *Market structure and foreign trade: Increasing returns, imperfect competition, and the international economy.* Cambridge, MA: MIT Press; 1985. 283 p.
15. Полтерович В., Попов В., Тонис А. *Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия».* М: Издательский дом ГУ ВШЭ; 2007. 102 с.
16. Довыденко В.А. Влияние внешней торговли на экономику страны (на примере России). *Современное общество и власть.* 2017;3(13):194–196.
17. Соколов М.М. Нефтегазовые доходы бюджета и их влияние на развитие Российской экономики. *Вестник Института экономики Российской академии наук.* 2020;5:125–137. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10061>

References

1. Azzheurova M.V. Trends in the development of Russian exports. In: Mikolaychik I.N. (ed.) *Priority directions of regional development : proceedings of the II All-Russian (National) Scientific and Practical Conference with international participation, Kurgan, 25 February 2021.* Kurgan: Maltsev Kurgan State Agricultural Academy Publ. House; 2021. pp. 13–17.
2. Belyaev S.A. Trends in the development of Russia's foreign trade in the context of the coronavirus pandemic. *Azimuth of scientific research: Economics and Management.* 2021;10-3(36):59–62. <https://doi.org/10.26140/anie-2021-1003-0012>
3. Glebova A.G. Government support for the fight against the global coronacrisis. In: Maksimtsev I.A., Gorbashko E.A., Shubaeva V.G. (scientific ed.) *Architecture of Finance: Challenges of a New Reality: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, 22–26 March 2021.* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics; 2021. P. 408–411.
4. Glebova A.G., Ivanovskaya Zh.V., Lukashenko I.V. Reorientation of world financial and economic interests from West to East: the place of Russia. *Journal of Economy and entrepreneurship.* 2020;12(125):162–166. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.125.12.031>
5. Ryabchenko A.A. Russia and the “Group of Seven”: history, prospects, threats of interaction. In: *Topical issues of Management: Challenges and Prospects of Sustainable development: Materials of the International scientific and Practical conference, Krasnodar, 6 May 2020.* Krasnodar: Federal State Budgetary Institution Russian Energy Agency of the Ministry of Energy of Russia, Krasnodar Central Research Institute (branch of the Federal State Budgetary Institution “REA” of the Ministry of Energy of Russia); 2020. P. 293–298.
6. Starodubtseva E.B. “Made in Russia” – new opportunities for the development of Russian exports. *Scientific notes of the Vernadsky Crimean Federal University. Economics and management.* 2020;6-1:172–185.
7. Ushkalova D.I. Foreign trade of Russia in new conditions. *Journal of the New Economic Association.* 2020;1(45):199–207. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-45-1-10>
8. Russian Federal Customs Service. *Customs statistics of foreign trade of the Russian Federation: bulletin.* <http://stat.customs.gov.ru/documents> (accessed 10.08.2022).

9. Russian Federal State Statistics Service. *Foreign trade*. <https://rosstat.gov.ru/folder/11193> (accessed 10.08.2022)
10. Russian Federal Customs Service. *Results of foreign trade with major countries*. <https://customs.gov.ru/folder/511> (accessed 10.08.2022).
11. Government of the Russian Federation. *Government measures to increase the stability of the economy and support citizens in the face of sanctions*. http://government.ru/sanctions_measures/ (accessed 10.08.2022).
12. Russian Federal Customs Service. *Russia's exports of the most important goods, January–December 2021*. <https://customs.gov.ru/statistic/eksport-rossii-vazhnejshix-tovarov> (accessed 10.08.2022).
13. Ministry of Finance of the Russian Federation. *Summary of the execution of the federal budget*. <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute> (accessed 10.08.2022).
14. Helpman E., Krugman P. *Market structure and foreign trade: Increasing returns, imperfect competition, and the international economy*. Cambridge, MA: MIT Press; 1985. 283 p.
15. Polterovich V., Popov V., Tonis A. *Economic policy, the quality of institutions and the mechanisms of the “resource curse”*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2007. (In Russian).
16. Dovydenko V.A. The impact of foreign trade on the country's economy (on the example of Russia). *Modern society and government*. 2017;3(13):194–196.
17. Sokolov M.M. Oil and gas budget revenues and their impact on the development of the Russian economy. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2020;5:125–137. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10061>

Факторы и проблемы развития трудового капитала региона в фокусе социологического исследования

Каримов Айбулат Галимьянович

Канд. социол. наук, вед. науч. сотрудник Института социально-экономических исследований
ORCID: 0000-0002-4185-5377, e-mail: karaigal@gmail.com

Селиванова Светлана Сергеевна

Мл. науч. сотрудник Института социально-экономических исследований
ORCID: 0000-0002-2359-5495, e-mail: selivanovass@yandex.ru

Фаткуллина Гульшат Рашитовна

Мл. науч. сотрудник Института социально-экономических исследований
ORCID: 0000-0002-6358-0853, e-mail: gulshat475@yandex.ru

Уфимский Федеральный исследовательский центр Российской академии наук, г. Уфа, Россия

Аннотация

В представленной работе произведен анализ особенностей, проблем и факторов развития трудового капитала Республики Башкортостан на основе данных социологического исследования, проведенного Институтом социально-экономических исследований Уфимского Федерального исследовательского центра Российской академии наук в 2021 г. Рассмотрен ряд проблем, с которыми сталкивается трудоспособное население, в том числе: относительно низкий уровень жизни населения, препятствующий обеспечению качества жизни и профессиональной продуктивности работников; гендерное неравенство в распределении трудовых доходов населения; преобладание негативных оценок трудоспособного населения своего физического состояния, качества досуга и отпусков; несоответствие высокой квалификации работников выполняемым функциям, не позволяющее полноценно реализовать свой трудовой потенциал на рабочем месте. Особое внимание в работе уделено анализу ценностей, преобладающих в сознании трудоспособного населения и определяющих их трудовое поведение, и, как следствие, оказывающих негативное воздействие на формирование трудового капитала. Так, было выявлено, что ценностные ориентации населения Республики Башкортостан характерны для стран «догоняющего» развития. В связи с этим авторами обоснована необходимость культивирования ценностей рациональности финансового мышления, равноправия, самовыражения и автономии, а также совершенствования институтов, способствующих поддержке этих ценностей в обществе. Эти ценности выступают в качестве факторов формирования трудового капитала высокого качества в условиях современной России.

Ключевые слова

Трудовой капитал, человеческий капитал, качество жизни, ценностные ориентации, трудовой потенциал

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания Уфимского Федерального исследовательского центра Российской академии наук на 2022 г. №075-03-2022-001 от 14.01.2022 г.

Для цитирования: Каримов А.Г., Селиванова С.С., Фаткуллина Г.Р. Факторы и проблемы развития трудового капитала региона в фокусе социологического исследования // Вестник университета. 2022. № 10. С. 125–133.

Labor capital development of the region in the focus of sociological research: factors and problems

Aibulat G. Karimov

Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher at the Institute of Socio-Economic Research
ORCID: 0000-0002-4185-5377, e-mail: karaigal@gmail.com

Svetlana S. Selivanova

Junior researcher at the Institute of Socio-Economic Research
ORCID: 0000-0002-2359-5495, e-mail: selivanovass@yandex.ru

Gulshat R. Fatkullina

Junior researcher at the Institute of Socio-Economic Research
ORCID: 0000-0002-6358-0853, e-mail: gulshat475@yandex.ru

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

Abstract

The presented work analyzes the features, problems and factors of labor capital development of the Republic of Bashkortostan based on the data of a sociological study conducted by the Institute for Socio-Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences in 2021. A number of problems faced by the able-bodied population are considered, including: a relatively low standard of living of the population, which hinders the provision of the quality of life and professional productivity of workers; gender inequality in the distribution of labor incomes of the population; the predominance of negative assessments of the able-bodied population of their physical condition, the quality of their leisure and vacations; discrepancy between the high qualification of employees and the functions performed, which does not allow them to fully realize their labor potential in the workplace. Particular attention is paid to the analysis of values that prevail in the minds of the able-bodied population and determine their labor behavior, and as a result, have a negative impact on the formation of labor capital. Thus, it was revealed that the value orientations of the population of the Republic of Bashkortostan are typical for countries of “catching up” development. In this regard, the authors substantiate the necessity of cultivating the values of rationality of financial thinking, equality, self-expression and autonomy, as well as improving institutions that support these values in society. These values act as factors in the formation of high-quality labor capital in the conditions of modern Russia.

Keywords

Labor capital, human capital, quality of life, value orientations, labor potential

Acknowledgements. This study was carried out as part of the state task of the Ural Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences for 2022 No. 075-03-2022-001 dated 14 January 2022.

For citation: Karimov A.G., Selivanova S.S., Fatkullina G.R. (2022) Labor capital development of the region in the focus of sociological research: factors and problems. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 125–133.

ВВЕДЕНИЕ

Основным фактором, оказывающим положительное влияние на развитие трудового капитала, является качество трудовой жизни, отражающее достижение определенного уровня научно-технической, производственной, финансовой и социальной деятельности. Поэтому вопросы качества трудовой жизни работающего населения являются одними из самых актуальных в мировом сообществе. От действий государства, разработанных стратегий и управленческих мер в сфере социально-экономических отношений зависит трудовая активность работников и на более глобальном уровне – процесс формирования качественного трудового капитала [1, с. 61–64].

Трудовой капитал представляет собой часть человеческого капитала [2, с. 69–73], который в свою очередь приобретает в ходе трудовой деятельности. Соответственно в его структуре можно выделить следующие элементы:

- психофизиологический капитал (здоровье, психологическое состояние);
- личностный капитал (ценностные ориентации, интересы и потребности в сфере труда, уровень гражданского сознания и социальной зрелости, уровень социальной активности);
- квалификационный капитал (уровень образования, общие и специальные знания, трудовые навыки и компетенции, цифровые навыки);
- организационный капитал (условия труда, качество социально-трудовых отношений, организационная культура).

Рассмотрение трудового капитала может происходить как на индивидуальном уровне, так и на уровне отдельной организации, региона, страны. В связи с этим в его структуре можно также выделить индивидуальный, организационный региональный и национальный уровни. При этом содержание трудового капитала будет различаться в зависимости от уровня. Так, на уровне организации и территориальных систем существенное значение будут иметь качество социально-трудовых отношений, корпоративных связей и т.д.

Таким образом, трудовой капитал представляет собой сложную систему взаимосвязанных элементов трудовой деятельности. Создание определенных условий, повышающих качество трудовой жизни, способно обеспечить эффективность трудового капитала за счет улучшения параметров, которые имеют влияние на жизнь и профессиональную деятельность людей. В контексте проблематики обозначенного исследования, детальный анализ данных параметров будет представлять особую актуальность.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Анализ имеющихся публикаций в принятой к рассмотрению области исследования, в той или иной степени связанных с поставленной целевой установкой настоящей работы, показывает, что различные аспекты ее решения находятся в фокусе внимания зарубежных и российских исследователей. Однако иностранные авторы в своих работах обращаются преимущественно к понятию «человеческий капитал» [3–7]. Следует отметить, что интерес зарубежных исследователей к обозначенной проблематике связан с вопросами повышения качества трудовой деятельности за счет повышения экологичности, гуманизации труда, использования возможностей социальных сетей и технологической модернизации.

Российские ученые часто связывают проблемы в области развития человеческого капитала с дисбалансом в региональном развитии [8, с. 61–70]. Экономическое отставание регионов, которое также обусловлено низким уровнем развития и качеством человеческого капитала, приводит к формированию институциональных ловушек: низкие доходы, снижение отдачи от образования и, как следствие, отсутствие мотивации инвестировать в человеческий капитал [9].

Анализ существующих исследований в данной области позволяет сформулировать вывод о том, что категория «трудоустройство» практически выпадает из орбиты научных исследований за рубежом. В имеющихся разработках различные аспекты трудовых отношений, качества трудовой жизни, перспектив формирования трудового потенциала рассматриваются чаще всего в рамках концепции человеческого капитала. В определенной мере, такой спектр исследований будет дополнен представленными ниже разработками Института социально-экономических исследований Уфимского Федерального исследовательского центра Российской академии наук (далее – ИСЭИ УФИЦ РАН), результаты которых позволяют детализировать проблематику трудового капитала на основе проведенного в Республике Башкортостан социологического исследования.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическую базу исследования, проведенного в 2021 г. ИСЭИ УФИЦ РАН, составили результаты социологического опроса трудоспособного населения Башкортостана. В рамках исследования были опрошены люди, проживающие в муниципальных образованиях республики, в числе которых совершеннолетние занятые и находящиеся в трудоспособном возрасте (16–65 лет), являющиеся гражданами Российской Федерации и постоянно проживающие на территории Республики Башкортостан. Выборка составлялась в соответствии с половозрастными и территориальными характеристиками населения, а также с учетом структуры видов экономической деятельности Башкортостана. В соответствии с рассчитанной выборочной совокупностью были опрошены 2 275 человек, из них 53,2 % женщин и 46,8 % мужчин. 64,2 % респондентов на момент проведения исследования имели высшее образование, 30,6 % – среднее специальное, профессионально-техническое, 3,39 % – незаконченное высшее и 1,3 % не имели образования вообще.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

Ключевое значение для формирования трудового капитала имеет уровень жизни трудоспособного населения. Очевидно, что для высококачественного трудового капитала, характеризующегося высоким квалификационным и профессиональным уровнем, необходимы достаточно высокий уровень доходов, позволяющий обеспечивать качество жизни и профессиональную пригодность работников.

Анализ результатов проведенного исследования показал, что население Республики Башкортостан характеризуется относительно низким уровнем жизни, выражающимся в том, что среднемесячный доход основной доли населения (67,1 %) распределяется в интервале 11–30 тыс. руб.

Отдельный интерес представляет рассмотрение материального положения трудового населения в гендерном разрезе. Исследование подтверждает данные о том, что женский труд оплачивается ниже, чем мужской. В группах с низким доходом преобладают женщины, в группах, где доход начинается от 26 тыс. руб., преобладают мужчины. Стоит отметить, что в группах с заработком выше среднего по региону доходы мужчин отличаются в 2,5–5 раз (табл. 1).

Таблица 1

Уровень доходов респондентов в зависимости от пола

Ответы на вопрос об уровне дохода	Распределение ответов в зависимости от пола респондента, %	
	Мужской	Женский
до 10 тыс. руб.	1,8	5,0
11–15 тыс. руб.	8,4	23,6
16–20 тыс. руб.	12,2	23,2
21–25 тыс. руб.	17,0	19,1
26–30 тыс. руб.	17,8	11,7
31–35 тыс. руб.	11,7	7,6
36–40 тыс. руб.	10,1	4,6
41–50 тыс. руб.	10,7	2,3
51–60 тыс. руб.	5,3	1,7
61–70 тыс. руб.	2,4	0,4
Свыше 70 тыс. руб.	2,6	0,2

Составлено авторами по материалам исследования

Вместе с этим женщины оценивают свое материальное положение более оптимистично по сравнению с мужчинами. Так, мужчины чаще женщин выбирали крайние негативные позиции «плохое» и «очень плохое» для описания своего материального положения.

В случае материальных трудностей респонденты предпочитают брать кредиты (28,5 %), занимать деньги у знакомых, друзей или родственников (25,9 %), использовать возможности разовых и временных приработков (21,5 %). При этом увеличить объем работы или увеличить доход за счет постоянной

трудовой деятельности респонденты готовы в меньшей степени, что в определенной степени отражает низкий потенциал трудовой мобильности.

Большее половины опрошенных (61,3%) считают, что их квалификация полностью соответствует выполняемой работе. Ожидаемо, что среди них подавляющее большинство – люди, получившие высшее образование (39,4%). Однако при этом практически каждый пятый респондент, имеющий среднее специальное, профессионально-техническое образование, также определяет свой уровень квалификации достаточным по отношению к выполняемой им работе (19,3%). Среди тех, кто ответил, что чувствуют необходимость в приобретении дополнительных навыков и знаний, преобладают люди с высшим образованием (17,1%).

В отношении самооценки респондентами уровня квалификации как мужчины, так и женщины в основном считают, что имеют достаточный уровень квалификации, который полностью соответствует требованиям работодателя и должности (60,9% и 61,7% соответственно). Однако стоит отметить, что мужчин среди тех, кто, по собственному мнению, имеет избыточный уровень по отношению к выполняемой работе, в 2,6 раз больше.

Исследование показало, что 37,0% респондентов не меняли свой трудовой и профессиональный статус за последние 2 года. Вместе с тем ответы тех, у кого произошли изменения, распределились практически равномерно, исключением является открытие собственного бизнеса у 1,2% респондентов. Чаще респонденты получали повышение на текущей работе (12,7%), переквалифицировались в другую профессию (11,3%) и получали диплом об образовании (10,3%).

Ответы респондентов по данному вопросу в гендерном разрезе распределились равномерно за некоторым исключением. Так, мужчины чаще получали повышение на текущей работе (18,7% мужчин, 12,7% женщин), что в некоторой степени отражает актуальную социально-экономическую проблему гендерного неравенства в трудовой сфере. Примечательно также то, что мужчины чаще находили дополнительный заработок (13,1% мужчин, 8,2% женщин), в то время как женщины получили социальные выплаты, льготы от государства (8,7% мужчин, 13,3% женщин) (табл. 2).

Таблица 2

Профессиональная мобильность респондентов в зависимости от пола

Ответы на вопрос об уровне дохода	Распределение ответов в зависимости от пола респондента, %	
	Мужской	Женский
Нашел(а) более высокооплачиваемую работу	11,4	12,7
Получил(а) повышение на текущей работе	18,7	12,7
Переквалифицировался(лась) в другую профессиональную деятельность	13,8	13,8
Повысил(а)/получил(а)/поменял(а) образование	12,9	12,4
Нашел(нашла) подработку/дополнительный источник заработка	13,1	8,2
Открыл(а) собственное дело/бизнес	2,0	1,1
Получил(а) социальные выплаты, льготы от государства	8,7	13,3
Ничего из вышеперечисленного	43,7	46,6

Составлено авторами по материалам исследования

Качество трудового капитала подразумевает высокий уровень профессиональной подготовки работников, однако здесь существует ряд проблем и противоречий, не позволяющих в полной мере реализовать трудовой капитал населения. Одной из таких проблем является несоответствие занимаемой специальности полученному образованию [10]. Так в ходе исследования выяснилось, что чуть более трети респондентов работают не по специальности (31,6%) и 15,8% в смежной сфере. Такое противоречие получило развитие при дальнейшем анализе: 24,4% респондентов, работающих не по специальности, склонны считать, что им не хватает подходящей работы, в то время как процент таких людей среди работающих по полученному образованию – 17,1% и работающих в близкой сфере – 19,4%. Среди респондентов, которые работают по специальности, указанной в документе об образовании, 51,0% считают, что их работа подходит им; среди сменивших род деятельности – 41,2%, работающих в смежной сфере – 43,1%.

Среди респондентов, не в полной мере удовлетворенных своей текущей работой, 41,2% считают, что обладают навыками и квалификацией для выполнения более сложной работы. А среди тех, кого полностью удовлетворяет текущее рабочее место, 47,9% уверены, что имеют достаточный уровень компетенций. Практически каждый второй респондент, несмотря на достаточно высокий уровень имеющихся компетенций (субъективный), желает приобретать дополнительные навыки и знания в силу развития профессии. Такие данные могут свидетельствовать о недостаточном уровне делегировании управленческих функций сотрудникам, об отсутствии возможности карьерного роста в организации [11, с. 89–98]. Вместе с тем люди, которым нравится своя профессия, желают постоянно развиваться в этом направлении, получать новую информацию [12, с. 25–28]. Среди респондентов, считающих, что на их работе предоставляются все возможности трудиться с полной отдачей, преобладают те, кто оценивает свой уровень навыков как достаточный (89,8%). Заявляют об отсутствии возможностей трудиться с полной отдачей в основном респонденты с избыточным уровнем квалификации по отношению к выполняемой работе.

Опрос выявил некоторые проблемные зоны субъективного благополучия респондентов. Так, выяснилось, что значительная доля опрошенных не имеет возможности полноценно проводить отпуск (53,3%) и досуг (34,7%). Известно, что отсутствие режима отдыха может приводить не только к эмоциональному выгоранию, но и функциональным нарушениям организма, что негативно сказывается на качестве трудового капитала. Более трети респондентов имеют жалобы на здоровье и ощущают недостаток необходимой медицинской помощи (36,3% и 35,0% соответственно). Таким образом, одним из важнейших направлений развития трудового потенциала является организация режима отдыха и забота о здоровье населения.

В отношении обеспеченности населения информацией более половины респондентов ощущает нехватку современных знаний (64,8%), в том числе экономических (68,1%), 55,1% не чувствуют уверенности в своих силах и решительности в достижении целей (62,8%). Эти показатели отражают общее чувство неуверенности, которое присутствует среди трудящегося населения, что может негативно влиять на его активность и мотивацию развиваться в профессиональной сфере.

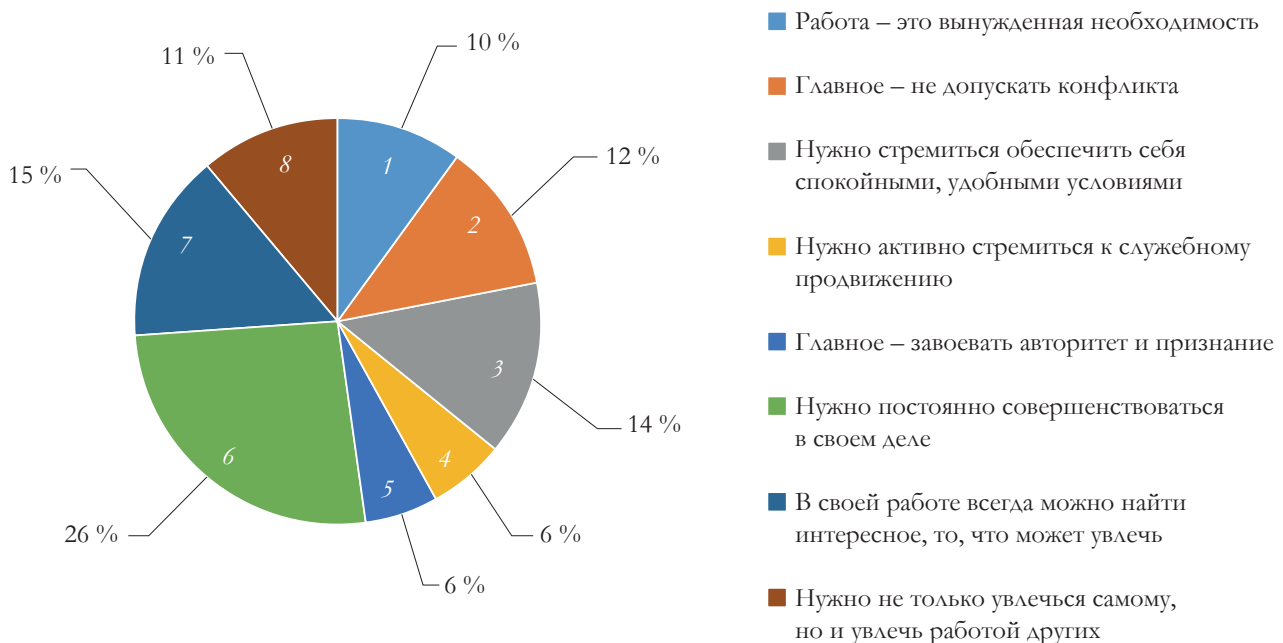
Одной из задач исследования являлась оценка профессиональных принципов, которыми руководствуются участники опроса во время рабочего процесса. Было выявлено, что больше четверти опрошенных придерживаются установки, что нужно постоянно совершенствоваться в своем деле (25,8%). Необходимо отметить, что данный принцип наиболее распространен среди респондентов с высоким уровнем дохода (41–50 тыс. руб.), и наоборот – респонденты, среднемесячный уровень доходов которых был ниже прожиточного минимума, данный вариант ответа выбирали довольно редко. Для этой группы респондентов (с уровнем дохода меньше 10 тыс. рублей), основным принципом стало «недопущение конфликтов», для них было характерно отношение к работе как к вынужденной необходимости. Результаты исследования выявили также низкую заинтересованность в карьерном росте: так, всего 6% респондентов отметили, что нужно активно стремиться к служебному продвижению и столько же респондентов считают, что в рабочем процессе главное – завоевать авторитет и признание (рис. 1).

Жизненные принципы – это своего рода конституция жизни, основополагающие установки, которые каждая личность определяет для себя самостоятельно, исходя из своих внутренних чувств и своих ценностных ориентаций. Этими принципами индивид руководствуется в своей жизни, принимая важные решения, делая тот или иной выбор. Так, наиболее популярными жизненными кредо респондентов выступили принципы: «Главное в жизни – здоровье. Нужно беречь себя и свои нервы» (24,9%), а также «Свободное время нужно отдавать семье» (23,7%).

Четверть опрошенных (большая часть от всей выборки) отметили, что их цель на ближайшую перспективу – это возможность обеспечить будущее своим детям (24,9%). В этом вопросе мужчины и женщины оказались солидарны друг с другом: этот вариант ответа оказался наиболее популярным среди них. 17,5% респондентов хотят жизнь в достатке (при этом среди выбравших этот вариант больше женщин), 11,8% стремятся создать прочную, счастливую семью (женщины чаще отвечали таким образом), и 8% желают заниматься полезной деятельностью (мужчин больше). Таким образом, мы видим, что семья, деньги – это то, что сильнее всего заботит большую часть населения.

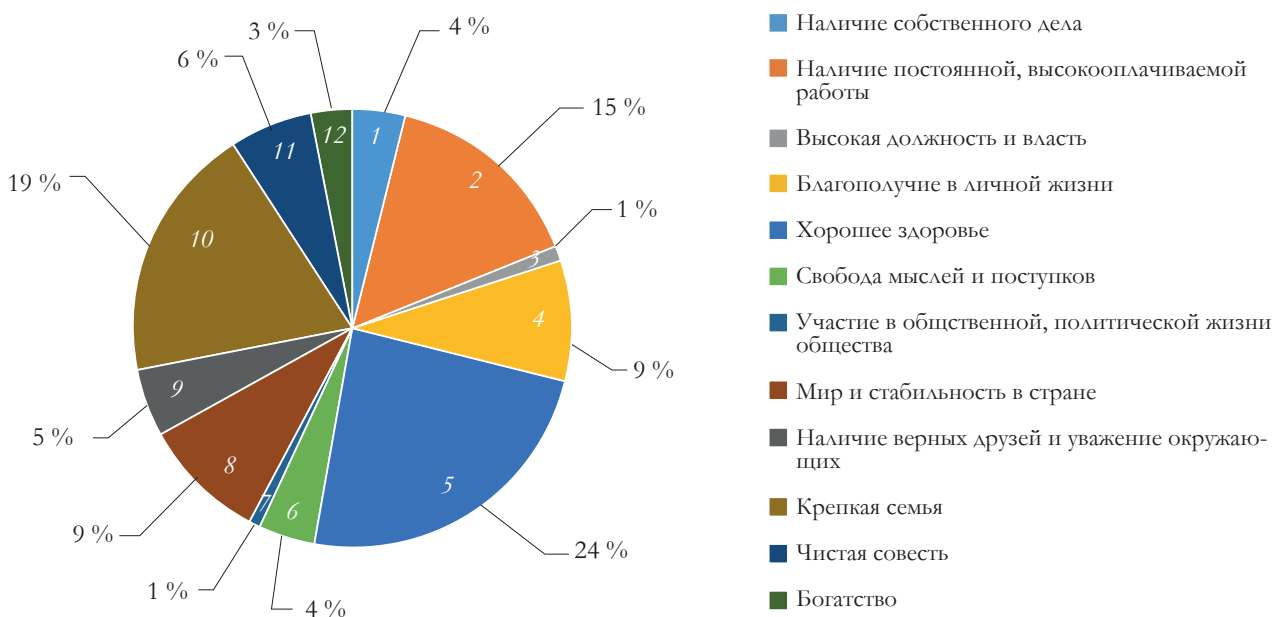
Признаком качества трудового капитала страны является субъективное ощущение счастья и благополучия его населения. Так, подавляющее большинство отметило, что для них лично представление о благополучной и счастливой жизни определяет хорошее здоровье (23,9%). Почти каждый пятый утверждает,

что его счастье заключается в семье (18,9%), и 15,3% считают, что наличие постоянной, высокооплачиваемой работы – это залог счастливой и благополучной жизни (рис. 2).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос о принципах, которым нужно следовать в своем поведении на работе

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Распределение ответов о представлениях о благополучной и счастливой жизни

Стоит отметить, что ни у одного респондента, уровень дохода которого ниже установленной Правительством Российской Федерации величины прожиточного минимума на 2021 г., не возникло ассоциации о благополучной и счастливой жизни с участием в общественной, политической жизни общества, тем самым это косвенно свидетельствует о том, что данная часть населения Республики Башкортостан социально конформна. В богатстве счастье видят преимущественно респонденты с доходом 16–30 тыс. рублей. При этом к настоящему времени треть опрошенных имеют хорошую семью (31,1%), хорошие условия жизни есть у каждого пятого опрошенного (17,9%). Однако, всего 4,4% чувствуют, что создают чего-то ценное, полезное.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Анализ результатов показал, что население Республики Башкортостан характеризуется относительно низким уровнем жизни, который находит отражение в том, что значительная доля населения получает невысокие доходы. В свою очередь, результаты исследования подтвердили данные о том, что женский труд оплачивается ниже, чем мужской. Фактором, оказывающим негативное влияние на формирование трудового капитала, явилось то, что предпочтительными вариантами решения материальных трудностей для респондентов являются способы, не требующие интенсификации труда и увеличения объема выполняемых работ.

2. Общий уровень низкой удовлетворенности трудящегося населения своим физическим состоянием, оказываемой медицинской помощью, качеством своего досуга и отпусков свидетельствует о необходимости мер развития трудового капитала путем организации режима отдыха, формирования системы заботы о здоровье трудящихся, в рамках которой необходимо также работать с жизненным стилем сотрудников, их привычками.

3. Согласно данным проведенного исследования, значительная доля опрошенных трудится по специальности, не соответствующей полученному образованию. Вместе с тем положительная оценка своей профессиональной деятельности выше среди индивидов, работающих по специальности или в смежной сфере. Полученная подготовка за время обучения, возможно, позволяет специалисту чувствовать себя увереннее и быстрее ориентироваться, чем человеку без определенного уровня квалификации. Результаты опроса актуализируют необходимость развития профессиональной идентичности специалистов, что во многом зависит от своевременной профориентационной деятельности, которая позволяет людям уже на этапе получения образования понять в каких сферах они смогут найти свое призвание.

4. Удовлетворенность текущей работой выше среди специалистов, считающих, что содержание труда соответствует их квалификации. При том что около половины из числа неудовлетворенных респондентов оценивают свою квалификацию выше, чем выполняемая ими работа. Для полноценной профессиональной деятельности специалисту важно чувствовать собственную ценность, видеть смысл и значимость выполняемого труда, для этого необходимо сформировать систему работы с вовлеченностью персонала, делегировать определенные функции менеджмента, реализовывать программы карьерного продвижения сотрудников и т.д.

5. Выявленные ценностные ориентации трудоспособного населения Республики Башкортостан характерны для стран «догоняющего» развития. В целях формирования трудового капитала высокого качества необходимо культивировать ценности рационального финансового поведения, равноправия, самовыражения и автономии, а также развивать институты, способствующие поддержке этих ценностей в обществе, содействуя их транслированию и широкой пропаганде.

Список литературы

1. Фаткуллина Г.Р. Научно-технологический прогресс как фактор занятости молодежи. *Известия Уфимского научного центра РАН*. 2021;3:61–64. <https://doi.org/10.31040/2222-8349-2021-0-3-61-64>
2. Ишмуратова Д.Ф. Оценка удовлетворенности трудом в контексте реализации человеческого капитала. *Известия Уфимского научного центра РАН*. 2019;3:69–73. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-10835>
3. Ceciliano-Navarro Y., Golash-Boza T. Social, Human and Positive Psychological Capital in the Labour Market Re-integration of People Deported to the Dominican Republic. *International Migration*. 2021;59(2):221–238. <https://doi.org/10.1111/imig.12782>
4. Haldorai K., Kim W.G., Garcia R.L.F. Top management green commitment and green intellectual capital as enablers of hotel environmental performance: The mediating role of green human resource management. *Tourism Management*. 2022;88(10):104431. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2021.104431>
5. Liu S., Yang X. Human capital externalities or consumption spillovers? The effect of high-skill human capital across low-skill labor markets. *Regional Science and Urban Economics*. 2021;87. <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.10050.22727>
6. Pata U.K., Isik C. Determinants of the load capacity factor in China: A novel dynamic ARDL approach for ecological footprint accounting. *Resources Policy*. 2021;74(10): 102313. <http://dx.doi.org/10.1016/j.resourpol.2021.102313>
7. Xu Y., Ye X. Technology upgrading and labor degrading? A sociological study of three robotized factories. *Journal of Chinese Sociology*. 2021;8(18). <https://doi.org/10.1186/s40711-021-00154-x>

8. Антонов А.П., Сибилева В.Я. Моделирование понятийного поля с учетом особенностей предметной области исследования капитализации трудового потенциала. *Сегодня и завтра российской экономики*. 2015;73-74:61–70.
9. Baryshnikova N., Dushevina E., Kiriliuk O., Naidenova N., Shkryabina A. Strategic Priorities for the Human Capital Development in the Context of Socio-Economic Inequality of Russia's Regions. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2021;666(6): 062072. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/666/6/062072>
10. Бикметов Е.Ю., Егорышев С.В., Имаева Л.М., Ишмуратова Д.Ф., Каримов А.Г., Мингунова Ю.В. и др. *Приоритетные траектории социального развития региона в условиях социализации экономической системы: коллективная монография*. Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН; 2020.
11. Сенаторов Д.С. О подходе к вовлечению персонала в процесс развития производства. *Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал)*. 2018;64:89–98. <https://doi.org/10.25018/0236-1493-2018-12-64-89-98>
12. Селиванова С.С. Формирование профессиональной идентичности студентов в вузе: социологический анализ. *Теория и практика общественного развития*. 2020;12(154):25–28. <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.12.3>

References

1. Fatkullina G.R. Scientific and technological progress as a factor of youth employment. *Proceedings of the RAS Ufa Scientific Centre*. 2021;3:61–64. <https://doi.org/10.31040/2222-8349-2021-0-3-61-64>
2. Ishmuratova D.F. Job satisfaction as an indicator of human capital realization. *Proceedings of the RAS Ufa Scientific Centre*. 2019;3:69–73. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-10835>
3. Ceciliano-Navarro Y., Golash-Boza T. Social, Human and Positive Psychological Capital in the Labour Market Re-integration of People Deported to the Dominican Republic. *International Migration*. 2021;59(2):221–238. <https://doi.org/10.1111/imig.12782>
4. Haldorai K., Kim W.G., Garcia R.L.F. Top management green commitment and green intellectual capital as enablers of hotel environmental performance: The mediating role of green human resource management. *Tourism Management*. 2022;88(10):104431. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2021.104431>
5. Liu S., Yang X. Human capital externalities or consumption spillovers? The effect of high-skill human capital across low-skill labor markets. *Regional Science and Urban Economics*. 2021;87. <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.10050.22727>
6. Pata U.K., Isik C. Determinants of the load capacity factor in China: A novel dynamic ARDL approach for ecological footprint accounting. *Resources Policy*. 2021;74(10): 102313. <http://dx.doi.org/10.1016/j.resourpol.2021.102313>
7. Xu Y., Ye X. Technology upgrading and labor degrading? A sociological study of three robotized factories. *Journal of Chinese Sociology*. 2021;8(18). <https://doi.org/10.1186/s40711-021-00154-x>
8. Antonov A.P., Sibileva V.Ya. Modelling of the conceptual field based on features of the subject field research capitalization of labour potential. *Segodnya i zavtra rossijskoj ehkonomiki*. 2015;73-74:61–70.
9. Baryshnikova N., Dushevina E., Kiriliuk O., Naidenova N., Shkryabina A. Strategic Priorities for the Human Capital Development in the Context of Socio-Economic Inequality of Russia's Regions. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2021;666(6): 062072. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/666/6/062072>
10. Bikmetov E.Yu., Egoryshev S.V., Imaeva L.M., Ishmuratova D.F., Karimov A.G., Migunova Yu.V. et al. *Priority trajectories of social development of the region in the conditions of socialization of the economic system: collective monograph*. Ufa: Institute of Socio-Economic Research Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; 2020. (In Russian)
11. Senatorov D.S. An approach to involvement of personnel in enlargement of output. *Mining informational and analytical bulletin*. 2018;64:89–98. <https://doi.org/10.25018/0236-1493-2018-12-64-89-98>
12. Selivanova S.S. Formation of professional identity of students at the university: a sociological analysis. *Theory and practice of social development*. 2020;12(154):25–28. <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.12.3>

Перспективы развития сферы труда и занятости в условиях цифровизации экономики

Кириллова Анастасия Дмитриевна

Студент магистратуры, ORCID: 0000-0003-2719-6253, e-mail: kirillowa.anastasiiia@mail.ru

Попов Андрей Васильевич

Канд. экон. наук, ст. науч. сотр. отдела исследования уровня и образа жизни населения
ORCID: 0000-0002-4803-1354, e-mail: ai.popov@yahoo.com

Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда, Россия

Аннотация

В статье приводится анализ последствий цифровой трансформации для развития сферы труда и занятости. Особое внимание уделено вопросам замещения рабочих мест, дестандартизации занятости и структурных сдвигов на рынке труда в целом. Информационную базу исследования составила российская и зарубежная литература, анализируемая при помощи общенаучных методов. Результаты анализа подтвердили глубинный характер происходящих изменений, которые необходимо рассматривать как объективный процесс формирования новой парадигмы рынка труда со своими достоинствами и недостатками. Наиболее характерно это проявляется в широком распространении нестандартных форм занятости (платформенная, удаленная и т.д.), помимо всего прочего несущих в себе множество рисков для молодого поколения. В свою очередь, угрозы масштабной технологической безработицы видятся несколько преувеличенными, о чем свидетельствуют исследования, в то время как проблема поляризации рынка труда является куда более реальной. В заключение делается вывод о необходимости совершенствования государственной политики в сфере труда и занятости для преодоления вызовов цифровой эпохи.

Ключевые слова

Цифровизация экономики, рынок труда, занятость, цифровые технологии, сфера труда и занятости, технологическая безработица, удаленная занятость

Для цитирования: Кириллова А.Д., Попов А.В. Перспективы развития сферы труда и занятости в условиях цифровизации экономики // Вестник университета. 2022. № 10. С. 134–140.

Labor and employment sphere in the conditions of the digital economy: development prospects

Anastasiya D. Kirillova

Graduate Student, ORCID: 0000-0003-2719-6253, e-mail: kirillowa.anastasiia@mail.ru

Andrei V. Popov

Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher at the Research on the Level and Lifestyle of the Population Department

ORCID: 0000-0002-4803-1354, e-mail: ai.popov@yahoo.com

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

Abstract

The article provides an analysis of the digital transformation consequences for the development of the field of labor and employment. Particular attention is paid to the issues of job replacement, employment de-standardisation and structural shifts in the labor market as a whole. The information base of the research is made up of Russian and foreign literature, analyzed using general scientific methods. The results of the analysis confirmed the profound nature of the changes taking place which must be considered as an objective process of forming a new paradigm of the labor market with its advantages and disadvantages. This is most characteristically manifested in the widespread use of non-standard employment forms (platform, remote, etc.) which, among other things, carry a lot of risks for the younger generation. In turn, the threats of large-scale technological unemployment are seen as somewhat exaggerated, as evidenced by research, while the problem of polarization of the labor market is much more real. Summing up, authors have concluded that there is a need to improve public policy in the field of labor and employment to overcome challenges of the digital age.

Keywords

Economy digitalisation, labor market, employment, digital technologies, field of labor and employment, technological unemployment, remote employment

For citation: Kirillova A.D., Popov A.V. (2022) Labor and employment sphere in the conditions of the digital economy: development prospects. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 134–140.

ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация экономики относится к важнейшим трендам современности. Она проникает во все области жизнедеятельности, оказывая серьезное воздействие на развитие государства и общества. Со временем это влияние лишь усиливается, в результате чего цифровые технологии, где доминирующая роль отводится сети «Интернет» (далее – Интернет), становятся неотъемлемым атрибутом как повседневной, так и деловой среды. В этой связи пандемия коронавируса COVID-19 наглядно продемонстрировала возможности виртуального пространства для решения многих задач: от выстраивания межличностной коммуникации до организации образовательного и производственного процесса. И если в одних сферах цифровизация вовсе задает тон дальнейшему развитию, то в других – только набирает обороты. Одним из таких характерных примеров является сфера труда и занятости.

Несмотря на повсеместное внедрение технологий, глобальный рынок труда еще не столкнулся со всеми последствиями цифровой экономики, под которой в самом общем виде понимают систему экономических отношений, основанную на применении цифровых компьютерных технологий [1, с. 37]. Как и любой другой процесс, цифровизация несет в себе множество позитивных и негативных тенденций [2]. Однако они оказывают не просто разнонаправленное воздействие на социально-трудовые отношения, а скорее способствуют становлению новой парадигмы рынка труда [3]. В этой связи цифровая трансформация выступает объективным процессом, приближающим нас к пониманию особенностей будущей модели занятости с присущими ей достоинствами и недостатками.

Цифровизации экономики и ее влиянию на рынок труда посвящено большое количество исследований, результаты которых подкреплены богатым эмпирическим материалом [4; 5]. Более того, некоторые черты, связанные с внедрением информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), активно проявляются и сейчас (например, платформенная или удаленная занятость). В научных работах подчеркивается усиление децентрализации труда, расширение спектра дистанционных отношений, появление новых ролей и профессий, развитие виртуального рынка труда [1] и т.д. Вместе с тем остаются области социально-трудовых отношений, где роль цифровых технологий не столь однозначна. Это касается, прежде всего, дестандартизации занятости, замещения рабочих мест и структурных изменений на рынке труда в целом. В этой связи цель статьи заключается в анализе последствий цифровизации экономики для сферы труда и занятости. В рамках исследования мы не претендуем на исчерпывающую полноту охвата вопроса, однако постараемся обозначить основные векторы дальнейшего развития, в том числе с точки зрения занятости молодежи как социально-демографической группы, испытывающей значительные сложности при выходе на рынок труда. Информационная база представлена российской и зарубежной литературой, работа с которой осуществлялась при помощи общих методов исследования (анализ, синтез, сравнение и т.д.).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И СПРОС НА ТРУД

Одним из наиболее обсуждаемых последствий цифровизации экономики и сопутствующих ей процессов (например, роботизации производства) является существенное изменение спроса на труд. Согласно отчетам Всемирного экономического форума, в ближайшей перспективе могут быть автоматизированы 85 млн рабочих мест, на месте которых появятся около 97 млн новых [6]. Подобные преобразования приведут к повышению востребованности навыков критического мышления, способностей к анализу и самоорганизации, умения решать сложные задачи и т.д., а обучение на протяжении всей жизни будет играть определяющую роль для поддержания конкурентоспособности на рынке труда. При этом особое внимание будет уделяться цифровой грамотности и компетенциям, определяющим возможности использования ИКТ в профессиональной деятельности, обеспечения кибербезопасности, создания контента и программирования, обмена информацией.

Вместе с тем едва ли цифровые технологии будут способствовать исключительно реновации рабочих мест. В настоящее время существует немало прогнозов, в которых говорится об угрозах возникновения масштабной технологической безработицы. Так, расчеты Б. Фрея и М. Осборна показывают, что порядка 47 % рабочих мест в США имеют высокие риски автоматизации в ближайшие несколько десятилетий [7]. В первую очередь это коснется занятых в сферах производства, транспорта и логистики, офисных работников, административный персонал. Далеко не факт, что многие из них смогут найти себе новое место работы в условиях цифровой трансформации, хотя столь радикальные оценки нередко подвергаются острой критике [8].

Как правило, внедрение цифровых технологий приводит к сокращению рутинных функциональных обязанностей работников, в результате чего могут быть автоматизированы такие профессии, как менеджеры производств, занятые вводом информационных сведений в промежуточные и итоговые отчетные документы, специалисты по бухгалтерскому учету, секретари, аудиторы, кассиры и т.д. Кроме того, возникают целые отрасли (беспилотные транспортные средства, сервисная робототехника и другие), развитие которых повлечет за собой структурные изменения на рынке труда [9]. Большая роль в этом плане отводится нейронным сетям, способным в будущем заменить экскурсоводов, операторов колл-центров, переводчиков и работников других нерутинных профессий [10].

Цифровые навыки становятся ключевыми для многих работодателей, что повышает востребованность кадров в сфере информационных технологий (например, аналитик данных, разработчик программного обеспечения и приложений, специалист по социальным сетям). Это подталкивает людей к освоению

новых компетенций: глубокое понимание своей сферы, а также смежных областей («Т-образный специалист»); понимание рисков, связанных с использованием цифровых технологий; «цифровая ловкость»; навыки работы с базами данных; эмоциональный интеллект; способность решать задачи «под ключ»; командная работа [10] и т.д. Предполагается, что в течение активного периода жизни работник может сменить 8–10 специальностей [9]. В то же время ожидается увеличение спроса на должности, основанные на «человеческих» качествах, например, работники службы поддержки клиентов, менеджеры по инновациям, специалисты по обучению и развитию [11].

В рамках исследования, проведенного Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ совместно со Сбербанком [12], были выделены наиболее перспективные с точки зрения занятости сферы: здравоохранение, урбанистика, информационные технологии, кибербезопасность, финансы и логистика. Например, в здравоохранении будут востребованы биоэкономисты, биоинформатики, консультанты по здоровому долголетию. В урбанистике – экоурбанисты, геоаналитики; в юриспруденции – техноэтики, блокчейн-юристы и т.д. К наиболее упоминаемым профессиям эксперты относят биоэкономистов и специалистов по противодействию кибермошенничеству. Биоэкономисты занимаются вопросами гармоничного существования людей в условиях ограниченности ресурсов, поиска системных решений для улучшения здоровья населения и демографической ситуации, обеспечения продовольственной и экологической безопасности. Специалисты по противодействию кибермошенничеству выстраивают поведенческую аналитику, расследуют деятельность мошеннических групп, разрабатывают методы противодействия киберпреступникам.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И НОВЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ

Благодаря цифровым технологиям и другим факторам происходит стремительное размытие стандартной модели занятости, которая представляет собой «занятость по найму в режиме полного рабочего дня на основе бессрочного трудового договора на предприятии или в организации, под непосредственным руководством работодателя или назначенных им менеджеров» [13, с. 3]. В индустриальную эпоху трудовые отношения отличались стабильностью (40-часовая рабочая неделя, бессрочный контракт, социальные гарантии), что впоследствии начало меняться в сторону большей гибкости. В частности, в настоящее время трудовой договор все чаще оформляется на определенный срок для реализации какого-либо проекта, а трудовые отношения лишаются «функции солидарной ответственности за социальное благополучие работников в сложных жизненных ситуациях» [14]. Наибольшую готовность к таким изменениям демонстрирует молодежь как социально-демографическая группа, которая быстрее остальных адаптируется к новым условиям жизни. Так, согласно исследованиям, 36 % молодых людей готовы получить новую профессию, 44 % – допускают переход на работу в другую отрасль, 50 % – имеют возможность сменить место жительства ради работы [15].

Цифровизация и возникающая вокруг виртуальная среда позволяют выполнять трудовые функции без привязанности к определенному месту в офисе, используя только Интернет, поэтому человек может работать одновременно на нескольких заказчиков, самостоятельно планировать режим труда и отдыха [16]. Рынок удаленного труда постоянно расширяется, привлекая людей свободной самоорганизацией, возможностью работать из любой точки мира. «Популярность дистанционной занятости обусловлена и тем, что данный тренд способствует расширению границ рынка труда и включает в полноценную трудовую деятельность особые категории населения, которые не могут полноценно работать в офисе» [16, с. 86]. К преимуществам также можно отнести экономию средств, связанных с нахождением в офисе: транспортные расходы, бизнес-ланчи и т.д. В конечном итоге дистанционная занятость повышает мобильность рабочей силы, что ведет к снижению уровня безработицы, что особенно актуально для молодежи.

Влияние цифровизации обуславливает развитие трех направлений: гиг-экономика, платформы и экономика совместного использования. Гиг-экономика – это «новая экономическая модель, которая включает в себя различные формы краткосрочной занятости (фриланс, платформенная занятость самозанятость, групповая занятость, случайная работа и другие), которая в свою очередь изменяет рынок труда и занятость в целом». Предполагается, что в скором времени традиционная форма занятости (полный рабочий день) будет сопоставима с гиг-занятостью [17, с. 899].

Гиг-экономика способствует изменению структуры рынка труда, приводит к диверсификации форм занятости, размытию ее традиционных видов. Всемирный банк выделяет три категории гиг-занятости:

микроработу (англ. micro work), фриланс (англ. freelance) и аутсорсинг бизнес-процессов с возможностью привлечения высококвалифицированных специалистов [18]. В 2015 г. Еврофондом были выделены девять новых форм занятости, изменяющие традиционные отношения между работником и работодателем: распределение работников (англ. employee sharing), распределение рабочих мест (англ. job sharing), ваучерная работа (англ. voucher-based work), временное управление (англ. interim management), случайная работа (англ. casual work), мобильная работа на основе ИКТ (англ. ICT-based mobile work), платформенная работа (англ. platform work), портфельная работа (англ. portfolio work), совместная занятость (англ. collaborative employment) [19].

Наиболее распространенными формами занятости в ближайшем будущем, по мнению экспертов, станут платформенная занятость и фриланс. Согласно исследованиям PwC, «рост глобального рынка фриланса» в период с 2020 г. по 2025 г. составит 16 %, при этом сам рынок вырастет до 13,84 млрд долл. США. В России среднегодовой темп роста рынка фриланса составит 20 % в период с 2020 г. по 2025 г., сам рынок увеличится до 102 млрд долл. США; 25 % компаний планируют заменить 30 % сотрудников фрилансерами; доля России на глобальном рынке фриланса составит 1,1 % к 2025 г. [20].

Фриланс особенно популярен среди молодежи, поскольку она отличается активностью и мобильностью, готовностью осваивать новые формы занятости. Согласно опросным данным, более половины молодых людей в России (56,1 %) предпочитают фриланс и самозанятость стандартной модели занятости [15]. В пользу выбора занятости на платформах и фриланса называются: гибкий график, возможность работать из любой точки мира, независимость, самостоятельный выбор заказов. В случае с гиг-занятостью в целом отмечаются преимущества как для работников (гибкий график, возможность совмещения работы в нескольких компаниях и на разных платформах, относительная автономность и т.д.), так и для работодателей (экономия на издержках и ресурсах, возможность привлечения высококвалифицированных специалистов, увеличение производительности труда и т.д.) [17].

Благодаря новым принципам организации трудовых отношений в разы ускоряется набор высококвалифицированных кадров. Компании имеют возможность привлекать лучших сотрудников со всего мира для реализации проектов, что повышает производительность труда и эффективность бизнеса. В первую очередь это касается удаленной занятости. Однако, несмотря на ее привлекательность, нельзя не отметить риски, которые заключаются в необходимости платить налоги при нерегулярном и низком доходе, социальной незащищенности работников, возможности ухудшения качества жизни и уровня материального благополучия [15]. Среди рисков выделяют также невозможность постоянной коммуникации с коллегами и руководством, отсутствие программ обучения на рабочем месте, ограничения карьерного роста. Дистанционная занятость может негативно повлиять на социализацию некоторых сотрудников. Кроме того, наличие отвлекающих факторов может сказываться на производительности труда (поломка оборудования, отсутствие обособленного места, развитие гиподинамии) [16].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенный анализ показал глубинный характер изменений, происходящих в сфере труда и занятости под влиянием процесса цифровизации экономики. Несмотря на отсутствие в научной литературе консолидированной точки зрения относительно реальности угроз наступления масштабной технологической безработицы, структурные сдвиги на глобальном рынке труда являются вопросом времени. Глубина таких преобразований зависит, с одной стороны, от возможности самих цифровых технологий автоматизировать многие рутинные и нерутинные задачи, а с другой – от степени вмешательства государства в хозяйственную деятельность предприятий и регулирования социальной политики. Как бы то ни было, преодоление цифровой безграмотности и развитие цифровых компетенций служат необходимым условием не только преодоления дисбаланса на рынке труда в профессионально-квалификационном разрезе, но и повышения благосостояния общества в целом.

В свою очередь, распространение нестандартных форм занятости, основанных на использовании ИКТ (платформенная, удаленная и другие), потребует пристального внимания со стороны органов власти, поскольку гибкость трудовых отношений нередко оборачивается ухудшением условий труда для самого работника. Это особенно актуально для молодежи, которая традиционно испытывает проблемы при выходе на рынок труда. Желая получить опыт работы и обрести финансовую независимость, она может попасть в «ловушку нестабильности», когда материальные и временные затраты на повседневную жизнь

не компенсируются трудовым доходом. В случае нестандартных форм занятости выбраться из такого положения может быть весьма непросто. Отсюда и важность совершенствования существующих механизмов, позволяющих регулировать образовательные и профессиональные траектории молодого поколения.

Библиографический список

1. Рыбкина М.В., Кангро М.В., Пирогова Е.В. Развитие рынка труда в условиях становления цифровой экономики. *Вестник университета*. 2019;11:36–41. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-11-36-41>
2. International Labour Organization. *The future of work in the digital economy*; 2020. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_771117.pdf (accessed 04.08.2022).
3. Садовая Е.С. Цифровая экономика и новая парадигма рынка труда. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018;62(12):35–45. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-12-35-45>
4. Eichhorst W., Hinte H., Rinne U., Tobsch V. How big is the gig? Assessing the preliminary evidence on the effects of digitalization on the labor market. *Management Revue*. 2017;28(3):298–318.
5. Земцов С., Барнинова В., Семенова Р. Риски цифровизации и адаптация региональных рынков труда в России. *Форсайт*. 2019;13(2):84–96. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.84.96>
6. The World Economic Forum. *The Future of Jobs Report*; 2020. <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2020> (accessed 04.08.2022).
7. Frey C.B., Osborne M.A. The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? *Technological Forecasting & Social Change*. 2017;114:254–280.
8. Coelli M., Borland J. *Behind the headline number: why not to rely on Frey and Osborne's predictions of potential job loss from automation*; 2019. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3472764 (accessed 04.08.2022).
9. Дудин М.Н., Шкодинский С.В., Продченко И.А. Цифровизация экономики и глобальные тренды на рынке труда как факторы экономического суверенитета страны. *Экономика труда*. 2021;8(7):663–682. <https://doi.org/10.18334/et.8.7.112347>
10. Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. и др. *Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2019. 82 с.
11. Хойна М.Н. Рынок труда в условиях цифровой трансформации экономики. В кн.: Курумчина А.Э. (общ. ред.) *Онтологические и социокультурные основания альтернативного проекта глобализации: сборник материалов I международной научной онлайн-конференции, Екатеринбург, 24–25 сентября 2020 г.* Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ; 2021. С. 347–351.
12. Узбекова А. Названы самые востребованные профессии будущего. *Российская газета – Спецвыпуск: Высшая школа*. Вторник 07 июня 2022: 8770. <https://rg.ru/2022/06/07/ekonomika-i-bio.html> (дата обращения: 05.08.2022).
13. Гимпельсон В., Капелюшников Р. *Нестандартная занятость и российский рынок труда: препринт WP3/2005/05*. М.: ГУ ВШЭ; 2005. 36 с.
14. Deloitte. *Global human capital trends 2018. The workforce ecosystem: managing beyond the enterprise*; 2018. <https://www2.deloitte.com/insights/us/en/focus/human-capital-trends/2018/contingent-workforce-management.html> (accessed 04.08.2022).
15. Забелина О.В., Майорова А.В., Матвеева Е.А. Трудовые установки российской молодежи и государственное содействие развитию и реализации ее трудового потенциала. *Экономика труда*. 2019;6(3):1093–1102. <https://doi.org/10.18334/et.6.3.41176>
16. Разумова Т.О., Янчук О.Ю. Возможности и риски дистанционных форм занятости для студентов и выпускников высших учебных заведений. *Социально-трудовые исследования*. 2021;2(43):85–98. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-43-2-85-98>
17. Нехода Е.В., Пань Ли. Трансформация рынка труда и занятости в цифровую эпоху. *Экономика труда*. 2021;8(9):897–916. <https://doi.org/10.18334/et.8.9.113408>
18. Kuek S.C., Paradi-Guilford C.M., Fayomi T., Imaizumi S., Ipeirotis P. *The global opportunity in online outsourcing*. Washington, D.C.: World Bank Group; 2015. 68 p.
19. Weber T., Hurley J., Mandl I., Bisello M., Vacas-Soriano C. *Labour market changes: Trends and policy approaches towards flexibilisation*. Luxembourg: Publications Office of the European Union; 2020. 76 p.
20. Gilchrist K. The 10 countries with the fastest-growing earnings for freelancers. *CNBC Make it*. Tuesday 6 August 2019. <https://www.cnbc.com/2019/08/07/the-10-countries-with-the-fastest-growing-earnings-for-freelancers.html> (accessed 04.08.2022).

References

1. Rybkina M.V., Kangro M.V., Pirogova E.V. Development of the labor market in the conditions of formation of the digital economy. *Vestnik Universiteta*. 2019;11:36–41. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-11-36-41>

2. International Labour Organization. *The future of work in the digital economy*; 2020. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_771117.pdf (accessed 04.08.2022).
3. Sadovaya E.S. Digital economy and a new paradigm of the labor market. *World Economy and International Relations*. 2018;62(12):35–45. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-12-35-45>
4. Eichhorst W., Hinte H., Rinne U., Tobsch V. How big is the gig? Assessing the preliminary evidence on the effects of digitalization on the labor market. *Management Revue*. 2017;28(3):298–318.
5. Zemtsov S., Barinova V., Semenova R. The risks of digitalization and the adaptation of regional labor markets in Russia. *Foresight and STI Governance*. 2019;13(2):84–96. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.84.96>
6. The World Economic Forum. *The Future of Jobs Report*; 2020. <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2020/> (accessed 04.08.2022).
7. Frey C.B., Osborne M.A. The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? *Technological Forecasting & Social Change*. 2017;114:254–280.
8. Coelli M., Borland J. *Behind the headline number: why not to rely on Frey and Osborne's predictions of potential job loss from automation*; 2019. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3472764 (accessed 04.08.2022).
9. Dudin M.N., Shkodinskiy S.V., Prodchenko I.A. Digital economy and global trends in the labour market as factors of the country's economy sovereignty. *Russian Journal of Labor Economy*. 2021;8(7):663–682. <https://doi.org/10.18334/et.8.7.112347>
10. Abdrakhmanova G.I., Vishnevskii K.O., Gokhberg L.M. et al. *What is the digital economy? Trends, competencies, measurement*. Moscow: HSE Publ. House; 2019. (In Russian).
11. Hoyna M.N. Labor market in the conditions of digital transformation of economy. In: Kurumchina A.E. (ed.) *Ontological and socio-cultural foundations of the alternative project of globalization: proceedings of the I International Scientific Online Conference, Yekaterinburg, September 24–25, 2020*. Yekaterburg: UMTs UPI Publ. House; 2021. P. 347–351.
12. Uzbekova A. The most popular professions of the future. *Rossiyskaya Gazeta – Special Issue: Higher School*. Tuesday 07 June 2022: 8770. <https://rg.ru/2022/06/07/ekonomika-i-bio.html> (accessed 05.08.2022).
13. Gimpelson V., Kapeliushnikov R. *Non-standard employment and the Russian labor market: preprint WP3/2005/05*. Moscow: HSE University; 2005. (In Russian).
14. Deloitte. *Global human capital trends 2018. The workforce ecosystem: managing beyond the enterprise*; 2018. <https://www2.deloitte.com/insights/us/en/focus/human-capital-trends/2018/contingent-workforce-management.html> (accessed 04.08.2022).
15. Razumova T.O., Yanchuk O.Yu. Opportunities and risks of remote forms of employment for university students and graduates. *Social and Labor Research*. 2021;2(43):85–98. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-43-2-85-98>
16. Zabelina O.V., Mayorova A.V., Matveeva E.A. Labour attitudes of Russian youth and state assistance to the development and realization of its labor potential. *Russian Journal of Labor Economics*. 2019;6(3):1093–1102. <https://doi.org/10.18334/et.6.3.41176>
17. Nekhoda E.V., Pan Li. Transformation of the labour market and employment in the digital age. *Russian Journal of Labor Economics*. 2021;8(9):897–916. <https://doi.org/10.18334/et.8.9.113408>
18. Kuek S.C., Paradi-Guilford C.M., Fayomi T., Imaizumi S., Ipeirotis P. *The global opportunity in online outsourcing*. Washington, D.C.: World Bank Group; 2015. 68 p.
19. Weber T., Hurley J., Mandl I., Bisello M., Vacas-Soriano C. *Labour market changes: Trends and policy approaches towards flexibilisation*. Luxembourg: Publications Office of the European Union; 2020. 76 p.
20. Gilchrist K. The 10 countries with the fastest-growing earnings for freelancers. *CNBC Make it*. Tuesday 6 August 2019. <https://www.cnn.com/2019/08/07/the-10-countries-with-the-fastest-growing-earnings-for-freelancers.html> (accessed 04.08.2022).

Непопулярный взгляд на налоговый мониторинг

Колесникова Елена Николаевна

Д-р экон. наук, проф. каф. экономической безопасности

ORCID: 0000-0001-5609-0322, e-mail: kolesnicova@mail.ru

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (Рязанский филиал), г. Рязань, Россия

Аннотация

В статье автор рассматривает совокупность проблем, связанных с неудовлетворительной эффективностью налогового мониторинга как формы налогового контроля. Представлен критический анализ сущности, содержания и результатов реализации налогового мониторинга, отличающегося риск-ориентированным подходом к проведению контрольных процедур, активным использованием цифровых технологий и информационной открытостью участников системы. В задачи исследования входила оценка уже достигнутых результатов налогового мониторинга и рассмотрение практики реализации аналогичных форм этой деятельности за рубежом. По итогам исследования была выявлена низкая эффективность процедур налогового наблюдения в системе мероприятий налогового контроля в зарубежных странах и отсутствие релевантных данных, свидетельствующих об эффективности налогового мониторинга в России. Сделан вывод о необходимости взвешенного и осмотрительного подхода к дальнейшему развитию систем налогового мониторинга и обоснована потребность в проведении дополнительного изучения налогового поведения субъектов хозяйственной деятельности.

Ключевые слова

Налоговый мониторинг, налоговые риски, налоговый контроль, налоговое наблюдение, налоговые органы, цифровизация

Для цитирования: Колесникова Е.Н. Непопулярный взгляд на налоговый мониторинг // Вестник университета. 2022. № 10. С. 141–148.

An unpopular view on tax monitoring

Elena N. Kolesnikova

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Economic Security Department
ORCID: 0000-0001-5609-0322, e-mail: kolesnicova@mail.ru

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ryazan branch), Ryazan, Russia

Abstract

In the article, the author considers a set of problems associated with the unsatisfactory efficiency of tax monitoring as a form of tax control. A critical analysis of the essence, content and results of the implementation of tax monitoring is presented, which is distinguished by a risk-based approach to conducting control procedures, the active use of digital technologies and the information openness of the system participants. The objectives of the study included assessing the results of tax monitoring already achieved and reviewing the practice of implementing similar forms of tax monitoring (observation) abroad. The study revealed the low efficiency of tax monitoring procedures in the system of tax control measures in foreign countries and the lack of relevant data indicating the effectiveness of tax monitoring in Russia. The conclusion about the need for a balanced and prudent approach to the further development of tax monitoring systems is made and the need for an additional study of the tax behavior of business entities is substantiated.

Keywords

Tax monitoring, tax risks, tax control, tax supervision, tax authorities, digitalisation

For citation: Kolesnikova E.N. (2022) An unpopular view on tax monitoring. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 141–148.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы эффективного реформирования и укрепления системы налогового контроля весьма актуальны для российской налоговой системы. Несмотря на все предпринимаемые государством усилия, нарушения налогового законодательства не демонстрируют тенденции к сокращению. Это требует совершенствования процедур налогового администрирования и мероприятий налогового контроля.

Безусловно, действующие формы налогового контроля позволяют выявить и пресечь большую часть нарушений налогового законодательства. Только за 2021 г. Федеральной налоговой службой Российской Федерации (далее – ФНС России) проведено 58 894 камеральные проверки, 2 875 из них выявили нарушения. Выездные проверки были проведены в объеме 8 121 единиц, и в ходе 7 729 были зафиксированы нарушения. Дополнительно по результатам налоговых проверок было доначислено более 384 млрд руб. налоговых платежей [1].

Показатели сбора налогов непосредственно влияют на финансирование деятельности власти. Уплата налогов – это важнейшая точка взаимодействия между гражданами и государством. И хотя необходимость увеличивать собираемость налогов очевидна, важно также обеспечить налоговые поступления бюджета максимально эффективным способом.

© Kolesnikova E.N., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Государством активно изыскиваются новые формы и способы, обеспечивающие соблюдение налогоплательщиками требований законодательства и обладающие повышенной эффективностью в сравнении с традиционными формами налогового контроля. Одной из таких сравнительно недавно появившихся форм стал налоговый мониторинг.

Единого подхода к пониманию его роли в мероприятиях налогового контроля и обеспечении эффективности функционирования системы налогообложения государства пока нет. Вместе с тем законодательно организационно-техническая процедура его введения и функционирования разработана достаточно хорошо.

ОБЗОР ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ, ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ПРОБЛЕМЕ

В первую часть Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) раздел V. 2 «Налоговый контроль в форме налогового мониторинга» введен Федеральным законом от 4 ноября 2014 г. № 348-ФЗ и включает в себя две главы: главу 14.7 «Налоговый мониторинг. Регламент информационного взаимодействия» и главу 14.8 «Порядок проведения налогового мониторинга. Мотивированное мнение налогового органа», каждая из которых содержит три статьи [2].

Несмотря на то что статья 105.26 рассматриваемого раздела НК РФ называется «Общие положения о налоговом мониторинге», ни в ней, ни в последующих статьях этого документа трактование термина «налоговый мониторинг» не дается. Не раскрывается сущность налогового мониторинга и в главе 14 «Налоговый контроль» НК РФ. И хотя положения данной главы однозначно трактуют налоговый мониторинг как форму налогового контроля, в ней содержится лишь упоминание об этом, но отсутствует категориальное раскрытие сущности рассматриваемого понятия.

Исходя из содержания статьи 82 «Общие положения о налоговом контроле» НК РФ, можно сделать вывод, что налоговый мониторинг относится к иным формам налогового контроля. Его содержание и особенности реализации в главе 14 НК РФ не раскрываются, содержится лишь отсылочная норма, в соответствии с которой все особенности осуществления налогового контроля в форме налогового мониторинга устанавливаются разделом V.2 НК РФ.

Из анализа содержания той же статьи можно сделать вывод о том, что налоговый мониторинг – это не налоговые проверки (они обозначены как самостоятельная форма налогового контроля) и не особая форма получения объяснений от налогоплательщиков и приравненных к ним лиц, не говоря уже об осмотре помещений и территорий, используемых хозяйствующими субъектами и так или иначе обуславливающих возникновение налоговых обязательств. Более того, реализация процедуры налогового мониторинга, по сути, вытесняет и камеральные, и выездные налоговые проверки на период его осуществления, а все другие формы налогового контроля имеют некоторые особенности.

Налоговые органы видят налоговый мониторинг в качестве одного из элементов цифровизации налогового администрирования (при этом только за 2020 г. на развитие налогового администрирования было потрачено более 200 млрд руб.), а ожидаемый эффект от его внедрения связывают с созданием условий, в которых уклонение от уплаты налогов становится невыгодным (количественные оценки отсутствуют). Все транзакции участников налогового мониторинга с налоговым риском автоматически попадают в зону внимания налоговых органов через инструменты дистанционного информационного взаимодействия и предиктивной аналитики с четкой градацией налогоплательщиков по уровням риска [3].

В соответствии с позицией О.Ю. Бакаева, Е.В. Покачалова, налоговый мониторинг способствует определению баланса между интересами государства в лице фискальных органов и частными интересами плательщиков обязательных платежей [4].

Н.С. Коваленко, Е.М. Леонов акцентируют внимание на том, что налоговый мониторинг – новая реальность налогового контроля, отвечающая потребностям цифрового мира; форма налогового контроля, подразумевающая расширенное информационное взаимодействие между налогоплательщиками и налоговыми органами. В рамках мониторинга проверка проводится в режиме реального времени и в условиях прозрачности деятельности компании для инспекции, что кардинально отличается от традиционных камеральной и выездной налоговых проверок [5].

С.В. Мирошник рассматривает налоговый мониторинг как форму налогового контроля, призванную стимулировать правомерное поведение субъектов налоговых правоотношений, и считает, что фактически

налоговый мониторинг представляет собой уникальный институт налогового права, сочетающий в себе элементы камеральной и выездной налоговых проверок [6].

Наибольшее число новелл в сфере реализации процедуры налогового мониторинга относится к периоду 2020–2021 гг. Именно в 2020 г. распоряжением Правительства Российской Федерации была утверждена «Концепция развития и функционирования в Российской Федерации системы налогового мониторинга» (далее – Концепция) [7], в рамках реализации которой, в последующем, были внесены уточнения и дополнения в НК РФ и приняты множественные подзаконные нормативные акты, касающиеся прикладных аспектов введения налогового мониторинга. Из содержания Концепции можно сделать следующие выводы.

1. Налоговый мониторинг рассматривается как высокотехнологичное решение, направленное на упрощение и облегчение взаимодействия между налоговыми органами и организациями, являющимися налогоплательщиками (или приравненными к ним лицами).

2. Налоговый мониторинг призван обеспечить повышение прозрачности деятельности плательщиков налогов, сборов и страховых взносов.

3. Налоговый мониторинг основан на реализации риск-ориентированного подхода, за счет которого способен выявлять высокорисковые операции налогоплательщиков и нейтрализовать угрозы от них исходящие, связанные с неуплатой (занижением) сумм налоговых обязательств.

4. Налоговой мониторинг позволяет активизировать работу по внедрению цифровых технологий в сфере налогового контроля.

Общий смысловой посыл внедрения и повсеместного распространения налогового мониторинга, исходя из содержания Концепции, – ожидание роста качества и повышение эффективности налогового контроля на основе риск-ориентированного подхода и цифровизации.

Особое внимание в рамках внедрения процедур налогового мониторинга уделяется процедурам внутреннего контроля налогоплательщика. По сути, на оценку системы внутреннего контроля в рамках налогового мониторинга возлагаются обязательства по тому, насколько хорошо она «видит» риски нарушения налогового законодательства и противодействует им. Но система риск-ориентированного подхода уже давно внедрена в практику деятельности налоговых органов и позволила существенно сократить временные и финансовые затраты на планирование налоговых проверок и иных форм налогового контроля и их проведение.

ДИСКУССИЯ

Итоговая цель налогового мониторинга, как мы ее видим, – обеспечить самостоятельную и условно «добровольную» уплату налоговых обязательств лицами, ведущими хозяйственную деятельность, с минимальными текущими затратами на налоговое администрирование. При этом одномоментные расходы на внедрение системы налогового мониторинга, полагаем, могут существенно превысить все ожидаемые поступления и говорить об экономической эффективности рассматриваемой формы налогового контроля возможно только на этапе массового внедрения.

Хотелось бы отметить, что риск-ориентированный подход в деятельности налоговых органов реализован уже достаточно давно, и предложения по его использованию в системе взаимоотношений «субъект – объект налогового контроля» давно уже апробированы и доказали свою эффективность.

Федеральная налоговая служба Российской Федерации на постоянной основе развивает концепцию риск-ориентированного подхода при проведении налоговых проверок. Для выявления зон налоговых рисков используются специализированные программно-аналитические комплексы. Начиная с февраля 2018 г. налоговые органы, прежде чем принять решение о проведении выездной проверки, приглашают налогоплательщика и раскрывают ему информацию о нарушениях, установленных в рамках предпроверочного анализа, что по сути является своеобразным прообразом мотивированного мнения налогового органа, предусмотренного для налогового мониторинга.

Вызывает вопросы и предложенная в пункте 4 этой же Концепции система налогового контроля, включающая в себя:

- организационно-функциональную модель системы налогового мониторинга;
- нормативную правовую базу, регулирующую отношения в области налогового мониторинга;
- информационную систему, которая содежит программы для электронных вычислительных машин, базы данных, сайты в сети «Интернет», содержащую в них информацию и исходные данные, программно-аппаратные комплексы;

– информационные сервисы и форматы информационного взаимодействия;

Приведенный перечень элементов системы налогового мониторинга противоречит не только структурированию элементов системы налогового контроля, но и общепринятым подходам к составу элементов системы экономического контроля, частью которого (через контроль финансовый) и является налоговый контроль, что наглядно представлено в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика элементов системы экономического, налогового контроля и системы налогового мониторинга (базовая интерпретация)

Состав элементов системы налогового мониторинга	Состав элементов системы налогового контроля	Состав элементов системы финансового/экономического контроля
– нормативная правовая база; – информационная система и технологии; – информационные сервисы и форматы информационного взаимодействия; – организационно-функциональная модель системы налогового мониторинга	– субъект; – объект; – формы и методы; – порядок осуществления; – мероприятия; – направления; – техника и технология налогового контроля; – категории должностных лиц (кадры) налогового контроля; – периодичность и глубина налогового контроля	– субъект; – объект; – предмет; – сфера применения; – принципы; – процесс; – метод (методика); – техника и технология; – механизм; – сбор и обработка исходных данных; – результат; – субъект, принимающий решение по результатам контроля; – принятие решения по результатам контроля

Составлено автором по материалам исследования

Каждому из видов контроля должен быть присущ определенный набор базовых элементов, обусловленных, прежде всего, управленческой природой контроля, как глобальной экономической категории, независимо от его вида и сферы осуществления. К числу таких основополагающих элементов можно отнести: объекты и субъекты контроля, методы контроля и способы реализации обратной связи. Такие базовые элементы для налогового мониторинга в Концепции не представлены.

Также по мере конкретизации и «специализации» контроля наблюдается повышение уровня детализации его структурных элементов. Это характерно для налогового мониторинга, но только в сфере техники и технологии его осуществления. Таким образом, несмотря на все свои преимущества система налогового мониторинга в России нуждается в развитии и совершенствовании и, прежде всего, с позиций методологического обеспечения.

Российская эмпирическая база, позволяющая оценить последствия внедрения налогового мониторинга и его текущую эффективность, еще слишком мала, как невелико и количество участников, перешедших на установленный им формат взаимодействия с налоговыми органами.

Так, в соответствии с докладом «Основные положения, перспективы развития, практика перехода на налоговый контроль в форме налогового мониторинга» [8], размещенном на сайте ФНС России, на момент внесения изменений законодательного характера в 2016 г., предусмотревших такую форму налогового контроля как налоговый мониторинг, на его проведение согласилось только 7 компаний. В 2017 г. их число возросло до 21, в 2020 г. – до 95, а в 2021 г. их число составило уже 209, что все равно исключительно невелико.

Некоторые косвенные выводы можно сделать о количестве мотивированных мнений, составляемых в рамках налогового мониторинга. За 2020 г., в соответствии со статистическими данными Межрегиональной инспекции ФНС России по крупнейшим налогоплательщикам [8], было сформировано 20 мотивированных мнений по инициативе налогового органа и 3 – по инициативе участника налогового мониторинга.

Совокупная налоговая база по урегулированным позициям в этом же году, в соответствии с данными об эффективности работы налоговых органов составила 114 млрд руб. [1] (сумма самих дополнительных налоговых поступлений по результатам налогового мониторинга налоговыми органами не раскрывается). Безусловно, это позволяет говорить о результативности мероприятий налогового контроля, но не его эффективности, где требуется все-таки соизмерение затрат и результатов.

Следует отметить, что количество потенциальных участников налогового мониторинга, согласно Концепции, должно достичь в 2022 г. 3 879 единиц, а в 2024 г. – 7 827 единиц, что позволит сделать репрезентативные выводы и сформировать количественные оценки эффективности налогового мониторинга в России.

Обратимся к опыту реализации процедур налогового мониторинга (наблюдения) или отдельных его элементов в зарубежных странах. В марте 2022 г. Группой по оценке воздействия развития на экономику (англ. Development Impact Evaluation Group), под эгидой Всемирного банка, были опубликованы результаты исследования, посвященного оценке эффективности мероприятий налогового наблюдения, нацеленных на обеспечение добровольного соблюдения требований налогового законодательства [9]. На это же, собственно говоря, нацелена и процедура внедрения налогового мониторинга, активно распространяемая сейчас в России.

Объектом исследования, охватившего более 32 000 субъектов хозяйственной деятельности, стало поведение налогоплательщиков, в отношении которых велись процедуры налогового наблюдения. Несмотря на то что вся исследуемая группа была разбита на несколько подгрупп и в отношении каждой из них, в рамках налогового мониторинга, были внедрены различные варианты информационного взаимодействия с налоговыми органами (в том числе выделялась и подгруппа налогоплательщиков, которые были информированы о том, что налоговые органы отслеживают конкретные операции, в которых они участвовали, что подразумевает знание о всех или части их финансово-хозяйственных операциях), результаты эксперимента были едиными для всех групп: информационная открытость налогоплательщиков и повышение уровня информационного взаимодействия с налоговыми органами, в том числе и с использованием современных информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий, не привели к росту «добровольности» исполнения налоговых обязательств и активному самостоятельному устранению налогообязанными лицами нарушений в исчислении и уплате налоговых платежей. Только 0,02 % от числа налогоплательщиков, участвовавших в исследовании, предприняли шаги, которые можно трактовать как добровольное исполнение требований налогового законодательства (это выражалось как в подаче деклараций, в том числе и уточненных, или уплате/доплате недоимки).

При этом реализуемые мероприятия налогового наблюдения имели положительный эффект преимущественно в отношении налогоплательщиков, которые были отнесены в рамках исследования к группе, подверженной низкому риску несоблюдения налогового законодательства. Именно они были более склонны подавать уточненные налоговые декларации и сообщать о своих более высоких доходах или объектах подлежащих налогообложению.

Вышеизложенное подтверждается и другими результатами научно-исследовательской работы, проводимой как в России, так и за рубежом в сфере реализации мероприятий налогового контроля и ее эффективности. Например, К. Хой, Л. Маккензи и М. Синнинг указали [10], что «мягкие» вмешательства налоговых органов в рамках налогового наблюдения способны изменить поведение только «маргинальных» нарушителей. Хотя имеются и убедительные доказательства, в частности раскрываемые в работах Г. Масканы [11], Л. Кастро и К. Скартаскини [12], свидетельствующие о том, что в целом положительный эффект от процедур налогового мониторинга (наблюдения) и повышения информационной открытости налогоплательщика имеется. Эффективность автоматизации и цифровизации процедур налогового мониторинга, повышающая объективность результатов налогового контроля и снижающая трудозатраты на его проведение, ни одним из авторов не оспаривается.

Встречаются аналогичные сомнения и в трудах российских ученых. Так, Е.А. Бричка, И.А. Колесник и Ю.С. Жаркова отмечают, что риск-ориентированный подход при налоговом контроле (в том числе и мониторинге) существенно снижает затраты ресурсов на контрольно-надзорные действия, но только в отношении компаний, которые имеют слабый потенциал сокрытия налоговой базы [13].

При этом сами налоговые органы признают, что в случае массовости включения механизмов контрольных мероприятий на основе налогового мониторинга в отношении бизнеса, велики вероятности случаев его банкротства и ликвидации [14], что, естественно, не является целью налоговой службы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реализация процедур налогового мониторинга должна опираться не только и не столько на развитие цифровых технологий и повышение информационной открытости налогоплательщиков и приравненных к ним лиц, но и учитывать потенциальные реакции участников налогового мониторинга. Наибольшую эффективность налоговый мониторинг проявляет для групп налогоплательщиков с низкими уровнями налогового риска. А вот в отношении хозяйствующих субъектов с высоким уровнем вероятности нарушений налогового законодательства (средний и высокий уровни налогового риска) эффективность процедур налогового мониторинга (наблюдения) не доказана.

Кроме того, следует учитывать и риски, связанные с цифровизацией самой процедуры налогового мониторинга. Безусловно, развитие цифровых технологий стало драйвером современной экономики. С одной стороны, достигнутые в этой сфере успехи открывают новые возможности для дальнейшего прогресса налогового мониторинга. С другой стороны, необходимо учитывать, что внедрение любых инноваций должно осуществляться, прежде всего, на основе принципа осмотрительности: затраты на внедрение не должны быть выше ожидаемого прироста налоговых платежей участников налогового мониторинга. Повышение надежности налогового мониторинга не менее важно для усиления его позиций в системе налогового контроля. Необходимо учитывать и предпринимать усилия по минимизации рисков, связанные с использованием технологии «больших данных». Любые утечки данных и раскрытие конфиденциальной информации налогоплательщика, вступившего в систему налогового мониторинга, пусть и неумышленно, грозят большими репутационными потерями для налоговых органов.

Налоговое принуждение с использованием административных ресурсов налоговых органов было и остается наиболее эффективным средством пресечения нарушений налогового законодательства. А знание неотвратимости мер налоговой ответственности оказывает более сильное профилактическое воздействие на налогоплательщиков, нежели «мягкие» и «лояльные» мероприятия налогового мониторинга. И ожидать абсолютного и добровольного исполнения участниками системы налогового мониторинга требований законодательства, основанных только на самом факте его внедрения, не следует. Внедрение любых процедур и мероприятий налогового контроля не будет эффективным до тех пор, пока не будут выявлены движущие силы соблюдения налогового законодательства российскими налогоплательщиками.

Библиографический список

1. Федеральная налоговая служба Российской Федерации. *Отчет о результатах контрольной работы налоговых органов за 2021 г.* https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/10924767/ (дата обращения: 16.08.2022).
2. Российская Федерация. *Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ.* <https://docs.cntd.ru/document/901714421> (дата обращения: 10.08.2022).
3. Федеральная налоговая служба Российской Федерации. *Отчет о результатах реализации в 2020 году государственной программы Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков».* <https://www.nalog.gov.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/docs/analit/gp22.zip> (дата обращения: 16.08.2022).
4. Бакаева О.Ю., Покачалова Е.В. Мониторинг и аудит как инструмент достижения баланса частных и публичных интересов в налоговых и таможенных правоотношениях. *Вестник Пермского университета. Юридические науки.* 2018;4:616–643. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-42-616-643>
5. Коваленко Н.С., Леонов Е.М. Налоговый мониторинг как инструмент налоговой цифровизации. *Закон.* 2021;4:50–59.
6. Мирошник С.В. Правовые основы налогового мониторинга. *Налоги.* 2019;5:22–25.
7. Российская Федерация. *Распоряжение Правительства РФ от 21.02.2020 № 381-р «Об утверждении Концепции развития и функционирования в Российской Федерации системы налогового мониторинга».* <https://docs.cntd.ru/document/564333759> (дата обращения: 10.08.2022).
8. Федеральная налоговая служба Российской Федерации. *Основные положения, перспективы развития, практика перехода на налоговый контроль в форме налогового мониторинга.* <https://data.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/docs/mri/1/nalmon.pdf> (дата обращения: 20.08.2022).
9. Del Carmen G., Espinal H., Edgardo E., De Gouvea S. Targeting in Tax Compliance Interventions: Experimental Evidence from Honduras. *World Bank.* Monday 14 March 2022. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/37155> (accessed 05.08.2022).

10. Hoy C., McKenzie L., & Sinning M.G. Improving Tax Compliance without Increasing Revenue: Evidence from Population-Wide Randomized Controlled Trials in Papua New Guinea. *World Bank*. February 2021. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/35131> (accessed 05.08.2022).
11. Mascagni G. From the Lab to the Field: A Review of Tax Experiments. *Journal of Economic Surveys*. 2018;32(2):273–301. <https://doi.org/10.1111/joes.12201>
12. Castro L., Scartascini C. Tax compliance and enforcement in the pampas evidence from a field experiment. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2015;116(C):65–82. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.04.002>
13. Бричка Е.А., Колесник И.А., Жаркова Ю.С. Анализ эффективности риск-ориентированного подхода в надзорной деятельности Федеральной налоговой службы в системе государственного финансового мониторинга. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2022;2:116–121. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2022-7-2-116-123>
14. Федеральная налоговая служба Российской Федерации. *Риск-ориентированный подход при проведении выездных налоговых проверок (презентационные материалы)*. https://www.nalog.gov.ru/rn38/about_fts/knd/4kv18/8213131/?ysclid=l58hxnfpo7260682683 (дата обращения: 17.08.2022).

References

1. Russian Federal Tax Service. *Report on the results of the control work of the tax authorities for 2021*. https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/10924767/ (accessed 16.08.2022).
2. Russian Federation. *Tax Code of the Russian Federation (Part One) dated 31 July 1998 No. 146-FZ*. <https://docs.cntd.ru/document/901714421> (accessed 10.08.2022).
3. Russian Federal Tax Service. *Report on the results of the implementation in 2020 of the state program of the Russian Federation “Public financial management and regulation of financial markets”*. <https://www.nalog.gov.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/docs/analit/gp22.zip> (accessed 16.08.2022).
4. Bakaeva O.Yu., Pokachalova E.V. Monitoring and audit as a tool of achieving balance of private and public interests in tax and customs legal relations. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2018;4:616–643. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-42-616-643>
5. Kovalenko N.S., Leonov E.M. Tax monitoring as a tool for tax digitalization. *Law*. 2021;4:50–59.
6. Miroshnik S.V. Legal bases of tax monitoring. *Taxes*. 2019;5:22–25.
7. Russian Federation. *Decree of the Government of the Russian Federation dated 21 February 2020 No. 381-r «On Approval of the Concept for the Development and Functioning of the Tax Monitoring System in the Russian Federation»*. <https://docs.cntd.ru/document/564333759> (accessed 10.08.2022).
8. Russian Federation. *Basic provisions, development prospects, practice of transition to tax control in the form of tax monitoring*. <https://data.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/docs/mri/1/nalmon.pdf> (accessed 20.08.2022).
9. Del Carmen G., Espinal H., Edgardo E., De Gouvea S. Targeting in Tax Compliance Interventions: Experimental Evidence from Honduras. Washington, DC. *World Bank*. Monday 14 March 2022. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/37155> (accessed 05.08.2022).
10. Hoy C., McKenzie L., & Sinning M.G. Improving Tax Compliance without Increasing Revenue: Evidence from Population-Wide Randomized Controlled Trials in Papua New Guinea. *World Bank*. February 2021. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/35131> (accessed 05.08.2022).
11. Mascagni G. From the Lab to the Field: A Review of Tax Experiments. *Journal of Economic Surveys*. 2018;32(2):273–301. <https://doi.org/10.1111/joes.12201>
12. Castro L., Scartascini C. Tax compliance and enforcement in the pampas evidence from a field experiment. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2015;116(C):65–82. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.04.002>
13. Brihka E.A., Kolesnik I.A., Zharkova Yu.S. The analysis of efficiency of risk-based approach in supervision activities of Federal Tax Service in the system of state financial monitoring. *Omsk Scientific Bulletin. Series “Society. History. Modernity”*. 2022;2:116–121. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2022-7-2-116-123>
14. Russian Federal Tax Service. *Risk-Based Approach to Field Tax Audits (Presentation Materials)* https://www.nalog.gov.ru/rn38/about_fts/knd/4kv18/8213131/?ysclid=l58hxnfpo7260682683 (accessed 17.08.2022).

Маркетинговые стратегии хозяйствующих субъектов (на примере лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела)

Курихин Сергей Валерьевич

Канд. экон. наук, доц. каф. экономической теории и экономики таможенного дела
ORCID: 0000-0001-9987-2121, e-mail: ksv1012@gmail.com

Российская таможенная академия, г. Люберцы, Московская обл., Россия

Аннотация

Предметом исследования является маркетинговая стратегия лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела. Цель статьи состоит в разработке предложений для совершенствования маркетинговой стратегии таможенных представителей. При написании статьи были использованы следующие научные методы: анализ и синтез, сравнение, индукция и дедукция. В ходе исследования было изучено применение теоретической конструкции комплекса маркетинга «5Р» для анализа маркетинговых стратегий участников внешнеэкономической деятельности; проведено сравнение маркетинговых стратегий таможенных представителей; выявлены недостатки маркетинговых стратегий и разработаны предложения по их совершенствованию. Область применения результатов находится в сфере интересов практиков-маркетологов и ученых, поскольку это специфическое направление практически не исследовано. Помимо этого, результаты могут быть полезны в образовательном процессе, при преподавании таких дисциплин, как «Маркетинг», «Экономическая безопасность предприятия-участника внешнеэкономической деятельности». На основе изложенного в статье материала сделан вывод о том, что неактивная маркетинговая деятельность большинства таможенных представителей может привести к прекращению их работы в условиях растущей конкуренции на рынке.

Ключевые слова

Маркетинг, маркетинговая деятельность, маркетинговая стратегия, таможенное дело, сфера таможенного дела, таможенный представитель, участник внешнеэкономической деятельности, комплекс маркетинга, маркетинг-микс, маркетинговая смесь, Интернет-маркетинг, маркетинг в социальных сетях

Для цитирования: Курихин С.В. Маркетинговые стратегии хозяйствующих субъектов (на примере лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела) // Вестник университета. 2022. № 10. С. 149–158.

Marketing strategies of economic entities (on the example of persons carrying out activities in the field of customs business)

Sergey V. Kurikhin

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economic Theory and Economy of Customs Business Department
ORCID: 0000-0001-9987-2121, e-mail: ksv1012@gmail.com

Russian customs academy, Lyubertsy, Moscow Oblast, Russia

Abstract

The subject of the research is the marketing strategy of persons carrying out activities in the field of customs. The purpose of the article is to develop proposals for improving the marketing strategy of customs representatives. The author used the following scientific methods: analysis and synthesis, comparison, induction and deduction. In the course of the study, the application of the theoretical design of the marketing complex 5P for the analysis of marketing strategies of participants in foreign economic activity was studied; the marketing strategies of customs representatives were compared; shortcomings of marketing strategies were identified and proposals for their improvement were developed. The scope of the results is primarily within the interests of marketing practitioners and scientists, since this specific area has not been practically studied. In addition, the results can be useful in the educational process, when teaching such disciplines as Marketing and Economic security of an enterprise participating in foreign economic activity. Based on the material presented in the article, it was concluded that the inactive marketing activities of the majority of customs representatives may lead to the termination of their activities in the face of growing competition in the market.

Keywords

Marketing, marketing activities, marketing strategy, customs sphere, customs, customs representative, participant in foreign economic activity, marketing mix, Internet marketing, social media marketing

For citation: Kurikhin S.V. (2022) Marketing strategies of economic entities (on the example of persons carrying out activities in the field of customs business). *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 149–158.

ВВЕДЕНИЕ

Введенные против Российской Федерации санкции зарубежных государств привели к осложнению внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) по целому ряду направлений. По этой причине объем рынка, связанного с внешней торговлей, существенно сократился, что в условиях сохранения числа хозяйствующих субъектов влечет за собой уменьшение прибыли для большинства участников рынка, снижение рентабельности и неизбежное усиление конкуренции. Эффективным инструментом для сбыта продукции и повышения конкурентоспособности на рынке служит активная маркетинговая деятельность предприятия, осуществлять которую необходимо последовательно, в соответствии с выстроенным планом действий. Такой план, разработанный для достижения целей компании по сбыту продукции и услуг посредством привлечения потенциальных клиентов, называется маркетинговой стратегией.

Однако большинство участников ВЭД не занимаются маркетингом активно, а у многих компаний даже нет сайта. Подобное незаинтересованное отношение к продвижению услуг в современных условиях может привести эти организации к банкротству. Поэтому исследуемая тема является чрезвычайно актуальной, а проблема в рамках нее состоит в отсутствии эффективной и обоснованной маркетинговой стратегии среди большинства участников ВЭД. При этом целью статьи является разработка предложений по формированию действенной маркетинговой стратегии. Для достижения этой цели предстоит решить следующие задачи:

- определить порядок сравнения маркетинговых стратегий компаний для выявления их сильных и слабых сторон;
- выбрать участников ВЭД, которые выступят в качестве объектов исследования;
- провести анализ в соответствии с ранее разработанным порядком;
- сформулировать предложения для совершенствования маркетинговой стратегии компании, действующей в сфере ВЭД.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Обзор релевантных научных источников показал, что вопросам, связанным с разработкой и реализацией маркетинговой стратегии, посвящали свои труды многие исследователи: Д.А. Ермилина [1], Т.Б. Шиврина [2], Н.С. Грекова [3], В.А. Сазонова [4], Л.М. Зарипова [5] и другие. Однако работ, затрагивающих аспекты маркетинговой стратегии участников ВЭД, практически нет.

Исследование маркетинговых стратегий предлагается провести на основе одной из базовых моделей теории маркетинга, комплекса маркетинга (маркетинг-микса, маркетинговой смеси) – набора подающихся изменению элементов деятельности предприятия, воздействие на которые способно влиять на продвижение продукции на рынке. Изначальный комплекс, традиционно упоминаемый в учебных материалах, называется «4Р», поскольку состоит из следующих компонент: price (цена), product (товар, продукт), place (место), promotion (продвижение).

В трудах исследователей этот комплекс дополняется многими другими элементами, зачастую также начинающимися с латинской буквы «Р», например, «public relations» (связи с общественностью), «people» (люди) и т.д. Есть комплексы, которые разрабатываются на принципиально иных основаниях. Например, SIVA (англ. Solution, Information, Value, Access – решение, информация, ценность, доступ) рассматривает сбыт товара с противоположной от предприятия стороны, с позиции покупателя. В рамках статьи для исследования маркетинговых стратегий субъектов, хозяйствующих в сфере таможенного дела, применим комплекс «5Р», который объединяет «4Р» и public relations (связи с общественностью).

В качестве субъектов, хозяйствующих в сфере таможенного дела, рассмотрим таможенных представителей, предлагающих комплекс услуг, связанных с таможенным оформлением товаров. Таможенные представители являются коммерческими организациями, то есть максимизация прибыли выступает базовой целью их деятельности, а их большое число на рынке объективно создает предпосылку для осуществления ими активной маркетинговой деятельности.

По состоянию на 30 июля 2022 г., согласно официальному сайту Федеральной таможенной службы Российской Федерации [6], в реестре таможенных представителей зарегистрировано 1 752 организации, из которых 1 080 действуют в настоящее время. Следует отметить, что, несмотря на достаточно высокую конкуренцию в условиях сокращающегося рынка по причине ограничений в сфере внешнеэкономической деятельности, многие представители не имеют даже сайта, что не способствует продвижению предлагаемых ими услуг. Для целей исследования выберем из реестра случайным образом такие организации, которые соответствуют следующим критериям:

- осуществляют достаточно активную маркетинговую деятельность;
- различаются масштабом бизнеса (то есть должны быть представлены крупные, средние и малые компании).

Необходимо отметить, что в статье происходит сравнение именно маркетинговых стратегий представителей, а не качества оказываемых ими услуг. Также исследование ограничено той информацией, которая доступна в сети «Интернет», в том числе на сайтах компаний.

В рамках исследования были выбраны следующие компании: ООО «Мэйджор Карго Сервис» (регистрационный номер: 1266), ООО «ВиАйДжи Кастомс» (регистрационный номер: 0696), ООО «ТАК Альтерна» (регистрационный номер: 1450), ООО «Импортэкс» (регистрационный номер: 0879), ООО «Калипсо»

(регистрационный номер: 1136), ООО «КВТ Сервис» (регистрационный номер: 0876), ООО «Транслогистик» (регистрационный номер: 1494), ООО «Скай17» (регистрационный номер: 1337). Дальнейшая информация собрана в том числе на сайтах этих представителей [7–14].

Исследование маркетинговых стратегий начнем с изучения стоимости услуг таможенного оформления, осуществляемого отобранными организациями (рис. 1).

Сравнение стоимости услуг таможенного оформления представителями позволяет сделать следующие выводы:

- стоимость услуг представителей различается достаточно существенно;
- единых критериев определения цены нет, поскольку стоимость услуг зависит от региона деятельности подразделения представителя, места осуществления таможенного оформления, количества европоддонов, числа оформляемых документов и заявляемой таможенной процедуры;
- ценовая политика многих представителей непрозрачна: отсутствуют конкретные цифры, заявлен персональный подход, детализация стоимости представлена только в одном случае из восьми;
- скидки для привлечения новых клиентов не распространены, их предлагает только один представитель;
- цена услуг крупного представителя в целом ниже, чем у малого.

Далее, в соответствии с ранее утвержденным комплексом маркетинга, рассмотрим непосредственно предлагаемый продукт, то есть перечень осуществляемых услуг (рис. 2).

ООО «Мэйджор Карго Сервис»	от 12 500 руб. до 25 000 руб. в зависимости от подразделения организации
ООО «ВиАйДжи Кастомс»	от 15 000 руб.
ООО «ТАК Альтерна»	для определения стоимости «растаможки» груза необходимо оставить заявку на сайте
ООО «Импортэкс»	для определения стоимости таможенного оформления на сайте размещен калькулятор
ООО «Калипсо»	– стоимость услуги зависит от количества европоддонов (например, от 1 до 3 – 10 000 руб., от 3 до 10 – 15 000 руб. и т.д.); – персональный подход к клиенту; – предусмотрены скидки до 20% для новых клиентов
ООО «КВТ Сервис»	стоимость комплекса услуг начинается от 9 500 руб.
ООО «Транслогистик»	детально обоснована цена (в частности, подготовка комплекта документов – 4 800 руб.; таможенное оформление – 9 000 руб., составление добавочного листа – 1 200 руб., а дополнительного листа – 240 руб.)
ООО «Скай17»	– при процедуре экспорт/импорт/транзит – 19 000 руб.; – при иных процедурах – 25 000 руб.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Стоимость услуг компаний-таможенных представителей

Так как все представленные организации реализуют таможенное оформление, сравним прочие оказываемые ими услуги. Это позволяет выделить следующую особенность: наибольший комплекс разнообразных услуг предлагают самые крупные организации, в то время как малые реализуют достаточно ограниченный перечень услуг.

Далее рассмотрим местоположение подразделений таможенных представителей, включая обособленные подразделения, офисы, склады, филиалы, представительства (рис. 3).

В данном случае наблюдается аналогичная картина: более крупные организации представлены в большем количестве стран мира, поэтому охватывают большее число потенциальных клиентов. Помимо этого, нельзя не отметить направленность большинства подразделений на Азию, что актуально в условиях санкций со стороны, прежде всего, стран Европы.

ООО «Мэйджор Карго Сервис»	▶	перевозка разными типами транспорта негабаритных грузов, чартерные авиаперевозки, продукт «E-commerce» (для сегмента электронной коммерции)
ООО «ВиАйДжи Кастомс»	▶	международная логистика, сертификация, юридическое сопровождение внешнеэкономической деятельности
ООО «ТАК Альтерна»	▶	доставка грузов из других стран, поставка автомобилей и спецтехники, логистика, сертификация
ООО «Импортэкс»	▶	поиск поставщика, оплата ему, контроль и координация отгрузки и транспортировки до границы России, возврат обеспечения в судебном порядке
ООО «Калипсо»	▶	логистические услуги, сертификация, доставка с eBay
ООО «КВТ Сервис»	▶	доставка грузов, сертификация, юридические услуги
ООО «Транслогистик»	▶	классификационные решения, таможенный аудит
ООО «Скай17»	▶	перевозки, закупочная деятельность

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Комплекс услуг (кроме таможенного оформления), предоставляемых компаниями-таможенными представителями

ООО «Мэйджор Карго Сервис»	▶	Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Владивосток
ООО «ВиАйДжи Кастомс»	▶	Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Беларусь (Минск), Китай (Шанхай, Гуанчжоу), Литва (Каунас)
ООО «ТАК Альтерна»	▶	Москва, Владивосток, Китай (Шанхай), Республика Корея (Пусан)
ООО «Импортэкс»	▶	Москва, Владивосток, Китай (Шэньчжэнь)
ООО «Калипсо»	▶	Москва
ООО «КВТ Сервис»	▶	Москва
ООО «Транслогистик»	▶	Москва, Санкт-Петербург, Новороссийск
ООО «Скай17»	▶	Москва

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Местоположение подразделений таможенных представителей

Следующим пунктом в статье будет рассмотрено продвижение услуг посредством сети «Интернет». Сравним разделы сайтов компаний, предоставляющих услуги таможенного оформления (табл. 1). Сайт компании ООО «Скай17» представляет собой не корпоративный сайт, а визитку, то есть состоит из одной страницы с основной информацией о компании. Поэтому многие разделы отсутствуют.

**Сравнение разделов сайтов компаний-таможенных представителей
(по состоянию на 21 июля 2022 г.)**

Наименование таможенного представителя	Разделы сайтов компаний							
	История компании	Инструменты	Клиенты / Нам доверяют	Партнеры	Команда / Наши специалисты	Отраслевые решения	Приоритетные страны	Обратная связь / Блог
ООО «Мэйджор Карго Сервис»	есть	есть	нет	нет	нет	есть	есть	есть
ООО «ВиАйДжи Кастомс»	есть	есть	есть	есть	нет	нет	есть	есть
ООО «ТАК Альтерна»	есть	есть	есть	есть	нет	нет	есть	есть
ООО «Импор-тэкс»	есть	есть	есть	нет	есть	нет	нет	нет
ООО «Калипсо»	есть	есть	есть	есть	нет	нет	есть	есть
ООО «КВТ Сервис»	есть	есть	есть	нет	есть	нет	есть	есть
ООО «Транс-логистик»	есть	нет	есть	есть	нет	нет	нет	есть
ООО «Скай17»	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет

Составлено автором по материалам исследования

Практически все сайты содержат различные полезные для участников ВЭД инструменты: калькуляторы для расчета таможенных платежей, классификаторы продукции и прочее. Очень многие представители рассказывают о своих клиентах, некоторые указывают их как доверителей. Список партнеров публикуют на сайте не все, еще меньшее количество организаций рассказывает о работающих в компании специалистах. Формы обратной связи и блог есть практически на всех сайтах.

Приоритетные страны при оказании услуг отмечены многими представителями, но отраслевые решения приведены только на одном сайте. Представляется рациональным рекомендовать всем компаниям разместить такую информацию на своих сайтах, поскольку специализация на определенных маршрутах, товарах и странах способствует лучшему позиционированию организаций, а значит, и продвижению их услуг. Помимо этого, такие действия могут быть оценены как способ уйти от чрезмерной конкуренции, так как в общем сегменте рынка будет найдена более узкая ниша, потребности в рамках которой таможенный представитель удовлетворит лучше, чем его конкуренты, а потому привлечет заинтересованных в этом клиентов.

Помимо этого, две компании (ООО «ВиАйДжи Кастомс» и ООО «ТАК Альтерна») имеют мобильные приложения, доступные в Google Play и App Store.

Практически у всех представителей на сайтах представлены слоганы. Стоит отметить, что один из них повторяется у двух организаций и, возможно, разумно изменить его для большей индивидуальности компании. Слоганы других компаний акцентируют внимание на разных аспектах деятельности: процессе товародвижения, ответственном подходе к оказанию услуги и клиентоориентированности (рис. 4).

Далее рассмотрим маркетинговую деятельность таможенных представителей в социальных сетях (табл. 2).

Анализ маркетинговой деятельности таможенных представителей в социальных сетях позволяет сформулировать следующие выводы:

- взаимные санкции России и ряда зарубежных стран крайне негативно повлияли на маркетинговую деятельность, так как были заблокированы крупнейшие зарубежные социальные сети, служившие потенциальным источником клиентов и инструментом для улучшения имиджа компаний на мировом уровне;
- организации представлены во многих социальных сетях, однако количество участников и подписчиков крайне мало, что может быть обусловлено спецификой направления деятельности компаний;

- компании используют самые разнообразные сети, однако многие группы неактивны, а последние сообщения в них опубликованы несколько лет назад;
- в некоторых социальных сетях группы компаний созданы сотрудниками неофициально, для личного общения, что не способствует улучшению имиджа организаций;
- неактивность в социальных сетях может привести к недоразумениям при работе с клиентами. Например, как «КВТ Сервис» в социальной сети «Одноклассники» действует компания по техническому и гарантийному обслуживанию кондиционеров;
- несоответствие наименования группы или канала официальному названию таможенного представителя может затруднить доступ к корпоративным ресурсам. Например, во «ВКонтакте» группа ООО «Транслогистик» указана как «Балткомплект таможенный представитель (брокер)», ООО «Мэйджор Карго Сервис» – «Major Logistics», ООО «Импортэкс» – «Таможенное оформление и доставка грузов из Азии»; ООО «КВТ Сервис» представлен в «Телеграме» и «ЯндексДзене» под названием «Завтрак с таможеней»;
- наибольший интерес у таможенных представителей вызывают сети «ВКонтакте» и «Telegram»;
- крупные и средние организации представлены в большем количестве сетей, а малые – в меньшем.

ООО «Мэйджор Карго Сервис»	Движение вперед, внимание к деталям
ООО «ВиАйДжи Кастомс»	(не обнаружен)
ООО «ТАК Альтерна»	Ваш таможенный представитель
ООО «Импортэкс»	Относимся к Вашим перевозкам, как к своим
ООО «Калипсо»	Калипсо – Ваш таможенный представитель
ООО «КВТ Сервис»	Сделаем идеальное доступным
ООО «Транслогистик»	Мы работаем не с грузами, мы работаем с людьми
ООО «Скай17»	(не обнаружен)

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 4. Слоганы таможенных представителей, представленные на официальных сайтах

Таблица 2

**Маркетинговая деятельность таможенных представителей
в социальных сетях (по состоянию на 21 июля 2022)**

Наименование таможенного представителя	Социальные сети							
	ВКонтак- те	Одно- классники	Twitter	Facebook*	Instagram*	Telegram	TikTok	Яндекс Дзен
	(количество подписчиков / дата последней записи)							
ООО «Мэйджор Карго Сервис»	есть (527 / 14.04.2022)	есть (19 / 25.04.2017)	н/д	-	-	есть (571 / 20.07.2022)	-	есть (6 / 23.05.2019)
		есть (48 / 25.04.2015)				есть (477 / 20.07.2022)		

Наименование таможенного представителя	Социальные сети							
	ВКонтакте	Одноклассники	Twitter	Facebook*	Instagram*	Телеграм	TikTok	Яндекс Дзен
	(количество подписчиков / дата последней записи)							
ООО «ВиАйДжи Кастомс»	есть (193 / 27.06.2022)	-	-	н/д	н/д	есть (247 / 13.07.2022)	-	есть (20 / июль 2022)
ООО «ТАК Альтерна»	есть (133 / 15.07.2022)	-	н/д	н/д	н/д	есть (71 / 15.07.2022)	-	есть (10 / 10.02.2022)
ООО «Импортэкс»	есть (4 440 / 15.07.2022)	есть (20 / 15.07.2022)	н/д	н/д	н/д	есть (56 / 14.07.2022)	есть (33)	есть (7 / 18.04.2018)
ООО «Калипсо»	есть (5 993 / 16.08.2019)	-	н/д	н/д	-	-	-	-
ООО «КВТ Сервис»	есть (1 557 / 21.07.2022)	-	-	н/д	н/д	есть (8 722 / 21.07.2022)	-	есть (40 / 10.02.2022)
ООО «Транслогистик»	есть (90 / 01.07.2022)	-	-	-	-	-	-	-
ООО «Скай17»	-	-	-	-	-	-	-	-

*Владелец социальных сетей Facebook и Instagram компания Meta внесена в перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности на территории Российской Федерации по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»

Составлено автором по материалам исследования

Помимо социальных сетей, некоторые представители ведут каналы на сервисе YouTube (табл. 3). ООО «ВиАйДжи Кастомс» также имеет канал на сервисе RuTube.

Таблица 3

Маркетинговая деятельность таможенных представителей на сервисе YouTube

Наименование таможенного представителя	Характеристики каналов на YouTube				
	Количество подписчиков, чел.	Количество видео, шт.	Количество просмотров, ед.	Дата регистрации канала	Дата последнего видео
ООО «Мэйджор Карго Сервис»	1 030	156	80 690	31.03.2015	15.07.2022
ООО «ВиАйДжи Кастомс»	234	42	21 513	29.01.2015	07.07.2022
ООО «ТАК Альтерна»	95	10	48 200	21.11.2013	10.08.2018
ООО «Импортэкс»	856	42	111 621	12.09.2016	15.07.2022

Составлено автором по материалам исследования

Маркетинговая деятельность с использованием видеоконтента происходит активно, только на одном канале не публикуют регулярно новые материалы. Однако необходимо напомнить, что рассмотренные в статье организации являются лидерами в маркетинговой деятельности среди таможенных представителей.

Последним пунктом в статье будут рассмотрены связи с общественностью. В отношении отобранных для проведения исследования компаний в сети «Интернет» получателями услуг оставлено большое количество положительных и отрицательных отзывов на различных сайтах: «Ворк-Инфо», «Правда

Сотрудников», «Отзовик», «О работе» и других. Политику большинства изучаемых компаний в отношении этих отзывов объединяет то, что, несмотря на содержание отзыва, реакции таможенного представителя нет. Фактически, отсутствует обратная связь, что не способствует продвижению комплекса предлагаемых услуг, то есть реализации маркетинговой стратегии компании.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в результате проведенного в статье исследования можно разработать следующие рекомендации для совершенствования маркетинговой деятельности, а потому и реализации маркетинговой стратегии таможенными представителями.

Во-первых, следует улучшить отображение стоимости услуг: повысить прозрачность механизма формирования цены за счет детализации сумм за отдельные действия в процессе оказания услуги. Желательно предусмотреть гибкую систему скидок для привлечения новых и удержания старых клиентов.

Во-вторых, большее количество взаимосвязанных услуг может привлечь большее количество клиентов. В связи с этим представляется разумным оценить такую возможность применительно к компании.

В-третьих, нельзя недооценивать важность сайта. В случае отсутствия ключевых разделов следует доработать их, повысить информативность представленных материалов. Сбыт услуг можно увеличить посредством отражения отраслевых решений, что продемонстрирует потенциальным клиентам специализацию компании. В условиях роста конкуренции это позволит найти более узкую нишу в рамках сегмента рынка ВЭД, что позволит повысить прибыль компании.

В-четвертых, не стоит пренебрегать разработкой уникального слогана, отражающего сильные стороны и возможности таможенного представителя. Его формулирование поможет в позиционировании компании, обратит внимание клиента, а потому повысит шанс на заключение сделки.

В-пятых, необходим более активный SMM (англ. social media marketing – маркетинг в социальных сетях). При наличии финансовой возможности следует нанять специалиста в этой сфере, чтобы создать группы и страницы в сетях, а также регулярно пополнять их актуальной информацией. Если же такой возможности нет, то можно объединить усилия с иными заинтересованными лицами, готовыми осуществлять такую деятельность (стажеры, учащиеся высших учебных заведений по соответствующему профилю, работники организаций сферы ВЭД, педагогические и научные работники по направлению ВЭД).

В-шестых, необходима более активная работа с отзывами получателей услуг компании. Помимо улучшения репутации, это создаст эффект обратной связи, что придаст импульс развитию компании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом нельзя не отметить важность маркетинговой деятельности организаций в такой сокращающейся в результате санкций сфере экономики как ВЭД. Рост конкуренции существенно осложняет возможности эффективной реализации маркетинговой стратегии. Поэтому таможенным представителям предстоит приложить значительные усилия для продвижения своих услуг и обеспечения своей дальнейшей деятельности. Отсутствие должного внимания к маркетинговым аспектам деятельности со стороны большинства действующих в сфере ВЭД, в том числе и в области таможенного дела, компаний может привести к их банкротству.

Перспективы дальнейшего исследования достаточно обширны. Научный интерес могут представлять теоретические основы сегментирования рынка, оценки конкурентной среды, построения ценовой и сбытовой политики применительно к сфере таможенного дела.

Библиографический список

1. Ермилина Д.А. Маркетинговая стратегия в деятельности компании и методы выбора оптимальной маркетинговой стратегии. В кн.: *Сборник научных статей по итогам IV международной научно-практической конференции «Тенденции и перспективы развития социотехнической среды»*, Москва, 13 декабря 2018 г. М.: Современный гуманитарный университет; 2019. С. 227–235.
2. Шиврина Т.Б. Маркетинговая стратегия как условие эффективной деятельности современного сельскохозяйственного предприятия. *Международный журнал экспериментального образования*. 2016;5-2:192–193.
3. Грекова Н.С. Формирование маркетинговой стратегии организации. *Наука и образование*. 2020;3(3):68.

4. Сазонова В.А. Маркетинговые стратегии московских музеев в цифровом пространстве. В сб.: *Сборник научных статей по итогам межвузовской студенческой научно-практической конференции «Homo instagramus: человек в цифровом пространстве»*, Москва, 1–2 марта 2018 г. М.: Московский педагогический государственный университет. С. 116–121.
5. Зарипова Л.М. Анализ рынка для формирования маркетинговой стратегии набережночелнинского дельфинария. *Аллея науки*. 2018;1-8(24):88–91.
6. Федеральная таможенная служба Российской Федерации. *Реестр таможенных представителей*. <https://customs.gov.ru/registers/customs-representatives> (дата обращения: 30.08.2022).
7. Транспортно-логистическая компания Major Cargo Service. *Официальный сайт*. <https://mjr.ru> (дата обращения: 30.08.2022).
8. VIG Trans. *О компании*. <https://vigtrans.com/company/about/> (дата обращения: 30.08.2022).
9. Таможенный представитель «Альтерна». *Официальный сайт*. <https://alternadv.com> (дата обращения: 30.08.2022).
10. Импортэкс – лицензированный таможенный представитель. *Официальный сайт*. <https://customs-service.com> (дата обращения: 30.08.2022).
11. Таможенный брокер Калипсо. *Официальный сайт*. <https://www.tambrok.ru> (дата обращения: 30.08.2022).
12. Общероссийский таможенный представитель КВТ Сервис. *Официальный сайт*. <https://www.kvtservice.ru> (дата обращения: 30.08.2022).
13. Балткомплект. *Официальный сайт*. <https://baltkomplekt.ru> (дата обращения: 30.08.2022).
14. Таможенный представитель Sky17. *Официальный сайт*. <https://sky17.ru> (дата обращения: 30.08.2022).

References

1. Ermilina D.A. Marketing strategy in the company's activities and methods for choosing the optimal marketing strategy. In: *Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference "Trends and Prospects for the Development of the Sociotechnical Environment"*, Moscow, 13 December 2018. Moscow: Modern University for the Humanities. P. 227–235.
2. Shivrina T.B. Marketing strategy as a condition for the effective operation of a modern agricultural enterprise. *International Journal of Experimental Education*. 2016;5-2:192–193.
3. Grekova N.S. Formation of the organization's marketing strategy. *Science and education*. 2020;3(3):68.
4. Sazonova V.A. Marketing strategies of Moscow museums in the digital space. In: *Proceedings of the interuniversity student scientific-practical conference "Homo instagramus: man in digital space"*. Moscow, 1–2 March 2018. Moscow: Moscow State Pedagogical University. P. 116–121.
5. Zaripova L.M. Market analysis for the formation of a marketing strategy for the Naberezhnye Chelny Dolphinarium. *Alley of Science*. 2018;1-8(24):88–91.
6. Federal Customs Service of the Russian Federation. *Register of customs representatives*. <https://customs.gov.ru/registers/customs-representatives> (accessed 30.08.2022).
7. Transport and logistics company Major Cargo Service. *Official website*. <https://mjr.ru> (accessed 30.08.2022).
8. VIG Trans. *About the company*. <https://vigtrans.com/company/about/> (accessed 30.08.2022).
9. Alterna customs representative. *Official website*. <https://alternadv.com> (accessed 30.08.2022).
10. Importex licensed customs representative. *Official website*. <https://customs-service.com> (accessed 30.08.2022).
11. Calypso: customs clearance and logistics. *Official website*. <https://www.tambrok.ru> (accessed 30.08.2022).
12. KBT Service customs representative. *Official website*. <https://www.kvtservice.ru> (accessed 30.08.2022).
13. Baltkomplekt. *Official website*. <https://baltkomplekt.ru> (accessed 30.08.2022).
14. Sky17 customs representative. *Official website*. <https://sky17.ru> (accessed 30.08.2022).

Закономерности экономически безопасной реструктуризации российской промышленности

Мацкуляк Иван Дмитриевич

Д-р экон. наук, проф. каф. экономической политики и экономических измерений¹
ORCID: 0000-0002-2550-0250, e-mail: mid48@mail.ru

Санин Николай Владимирович

Соискатель¹, руководитель проекта²
ORCID: 0000-0002-1662-3574, e-mail: Sanin-nv@yandex.ru

¹Государственный университет управления, г. Москва, Россия

²ПАО «Нефтяная компания «Роснефть»», г. Москва, Россия

Аннотация

Цель статьи – предложить основные закономерности реструктуризации (структурных изменений) экономики промышленности России. Задача исследования состоит в раскрытии сути и обосновании каждой из сформулированных закономерностей. Предметом публикации определены организационно-экономические отношения, возникающие в ходе безопасной реструктуризации российской промышленности. Методология исследования исходит из объективно существующих, повторяющихся, существенных динамических, статических или комбинированных связей и зависимостей явлений и процессов общественного производства, которые характеризуют увеличение совокупного результата функционирования промышленной системы страны. Основные результаты сводятся к определению девяти закономерностей экономически безопасной реструктуризации с обоснованием каждой из них и конкретизацией их сути. Их научное понимание вполне применимо как в учебных заведениях страны при изучении экономической теории и безопасности, реструктуризации экономики промышленности, так и в хозяйственной практике структурных перемен на всех уровнях управления. В заключение сформулирован емкий общий вывод, выражающий содержание основных закономерностей безопасной реструктуризации промышленности как экономического понятия и его объективные основы.

Ключевые слова

Закономерность, безопасность, реструктуризация, промышленность, экономика

Для цитирования: Мацкуляк И.Д., Санин Н.В. Закономерности экономически безопасной реструктуризации российской промышленности // Вестник университета. 2022. № 10. С. 159–167.

Patterns of economically safe restructuring of Russian industry

Ivan D. Matskulyak

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Economic Policy and Economic Measurement Department¹
ORCID: 0000-0002-2550-0250, e-mail: mid48@mail.ru

Nikolay V. Sanin

Applicant¹, Project Manager²
ORCID: 0000-0002-1662-3574, e-mail: Sanin-nv@yandex.ru

¹State University of Management, Moscow, Russia

²PJSC Rosneft Oil Company, Moscow, Russia

Abstract

The purpose of the article is to propose the main patterns of restructuring (structural changes) of the Russian industrial economy. The task of the study is to reveal the essence and substantiation of each of the formulated patterns. The subject of the publication is the organizational and economic relations arising during the safe restructuring of the Russian industry. The methodology of the study proceeds from objectively existing, recurring, significant dynamic, static or combined relationships and dependencies of phenomena and processes of social production, which characterize the increase in the aggregate result of the country's industrial system functioning. The main results are reduced to the definition of nine patterns of economically safe restructuring with the justification of each of them and the specification of their essence. Their scientific understanding is quite applicable both in educational institutions of the country in the study of economic theory and security, the restructuring of the industrial economy, and the economic practice of structural changes at all government levels. A general conclusion has been formed, expressing the content of the main patterns of safe industrial restructuring as an economic concept and its objective foundations.

Keywords

Regularity, security, restructuring, industry, economy

For citation: Matskulyak I.D., Sanin N.V. (2022) Patterns of economically safe restructuring of Russian industry. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 159–167.

ВВЕДЕНИЕ

Современное состояние экономики промышленности России объективно обуславливает необходимость скорейшего проведения в ней комплексных социальных, управленческих и технико-технологических экономически безопасных преобразований [1]. Удельный вес убыточных организаций, например, в металлургическом производстве составлял в 2021 г., по данным Росстата, 31,6 %, а в производстве готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования, – 29,3 % от их общего числа [2, с. 334]. Это означает, что почти каждая третья организация в металлургической промышленности неплатежеспособна, находится на грани банкротства. Примерно такая же ситуация в нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслях. Еще хуже (около 50 %) она в банковской сфере страны.

В 2022 г. в условиях санкций со стороны 48 недружественных стран во главе с США существенно снизились производственные и финансовые показатели российских компаний промышленности. К сожалению, это не стало исключением и для таких крупных гигантов, как, например, ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат», ПАО «Северсталь», ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат». Кроме того, одной из ключевых проблем данного сегмента экономики стала его зависимость от импорта машин, оборудования, готовых изделий и комплектующих [3]. Между тем, появление новых агрегатов по производству готовой продукции идет непрерывно, что требует кардинальных технико-технологических преобразований в индустрии [4].

Главным инструментом реализации назревших системных изменений в отраслях промышленности является их дальнейшая закономерная экономически безопасная реструктуризация. Она означает устойчивые, часто повторяющиеся взаимосвязи, проявляющиеся в процессе организационно-производственных, социально-правовых, управленческих, финансовых, имущественных и социальных преобразований в промышленности России.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СООТВЕТСТВИИ С ЕЕ ЖИЗНЕННЫМ ЦИКЛОМ

Анализ данной закономерности следует начать с теории динамического равновесия, согласно которой равновесное состояние системы оценивается как частный случай кризисных ситуаций. Такая система, будучи в равновесии, в процессе развития постепенно утрачивает это качество и переживает это состояние как «кризис». Преодолевая его, она приходит к равновесию на новом уровне своего прогресса. Принцип подвижного равновесия является ключевым определением реструктуризации: создания или ликвидации, слияния или разделения, укрупнения или разукрупнения различных структурных единиц организации до сложных систем. Структурные преобразования, происходящие в ней, обусловлены, прежде всего, процессом ее жизнедеятельности [5].

Периодически наступающее кризисное состояние системы выступает объективной основой содержания ее закономерной реструктуризации. Согласно теории жизненного цикла, организации рождаются, развиваются, стареют и умирают. Так, согласно теории Л. Грейнера (цитируется по [6]), организации развиваются по жизненному циклу, включающему пять стадий: креативность, директивное руководство, делегирование, координация, сотрудничество.

Первая из них основана на творчестве, вторая – на руководстве, третья – на делегировании полномочий. Оставшиеся четвертая и пятая – на координации и сотрудничестве. Переход между стадиями связан с последовательным преодолением кризисов: лидерства, автономии и контроля на низших стадиях; кризиса границ и доверия на высших стадиях деятельности организации. Каждой стадии ее жизненного цикла присущи свои варианты организационно-правовых, управленческих, производственных и иных преобразований, осуществляемых в ходе реструктуризации.

Реструктуризация организации на каждой из стадий неизбежна. Она обеспечивает возможность движения к новым точкам роста через обновленную ее структуру. На стадии креативности структурные изменения определены выбранной стратегией. На последующих стадиях организационная структура последовательно переходит к централизованной, функциональной, децентрализованной, линейно-штабной и матричной моделям.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ СМЕНЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ

Объективной основой рассматриваемой закономерности выступает внедрение достижений научно-технического прогресса. Его достижения внедряются в производство нововведениями, которые в начале цикла приводят к зарождению новых отраслей. В середине цикла эти новые отрасли расширяются, происходит распространение технологических преобразований на традиционные отрасли. К концу цикла прежние технологии полностью заменяются новыми, и процесс преобразования структуры завершается.

Разделяем взгляд на обусловленность структурных изменений в связи с периодической сменой одного технологического уклада другим в виде «...технологически сопряженных производств, выделяемых в структурах экономики, связанных друг с другом однотипными технологическими «цепочками» и образующих воспроизводящиеся целостности» [7, с. 26]. По мнению С.Ю. Глазьева [7], главное внимание предстоит уделить интенсивному развитию пятого технологического уклада с целью обеспечения технологической однородности российской промышленности с промышленностью ведущих стран мира. Этот технологический уклад уже утвердился в качестве господствующего в развитых странах. Более того, уже с начала 90-х гг. XX в. в недрах пятого технологического уклада стали активно появляться элементы нового шестого технологического уклада. Теперь, благодаря нововведениям в создании новых материалов, развитии биотехнологии, микроэлектроники, вычислительной техники, информатики, произошли крупные структурные сдвиги в традиционных отраслях, особенно обрабатывающей промышленности. По сути, развивается шестой технологический уклад [7].

Отмеченные структурные сдвиги обеспечиваются, прежде всего, реструктуризацией действующих производств. Чем активнее осуществляются производственно-технологические, управленческие, финансовые, организационно-правовые преобразования в функционирующих организациях, тем интенсивнее проявляются структурные сдвиги в пользу высокоэффективных отраслей, подотраслей и видов производств.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Со сменой технологического уклада появляются новые возможности, позволяющие преобразовать структуру промышленного комплекса с целью повышения его эффективности и конкурентоспособности. Прежде всего, таковой является цифровизация, способствующая созданию принципиально новых условий в технико-технологической сфере производства и управления. Закономерность цифровой трансформации высокотехнологичных организаций проявляется в следующем [8]:

- повышение гибкости управления ресурсами и производственными процессами организации;
- расширение возможности формирования эффективных производственных процессов, организованных с использованием цифровой инфраструктуры;
- снижение цены услуг, полученных в онлайн-формате, по сравнению с традиционной экономикой, за счет снижения затрат на продвижение и реализацию продукции;
- появление цифровых технологий открыло новые способы получения прибыли, адаптации предлагаемого продукта под ожидаемые потребности;
- оперативное уточнение границ и ролей сетевых и иерархических моделей организации позволяет повысить ее эффективность в части внутреннего проведения работы;
- обеспечение автоматизации производственных процессов, исключая промежуточные этапы;
- возможность создания в компании временной матричной структуры подчиненности для реализации проектной деятельности, не предполагающей полного переключения сотрудников на нее;
- внедрение новых цифровых инструментов, которое лежит в основе цифровой трансформации организации, ведет к изменению ее структуры и штатного расписания;
- создание новых форм взаимодействия организаций при разработке современной продукции и оказании услуг за счет привлечения виртуальных структур в цифровом формате.

Вызывая существенные производственные, организационно-правовые, финансовые и управленческие изменения в организациях, цифровые технологии способствуют инновационным процессам, создающим основу для последующих преобразований.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ КОНСЕНСУСА ИНТЕРЕСОВ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕЖДУ КОНКРЕТНЫМИ, СОВОКУПНЫМИ РАБОТНИКАМИ, РАБОТОДАТЕЛЕМ И ВЛАСТЬЮ

Закономерность реструктуризации экономики промышленности предполагает повышение уровня профессиональной субъектности работающих в соответствующих отраслях на основе достижения и поддержания консенсуса интересов и ответственности индивидуального, совокупного работников, работодателя и соответствующих органов власти. Речь идет о доходах каждого работающего в организации и о взаимоотношениях занятых между собой, что выражается в их реакции на ее совокупный фонд заработной платы и его распределении внутри трудового коллектива. Имеются в виду также доходы работодателя с учетом собственно его предпринимательского «жалованья», выплат работающим, а заодно налоговых отчислений и других обязательных платежей, установленных государством. От консенсуса по этим вопросам и зависит безопасность, благополучие всех участников данного процесса. При этом «профессиональная субъектность» – это уже состоявшиеся и потенциально возможные перемены трудовой сферы промышленных организаций, которые выдвигают инновационные требования как к конкретным занятым, так и их совокупному работнику. В результате, у них вырабатывается способность активно и творчески участвовать не только в реконструкции основного звена, но и в жизнедеятельности широкого социума. Человек же, будучи носителем данной способности, встроившись в соответствующие трудовые отношения, совершенствует их, получает возможность неуклонно многосторонне развиваться, поднимаясь по лестнице человеческого знания все выше и выше [9].

Проявление обозначенной закономерности связано с множеством компонент, их взаимной обусловленностью. Но особая миссия принадлежит при этом мотивационным резервам повышения производительности труда. К ним относят неявные резервы реструктуризации. В ходе реализации таковых возрастает мотивация занятых как раз к производительному, безопасному и высоко оплачиваемому труду. Это позволяет достичь прогрессивной трансформации профессиональной субъектности как индивидуального, так и совокупного работника в системе организационно-производственных, управленческо-правовых, финансовых, имущественных и социальных преобразований в любой отрасли промышленности. Она проявляется в условиях высокого уровня готовности данной системы, достижения эффективно-го взаимодействия занятых в этом процессе и соблюдения ими целевых параметров реструктуризации.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ СОЦИАЛИЗАЦИИ РЕШЕНИЙ ПО ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Важным фактором для принятия решений, используемых в промышленности, является общественное признание, то есть социальное значение полученных отраслью результатов, заключающихся в эффективном сочетании общественных и частных затрат на производство продукции. Влияние этих факторов в разных отраслях наблюдалось и ранее, но в перспективе их значимость возрастет. Она становится главенствующей для принятия решений по перспективному безопасному развитию. В 2020-е гг. на смену государственно-частному партнерству приходят принципы социального партнерства, ответственно-го и безопасного поведения бизнеса [10].

Взаимосвязь социального фактора и процесса трансформации промышленного производства устойчиво и непрерывно возрастает. Если в дореформенный период в России, социальная сфера организации характеризовалась обеспечением производства рабочей силой, решением вопросов жизнедеятельности ее носителя, или индивидуального работника, а также трудового коллектива в целом, то в наши дни социальная политика в организации во многом определяет как безопасные условия труда, так и его безопасную производительность. Более того, от реализации социальной политики решающим образом зависит эффективность запланированных организационно-правовых и производственно-технологических преобразований.

Современный предприниматель осознает, что затраты социального характера являются не только расходами, но и источником потенциальных доходов безопасного бизнеса в виде доступа к ограниченному и льготным ресурсам, способом увеличения капитализации компании. При оценках эффективности производимых вложений, особенно непроизводственного назначения, следует учитывать, что у собственника бизнеса экономический интерес находится в тесной взаимосвязи с поддержанием социально безопасного статуса [11].

Формирование объектов, например, «белой» металлургии, «интеллектуального производства» является не просто этапом технологического развития, а ответом на социальные вызовы. Расходы социального характера непрерывно увеличиваются (с 0,5 % в 2005 г. до 2,5 % в 2016 г.). Вместе с тем по своему масштабу они заметно уступают уровню расходов западных компаний (свыше 15 % от общих затрат) [1].

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЙ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

С ростом благосостояния населения возрастают общественные требования к защите окружающей среды, экологической чистоте промышленного производства. К таким требованиям относятся:

- повышение эффективности использования энергии и ресурсов в ходе производства;
- переход к безотходным технологиям;
- сокращение объемов выбросов парниковых газов в результате применения возобновляемых источников энергии, электротранспорта и перехода к низкоуглеродной экономике;
- обеспечение адаптации к последствиям климатических изменений, включая рост частоты и масштаба природных катастроф и погодно-климатических аномалий;
- недопущение деградации экосистем и биоразнообразия.

Эти требования реализуются через закономерную безопасную реструктуризацию промышленных организаций.

Промышленность остается одним из лидеров по негативному воздействию на окружающую среду. В частности, федеральный проект «Чистый воздух», реализуемый в рамках национального проекта «Экология», направлен на улучшение безопасности экологической обстановки, кардинальное снижение уровня загрязнения атмосферного воздуха в 12-и крупных промышленных центрах. Речь идет о Братске, Красноярске, Липецке, Магнитогорске, Медногорске, Нижнем Тагиле, Новокузнецке, Норильске, Омске, Челябинске, Череповце и Чите [12].

Возрастает влияние экологических факторов на промышленность России, процессы ее технологической модернизации и инновационной трансформации. Основные концептуальные и нормативные документы, определяющие будущее отрасли, предполагают дальнейшее ужесточение требований со стороны государства к экологическим последствиям ее функционирования. Они ориентируют также на повышение качества производимой продукции, используемой для создания безопасных систем жизнеобеспечения страны. Успешный результат может быть достигнут на основе технологического прорыва, применения материалов с принципиально новыми характеристиками, внедрения прорывной экономики.

Противоречие между стремлением бизнеса максимизировать прибыль и целью общества по защите окружающей среды разрешается через закономерность экологически ориентированной безопасной реструктуризации. Этот процесс связан с нахождением компромисса между растущими требованиями общества к минимизации отходов и выбросов промышленного производства, его усиливающимся экологическим регулированием со стороны государства и ростом экологических издержек компаний. Чтобы адекватно отвечать на экологические требования общества, бизнесу нужно инвестировать в научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР), разрабатывать и внедрять экологически чистые, безопасные технологии, реструктуризировать производственную базу, минимизировать промышленные отходы и выбросы. Причем практика передовых компаний подтверждает, что инвестиции в «зеленые» технологии могут обеспечить им долговременные преимущества в производстве и сбыте промышленной продукции. Вместе с тем внедрение экологически чистых технологий в России отстает от стран-лидеров. Его масштабы и темпы недостаточны для обеспечения долгосрочной конкурентоспособности на внутреннем и зарубежном рынках. Изменить ситуацию можно на основе комплексного технико-технологического перевооружения и обновления производственного аппарата организации, обеспечивающей кардинальное сокращение экологически вредных отходов производства.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕГРИРОВАННЫХ СТРУКТУР В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Интеграция является объективно обусловленным процессом, который основывается на общественном разделении труда и безопасных процессах обобществления. Так, А.А. Попов под интеграцией хозяйствующих субъектов понимает совокупность организационно-экономических отношений между

хозяйствующими субъектами по формированию и регламентации повторяющихся устойчивых взаимосвязей в организации производства, труда и управления, обмена производственными результатами с целью синхронизации, гармонизации, унификации экономических интересов и достижения синергетического эффекта [13].

В исследовании С.А. Насриддинова отмечается, что интеграция основана на диалектической триаде. Изначально, на первом этапе на рынке функционируют независимые организации, после чего – на втором – между ними начинает создаваться и развиваться взаимодействие. Третий этап заключается в формировании устойчивых связей между первоначально самостоятельными хозяйственными субъектами, которые в итоге преобразуются в единую интегрированную структуру [14].

В отечественной промышленности сформирована сложная система корпоративного управления. В нее встроены элементы конкуренции и сотрудничества, которым отводится вспомогательная роль в решении задач удовлетворения спроса на блага массового потребителя и мобилизации ресурсов компаний на выполнение государственных мегапроектов [4].

Горизонтально-, вертикально-интегрированные компании являются структурообразующей основой, например, металлургической промышленности, позволяющей осуществлять ее производственно-технологическую, организационно-правовую и управленческую реструктуризацию. Ее интеграционное направление воздействует на структурное обновление отрасли, что обеспечивает стабилизацию производства, непрерывную структурную трансформацию и финансовую устойчивость промышленных организаций.

Дальнейшее развитие сложившихся интеграционных структур будет осуществляться через закономерную безопасную реструктуризацию как под влиянием собственно рыночных условий, так и корпоративного механизма управления и государственной промышленной политики.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ НЕРАВНОМЕРНОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Реструктуризация промышленности России в разных субъектах федерации, как свидетельствует практика, не осуществляется одинаково. В принципиальном плане по-другому и быть не может. В капиталистических условиях распространяются существенные и устойчивые тенденции-связи между общим поступательным прогрессом отдельных организаций, отраслей и комплексов, с одной стороны, и неравномерным развитием конкретных сфер экономики, ее производительных сил и производственных отношений, с другой. В этом смысле не является исключением и промышленность страны, в особенности, безопасная реструктуризация ее организаций. Дело в том, что регионы, где последние функционируют, в силу ряда причин (исторических, географических, климатических, национальных, организационных, технологических и многих других) различаются по уровню производительных сил и степени соответствия им общественно-экономических связей. В разных областях, краях и республиках России обозначенные выше тенденции-связи проявляются в различных многообразных формах. Поэтому подходы, методы, темпы, сроки и последовательность решений, применяемые в процессе осуществления тех или иных задач в субъектах федерации проявляются как особенные. Их использование в реструктуризации промышленных организаций требует, по сути, творческого и всегда безопасного подхода на каждом конкретном этапе ее реализации.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ СОЧЕТАНИЯ, КОМБИНИРОВАНИЯ РЯДА ОСНОВНЫХ (И НЕ ТОЛЬКО) СУЩЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ И ЗАВИСИМОСТЕЙ В ХОДЕ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Производственная практика реструктуризации промышленных организаций подтверждает, что рассмотренные выше ее закономерности в чистом виде встречаются редко или вообще отсутствуют. В реальности они проявляются в смешанном виде, в сочетании или как комбинация (интеграция, синтез) некоторых из них. Суть происходящего сводится, в особенности, не к тому, что та или иная закономерность по каким-то причинам «не работает», не осуществляется. В подобных условиях все восемь закономерностей или их определенная часть сосуществуют одновременно, параллельно и действуют как система или несколько из них – как подсистема. Эта практика была характерной, например, для таких компаний, как ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат», ПАО «Северсталь», ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат» и других. Особенно активно такие процессы осуществлялись в прошлом десятилетии

становления рыночной экономики. В настоящее время они несколько снизились, периодически то затухая, то снова повышаясь. Комбинированная закономерность в организациях такого рода проявляется ввиду переплетения отдельных тенденций той или иной существенной связи и зависимости, причем настолько сильно, что не всегда могут быть представлены как единственная из восьми обозначенных закономерностей. В возникающем синтезе они, по сути, представляют новую тенденцию-связь, отражающую новую закономерность, которую скорее следует воспринимать как комбинированную.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, основные закономерности безопасной реструктуризации промышленности отражают:

- структурные изменения ее организаций в соответствии с их жизненным циклом;
- периодическую смену технологических укладов;
- цифровую трансформацию высокотехнологичных организаций;
- консенсус интересов и ответственности конкретного, совокупного работников, работодателя и органов власти;
- социализацию решений по трансформации производства;
- экологически ориентированную реструктуризацию промышленности;
- формирование ее интегрированных структур;
- неравномерность территориального и отраслевого развития промышленности;
- сочетание, комбинирование различных существенных связей и зависимостей в ходе ее реструктуризации.

Библиографический список

1. Буданов И.А. Формирование социальных ориентиров отраслевого развития металлургии. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021;14(5):85–99. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.5>
2. Федеральная служба государственной статистики. *Российский статистический ежегодник. 2021: стат. сб.* Москва; 2021. 692 с.
3. Салтанова С.В. Зависимость от импорта: как лечить промышленность. *Научно-образовательный портал НИУ ВШЭ IQ*. 05.04.2017. <https://iq.hse.ru/news/204326723.html> (дата обращения: 14.08.2022).
4. Буданов И.А. Управление развитием металлургии и глобальным рынком металла. *Проблемы прогнозирования*. 2020;(6):104–118. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-104-118>
5. Бабкин А.В. (ред.). *Реструктуризация экономики: теория и инструментарий: монография*. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; 2015. 664 с.
6. Медведева Н.В. *Управление изменениями в организации: учебное пособие*. Саратов: Изд-во СГУ; 2016. 119 с.
7. Мацкуляк И.Д. (ред.). *Шестой технологический уклад: объективные тенденции и экономические вызовы: монография*. М.: Изд-во ГУУ; 2022. 285 с.
8. Казьмина И.В., Щеголева Т.В., Родионова В.Н. Тенденции и закономерности цифровой трансформации предприятий. *Организатор производства*. 2021;29(4):15–24. <https://doi.org/10.36622/vstu.2021.75.68.002>
9. Мацкуляк И.Д. *Политическая экономия: учебник для вузов*. М.: Юрайт; 2021. 477 с.
10. Буданов И.А. Влияние социальных процессов на развитие металлургии. *Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2021;19:34–62. <https://doi.org/10.47711/2076-318-2021-34-62>
11. Глазьев С.Ю. Государство должно быть эффективным собственником своего имущества. *Экономические стратегии*. 2003;5(5):24–29.
12. Широков А.А. (ред.). *Посткризисное восстановление экономики и основные направления прогноза социально-экономического развития России на период до 2035 г.: научный доклад*. М.: Наука; 2020. 152 с.
13. Попов А.А. *Интеграция хозяйствующих субъектов в рыночной экономике: Автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01*. Воронеж: Изд-во ВГТУ; 2005. 25 с.
14. Насреддинов С.А. *Управление формированием и развитием интегрированных структур в промышленности: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05*. Воронеж: Изд-во ВГТУ; 2021. 35 с.

References

1. Budanov I.A. Working out social guidelines for the industry development of metallurgy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021;14(5):85–99. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.5>

2. Federal State Statistics Service. *Russian statistical yearbook. 2021: Statistical handbook*. Moscow; 2021. (In Russian).
3. Saltanova S.V. Dependence on imports: how to treat the industry. *Research and Education Portal IQ HSE*. 05.04.2017. <https://iq.hse.ru/news/204326723.html> (accessed 14.08.2022).
4. Budanov I.A. Management of metallurgy development and the global metal market. *Problemy prognozirovaniya*. 2020;(6):104–118. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-104-118>
5. Babkin A.V. (ed.). *Restructuring of the economy: theory and tools. Monograph*. St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; 2015. (In Russian).
6. Medvedeva N.V. *Change management in the organization: A textbook*. Saratov: Saratov State University Publ. House; 2016. (In Russian).
7. Matskulyak I.D. (ed.). *The sixth technological order: objective trends and economic challenges: monograph*. Moscow: State University of Management Publ. House; 2022. (In Russian).
8. Kazmina I.V., Shchegoleva T.V., Rodionova V.N. Trends and regularities of digital transformation of enterprises. *Organizator proizvodstva = Organizer of production*. 2021;29(4):15–24. <https://doi.org/10.36622/vstu.2021.75.68.002>
9. Matskulyak I.D. *Political economy: textbook for universities*. Moscow: Yurait; 2021. (In Russian).
10. Budanov I.A. Influence of social processes on the development of metallurgy. *Scientific works. Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*. 2021;19:34–62. <https://doi.org/10.47711/2076-318-2021-34-62>
11. Glazyev S.Yu. The state should be an effective owner of its property. *Ekonomicheskie strategii. = Economic strategies*. 2003;5(5):24–29.
12. Shirov A.A. (ed.). *Post-crisis economic recovery and the main directions of the forecast of socio-economic development forecast of Russia for the period up to 2035: scientific report*. Moscow: Nauka; 2020. (In Russian).
13. Popov A.A. *Integration of economic entities in the market economy: Abstract. dis. ... k-ta ekon. nauk: 08.00.01*. Voronezh: Voronezh State Technical University Publ. House; 2005. (In Russian).
14. Nasreddinov S.A. *Management of formation and development of integrated structures in industry: Abstract. dis. ...Doctor of Economics: 08.00.05*. Voronezh: Voronezh State Technical University Publ. House; 2021. (In Russian).

Маркетинговый анализ рынка интеллектуальной городской мобильности

Окольнишникова Ирина Юрьевна¹

Д-р экон. наук, проф., зав. каф. маркетинга услуг и бренд-менеджмента
ORCID: 0000-0002-4958-8189, e-mail: okolnishnikova.i@mail.ru

Краснов Евгений Владимирович¹

Канд. экон. наук, доц. каф. маркетинга
ORCID: 0000-0003-4472-2091, e-mail: ev_krasnov@guu.ru

Кузменко Юлия Геннадьевна²

Д-р экон. наук, проф. каф. менеджмента
ORCID: 0000-0001-8693-643X, e-mail: polina.94@mail.ru

¹Государственный университет управления, г. Москва, Россия

²Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Аннотация

В статье представлены результаты сопоставительного маркетингового анализа мирового и российского рынков интеллектуальной городской мобильности. Авторами проанализированы основные составляющие рынка, нацеленные на повышение качества жизни горожан: экологически безопасные виды транспорта, услуги совместного пользования транспортными средствами и инновационными средствами мобильности, услуги мобильности по запросу, а также инфраструктура для интеграции инновационных технологий в городскую среду. Авторами дана характеристика глобального и российского рынков «умной» мобильности, выявлены ключевые тенденции их развития в разрезе географических и технологических сегментов. Проанализированы специфические особенности и перспективы российского и мирового рынков транспортного шеринга как наиболее перспективного, интенсивно развивающегося сегмента, а также объемы инвестиций в шеринговые продукты. Выявлены и обоснованы типовые характеристики паттернов потребительского поведения на рынке транспортного шеринга, а также представлены прогнозы развития рынка.

Ключевые слова

Маркетинг, маркетинг высоких технологий, маркетинг инноваций, маркетинговые исследования, маркетинговый анализ высокотехнологичных рынков, рынок интеллектуальной городской мобильности, Национальная технологическая инициатива (НТИ), НТИ рынка «Автонет»

Для цитирования: Окольнишникова И.Ю., Краснов Е.В., Кузменко Ю.Г. Маркетинговый анализ рынка интеллектуальной городской мобильности // Вестник университета. 2022. № 10. С. 168–176.

Marketing analysis of the intelligent urban mobility market

Irina Yu. Okolnishnikova¹

Doc. Sci. (Econ.), Prof., Head of the Service Marketing and Brand Management Department
ORCID: 0000-0002-4958-8189, e-mail: okolnishnikova.i@mail.ru

Evgeniy V. Krasnov¹

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Marketing Department
ORCID: 0000-0003-4472-2091, e-mail: ev_krasnov@guu.ru

Yulia G. Kuzmenko²

Doc. Sci. (Econ.), Prof. at the Management Department
ORCID: 0000-0001-8693-643X, e-mail: polina.94@mail.ru

¹State University of Management, Moscow, Russia

²South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract

The article presents the results of a marketing analysis of the global and Russian markets for intelligent urban mobility, including a set of solutions that improve the quality of citizens' life – environmentally friendly modes of transport, shared services, on-demand mobility and infrastructure for integrating technologies into the urban environment. The authors propose a characteristic of the smart mobility market, consider the main segments and identify key trends in its development. Special attention is paid to the peculiarities of the transport sharing market development. In a comparative way, the features of consumer preferences, the volume of investments in sharing products and forecasts of market development are analyzed.

Keywords

Marketing, high-tech marketing, innovation marketing, marketing research, marketing analysis of high-tech markets, intelligent urban mobility market, National Technology Initiative (NTI), Autonet market NTI

For citation: Okolnishnikova I.Yu., Krasnov E.V., Kuzmenko Yu.G. (2022) Marketing analysis of the intelligent urban mobility market. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 168–176.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время под термином «умная мобильность» в маркетинге высоких технологий понимают интеграцию технологий с транспортными средствами для предоставления экологически безопасных решений, повышающих качество жизни людей. Это явление сформировало свой рынок, на котором представлен ассортимент маркетинговых продуктов и используются различные виды транспорта, чтобы уменьшить заторы на дорогах. Это помогает обеспечить нулевые выбросы углерода и снизить вероятность дорожно-транспортных происшествий.

Таким образом, мировой рынок интеллектуальной городской мобильности фокусируется на предоставлении интеллектуальных транспортных решений/услуг с использованием инновационных и интегрированных технологий, которые не наносят вреда окружающей среде и способствуют выполнению целей в области устойчивого развития, разработанных в 2015 г. Генеральной ассамблеей Организации Объединенных Наций.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В современной теории и практике hi-tech-маркетинга (маркетинга высоких технологий) к технологиям и продуктам рынка интеллектуальной городской мобильности принято относить использование экологически безопасных видов транспорта (в том числе электро- и водородного транспорта), транспортные услуги совместного пользования (шеринга, от англ. share – делиться) и услуги интеллектуальной мобильности по запросу, а также инфраструктуру для интеграции этих технологий в городскую среду.

Развитие этого сегмента рынка представляется авторам чрезвычайно важным, так как способствует удобному и безопасному мультимодальному перемещению людей и вещей, доступности и эффективному использованию дорог и ресурсов за счет надежного управления транспортной сетью [1].

МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

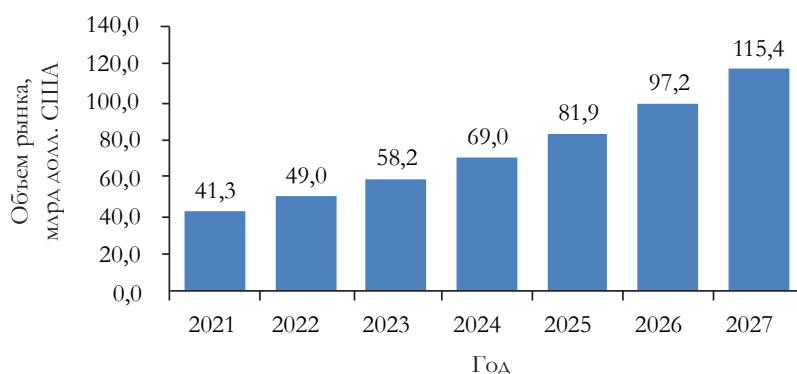
В ходе анализа международного и российского рынков интеллектуальной городской мобильности авторами были использованы первичные и вторичные данные, в том числе статистическая и аналитическая информация, изучены международные и российские аналитические отчеты, базы данных патентов и научных статей. Основными методами исследования стали общенаучные методы системного и сравнительного анализа, обобщения и синтеза, методы группировки и сравнения.

Согласно данным аналитического агентства IMARC Group, в 2021 г. объем мирового рынка умной мобильности достиг 41,3 млрд долл. США. Ожидается, что к 2027 г. он составит уже 115,4 млрд долл. США, показав среднегодовой темп роста в размере 17,60 % (рис. 1).

По мере роста населения ускоряются и глобальные темпы урбанизации, что приводит к увеличению спроса на транспортные услуги. В настоящее время, по данным Всемирного банка, ежегодный прирост городского населения составляет свыше 70 млн человек, а к 2050 г. число городских жителей достигнет 6,5 млрд. Тем самым, 67 % населения будут проживать в городах (рис. 2).

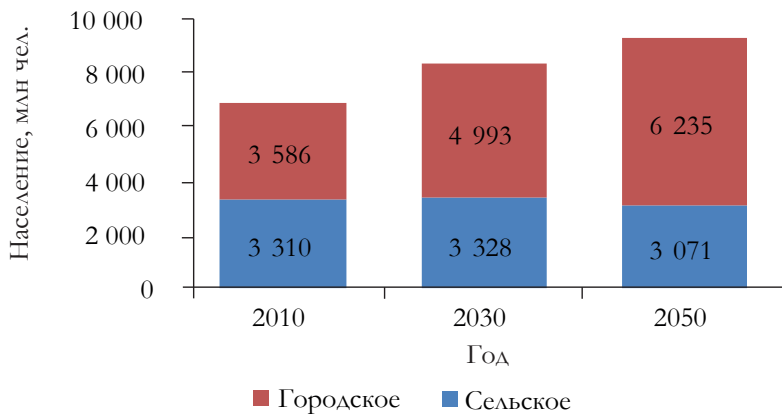
Тенденция к нарастанию уровня глобальной урбанизации актуализирует комплекс проблем, в том числе [4, 5]:

- рост уровня шума, загрязнения воздуха и выбросов CO₂, заметный «экологический след»;
- транспортный хаос, нарастающие проблемы безопасности движения, заторы и пробки на дорогах, падение качества жизни и уровня комфорта горожан;

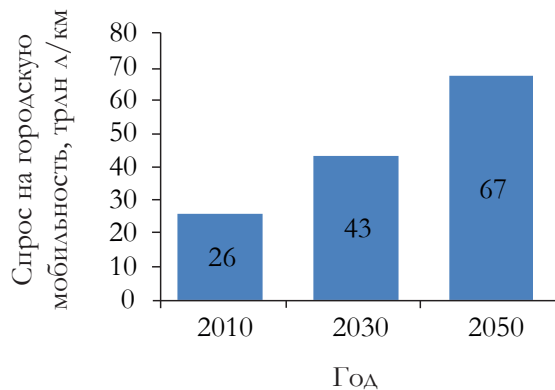
Составлено авторами по материалам источника [2]

Рис. 1. Динамика и прогноз развития глобального рынка умной мобильности в 2021–2027 гг.

Составлено авторами по материалам источника [3]

Рис. 2. Соотношение городского и сельского населения в 2010–2050 гг.

Составлено авторами по материалам источника [4]

Рис. 3. Динамика глобального спроса на городскую мобильность

влияние на развитие рынка интеллектуальной мобильности оказывают технологии 3G, 4G, 5G, Wi-Fi, глобальная система позиционирования GPS (англ. Global Positioning System), радиочастотная идентификация RFID (англ. Radio Frequency IDentification), а также встроенные системы. По мнению авторов, в ближайшем будущем значительную долю рынка интеллектуальной мобильности займут GPS-системы. Они способны повысить безопасность и эффективность оказываемых услуг, сократить расходы на топливо, спланировать интеллектуальные маршруты с помощью автоматических предупреждений в режиме реального времени. Эти факторы будут способствовать стабильному росту сегмента в долгосрочной перспективе [6].

Отметим, что сегментация рынка интеллектуальной городской мобильности по географическому принципу позволяет выделить следующие крупные центры:

- Северная Америка (США, Канада);
- Азиатско-Тихоокеанский регион (Китай, Япония, Индия, Южная Корея, Австралия, и другие);
- Европа (Германия, Франция, Великобритания, Италия, Испания, Россия и другие);
- Латинская Америка (Бразилия, Мексика и другие);
- Ближний Восток и Африка.

При этом Северная Америка, а также отдельные страны Европы, Китай и Бразилия в ближайшие годы планируют активнее других внедрять интеллектуальные мобильные технологии. К развивающимся с точки зрения внедрения рассматриваемых технологий относятся такие страны, как Италия, Франция, Германия, Австралия, Сингапур и Южная Корея. Для них характерны государственное финансирование проектов и внедрение экологических решений [1].

– перегруженность инфраструктуры, дефицит общественного транспорта и парковочных пространств, рост моторизации.

Перечисленные проблемы объясняют рост спроса на городскую мобильность (рис. 3). Как следствие, более востребованными становятся интеллектуальные мобильные решения [4].

Возрастающая потребность в транспорте, а также повышение экологической сознательности потребителей привлекают их внимание к услугам совместного использования автомобилей, что с высокой долей вероятности приведет к расширению рынка интеллектуальной городской мобильности. Способствовать развитию данного рынка, по мнению экспертов, будут и увеличение инвестиций государств в строительство умных городов, производителей – в исследования и разработки интеллектуальных мобильных решений, а также интеграция передовых технологий: искусственного интеллекта, мобильности как услуги (англ. Mobility as a Service, MaaS) и другое [6].

Проведенное авторами исследование показало, что значительное

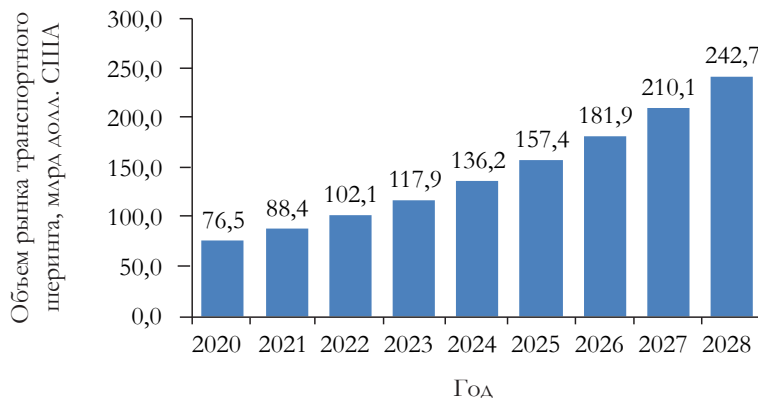
Значительную долю рынка интеллектуальной городской мобильности в ближайшее время займет, по мнению экспертов, Азиатско-Тихоокеанский регион. Это связано как с быстрым ростом населения, так и с выраженными тенденциями урбанизации. К примеру, в Индии к 2050 г. 70 % населения будет проживать в городах. Как следствие, развитие интеллектуальной городской мобильности будет обусловлено загрязнением воздуха и большими заторами на дорогах [6].

Исследование показало, что одним из наиболее активно развивающихся сегментов рассматриваемого рынка является транспортный шеринг, объединяющий в своем составе сервисы такси по запросу, а также, собственно, шеринговые сервисы. В 2020 г. его объем уже составил 76,48 млрд долл. США (рис. 4). Ожидается, что к 2028 г. объем рынка транспортного шеринга в мире достигнет 242,73 млрд долл. США, а среднегодовой темп роста превысит 16 % [7, 8].

Авторы пришли к выводу, что глобальный рынок шеринга отличается растущим спросом на микромобильность, состоящую из легких транспортных средств – мопедов, велосипедов, скутеров и лонгбордов (разновидности скейтбордов). Ожидается, что еще более интенсивное его развитие будет стимулировать наметившийся в настоящее время рост осведомленности потребителей о микромобильности и ее преимуществах [7].

Лидером на мировом рынке райдшеринга (англ. ride-sharing – совместное использование автомобиля с помощью онлайн-сервисов поиска попутчиков) является Северная Америка, что во многом обусловлено высокой концентрацией поставщиков в этом регионе. Американским стартапам Waze, Carma, eRideShare и CarpoolWorld принадлежат прогнозы, согласно которым управлять рынком райдшеринга будут цифровые сети и смартфоны. Набирает популярность и карпулинг (совместные поездки на личных автомобилях). Так, французский BlaBlaCar уже насчитывает 40 миллионов пользователей по всему миру. Дополнительным фактором, который подпитывает потребность в услугах совместного использования, является трафик. Поэтому многие региональные власти поддерживают развитие платформ совместного использования [9, 10].

Отметим, что размер инвестиций в мировой транспортный шеринг за десять лет превысил 100 млрд долл. США. Основными инвесторами на нем являются не автопроизводители, а фонды венчурных и прямых инвестиций – их доля составляет 72 %. Второе место занимают технологические ИТ-компании – 21 %, тогда как на автопроизводителей приходится всего 4 %. Инвестиции в средства шеринговой микромобильности в мире растут очень быстро, компании этого сегмента уже привлекли 9 млрд долл. США (табл. 1).

Составлено авторами по материалам источников [7, 8]

Рис. 4. Динамика и прогноз развития глобального рынка транспортного шеринга

Таблица 1

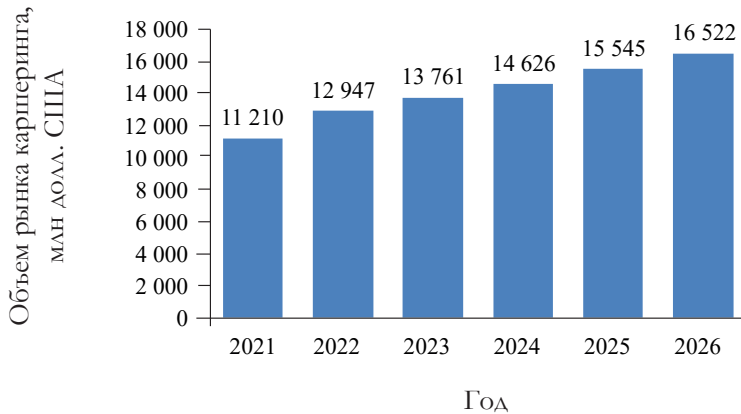
Объем инвестиций в транспортный шеринг, 2010–2020 гг.

Виды транспортного шеринга	Суммарный объем инвестиций с 2010 г., млрд долл. США	Количество компаний
Такси	95+	109
Услуги мобильности (включая сервисы совместных поездок, игроков сектора мобильности как услуги и т.п.)	8	97
Каршеринг, P2P-каршеринг (англ. person-to-person carsharing – социальный каршеринг), аренда автомобилей	3	116
Современная аренда средств микромобильности	9	120

Окончание табл. 1

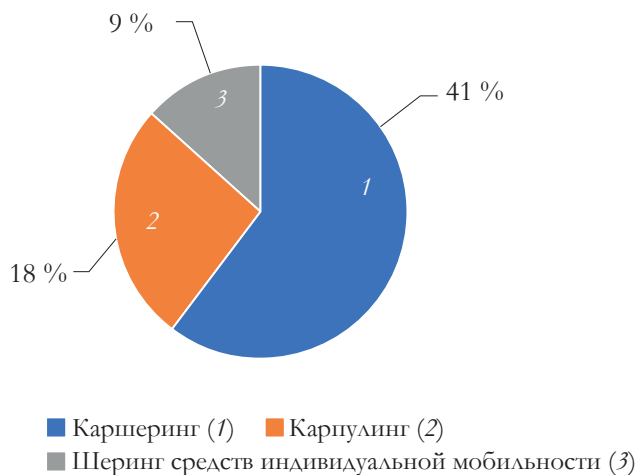
Виды транспортного шеринга	Суммарный объем инвестиций с 2010 г., млрд долл. США	Количество компаний
Городской воздушный транспорт	8+	50+
Роботакси и шаттлы	100+	400+

Составлено авторами по материалам источника [11]

Составлено авторами по материалам источников [12, 13]

Рис. 5. Динамика и прогноз развития глобального рынка каршеринга

Составлено авторами по материалам источника [12]

Рис. 6. Структура рынка транспортного шеринга России в 2021 г.

пулинг. Так, объем российского рынка транспортного шеринга в 2021 г. достиг 68 млрд рублей, увеличившись на 85 % в сравнении с 2020 г. [12]. Большую долю в услугах транспортного шеринга России занимает каршеринг. В 2021 г. выручка операторов каршеринга составила 41 млрд рублей, что выше показателя 2020 г. на 82 %. Вторым по величине сегментом российского рынка транспортного шеринга является карпулинг – в 2021 г. он преодолел спад, вызванный пандемией коронавируса, и продемонстрировал рост в размере 58 % (рис. 6) [12].

Стремительный рост, превышающий 200 %, наблюдается в российском сегменте средств индивидуальной мобильности. Так, по итогам 2021 г. рынок кикшеринга (аренды самокатов) и байкшеринга (аренды велосипедов) оценивается в 9 млрд рублей, причем более 90 % этого объема приходится на кикшеринг.

Как показало исследование, на российском рынке присутствует выраженная тенденция на интеграцию различных шеринговых сервисов в экосистемы. Так, в ведущих экосистемах рунета «Яндекс.Го»

Пандемия коронавируса сместила интерес потребителей с услуг такси на каршеринг (краткосрочная аренда автомобилей). Объем мирового рынка сервисов каршеринга в 2021 г. составил 11,21 млрд долл. США. По итогам 2022 г. эксперты ожидают его рост на 15,5 % – до 12,947 млрд долл. США. Ожидается, что среднегодовой темп роста рынка в период 2022–2026 гг. составит 6,29 %, в результате чего к 2026 г. рынок достигнет объема 16,522 млрд долл. США (рис. 5).

Таким образом, проведенное исследование показало, что большая часть технологических решений, актуальных для развития рынка интеллектуальной городской мобильности, достигнут стадии «зрелости» в своем жизненном цикле и прочно войдут в повседневную жизнь общества уже через 2–5 лет или ориентировочно к 2025 г. Возникает закономерный вопрос, насколько выявленные авторами тенденции проявляются в российской практике.

На рынке интеллектуальной городской мобильности в России наиболее высокие темпы роста демонстрируют услуги транспортного шеринга, включая каршеринг, шеринг средств индивидуальной мобильности (краткосрочная аренда самокатов и велосипедов) и кар-

и «Ситимобил» соседствуют сервисы по шерингу автомобилей и самокатов, а также агрегаторы такси [2]. Кроме того, на рынок некоторое время назад успешно выведено приложение мультимодальной мобильности – «Московский транспорт», в полной мере соответствующее концепции МaaS – мобильность как услуга. В приложении сервисы интегрированы не только по вертикали (каршеринг, самокаты, такси), но и по горизонтали (машины разных столичных операторов). На данный момент в «Московском транспорте» доступен просмотр предложений операторов, но в будущем появится возможность бронирования и оплаты поездки.

По мнению экспертов, основой развития интеллектуального мультимодального транспорта в городах России, аналогично мировым тенденциям, являются интеллектуальные транспортные системы, способные обеспечить взаимодействие дорожного полотна, объектов инфраструктуры (светофоров, видеокамер, систем освещения), транспортных средств, приложений для управления дорожным движением и т.п. В этой связи ключевыми трендами развития рынка интеллектуальной городской мобильности являются, по мнению авторов, создание беспилотного транспорта на базе технологий искусственного интеллекта, появление умных дорог, развитие технологий коммуникации автомобилей между собой и с дорожной инфраструктурой [14].

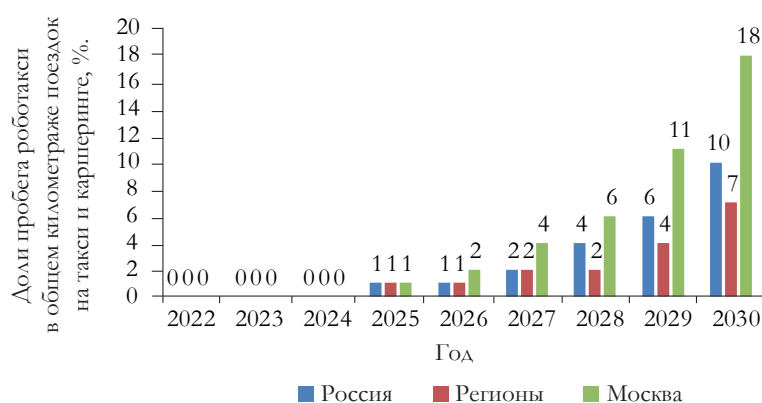
Подчеркнем, что большинство участников рынка направляет усилия на повышение уровня безопасности своих услуг. Так, многие российские каршеринг-сервисы ввели повышенные тарифы для водителей, нарушающих правила дорожного движения. Карпулинг-сервисы борются с сайтами, имитирующими официальные платформы. Тема безопасности особенно актуальна для сервисов кикшеринга, которые в 2021 г. работали почти в 100 городах России. Во многих городах появились «медленные зоны», где предельная скорость самокатов автоматически снижается до 10–15 км/ч.

Только наметившейся тенденцией рынка является ожидаемое к 2025 г. появление на российских дорогах сервисов роботакси. Эксперты полагают, что к 2030 г. доля их пробега в общем километре поездки на такси и каршеринге в Москве составит 18 %, а средняя доля по России достигнет 10 % (рис. 7).

Прогноз развития сегмента роботакси отражен на рис. 8. По мнению экспертов, к 2030 г. российский рынок роботакси составит 58,8 тыс. автомобилей, а ежедневно будет совершаться 1 291 тыс. поездок [15, 2].

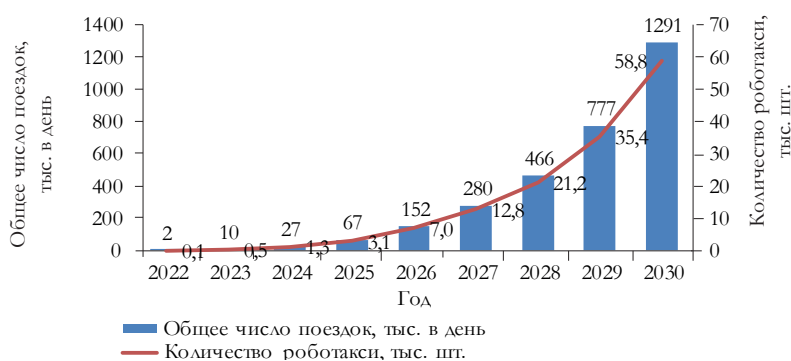
ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод, что темпы роста российского рынка интеллектуальной городской мобильности в целом соответствуют, а по многим позициям и значительно превышают аналогичные показатели мирового рынка, что связано с рядом причин. Среди них – относительная новизна внедряемых сервисов, развитие технологий коммуникации автомобилей между собой и с дорожной инфраструктурой и прочее.

Составлено авторами по материалам источника [15]

Рис. 7. Прогноз доли пробега роботакси в общем километре поездки на такси и каршеринге в России

Составлено авторами по материалам источников [2, 15]

Рис. 8. Прогноз развития сегмента роботакси в России до 2030 г.

Значимой тенденцией рынка является неоднородность его развития с географической точки зрения. Так, в настоящее время рынок интеллектуальной городской мобильности наиболее интенсивно развивается в центральной части России. Именно в окрестностях крупных городов работают несколько крупных конкурирующих между собой игроков рынка. При этом в отдаленных регионах сервисы транспортного шеринга до сих пор находятся на стадии жизненного цикла «выход на рынок» или же на начальном отрезке стадии «рост». Это обусловлено, по мнению авторов, комплексом причин, среди которых – традиционная диспропорциональность экономического развития субъектов Российской Федерации, отсутствие в регионах выраженного спроса на услуги интеллектуальной городской мобильности и недостаточное развитие качественных интеллектуальных систем для эффективного диспетчерского ситуационного и оперативного координирования взаимодействий всех участников этого рынка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный авторами сопоставительный анализ ключевых тенденций развития глобального и российского рынков подтверждает, что интеллектуальная городская мобильность является одной из неизбежных и наиболее перспективных технологий «умного города», применение которой позволит:

- обеспечить рост комфортности и скорости перемещения горожан;
- снизить стоимость поездок и существенно повысить уровень мобильности горожан;
- обеспечить безопасность всех участников дорожного движения;
- снизить загруженность городских магистралей;
- улучшить транспортную доступность отдаленных районов городов;
- уменьшить негативное влияние транспорта на окружающую среду и здоровье людей;
- повысить прозрачность и конкурентоспособность оказываемых услуг.

В конечном итоге, все это позволит повысить уровень экономического развития городских хозяйств.

Библиографический список

1. Research and Markets'. *Global Smart Mobility Market: Drivers, Restraints, Opportunities, Trends, and Forecasts up to 2023*; 2017. <https://www.researchandmarkets.com/reports/4418419/global-smart-mobility-market-drivers> (accessed 02.09.2022).
2. ГЛОНАСС/ГНСС-форум. *Состояние и перспективы развития рынка интеллектуальной городской мобильности в России и мире. Оценка влияния на показатели развития НТП «Автонет». Аналитический отчет*, 2021. [http://www.aggf.ru/projects/Аналитические отчеты 2021/п. 2.2.2. Программы ИЦ Автонет_Аналитический отчет в 2021 г..pdf](http://www.aggf.ru/projects/Аналитические%20отчеты%2021/п.2.2.2.%20Программы%20ИЦ%20Автонет_Аналитический%20отчет%20в%2021%20г..pdf) (дата обращения: 16.08.2022 г.).
3. Организация Объединенных Наций. *Демографические изменения*. <https://www.un.org/ru/un75/shifting-demographics> (дата обращения: 14.08.2022).
4. Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций. *Руководство по устойчивой городской мобильности и территориальному планированию: Содействие активной мобильности*, 2020. https://unece.org/fileadmin/DAM/trans/main/wp5/publications/1922152R_web.pdf (дата обращения: 03.09.2022).
5. Куприяновский В.П., Акимов А.В., Покусаев О.Н., Аленков В.В., Намиот Д.Е., Синягов С.А. Интеллектуальная мобильность и мобильность как услуга в умных городах. *International journal of open information technologies*. 2017;5(12):77–122.
6. Digital Journal. *Global Smart Mobility Market to Be Driven by Heightened Urbanisation and the Rising Environmental Awareness in the Forecast Period Of 2022-2027*; 2022. <https://www.digitaljournal.com/pr/global-smart-mobility-market-to-be-driven-by-heightened-urbanisation-and-the-rising-environmental-awareness-in-the-forecast-period-of-2022-2027> (accessed 01.09.2022).
7. Fortune Business Insights. *The global ride sharing market is projected to grow from \$84.30 billion in 2021 to \$242.73 billion in 2028 at a CAGR of 16.3% in forecast period, 2021-2028*; 2021. <https://www.fortunebusinessinsights.com/ride-sharing-market-103336> <https://www.fortunebusinessinsights.com/ride-sharing-market-103336> <https://ca.movies.yahoo.com/ride-sharing-market-size-2022-092600935.html> (accessed 03.09.2022).
8. Вестник ГЛОНАСС. *Исследование и прогноз рынка интеллектуальной мобильности*; 2022. <http://vestnik-glonass.ru/news/intro/issledovanie-i-prognoz-rynka-intellektualnoy-mobilnosti/> (дата обращения: 16.08.2022).
9. Mordor Intelligence. *Global ridesharing market – growth, trends, covid-19 impact, and forecasts (2022–2027)*; 2022. <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/ridesharing-market> (accessed 01.09.2022).
10. Хамитов А.Н. *Разработка моделей и методов интеллектуальной транспортной системы умного города*. Автореф. дисс. ... д-ра философии (PhD): 6D070300. Алматы: Казахский национальный технический университет имени К.И. Сатпаева; 2015. 191 с.
11. RSpectr.com. *Шеринг на колесах*; 2021 <https://rspectr.com/articles/992/shering-na-kolesah> (дата обращения: 10.08.2022).

12. Печерская И. Российский рынок транспортного шеринга вырос на 85 % в 2021 году. *Rusbase*. Пятница 17 дек. 2021. <https://rb.ru/news/rynok-transportnogo-sheringa/> (дата обращения: 01.09.2022).
13. Дианин С. Умный каршеринг: как технология поменяет городской облик. *Forbes*. Среда 14 июн. 2017. <https://www.forbes.ru/kompanii/345319-umnyy-karshering-kak-biznes-pomenyaet-gorodskoy-oblik> (дата обращения: 16.08.2022).
14. Меренков А.О. *Организационно-экономические аспекты формирования интеллектуальных транспортных систем в сфере городского пассажирского транспорта*. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук.: 08.00.05. М.: Государственный университет управления; 2017. 175 с.
15. Рудычева Н. Рынок цифровизации транспорта и логистики к 2030 г. вырастет в 7 раз. *CNews*. Пятница 10 сент. 2021. https://www.cnews.ru/reviews/it_v_transportnoj_otrasli_2021/articles/rynok-tsifrovizatsii-transporta_i (дата обращения: 01.09.2022).

References

1. Research and Markets'. *Global Smart Mobility Market: Drivers, Restraints, Opportunities, Trends, and Forecasts up to 2023*; 2017. <https://www.researchandmarkets.com/reports/4418419/global-smart-mobility-market-drivers> (accessed 02.09.2022).
2. GLONASS/GNSS forum. *The state and prospects of development of the intellectual urban mobility market in Russia and the world. Assessment of the impact on the development indicators of NTI Autonet. Analytical report*; 2021. [http://www.aggf.ru/projects/Аналитические reports 2021/clause 2.2.2. of the IC Program Autonet_analytical report in 2021..pdf](http://www.aggf.ru/projects/Аналитические%20reports%2021/clause%202.2.2.%20of%20the%20IC%20Program%20Autonet_analytical%20report%20in%2021..pdf) (accessed 16.08.2022).
3. United Nations. *Demographic changes*. <https://www.un.org/ru/un75/shifting-demographics> (accessed 14.08.2022).
4. United Nations Economic Commission for Europe. *Guidelines for Sustainable Urban Mobility and Spatial Planning: Promoting Active Mobility*; 2020. https://unece.org/fileadmin/DAM/trans/main/wp5/publications/1922152R_web.pdf (accessed 03.09.2022).
5. Kupriyanovsky V.P., Akimov A.V., Pokusaev O.N., Alenkov V.V., Namiot D.E., Sinyagov S.A. Intellectual mobility and mobility as a service in smart cities. *International journal of open information technologies*. 2017;5(12):77–122.
6. Digital Journal. *Global Smart Mobility Market to Be Driven by Heightened Urbanisation and the Rising Environmental Awareness in the Forecast Period Of 2022-2027*. <https://www.digitaljournal.com/pr/global-smart-mobility-market-to-be-driven-by-heightened-urbanisation-and-the-rising-environmental-awareness-in-the-forecast-period-of-2022-2027> (accessed 01.09.2022).
7. Fortune Business Insights. *The global ride sharing market is projected to grow from \$84.30 billion in 2021 to \$242.73 billion in 2028 at a CAGR of 16.3% in forecast period, 2021-2028*; 2021. <https://www.fortunebusinessinsights.com/ride-sharing-market-103336>; <https://www.fortunebusinessinsights.com/ride-sharing-market-103336>; <https://ca.movies.yahoo.com/ride-sharing-market-size-2022-092600935.html> (accessed 03.09.2022).
8. Vestnik GLONASS. *Research and forecast of the intellectual mobility market*; 2022. <http://vestnik-glonass.ru/news/intro/issledovanie-i-prognoz-rynka-intellektualnoy-mobilnosti/> (accessed 16.08.2022).
9. Mordor Intelligence. *Global ridesharing market – growth, trends, covid-19 impact, and forecasts (2022–2027)*; 2022. <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/ridesharing-market> (accessed 01.09.2022).
10. Khamitov A.N. *Development of models and methods for the intelligent transport system of a smart city*. Abstr. Diss. ... PHD: 6D070300. Almaty: Satbayev University; 2015. (In Russian).
11. RSpectr.com. *Sharing on wheels*. <https://rspectr.com/articles/992/shering-na-kolesah> (accessed 10.08.2022).
12. Pecherskaya I. The Russian transport sharing market grew by 85 % in 2021. *Rusbase*. Friday 17 Dec. 2021. <https://rb.ru/news/rynok-transportnogo-sheringa/> (accessed 01.09.2022).
13. Dianin S. Smart carsharing: how technology will change the urban appearance. *Forbes*. Wednesday 14 Jun. 2017. <https://www.forbes.ru/kompanii/345319-umnyy-karshering-kak-biznes-pomenyaet-gorodskoy-oblik> (accessed 16.08.2022).
14. Merenkov A.O. *Organizational and economic aspects of the formation of intelligent transport systems in the field of urban passenger transport*. Abstr. diss.... Cand. Sci. (Econ.): 08.00.05. Moscow: State University of Management; 2017. (In Russian).
15. Rudycheva N. The market of digitalization of transport and logistics will grow 7 times by 2030. *CNews*. Friday 10 Sep. 2021. https://www.cnews.ru/reviews/it_v_transportnoj_otrasli_2021/articles/rynok-tsifrovizatsii-transporta_i (01.09.2022).

Развитие механизма управления рыночными стратегиями российской металлургической отрасли в современных условиях

Терпугов Артем Евгеньевич

Канд. экон. наук, проректор
ORCID: 0000-0002-2528-5060, e-mail: ae_terpugov@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена поиску решений по адаптации стратегического планирования российской металлургической отрасли под современные политико-экономические условия. Санкционные ограничения, взаимно применяемые против России странами Европейского союза и США и обострившиеся в 2022 г., привели к разрушению устоявшихся торговых и финансовых потоков, что серьезно осложнило работу российской металлургии. Поэтому автором статьи поставлена задача разработки механизмов приспособления стратегий металлургических компаний к текущей экономической конъюнктуре. Методологической основой текущего материала стал анализ годовых отчетов компаний отрасли, а также ряд работ российских исследователей, посвященных тематике современного развития металлургии. Отмечается, что, несмотря на негативные последствия запретительных мер, у отрасли есть перспективные рынки сбыта и возможности для сохранения объемов производства. Ключевыми результатами исследования стали полученные данные о доле экспорта металлов и структуре поставок на внешний рынок. Черная и цветная металлургия с этого ракурса рассмотрены отдельно, что редко встречается в современных исследованиях. В ходе работы определены текущие и перспективные стратегические направления развития металлургической отрасли. Отмечено потенциальное снижение интереса российских компаний к экологической составляющей деятельности, которая во многом определялась зависимостью от зарубежных рынков заемного капитала и сбыта.

Ключевые слова

Металлургия, санкции, стратегия, устойчивое развитие, экспорт

Для цитирования: Терпугов А.Е. Развитие механизма управления рыночными стратегиями российской металлургической отрасли в современных условиях // Вестник университета. 2022. № 10. С. 177–184.

Development of a mechanism for managing market strategies of the Russian metallurgical industry in modern conditions

Artyom E. Terpugov

Cand. Sci. (Econ.), Vice-Rector

ORCID: 0000-0002-2528-5060, e-mail: ae_terpugov@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the search for solutions to adapt the strategic planning of the Russian metallurgical industry to modern political and economic conditions. The sanctions restrictions mutually applied against Russia by the countries of the European Union and the United States, and escalated in 2022, led to the destruction of established trade and financial flows, which seriously complicated the work of the Russian metallurgy. Therefore, the author of the article set the task to develop mechanisms for adapting the strategies of metallurgical companies to the current economic situation. The methodological basis of the current material was the analysis of annual reports of companies in the industry, as well as a number of works by Russian researchers devoted to the topic of modern development of metallurgy. It is noted that, despite the negative consequences of the prohibitive measures, the industry has promising sales markets and opportunities to maintain production volumes. The key results of the study were the data obtained on the share of metal exports and the structure of supplies to the foreign market. Ferrous and non-ferrous metallurgy are considered separately from this perspective, which is rare in modern research. In the course of the work, the current and prospective strategic directions for the development of the metallurgical industry were determined. A potential decrease in the interest of Russian companies in the environmental component of their activities, which was largely determined by dependence on foreign markets for debt capital and sales, was noted.

Keywords

Metallurgy, sanctions, strategy, sustainable development, export

For citation: Terpugov A.E. (2022) Development of a mechanism for managing market strategies of the Russian metallurgical industry in modern conditions. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 177–184.

ВВЕДЕНИЕ

Крупнейшими компаниями металлургической отрасли в последние годы все чаще декларируется стратегия экологичного роста (ПАО «ГМК „Норильский никель“») или схожие по смысловому содержанию климатически ориентированные стратегии, где экологические и ESG-принципы (англ. Environmental, Social, Governance – экологические, социальные и корпоративные) играют ведущую роль. Экологическому, социальному и корпоративному управлению уделяется особое внимание в отчетности таких компаний отрасли как Evraz Group, Объединенная металлургическая компания, Магнитогорский металлургический комбинат (далее – ММК), ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат» (далее – ПАО «НЛМК»), ПАО «Северсталь». Тем не менее главной стратегической задачей металлургических компаний является поддержание и развитие производственного процесса и максимизация результативности сбытовой деятельности [1]. Одной из особенностей решения этой задачи до последнего времени была ориентация российских предприятий отрасли в значительной степени на внешние рынки, где наблюдался растущий спрос на металлопродукцию, а ценовые предложения были наиболее благоприятны. Металлургические компании России много лет выстраивали свои производственные стратегии под потребности, в первую очередь, экспортного направления. И если санкции, введенные против России в 2014 г., были неприятны, но в целом не критичны для российских металлургов, то политические и экономические события 2022 г. поставили отрасль в состояние полной неопределенности на ближайшее время, не говоря уже о долгосрочном планировании. Обобщая текущие события, можно заключить, что существует значительная проблема неопределенности целеполагания в металлургии. Таким образом, в сложившихся обстоятельствах приобретает особую актуальность задача трансформации рыночных стратегий российской металлургической отрасли под быстро изменяющиеся условия внешнего и внутреннего рынка.

МЕТОДЫ

Общей теоретической и методологической базой статьи являются исследовательские работы ряда российских авторов, а также отраслевой анализ, проведенный на основании статистических и методических материалов Росстата, Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, Федерального агентства по недропользованию (РОСНЕДРА), Федеральной таможенной службы, ежегодника Steel Statistical Yearbook и Геологической Службы США (USGS).

Пути стабильного развития металлургической отрасли России и оценки последствий введенных против страны санкций со стороны недружественных государств встречаются в работах многих авторов: Т.Д. Малютиной [2], И.Л. Рябкова, Н.Н. Яшаловой [3], С.Н. Яшина, С.Д. Щекотуровой [4], А.Н. Пыткина, А.А. Урасовой [5]. Исследованием особенностей устойчивого развития российских и международных компаний в современных условиях занимались И.А. Батырев [6], В.М. Елманова [7], М.Ф. Замятина [8], Л.А. Исмаилова и Л.В. Ситникова [9], А.В. Мохова [10], О.А. Чередниченко [11]. Однако в работах указанных авторов не отражены последние политические и экономические события 2022 г., оказавшие значительное влияние на металлургическую отрасль, и которые учтены в этой статье.

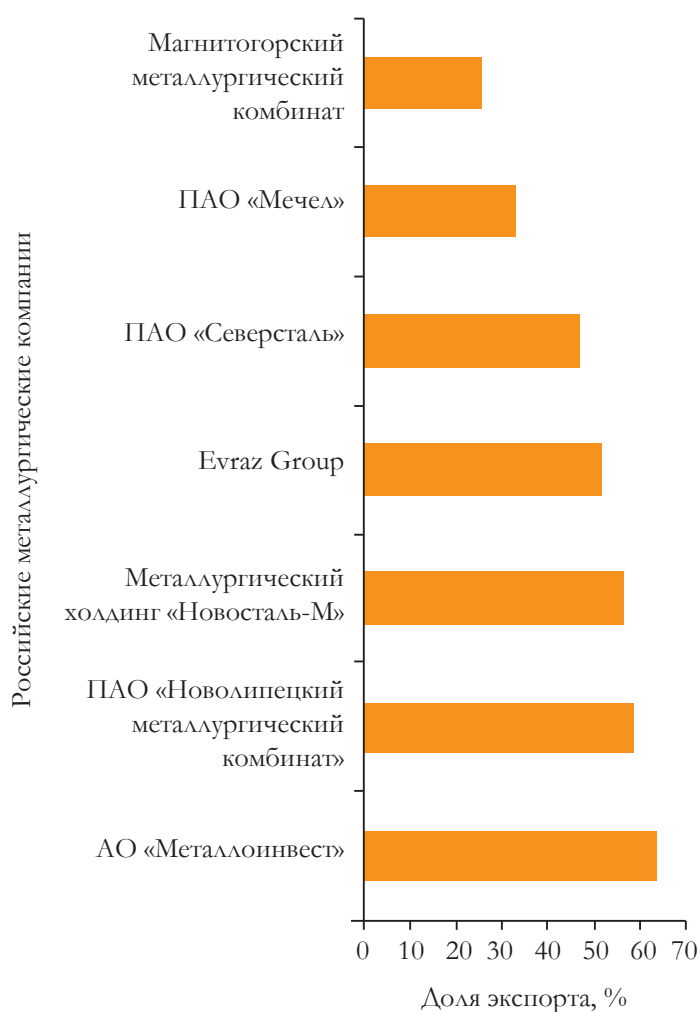
Кроме того, важные аспекты работы отрасли, как в российском, так и в международном масштабе, отражены в ежегодной отчетности металлургических компаний, которая также использовалась в текущей работе.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

По данным Росстата, за 9 месяцев 2022 г. (январь–сентябрь) индекс металлургического производства составил 100,8 % к соответствующему уровню 2021 г. (в том числе август – 104,1 %). Это свидетельствует о том, что, несмотря на негативные явления в экономике страны, связанные в первую очередь с введенными санкциями против России, металлургическая отрасль достаточно успешно преодолевает трудности внешнего и внутреннего характера. Но общий показатель не дает представления о сложившейся ситуации в разных направлениях отрасли. Рассмотрим их подробнее по отдельности.

ЧЕРНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ

По данным ежегодника Steel Statistical Yearbook, видимое потребление стали (включая металлопродукцию в эквиваленте сырой стали) в России в 2021 г. составило около 44 млн т [12]. Этот ежегодный объем потребления примерно стабилен с 2010 г. с небольшими колебаниями год от года. Импорт варьируется

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Доля экспорта в структуре продаж металлургических компаний России в 2021 г.

необходимо расширение продуктовой линейки в этом сегменте. Например, ПАО «Северсталь» уже направляет на внутреннем рынке в сектор строительства свыше 70 % производимой металлопродукции (данные 2020 г.). У ММК лишь 9 % продаж осуществляются для строительных нужд.

Основа российского экспорта – слитки и полуфабрикаты (около половины продаж на внешнем рынке) и стальной лист (четверть вывоза). Основные направления продаж в 2021 г. отражены на рисунке 2.

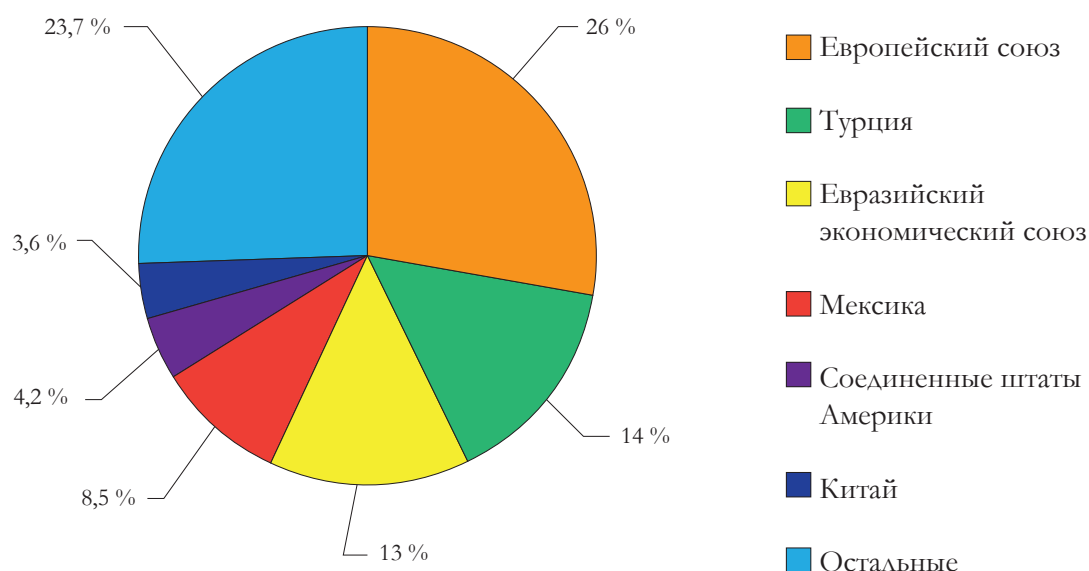
Как видно из рисунка 2, на внешнем рынке Европейский союз является главным покупателем российских черных металлов, которые в основном представляют собой продукцию низких переделов. Доля недружественных государств (включая США) среди покупателей превышает 30 %, то есть непосредственная угроза прекращения закупок касается примерно 8–9 млн т стальной продукции.

При разумной государственной поддержке (прежде всего, стимуляции железнодорожных перевозок) возможно перенаправление части экспортных поставок в страны Азии. Перспективными являются рынки Филиппин (импорт 7 млн т стали и стальной продукции в 2021 г.), Малайзии (7 млн т), Вьетнама (13 млн т), Таиланда (16 млн т), Индонезии (10 млн т). Растущий спрос на сталь в развивающихся экономиках Юго-Восточной Азии (далее – ЮВА) мог бы потребить значительную часть российского экспорта, который постепенно осваивает эти рынки сбыта. В частности, в 2016 г. наблюдался значительный рост поставок черных металлов во Вьетнам, в 2018 г. – на Филиппины. Также большие объемы импортной стали потребляют африканские государства, в первую очередь Алжир и Египет. Однако суммарная доля рынков ЮВА и Африки в российском экспорте стали в 2021 г. составила порядка 5 %, что объясняется их удаленностью и наличием отлаженной логистики поставок в страны Европы.

в пределах 5–7 млн т, экспорт – порядка 30 млн т ежегодно. Производство же составляет ежегодно примерно 70–75 млн т. Следовательно, отрасль ежегодно экспортирует до 40 % выплавляемой стали и выпускаемой из нее продукции. А в структуре продаж отдельных компаний внешние рынки имеют долю свыше 50 %:

Рисунок 1 демонстрирует, что из крупных игроков отрасли лишь ПАО «Мечел» и ММК в большей степени ориентированы на российского потребителя. Остальные компании более половины продукции отправляют за рубеж, что ставит их в практически полную зависимость от конъюнктуры внешних рынков.

В 2022 г. ассоциация WorldSteel прогнозирует снижение внутреннего спроса на сталь в России на 6 % до 41,3 млн т (это уровень потребления 2018 г.) и до 37,2 млн т в 2023 г. [13]. Хотя перспективы роста потребления и наблюдаются в секторе строительства за счет восстановительных работ в новых регионах России, а также за счет повышения спроса в оборонно-промышленном комплексе. Но в целом, даже в оптимистичном варианте, внутренний спрос в 2022 г. не достигнет уровня потребления 2021 г., поэтому экспорт останется важным направлением стратегического планирования российских компаний черной металлургии. Ожидается лишь, что структура внутреннего потребления претерпит изменения. Соответственно, производителям

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Основные направления российского экспорта черных металлов в 2021 г.

Суммируя события в российской и мировой черной металлургии в 2021–2022 гг., можно определить главные направления будущей рыночной стратегии. Во-первых, это переориентация европейского экспорта стали и стальной продукции в страны Азии и Северной Африки. Во-вторых – расширение производства металлопродукции для нужд строительного и оборонно-промышленного комплексов.

ЦВЕТНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ

Ключевыми направлениями производства в российской цветной металлургии являются медная, никелевая, алюминиевая, свинцовая, цинковая и титановая промышленность. Как правило, компании специализируются на выплавке отдельного металла. Лишь ПАО «ГМК „Норильский никель“» объединяет значительные мощности по выплавке никеля и меди. Но все заводы отрасли имеют одну общую черту – они в основном нацелены на продажи продукции за рубежом. Лишь титановое и цинковое производства не являются экспортоориентированными (но велика доля экспорта титановой продукции). Рассмотрим подробнее ситуацию с зависимостью от внешних рынков в цветной металлургии в таблице 1:

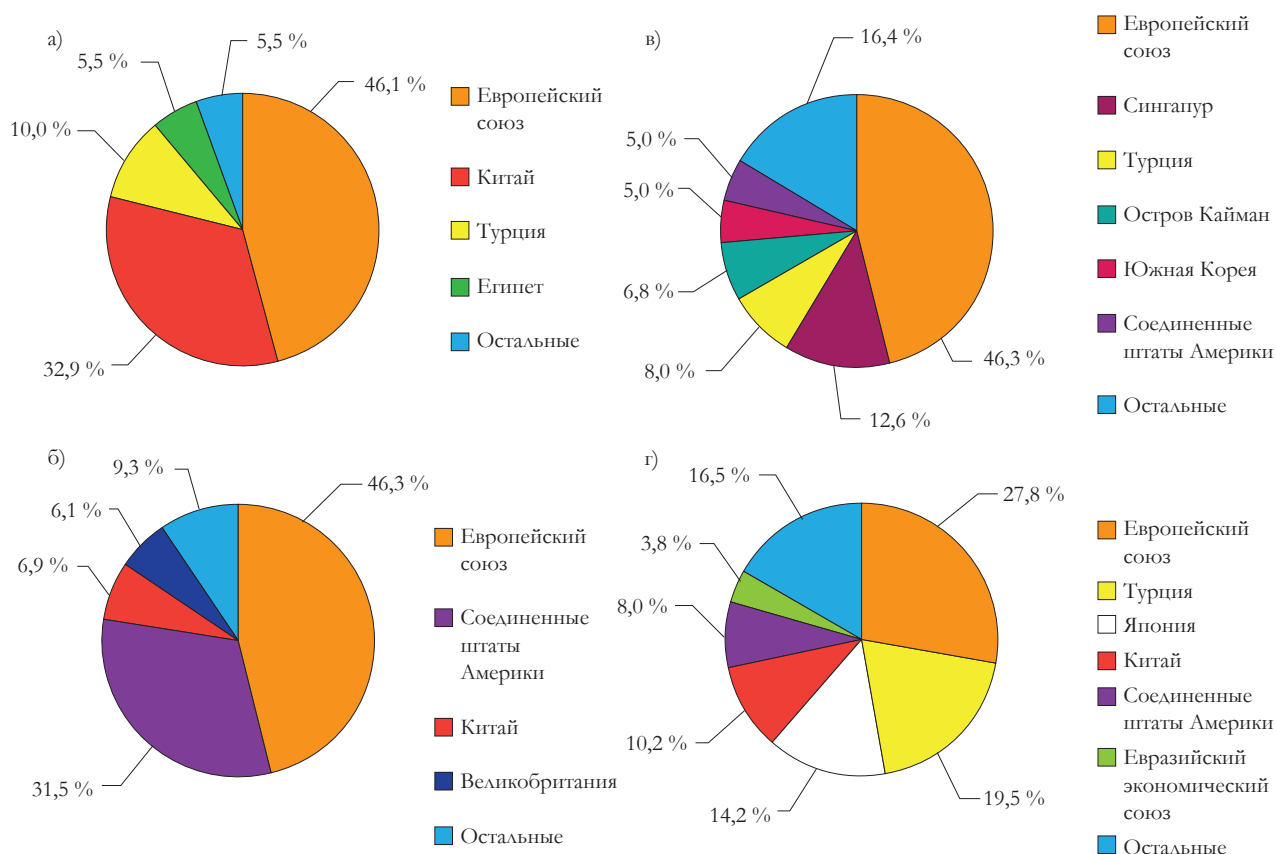
Таблица 1

Производство и экспорт цветных металлов в России

Металл	Производство, тыс. т	Экспорт, тыс. т	Доля экспорта, %
Медь	934	463	50
Никель (данные за 2020 г.)	157	138	88
Алюминий	3 800	3 500	92
Свинец (производство из вторсырья)	142	127	90
Цинк	212	14,0	7
Титановая продукция	25,5	12,2	48

Составлено автором по материалам исследования.

Как видно из таблицы 1, лишь металлургия цинка не является ориентированным на экспорт производством в отрасли цветной металлургии России. Рассмотрим подробнее структуру покупателей на внешнем рынке для оценки стабильности поставок в будущем (рис. 3).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Основные направления российского экспорта цветных металлов в 2021 г.: а) меди; б) титана; в) свинца; г) алюминия

Оценка направлений экспорта позволяет сделать вывод о значительных рисках для цветной металлургии в отношении стабильности покупателей на внешнем рынке: недружественные государства являются основными потребителями российской меди, свинца, титана и алюминия. В дополнение надо отметить, что практически весь реализуемый на внешнем рынке никель направляется в Швейцарию и Нидерланды.

Ввиду особой важности поставок на мировой рынок никеля и титана из России (12 % и 22 % в мировом производстве на 2018 г., по данным Геологической Службы США [14]), сложно представить ситуацию запрета торговли этими металлами с Россией. Однако и российская медь и свинец составляют значительную долю в мировом потреблении (6 %, 4 % и 1 % мирового производства). Таким образом, рыночная стратегия предприятий цветной металлургии полностью зависит от доступности рынков Европы и США для российской продукции.

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ КОМПАНИЙ В НАПРАВЛЕНИИ ESG

В последние годы в стратегическом планировании металлургических компаний экологическая составляющая начинает занимать одно из важнейших мест. Инвестиционные программы включают все больше расходов по снижению нагрузки металлургического производства на окружающую среду. Например, В.М. Елманова сообщает, что если на модернизацию и развитие производства ПАО «ГМК „Норильский никель“» в ближайшие 10 лет планируется направить 27 млрд долл. США, то на экологические проекты компании будет израсходовано 5,5 млрд долл. США [7]. То есть металлургические компании несут значительные расходы на мероприятиях, связанных с экологической повесткой. М.Ф. Замятина [8] и О.А. Чередниченко связывают это с необходимостью доступа к зарубежным рынкам сбыта и капитала. А тенденции развития мировых рынков таковы, что низкий уровень в ESG-рейтингах влечет за собой снижение интереса инвесторов и рост рисков сбыта продукции.

Декарбонизация является одним из современных стратегических направлений мировой и российской металлургии. Развитые государства уделяют особое внимание снижению эмиссии парниковых газов на своей территории и перспективам достижения углеродной нейтральности. В 2023 г. запланировано введение трансграничного углеродного регулирования («углеродной пошлины») в Европе и в США, что, по оценкам И.А. Батырева, может привести к потерям российских металлургов в раз-
мере от 6 до 50 млрд евро ежегодно [6].

Однако вышеуказанные расчеты опирались на предположение о сохранении объема российских поставок металлургической продукции в Европу. Санкционные действия со стороны Евросоюза, введенные в 2022 г., грозят не только резким снижением экспорта, но и полным прекращением вывоза российской металлопродукции в западном направлении. Одним из следствий закрытия рынков Евросоюза и США для российских металлургов может быть ослабление заинтересованности в снижении эмиссии CO₂, перенос или свертывание ряда «зеленых» проектов в металлургии, так как инвесторы или покупатели продукции, которым важен экологический аспект, значительно уменьшили или вовсе прекратили сотрудничество с Россией. Климатическая повестка является важным фактором в европейском регионе присутствия российских металлургических компаний, а переориентирование производства на внутренний рынок или на рынки Азии и Африки может позволить российскому бизнесу пересмотреть свою потребность в расходах на «зеленые» проекты в отрасли. Сценарий отказа от низкоуглеродных технологий маловероятен, так как участники Глобального договора Организации Объединенных Наций находятся практически во всех странах мира. Но очевидно, что металлургическую отрасль ожидает снижение приоритета репутационных рисков в плане экологической ответственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Металлургическая отрасль России находится в высокой зависимости от внешних рынков, что накладывает отпечаток на рыночные стратегии компаний. Ориентирование на европейский рынок поставило российскую металлургию в 2022 г. в сложное положение, когда основной покупатель готов по политическим мотивам отказаться от российской металлопродукции.

Нет гарантий, что экономическая составляющая вопроса не заставит отказаться страны США, ЕС и зависимые от них государства от торговли с Россией. Поэтому рыночные стратегии российской металлургической отрасли должны быть переориентированы с европейского рынка на азиатский, особенно Юго-Восточную Азию. А также необходимо развивать поставки на внутренний рынок, используя подъем в строительной и оборонно-промышленной сферах.

Список литературы

1. Максимов Н.В. Особенности формирования маркетинговой стратегии металлургического предприятия. В сб.: *Перспективы развития науки в современном мире: Сборник статей по материалам VIII международной научно-практической конференции. В 3-х частях, Уфа, 19 мая 2018 г. Часть 2.* Уфа: Дендра; 2018. С. 107–112.
2. Малютин Т.Д. Санкции как угрозы экономической безопасности металлопрокатных предприятий. *Инновационное развитие экономики.* 2018;1(43):384–393.
3. Рябков И.Л., Яшалова Н.Н. Вызовы и угрозы экономической безопасности для предприятий черной металлургии. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* 2020;16(8-389):1527–1544. <https://doi.org/10.24891/ni.16.8.1527>
4. Яшин С.Н., Щекотурова С.Д. Перспективы инновационного развития российских металлургических предприятий в период введения санкций. *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.* 2015;4(40):53–60.
5. Пыткин А.Н., Урасова А.А. Специфика развития металлургической отрасли в Пермском крае в условиях действия фактора ВТО и экономических санкций. *Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика.* 2015;2(12):57–66.
6. Батырев И.А. Мировой тренд декарбонизации металлургии и ее «озеленение» в России. *Теория права и межгосударственных отношений.* 2021(7-19):268–273.
7. Елманова В.М. Анализ финансовой стратегии горнодобывающего предприятия на примере ПАО «ГМК „Норильский никель“». *Humanitarian and Socio-Economic Sciences Journal.* 2022;1(18):55–60. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6665857>
8. Замятина М.Ф., Тишков С.В. ESG-факторы в стратегиях компаний и регионов России и их роль в региональном инновационном развитии. *Вопросы инновационной экономики.* 2022;12(1):501–518. <https://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114369>

9. Исмагилова Л.А., Ситникова Л.В. Финансовая устойчивость как индикативный инструмент оценки синергетической эффективности интеграции. Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022;2(55):9–15. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-2-55-9-15>
10. Мохова А.В. Интеграционная стратегия развития объединенной металлургической компании. *Современные тенденции развития науки и технологий*. 2016;10-11:69–74.
11. Чередниченко О.А., Довготко Н.А. Трансформация бизнес-моделей на принципах ESG в целях достижения устойчивого развития национальной агропродовольственной системы. *Kant*. 2022;3(44):98–104. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2022-44.16>
12. World Steel Association. *Steel Statistical Yearbook 2021: online version*. <https://worldsteel.org/steel-topics/statistics/annual-production-steel-data/> (accessed: 23.08.2022).
13. World Steel Association. *Short Range Outlook April 2022*. <https://worldsteel.org/media-centre/press-releases/2022/worldsteel-short-range-outlook-april-2022/> (accessed: 23.08.2022).
14. United States Geological Survey. *2018 Minerals Yearbook*. <https://pubs.usgs.gov/myb/vol1/2018/myb1-2018-recycling.pdf> (accessed: 23.08.2022).

References

1. Maksimov N.V. Features of the formation of a marketing strategy for a metallurgical enterprise. In: *Prospects for the development of science in the modern world: Proceedings of the VIII international scientific and practical conference. In 3 parts, Ufa, 19 May 2018*. Part 2. Ufa: Dendra; 2018, P. 107–112.
2. Malyutina T.D. Sanctions as a threat to the economic security of metal-rolling enterprises. *Innovative development of the economy*. 2018;1(43):384–393.
3. Ryabkov I.L., Yashalova N.N. Challenges and threats to economic security for ferrous metallurgy enterprises. *National interests: priorities and security*. 2020;16(8-389):1527–1544. <https://doi.org/10.24891/ni.16.8.1527>
4. Yashin S.N., Shchekoturova S.D. Prospects for the innovative development of Russian metallurgical enterprises during the period of sanctions. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2015;4(40):53–60.
5. Pytkin A.N., Urasova A.A. Specificity of the metallurgical industry in the Perm region in times of WTO and economic sanctions *Bulletin USUES. Science, education, economics. Series: Economy*. 2015;2(12):57–66.
6. Batyrev I.A. The global trend of decarbonization of metallurgy and its “greening” in Russia. *Theory of Law and Interstate Relations*. 2021(7-19):268–273.
7. Elmanova V. M. Analysis of the financial strategy of a mining enterprise on the example of PJSC MMC Norilsk Nickel // *Humanitarian and Socio-Economic Sciences Journal*. 2022;1(18):55–60. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6665857>
8. Zamyatina M.F., Tishkov S.V. ESG factors in Russian business and regional strategies and their role in regional innovative development. *Issues of innovative economics*. 2022;12(1):501–518. <https://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114369>
9. Ismagilova L.A., Sitnikova L.V. Financial sustainability as an indicative tool for assessing the synergic efficiency of integration. *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;2(55):9–15. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2022-2-55-9-15>
10. Mokhova A.V. Integration strategy for the development of a united metallurgical company. *Modern trends in the development of science and technology*. 2016;10-11:69–74.
11. Cherednichenko O.A., Dovgotko N.A. Transformation of business models on the principles of ESG in order to achieve sustainable development of the national agri-food system. *Kant*. 2022;3(44):98–104. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2022-44.16>
12. World Steel Association. *Steel Statistical Yearbook 2021: online version*. <https://worldsteel.org/steel-topics/statistics/annual-production-steel-data/> (accessed: 23.08.2022).
13. World Steel Association. *Short Range Outlook April 2022*. <https://worldsteel.org/media-centre/press-releases/2022/worldsteel-short-range-outlook-april-2022/> (accessed: 23.08.2022).
14. United States Geological Survey. *2018 Minerals Yearbook*. <https://pubs.usgs.gov/myb/vol1/2018/myb1-2018-recycling.pdf> (accessed: 23.08.2022).

Инвестиционные ресурсы горно-металлургического комплекса: особенности управления, анализ состава, структуры и источников формирования

Гаврилова Элеонора Николаевна

Канд. экон. наук, доц. каф. финансового учета
ORCID: 0000-0002-2975-2340, e-mail: gavrilovaelja@mail.ru

Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Аннотация

В условиях современной экономики особенно важной сферой хозяйственной деятельности любой компании является ее инвестиционная деятельность, которая связана с вложением определенных денежных средств в реализацию как долгосрочных, так и среднесрочных проектов. Развитие социально-экономической сферы в России возможно только при увеличении поступления финансовых средств из разных источников, используемых для инвестирования. Целью статьи является исследование специфики управления инвестиционными ресурсами металлургических и горнодобывающих компаний страны, а также анализ состава, структуры их инвестиционных ресурсов и источников формирования. Используются методы сравнительного анализа, системного подхода к изучению информации, графические методы. В статье рассмотрены факторы, влияющие на эффективность инвестиционной деятельности предприятий горно-металлургического комплекса. Предложены мероприятия по реализации стратегии устойчивого развития. Выявлены особенности формирования состава и структуры инвестиционных ресурсов компаний отрасли.

Ключевые слова

Инвестиционные ресурсы, горно-металлургический комплекс, управление инвестиционными ресурсами, инвестиционный проект, источники инвестиций

Для цитирования: Гаврилова Э.Н. Инвестиционные ресурсы горно-металлургического комплекса: особенности управления, анализ состава, структуры и источников формирования // Вестник университета. 2022. № 10. С. 185–192.

Investment resources of the mining and metallurgical complex: management features, analysis of the composition, structure and sources of their formation

Eleonora N. Gavrilova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Financial Accounting Department
ORCID: 0000-0002-2975-2340, e-mail: gavrilovaelja@mail.ru

Moscow Witte University, Moscow, Russia

Abstract

In the conditions of the modern economy, an especially important area of economic activity of any company is its investment activity, which is associated with the investment of certain funds in the implementation of both long-term and medium-term projects. Without increasing in the receipt of financial resources from various sources used for investment, it is impossible to achieve the large-scale goals of innovative, technological and information development of the socio-economic sphere in Russia. The purpose of this article is to study the specifics of the management of investment resources of metallurgical and mining companies in the country, as well as the analysis of the composition, structure of their investment resources and sources of their formation. The methods of comparative analysis, a systematic approach to the study of information, graphical methods are used. This article considers the factors affecting the efficiency of investment activities of mining and metallurgical enterprises. The measures for the implementation of the strategy of sustainable development are proposed. The features of the formation of the composition and structure of investment resources of companies in the industry are revealed.

Keywords

Investment resources, mining and metallurgical complex, investment resource management, investment project, investment sources

For citation: Gavrilova E.N. (2022) Investment resources of the mining and metallurgical complex: management features, analysis of the composition, structure and sources of their formation. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 185–192.

ВВЕДЕНИЕ

Особенности предприятий горно-металлургического комплекса (требования надлежащей оценки качества сырья и произведенной продукции, зависимость от поставок исходной продукции и подобные) требуют введения комплекса показателей не только в целях проведения анализа, но и как механизма оценки эффективности управления. Использование такого механизма особенно важно в деятельности предприятия в условиях стабильной конкуренции, которая требует быстрой реконструкции производственных процессов предприятия для конечных потребителей продукции. Группа таких факторов способна изменить цель, которая сформирована для достижения предприятием поставленных планов и задач. Специфику управления в компаниях горно-металлургического комплекса рассмотрим на примере ПАО «Северсталь».

ПАО «Северсталь» – горнорудная компания отрасли цветной металлургии и в настоящий момент занимается разведкой медно-никелевого месторождения. Целями деятельности ПАО «Северсталь» являются реализация социальных и экономических интересов акционеров и работников предприятия, получение прибыли и максимизация своих активов. Выпускаемая предприятием продукция: товарная руда (среднее содержание 3–6 % меди) и концентрат медный (среднее содержание 8–10 %). Общая сумма инвестиций и финансовых обязательств, предусмотренных компанией в 2020 г., составляет 131 423,2 тыс. руб. Свою деятельность ПАО «Северсталь» осуществляет в соответствии с требованиями корпоративного управления и требований международного стандарта корпоративной ответственности. ПАО «Северсталь» направляет усилия для следования политике высокой социальной ответственности.

Опыт функционирования системы корпоративного управления (как в мировой, так и российской практике) показал, что как существующий состав органов корпоративного управления, так и система взаимосвязей между ними требуют дальнейшего совершенствования в соответствии с требованиями современных условий хозяйствования и потребностей рынка [1].

В соответствии с этим, целесообразно изучить возможность пересмотра существующего состава органов корпоративного управления. В ходе исследования также установлено, что акционеры АО «Северсталь» несмотря на то, что они являются собственниками предприятия, для соответствия управляющей должности должны отвечать целому ряду профессиональных и личностных требований. Со стороны качественного состава исполнительного органа существуют другие серьезные проблемы:

- 1) мошенничество менеджеров путем использования фиктивных показателей;
- 2) восприятие проблемного вопроса в предвзятой форме, которое сформировалось на основе личной неприязни без учета объективных факторов;
- 3) вероятность потери связи с окружающим миром из-за чрезмерной концентрации на внутренних проблемах предприятия;
- 4) преимущество личных интересов руководителя над коллективными.

Осознавая перечисленные угрозы и другие возможности пренебрежения правами акционеров, последние передают контрольную и стратегическую функцию на предприятии доверенным лицам в надзорных органах власти.

Конкурентная позиция приобретает конкретную форму лишь в определенный момент (период) времени по сравнению с определенной совокупностью конкурентов, отражая положение, фактически сложившееся на рынке. Рассмотрим STEP-анализ (PEST-анализ, от англ. Political – политический, Economic – экономический, Social – общественный, Technological – технологический), который чаще проводится при анализе всей отрасли или рынка [2] (табл. 1).

Таблица 1

STEP-анализ горно-металлургической отрасли России

Факторы	Варианты прогноза развития экономики		
	Пессимистический	Реалистический	Оптимистический
<i>Социальные</i>			
Большое количество незанятых трудоспособных граждан	+	+	-

Факторы	Варианты прогноза развития экономики		
	Пессимистический	Реалистический	Оптимистический
Корректировки в нормативно-правовых актах, связанные с социальной сферой	-	-	+
Улучшение демографической ситуации	-	-	+
Низкий социальный статус в производственной сфере	+	-	-
Снижение привлекательности труда в горно-металлургической отрасли	+	+	
<i>Технологические</i>			
Появление научно-технических достижений в отрасли	-	-	+
Сырьевая ситуация и ресурсный потенциал в регионе	-	-	+
Развитие конкурентных технологий	+	+	-
Инновационный потенциал	-	-	+
<i>Экономические</i>			
Улучшение экономической ситуации в стране	-	-	+
Появление новых конкурентов	+	-	-
Рост активности конкурентов внешнего рынка		+	-
Нестабильность валютного курса	+	+	-
Низкая рентабельность производства	+	+	-
Темпы инфляции	+	+	-
Величина валового внутреннего продукта	+	+	+
Недостаточность финансирования со стороны государства	+	-	-
<i>Политические</i>			
Усиление государственной политики в области сертификации	+	-	-
Изменения в законодательстве	+	+	-
Недоверие общества к власти	+	+	-
Несовершенная налоговая система	+	-	-
Жесткость госконтроля	+	-	-

Составлено автором по материалам исследования

Таким образом, при пессимистическом прогнозе развития экономики в России может наблюдаться [2]:

– появление новых конкурентов (особенно на внешнем рынке) и рост активности существующих оппонентов;

- влияние конкурентных технологий;
- снижение привлекательности труда в металлургии;
- недостаточность финансирования со стороны государства;
- высокие темпы инфляции и падения величины валового внутреннего продукта (далее – ВВП).

Реалистический прогноз направлен на совершенствование в социальной и законодательной сфере, учитывает колебания валютных курсов, сезонный характер продаж и небольшие темпы роста величины ВВП.

При оптимистическом прогнозе можно выделить следующие факторы:

- увеличение реальных поступлений граждан;
- поправки в нормативно-правовых документах, связанные с социальной сферой;
- улучшение демографической ситуации в стране.

Таким образом, учитывая выявленные путем STEP- и SWOT-анализа (от англ. Strengths – сильные стороны, Weaknesses – слабые стороны, Opportunities – возможности, Threats – угрозы) в большом количестве внутренние и внешние факторы влияния на маркетинговую деятельность горно-металлургических предприятий России, можно выделить несколько важных аспектов: правительственное регулирование, высокие налоги, проблемы с источниками финансирования. Поэтому, следует отметить, что горно-металлургическая отрасль не отвечает рыночным запросам и реальной возможности ее развития. Таким образом, особенности среды внешнего окружения заключаются в его сложности, подвижности и неопределенности, требуют решительных действий со стороны экономических субъектов в рамках государственно-частного партнерства по налаживанию выпуска конкурентоспособной горно-металлургической продукции, ориентируясь на внутренний и внешний рынки.

Исследование результативности деятельности предприятий горно-металлургического направления, закономерностей и возможностей ее совершенствования доказывают необходимость формирования комплекса мер, которые приведут к реализации составляющих стратегического планирования в системе управления деятельностью предприятий в условиях нестабильности экономики [3].

К таким мерам автором отнесены исследование эффективных моделей стратегического планирования и методического инструментария, их введение, использование в деятельности информационно-диагностических систем для обработки входящей экономической информации и мониторинга финансово-экономического потенциала предприятия, введение менеджмента в управлении персоналом для повышения уровня его подготовки, использование маркетинговых стратегий и методов [4].

Можно выделить следующие особенности управления инвестиционными ресурсами компаний горно-металлургического комплекса:

- при неточных предварительных результатах возможны большие убытки;
- неравномерность распределения затрат и прибыли в процессе эксплуатации месторождений;
- длительный многоэтапный процесс оборота и формирования стоимости продукции.

Необходимо также учитывать, что отрасль сильно привязана к сырьевому фактору и оказывает сильнейшее негативное воздействие на экологию. В настоящее время во всем мире, в том числе и в Российской Федерации, большое внимание уделяется экологичности при принятии решений, связанных с инвестированием денежных средств в форме капиталовложений.

В этой связи финансово-промышленная политика управления инвестиционными ресурсами компаний горно-металлургического комплекса должна включать в себя два основных раздела.

Первый раздел – инновационный, в рамках которого должно структурироваться взаимодействие хозяйствующих и научно-технических субъектов, где будут формироваться научно-прикладные аспекты инновационного развития производственной деятельности.

Второй раздел – инвестиционный, в рамках которого должны создаваться стимулы, предпосылки, методы и механизмы осуществления инвестиционного финансирования (капиталовложений) в создание инновационной инфраструктуры, в модернизацию промышленных мощностей и в развитие производственных процессов с учетом принципов экологичности [5].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

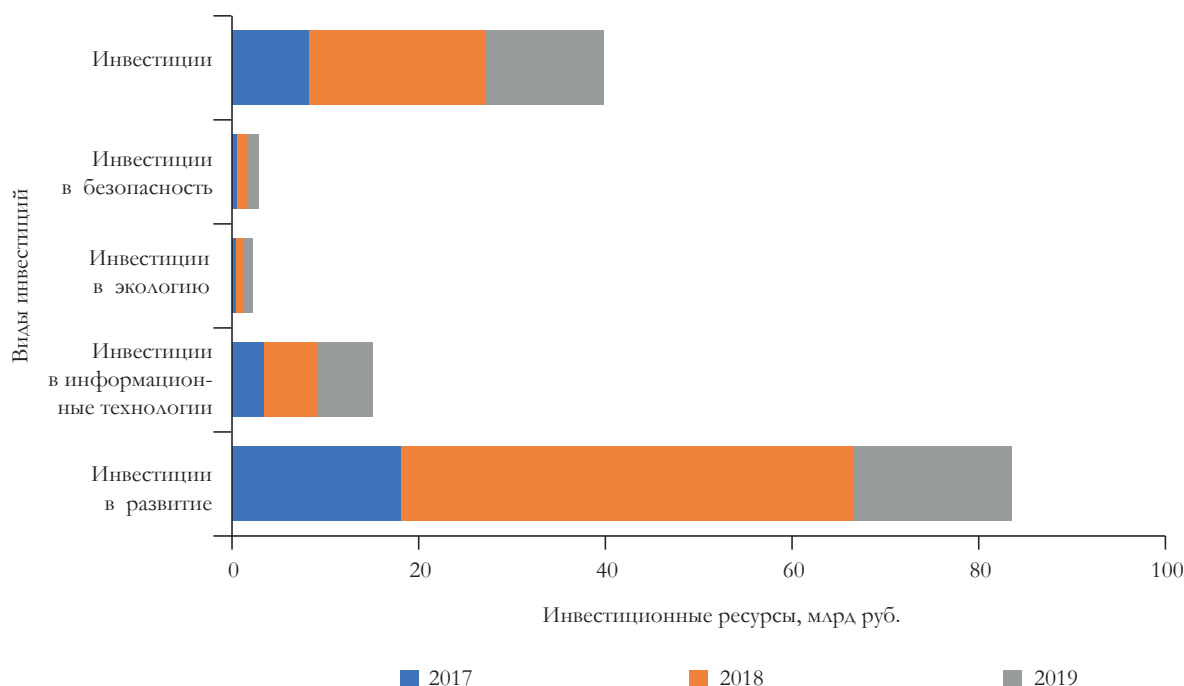
Рассмотрим инвестиционные ресурсы предприятий горно-металлургического комплекса и источники их формирования. Горно-металлургический комплекс рассмотрим на примере ПАО «Северсталь», ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат», ПАО «Уральская сталь», ПАО «Металлоинвест».

В 2017–2019 гг. план инвестиций компании ПАО «Северсталь» составлял около 110,5 млрд руб. и был сфокусирован на ключевых направлениях обновленной стратегии компании (рис. 1):

- превосходный клиентский опыт;
- лидерство по затратам;
- новые возможности.

При этом, как отмечалось ранее, в случае негативного развития глобальных рынков стали, компания имеет возможность снизить инвестиционную программу на 30–40 %, отложив наименее приоритетные из запланированных инвестиционных проектов. В 2020 г. на поддержание существующих мощностей, на совершенствование системы промышленной безопасности, охраны труда и на проекты в сфере экологии дивизиона «Северсталь Российская сталь» было вложено 17 млрд руб. Инвестиции в ресурсные

предприятия компании в 2020 г. составили около 29,7 млрд. руб., из которых 12,7 млрд руб. – инвестиции в развитие производства.

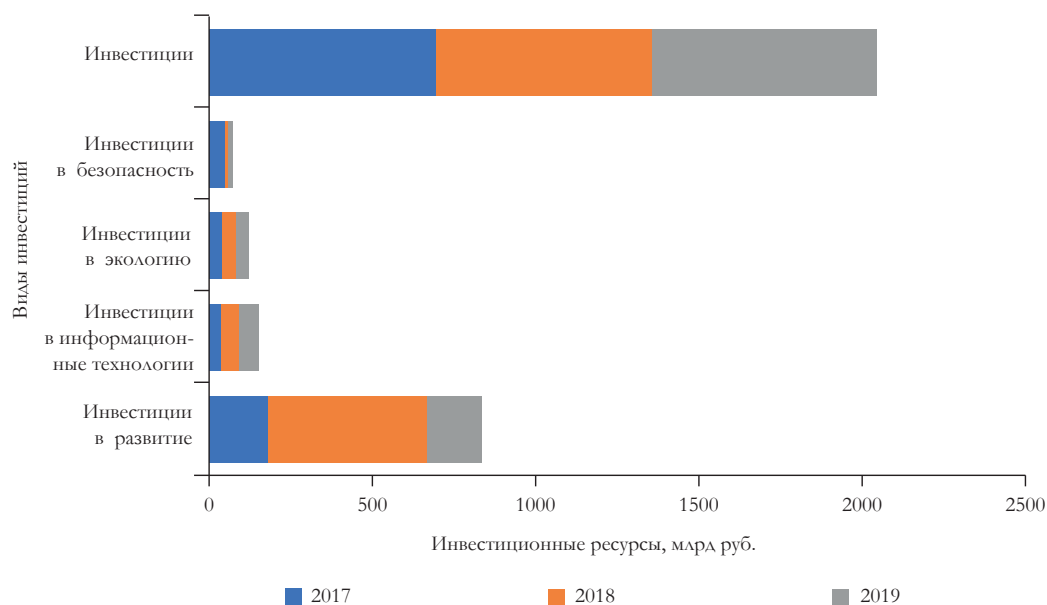
Составлено автором по материалам источника [1]

Рис. 1. Динамика и структура инвестиционных ресурсов ПАО «Северсталь» в 2018–2020 гг.

Одним из важнейших направлений для инвестиций компании в 2020 г. стало развитие производства на Яковлевом руднике, куда было направлено около 6 млрд руб. Программа позволит увеличить объемы добычи предприятия до 5 млн т руды к 2023 г.

Важно отметить, что основным источником инвестиционных ресурсов ПАО «Северсталь» выступают собственные средства в период 2017–2019 гг.: 60,8 %; 58,1 % и 55,7 % соответственно, при этом их доля снижается.

Ниже представлен анализ состава и структуры инвестиционных ресурсов Новолипецкий металлургический комбинат (далее – ПАО «НЛМК») и источников их формирования (рис. 2).

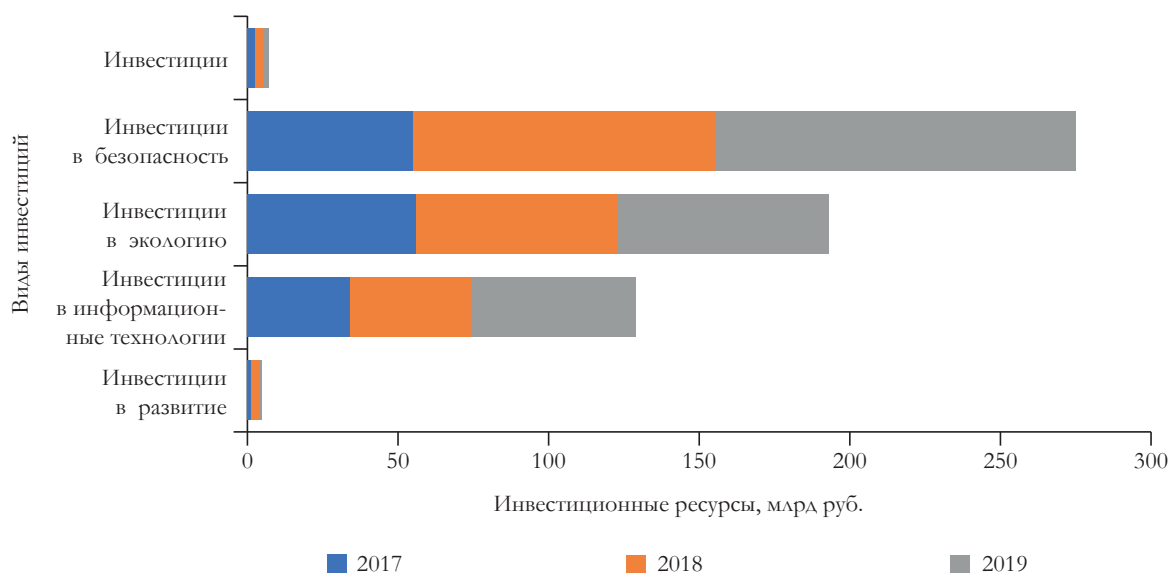
Составлено автором по материалам источника [6]

Рис. 2. Динамика и структура инвестиционных ресурсов ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат» в 2018–2020 гг.

За счет операционных мероприятий и инвестиционных проектов, а также расшивки узких мест сталеплавильного производства выпуск стали на Липецкой площадке должен увеличиться на 1 млн т в год – до 14,2 млн т в год. Рост производства стали будет на 100 % обеспечен собственным железорудным сырьем Стойленского горно-обогатительного комбината за счет роста производства концентрата на 2,6 млн т, до 20 млн т в год, окатышей – на 1,3 млн т, до 8 млн т в год.

Важно отметить, что основным источником инвестиционных ресурсов ПАО «НЛМК» выступают заемные средства в период 2017–2019 гг.: 32,5 %, 42,4 % и 45,2 % соответственно, при этом их доля увеличивается.

Далее охарактеризуем состав и структуру инвестиционных ресурсов компании АО «Уральская сталь» и источников их формирования (рис. 3).

Составлено автором по материалам источника [7]

Рис. 3. Динамика и структура инвестиционных ресурсов компании АО «Уральская Сталь» в 2018–2020 гг.

К концу 2020 г. АО «Металлоинвест», ведущий производитель и поставщик железорудной продукции и горячебрикетированного железа на мировом рынке, один из региональных производителей высококачественной стали, запустил в опытно-промышленную эксплуатацию доменную печь № 2 на предприятии «Уральская Сталь». Объем инвестиций в проект составил 2,5 млрд руб. (без НДС) [8].

Перевооружение доменных печей – важный этап комплексной программы развития АО «Уральская Сталь». В результате ее реализации компания получает современный мощный производственный комплекс.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, основными проблемами оптимального управления инвестиционными ресурсами в разрезе исследованных предприятий на сегодняшний день являются:

- высокий уровень финансового риска деятельности российских предприятий, в результате чего снижается возможность привлечения кредитных ресурсов по приемлемым процентным ставкам;
- целевой характер подавляющего большинства заемных ресурсов создает для компании ограничения в их использовании и, таким образом, может приводить к потере выгоды;
- преобладание необходимости возврата заемного капитала в короткие сроки, что обусловлено последними изменениями в финансовой, экономической и политической ситуации в стране. В частности, банковские учреждения все реже предоставляют долгосрочные займы предприятиям, а кредиторы начинают сокращать сроки расчетов, часть из них вообще переходит на полную предоплату;
- неоптимальность структуры заемных ресурсов, которая может быть вызвана как невозможностью широкой дифференциации таких ресурсов, так и недостатками (или вообще отсутствием) политики управления заемными ресурсами;
- падение объемов реализации продукции, а следовательно, снижение возможности финансирования текущей деятельности за счет собственных средств и повышения необходимых объемов заемных средств для обеспечения нормального функционирования предприятия.

Итак, как видим, подавляющее большинство проблем, которые имеются сегодня при формировании капитала российскими компаниями, обусловлены негативными тенденциями во внешней среде их функционирования и, в частности, политической и финансовой нестабильностью в России. Такая ситуация требует только большего сосредоточения предприятий в вопросах совершенствования внутреннего управления формированием и использованием заемного капитала для обеспечения оптимальных его показателей.

Библиографический список

1. ПАО «Северсталь». *Официальный сайт*. <https://severstal.com/rus/ir/> (дата обращения: 21.08.2022).
2. Бондаренко И.С., Бурковский В.И., Поздняков А.А. Анализ конкурентоспособности экономик Российской Федерации и Германии. *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*. 2019;2(29):52–59. <https://doi.org/10.21777/2587-554x-2019-2-52-59>
3. Веселовский В.В., Щербakov В.А. Финансовое планирование и управление формированием заемного капитала в развитии бизнеса предприятий на современном этапе развития российской экономики. *Финансы и кредит*. 2019;9:29–37.
4. Гейман О.Б. Особенности инвестиционного процесса в России. *Наука и современность*. 2016;28:249–253.
5. Буневич К.Г., Мутовкина А.Е. Влияние прямых иностранных инвестиций на макроэкономические показатели и международный рейтинг России. *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*. 2018;3(26):7–15. <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2018-3-7-15>
6. ПАО «НЛМК». *Официальный сайт*. <https://nlmk.com/ru/> (дата обращения: 21.08.2022).
7. Интерфакс. *Центр раскрытия корпоративной информации*. <https://www.e-disclosure.ru> (дата обращения: 21.08.2022).
8. Иванова О.С., Ниязбекова Ш.У. Развитие fintech и big data в финансовой сфере: особенности, проблемы, возможности. *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*. 2020;1(32):30–36. <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2020-1-30-36>

References

1. Severstal. *Official website*. <https://severstal.com/rus/ir/> (accessed 21.08.2022).
2. Bondarenko I.S., Burkovsky V.I., Pozdnyakov A.A. Analysis of the competitiveness of the economies of the Russian Federation and Germany. *Moscow Witte University Bulletin. Series 1: Economics and Management*. 2019;2(29):52–59. <https://doi.org/10.21777/2587-554x-2019-2-52-59>
3. Veselovsky V.V., Shcherbakov V.A. Financial planning and management of the formation of borrowed capital in the development of business enterprises at the present stage of development of the Russian economy. *Finance and credit*. 2019;9:29–37.
4. Geiman O.B. Features of the investment process in Russia. *Science and Modernity*. 2016;28:249–253.
5. Bunevich K.G., Mutovkina A.E. The influence of foreign direct investment on macroeconomic indicators and the international rating of Russia. *Moscow Witte University Bulletin. Series 1: Economics and Management*. 2018;3(26):7–15. <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2018-3-7-15>
6. Novolipetsk Steel (NLMK). *Official website*. <https://nlmk.com/ru/> (accessed 21.08.2022).
7. Interfax. *Corporate Information Disclosure Center*. <https://www.e-disclosure.ru> (accessed 21.08.2022).
8. Ivanova O.S., Niyazbekova Sh.U. The development of fintech and big data in the financial sector: features, problems, opportunities. *Moscow Witte University Bulletin. Series 1: Economics and Management*. 2020;1(32):30–36. <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2020-1-30-36>

Оценка технологических возможностей противодействия мошенническим практикам в банковском секторе

Бердышев Александр Валентинович

Канд. экон. наук, доц. департамента банковского дела и монетарного регулирования
ORCID: 0000-0002-0634-9321, e-mail: AVBerdyshev@fa.ru

Зархин Иван Евгеньевич

Студент, ORCID: 0000-0002-5335-3470, e-mail: zarhin2002@gmail.com

Катышева Арина Алексеевна

Студент, ORCID: 0000-0002-7421-6272, e-mail: arinakatysheva@gmail.com

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

В связи с усилением западных санкций на российский банковский сектор резко выросло число злоумышленников, пользующихся доверием паникующих вкладчиков и нестабильной обстановкой на банковском рынке. В статье рассматриваются ключевые вопросы применения анализа больших данных как технологической основы противодействия мошенничеству в практической деятельности банков. Задачи такой борьбы – определить операции злоумышленников в потоке больших объемов статистической информации с наибольшей точностью и принять превентивные меры для минимизации ущерба. Целью статьи является оценка возможности использования банками технологии машинного обучения и разработка алгоритма выявления мошеннических операций на основе программирования. Особое внимание уделяется текущей экономической обстановке, ее влиянию на финансовую систему в целом, и особенно на переориентацию деятельности банковского сектора на борьбу с мошенническими действиями в условиях активизации фрод-деятельности.

Ключевые слова

Банки, транзакции, мошеннические операции, большие данные, искусственный интеллект, машинное обучение, антифрод-системы

Для цитирования: Бердышев А.В., Зархин И.Е., Катышева А.А. Оценка технологических возможностей противодействия мошенническим практикам в банковском секторе // Вестник университета. 2022. № 10. С. 193–204.

Assessment of technological capabilities to counter fraudulent practices in the banking sector

Aleksandr V. Berdyshev

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Banking and Monetary Regulation Department
ORCID: 0000-0002-0634-9321, e-mail: AVBerdyshev@fa.ru

Ivan E. Zarkhin

Student, ORCID: 0000-0002-5335-3470, e-mail: zarhin2002@gmail.com

Arina A. Katysheva

Student, ORCID: 0000-0002-7421-6272, e-mail: arinakatysheva@gmail.com

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

In connection with the strengthening of Western sanctions on the Russian banking sector, the number of malefactors, who enjoy the confidence of panicking depositors and the unstable situation in the banking market, has increased dramatically. The article discusses the key issues of the application of big data analysis as a technological basis for countering fraud in the practical activities of banks. The objectives of such a struggle are to determine the operations of intruders in the flow of large volumes of statistical information with the greatest accuracy and to take preventive measures to minimize damage. The purpose of the article is to assess the possibility of using machine learning technology by banks and develop an algorithm for detecting fraudulent transactions based on programming. Particular attention is paid to the current economic environment, its impact on the financial system as a whole, and in particular, on the reorientation of the banking sector to combat fraud in the context of increased fraud activity.

Keywords

Banks, transactions, fraudulent transactions, big data, artificial intelligence, machine learning, anti-fraud systems

For citation: Berdyshev A.V., Zarkhin I.E., Katysheva A.A. (2022) Assessment of technological capabilities to counter fraudulent practices in the banking sector. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 193–204.

ВВЕДЕНИЕ

В практической деятельности банк получает и хранит в своих базах огромный объем информации о клиенте: от уровня его дохода до суммы, локации и времени совершения каждой операции. Все доступные банку данные представляют собой состоящий из множества строк массив и формируют поведенческую картину клиента, анализировать которую крайне важно для того, чтобы банк мог составлять индивидуальные предложения и снижать собственные затраты и риски. Разумеется, вручную обработать огромный объем информации не представляется возможным, что предполагает применение машинного обучения в банковской деятельности. Однако в современных условиях далеко не каждый банк обладает развитой цифровой системой и может моментально отслеживать проводимые операции, что определяет необходимость разработки удобного и понятного алгоритма работы с большими данными (англ. big data).

© Berdyshev A.V., Zarkhin I.E., Katysheva A.A., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Современная геополитическая ситуация серьезно повлияла на стабильность российской экономики, в том числе на работу банковского сектора. Обострившаяся ситуация сказалась и на психологическом состоянии россиян. Статистика показывает, что 70 % населения испытывают повышенную тревогу относительно текущей экономической ситуации. 60 % россиян заявляют, что санкции во многом повлияли на характер их потребления [1]. Следует отметить и тот факт, что повышение уровня цен при неизменном уровне зарплат является основным страхом граждан в 2022 г., по версии Всероссийского центра изучения общественного мнения [2]. Нестабильная макроэкономическая ситуация в сочетании с тревожными ожиданиями населения усиливают панические настроения, в особенности среди пользователей банковских услуг, что может спровоцировать массовый отток вкладов и способствовать обострению проблем банковского сектора с ликвидностью.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В современных условиях банкам как никогда важно сохранить доверие клиентов. Из-за ужесточения коллективных санкций Запада сделать это становится все труднее. Основные системно значимые банки, на долю которых приходится почти 75 % всех сбережений россиян, попали в список CAPTA (англ. Correspondent Account or Payable-Through Account Sanctions – санкции в отношении корреспондентского счета или счета с оплатой через счет) или SDN (англ. Specially Designated Nationals and Blocked Persons – специально назначенные граждане и заблокированные лица) – еще более жесткий пакет, введенный США в начале марта 2022 г. Многие не только государственные, но и частные банки подверглись жестким санкционным ограничениям. Так, например, введенными Великобританией в отношении Банка ВТБ санкциями была блокирована его дочерняя компания VTB Capital PLS, стоимость которой оценивается в 416 млн долл. США.

В складывающихся обстоятельствах банкам необходимо максимально сохранять лояльность клиентов и избежать банковской паники. В этой ситуации они все более активно прибегают к детальному анализу поведения клиентов [3]. Эта возможность обеспечивается на основе использования методов машинного обучения, способных за считанные секунды обработать объемный массив данных по проведенным транзакциям и вывести требуемые результаты.

Анализ больших данных в банковском секторе способствует снижению вероятности возникновения банковской паники посредством определения структуры расходов клиентов, выяснения транзакционных каналов, обнаружения и предотвращения мошенничества, а также оценки рисков и безопасности личных данных [4]. Анализ данных по клиентопотоку является распространенной банковской практикой, в то время как оценка финансовой безопасности – инновационное направление для России. Как указывается в отчете McKinsey, в США порядка 76 % крупнейших банков уже активно применяют технологии анализа больших данных с целью увеличения числа транзакций, повышения лояльности и улучшения качества взаимодействия с клиентами. Консалтинговая компания Gartner оценивает вовлеченность компаний по всему миру в развитие этих инноваций на уровне 34 % [5]. Примечательно, что четверть этого показателя формируется банковским сектором, что подтверждает актуальность анализа в банковской сфере. Действительно, эта технология способствует решению значительного количества существующих проблем и укреплению доверия клиентов к финансовому институту. Одной из наиболее актуальных задач современных российских банков, которая может быть решена с помощью больших данных, является противодействие финансовому мошенничеству [6].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Турбулентная макроэкономическая ситуация и усиление панических настроений клиентов способствуют активизации мошенничества с банковскими картами и денежными переводами. Только за три месяца 2022 г. кража данных клиентов и количество незаконных транзакций возросли на 40 % [7]. Основными типами мошенничества в банковской сфере являются CNP-атаки (англ. Card Not Present Transaction – операции без присутствия карты), когда для совершения противоправного действия не требуется банковская карта, Scam-кража (англ. scam – мошенничество), основанная на одобрении клиентом незаконного платежа и кибер-мошенничество – наиболее распространенный в современном цифровом мире вид атаки [8; 9]. Разумеется, каждый тип требует отдельного изучения и индивидуальной разработки подходов к его предотвращению, однако существуют единые каналы и методы кражи данных и денежных средств, отследить которые возможно при помощи искусственного интеллекта.

Ручная обработка массивов данных представляет собой сложный процесс по причине ограниченного доступа к информации, ее большого объема, отсутствия единой формализации и медленных процессов обработки огромных баз данных. Именно поэтому большинство антифрод-систем построены на моделях машинного обучения, автоматически определяющих подозрительные транзакции по определенным паттернам. Так, 82 % мошеннических действий может быть выявлено с помощью автоматизированных систем отслеживания транзакций, что превышает показатели других каналов. Для сравнения, системы ручного управления обеспечивают возможность отследить лишь 71 % противоправных транзакций; отдел аудита способен выявить только 58 % от их общего числа; на основе информации, полученной банком от третьих сторон (другие банки, мобильные операторы, инвестиционные платформы и т.п.), которым клиенты предоставляют свои данные, может быть выявлено 55 % мошеннических транзакций; по информации, поступающей на горячую линию банка, идентифицируется 68 % мошеннических операций [7].

Большинство розничных банков уже способны предотвращать наиболее распространенные формы мошенничества, отслеживая сомнительные транзакции по нетипичному IP-адресу (англ. Internet Protocol) клиента, времени или локации совершенной транзакции [10]. Основная задача современного банкинга – постоянное совершенствование систем противодействия финансовому мошенничеству. Далее, с целью оценки возможностей технологии больших данных в процессе противодействия мошенничеству в банковской сфере, будет предложена аналитическая модель антифрод-системы (англ. fraud – мошенничество), построенная авторами на языке программирования Python, которая на основе обработки загруженного массива данных, автоматически прогнозирует, какая транзакция будет с наибольшей вероятностью мошеннической.

Отметим, что принципы работы всех антифрод-систем однотипны. Чтобы валидировать транзакции, алгоритм сравнивает их в соответствии с определенными условиями и правилами, что позволяет отнести операцию к категории мошеннических. Если операция не проходит по определенному критерию, то процесс валидации завершается, а операция блокируется для последующего разбирательства [11].

В качестве входных данных будет использоваться информация о проведенных за сутки транзакциях условным банком «Омега» (табл. 1).

Таблица 1

База данных о транзакциях банка «Омега»

Машинный код: In [190]: database Out [190]:							
Тип транзакции	Число транзакций	Сумма транзакции	Валюта	Разные получатели	Единственный IP-адрес аккаунта	Комментарий к транзакции	Мошенничество
Элитный бутик	1	110	руб.	Нет	Да	Нет	Нет
Электронная коммерция	6	30	евро	Да	Нет	Да	Нет
Электронная коммерция	1	15	долл. США	Нет	Нет	Да	Нет
Снятие наличных	3	185	долл. США	Нет	Да	Да	Да
Перевод	15	10 300	руб.	Да	Да	Нет	Нет
Перевод	2	19 800	руб.	Нет	Нет	Нет	Нет
Снятие наличных	4	60 50	руб.	Да	Да	Да	Да
Электронная коммерция	2	2 100	долл. США	Нет	Нет	Да	Да
Элитный бутик	1	1 350	руб.	Да	Да	Нет	Нет
Снятие наличных	1	5 100	руб.	Нет	Да	Да	Нет
Перевод	3	75 000	руб.	Нет	Нет	Нет	Да

Тип транзакции	Число транзакций	Сумма транзакции	Валюта	Разные получатели	Единственный IP-адрес аккаунта	Комментарий к транзакции	Мошенничество
Электронная коммерция	1	990	евро	Нет	Нет	Да	Да
Элитный бутик	1	75	евро	Нет	Нет	Нет	Нет
Перевод	2	110	долл. США	Да	Нет	Нет	Да
Элитный бутик	1	21 000	руб.	Нет	Да	Нет	Нет
Снятие наличных	4	65 000	руб.	Да	Да	Нет	Да
Элитный бутик	2	20	евро	Нет	Нет	Да	Да
Электронная коммерция	1	145	долл. США	Нет	Нет	Нет	Нет
Перевод	4	310	евро	Да	Нет	Да	Да
Снятие наличных	2	820	долл. США	Нет	Нет	Нет	Да
Элитный бутик	1	690	руб.	Нет	Да	Да	Нет
Электронная коммерция	3	85	евро	Нет	Нет	Нет	Да
Снятие наличных	4	9 700	руб.	Да	Да	Нет	Да
Перевод	2	18 500	руб.	Да	Да	Нет	Нет
Перевод	7	73 500	руб.	Нет	Да	Да	Нет

Составлено авторами по материалам источника [12]

База данных включает 25 транзакций, в которых уже содержится информация о том, совершена ли операция мошенником или нет. Каждая мошенническая атака включает определенные паттерны, характеризующие ее как подозрительную. Главная задача банка – определить эти признаки и обучить будущую модель находить их.

На начальном этапе данные о транзакциях разделяются на две выборки – обучающую, на которой модель будет учиться определять закономерности, и контрольную, с помощью которой модель проверяется на точность. Пусть в тренировочную выборку войдут первые 20 значений, а в тестовую – последние 5. Они будут содержаться в двух файлах формата Excel под названиями «database» для тренировочных данных и «control» – для контрольных. Важно, чтобы данные были представлены в формате латинского алфавита, иначе Python не сможет с ними работать.

После подготовки данных в Python импортируются основные статистические и математические пакеты и загружаются базы данных в программу. Прежде всего, будет использоваться статистическая библиотека numpy, библиотека pandas как надстройка к numpy с мощными инструментами прогнозирования и библиотека для визуализации matplotlib. Библиотека sklearn понадобится для будущего построения дерева решений.

На начальном этапе подготовки программы к работе импортируем необходимые для анализа библиотеки:

```
#импортируем необходимые библиотеки
import numpy as np
import pandas as pd
import matplotlib.pyplot as plt
import os import pydotplus
import seaborn as sns
from sklearn.metrics import accuracy_score
from sklearn.tree import DecisionTreeClassifier
```

Называем переменные путем файла к нему:

```
database = pd.read_csv(r"C:/Users/UserName/Desktop/Python/database.csv", delimiter = ";")
control = pd.read_csv(r"C:/Users/UserName/Desktop/Python/control.csv", delimiter = ";")
```

На следующем этапе необходимо определить, какие признаки являются статистически значимыми. Для этого анализируется отдельно каждый параметр методами статистики. Попробуем выявить закономерность для числа транзакций (number of transactions). Существует гипотеза, что мошенники будут совершать большее число транзакций, так как банковские переводы – основная сфера их деятельности [13]. Найдем медиану от количества транзакций:

In [136]:

```
#Мошеннические операции характеризуются большим числом транзакций
```

```
database.groupby("Fraud")["Number of transactions"].median()
```

Out [136]:

Fraud

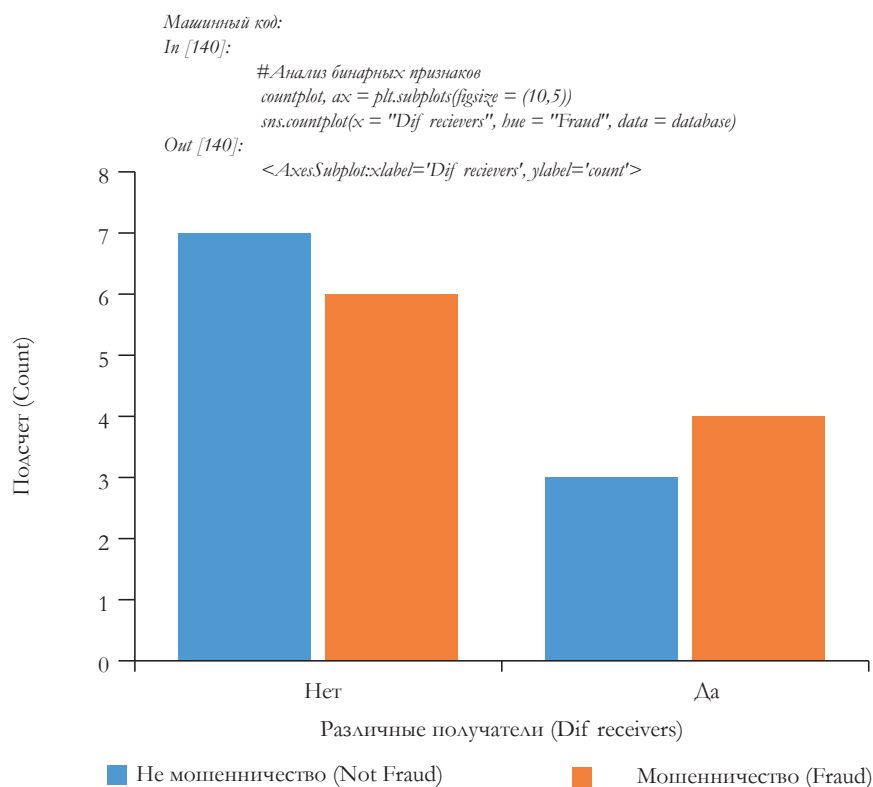
No 1.0

Yes 2.5

Name: Number of transactions, dtype: float64

Гипотеза подтвердилась: мошенники действительно совершают большее число транзакций.

Теперь проанализируем бинарные признаки. Начнем со столбца «Разные получатели» (Dif receivers), который показывает, разным ли получателям перечислена сумма. Как правило, мошенники совершают переводы на различные карты или тратят деньги в разных местах, чтобы замести цифровой след, поэтому у фрод-операции количество переводов нескольким лицам должно встречаться чаще. Гипотеза была подтверждена с помощью гистограммы (рис. 1).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Гистограмма соотношения фрод-транзакции и количества получателей перевода

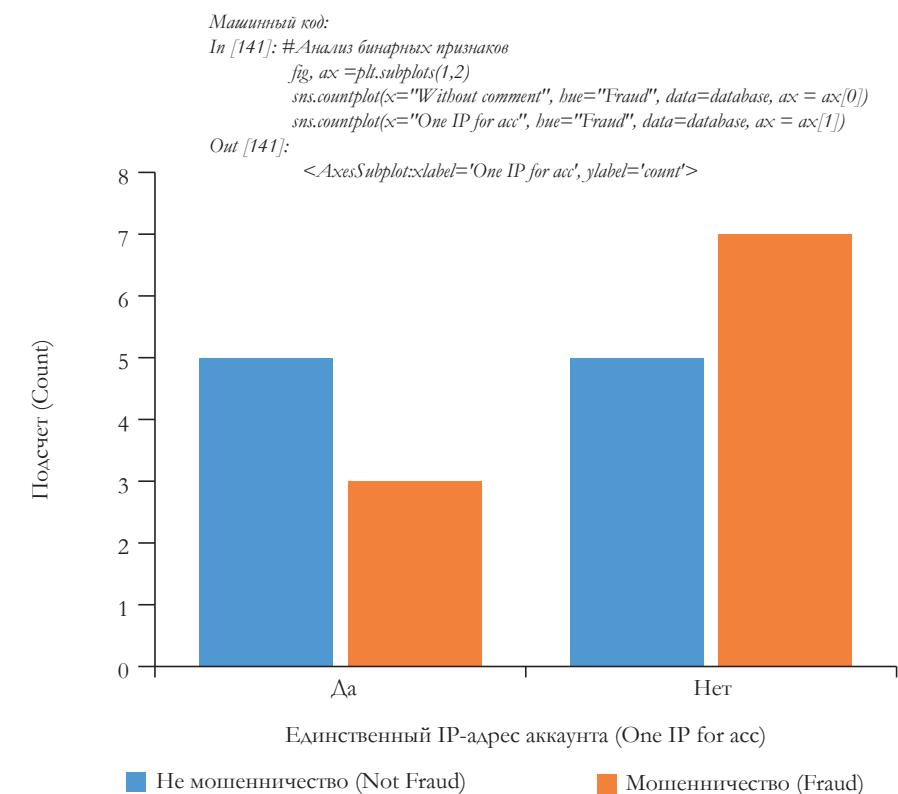
Основываясь на данных гистограммы, можно сделать вывод о том, что при подозрительной транзакции перевод действительно чаще осуществляется на несколько карт или счетов. Тем не менее, транзакция может являться корректной при переводе в пользу разных людей, например, если владелец карты совершил покупку в разных магазинах в период распродажи. Поэтому по одному паттерну нельзя делать какие-либо выводы. Это будет относиться и к последующим анализируемым параметрам.

Аналогично проверяются два других бинарных признака: «Единственный IP-адрес аккаунта» (One IP for acc) и «Комментарий к транзакции» (Without comment). «Единственный IP-адрес аккаунта» проверяет, со скольких IP-адресов был совершен вход в аккаунт владельца карты: с одного (Да) или с разных (Нет) (рис. 2). Предположение авторов заключается в том, что при подозрительной операции вход будет чаще совершен с компьютера мошенника или даже нескольких компьютеров группы мошенников, поэтому IP за день сменится минимум дважды.

«Комментарий к транзакции» показывает, указал ли оператор назначение транзакции. Гипотеза указывает на то, что мошенник маловероятно будет оставлять комментарии о платеже, он просто переведет деньги. Для данных признаков также построена гистограмма (рис. 3).

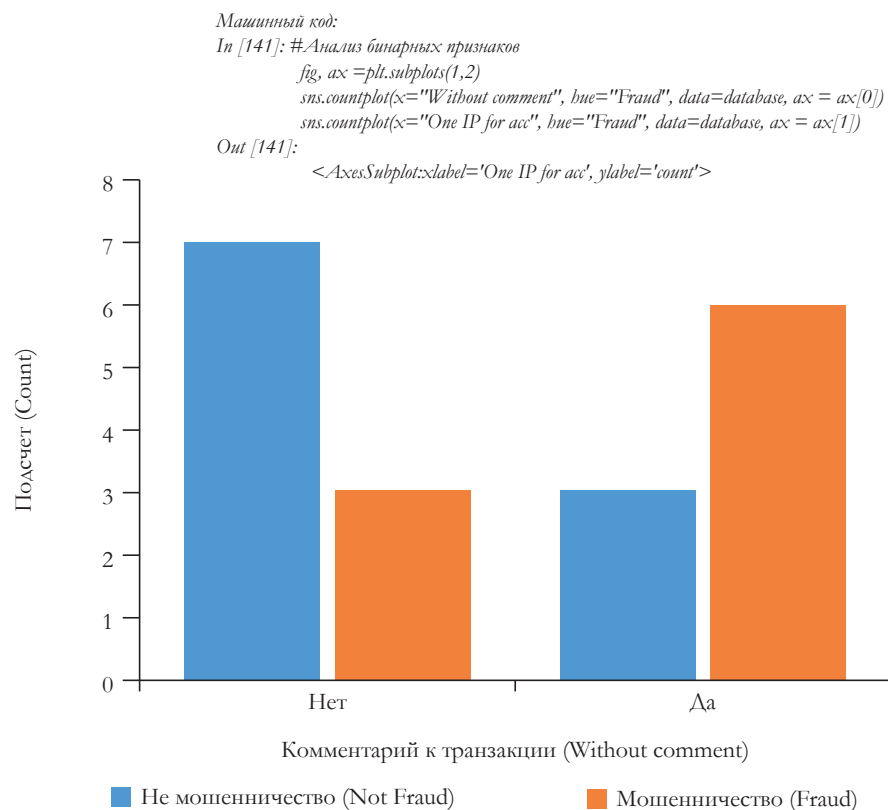
Основываясь на представленных данных, отметим, что чаще при фрод-операции отсутствует комментарий к платежу и вход в банковский аккаунт осуществляется с разных IP-адресов, что подтверждает справедливость гипотезы.

Далее проверим категориальные признаки, где результатов может быть несколько. Проанализируем виды транзакций (type of transaction). Всего за день были совершены четыре типа операций: – покупки в элитных бутиках (luxury store), например, в ювелирных или бренд-бутиках, электронная коммерция (e-commerce) – покупки на онлайн-площадках и в интернет-магазинах, перевод денег

Составлено авторами по материалам исследования

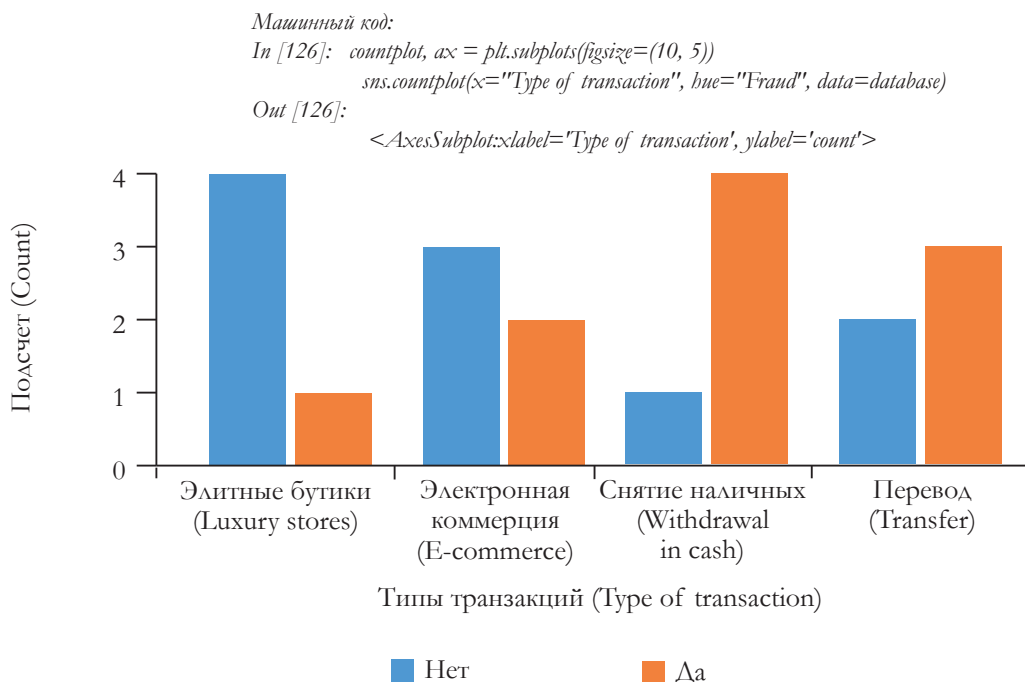
Рис. 2. Гистограмма отнесения транзакции к мошеннической по признаку «Единственный IP-адрес аккаунта»

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Гистограмма отнесения транзакции к мошеннической по признаку «Комментарий к транзакции»

с карты на карту (transfer) и снятие наличных денег (withdrawal in cash). Посмотрим на диаграмме, как соотносятся вид транзакции и факт мошенничества (рис. 4).

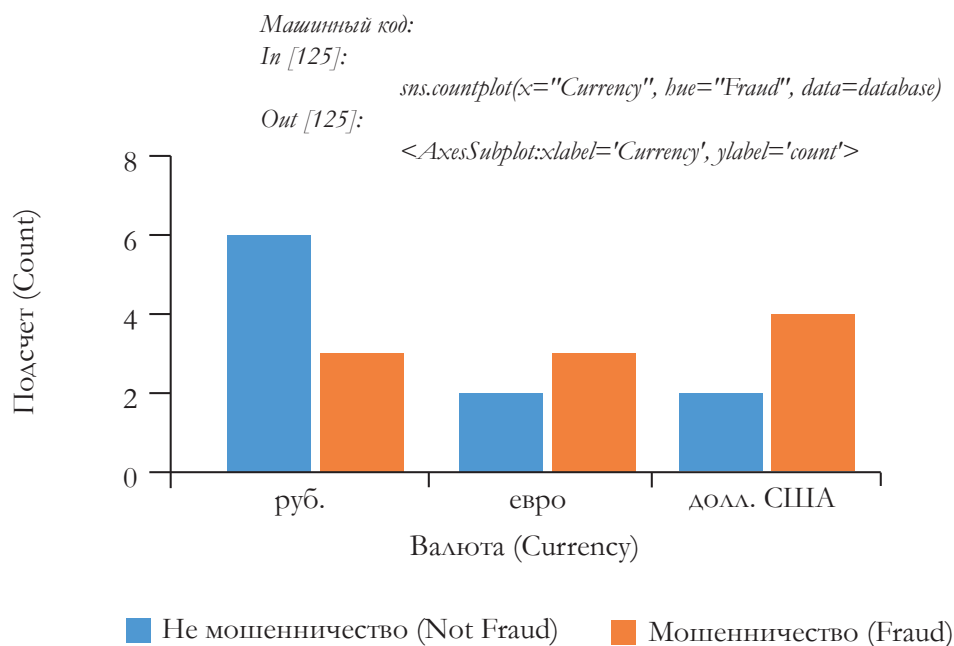

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 4. Гистограммы отнесения транзакции к мошеннической по типу операции

Представленные данные свидетельствуют о том, что наиболее часто мошенничество совершается в процессе снятия наличных. На втором месте находятся денежные переводы. Покупки в онлайн-магазинах, а также в элитных бутиках намного реже совершаются мошенниками, так как покупки за чужой счет могут вызвать подозрение со стороны банка и раскрыть преступника, поэтому злоумышленники будут чаще стремиться заполучить именно денежные средства.

Анализ транзакций по валюте платежа (currency) также может быть полезен в определении факта кражи денежных средств с карты. Обратим внимание на построенную на основе этого предположения гистограмму (рис. 5).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 5. Гистограммы отнесения транзакции к мошеннической по валюте платежа

Представленные данные свидетельствуют о том, что мошенничество чаще совершается не в рублях, а в евро и долларах. Трансграничность этих валют позволяет быстро вывести средства за границу и разместить их, например, в иностранном банке или на офшорном счете, что существенно осложняет их возврат. Такое распределение валют указывает на реальный факт международных мошеннических сетей, которые занимаются незаконной деятельностью за пределами нашей страны, поэтому им выгоднее использовать мировые валюты.

В целях дальнейшего анализа необходимо рассмотреть распределение суммы одной транзакции (Sum of one transaction) при совершении операции. Создадим новый столбец «Сумма одной транзакции», который мы получим, поделив сумму всех транзакций на их количество. Столбец «Сумма» (Sum), показывающий сумму всех транзакций для одной операции, удалим, так как он малоинформативен и впоследствии использоваться не будет (табл. 2).

Таблица 2

База данных транзакций с новой колонкой о сумме одной транзакции

Машинный код: In [145]: #Добавим дополнительное поле "Sum of one transaction" database.insert(3, "Sum of one transaction", database["Sum"] / database["Number of transactions"]) del database["Sum"] database.head() Out [145]:							
Тип транзакции	Число транзакций	Сумма одной транзакции	Валюта	Разные получатели	Единственный IP-адрес аккаунта	Комментарий к транзакции	Мошенничество
Элитный бутик	1	110,000 000	руб.	Нет	Да	Нет	Нет
Электронная коммерция	6	5,000 000	евро	Да	Нет	Да	Нет
Электронная коммерция	1	15,000 000	долл. США	Нет	Нет	Да	Нет
Снятие наличных	3	61,6 666 667	долл. США	Нет	Да	Да	Да
Перевод	15	686,666 667	руб.	Да	Да	Нет	Нет

Составлено авторами по материалам исследования

Сумма одной транзакции может быть полезна при определении того, является ли операция подозрительной или нет. Как правило, мошенники стремятся совершать небольшие переводы, так как крупные транзакции привлекают внимание не только банка и клиента, но и налоговых органов.

Также размер транзакции может зависеть от валюты перевода. Эту зависимость, если она существует, нам необходимо найти. С целью определения разброса сумм для трех разных валют при мошеннических и правомерных операциях был запущен код и получены данные, представленные в табл. 3.

Таблица 3

Распределение суммы одной транзакции в зависимости от валюты при мошеннических и правомерных операциях

Машинный код: In [147]: _, axes = plt.subplots(nrows=1, ncols=3, figsize=(15, 5)) for money, curr in enumerate(["RUB", "DOL", "EUR"]): ax = axes[money % 3] sns.boxplot(x="Fraud", y="Sum of one transaction", data=database[database["Currency"] == curr], ax=ax) ax.set_ylabel(curr) Out [147]:		
Валюта транзакции	Сумма правомерной операции	Сумма мошеннической операции
руб.	4 000	16 000
долл. США	90	210

Валюта транзакции	Сумма правомерной операции	Сумма мошеннической операции
евро	50	80

Составлено авторами по материалам исследования

Представленные данные свидетельствуют о том, что средняя сумма одной транзакции в рублях и долларах США значительно выше, чем сумма одного мошеннического перевода в евро. Причем заметно, что средняя сумма перевода в международных валютах меньше рублевой минимум в два раза. Обычно трансграничные платежи проверяются тщательнее, поэтому мошенники стремятся быть как можно более осторожными, что определяет существенное превышение рублевых мошеннических операций над валютными.

Проверив все факторы и определив, что каждый из них в той или иной степени может указывать на то, является ли операция мошеннической или нет, можем перейти к разработке модели. Для начала необходимо закодировать тренировочные данные. Отметим, что модели, анализирующие данные, могут работать только с числовыми значениями.

В задаче будет использоваться метод машинного обучения – построение дерева решений. Мы должны разбить обе базы данных (обучающую и тренировочную) на две части – целевое значение (*target_database* и *target_control*) и описательные значения (*var_database* и *var_control*), от которых зависит целевое. Целевые значения равны показателям мошенничества в первоначальных файлах (табл. 4).

Таблица 4

Часть новой базы данных транзакций

Машинный код: In [198]: <pre>to_code = database.columns.drop(['«Number of transactions», «Sum of one transaction»]) for df in [database, control]: df[to_code]=df[to_code].apply(lambda column: pd.Categorical(column).codes) var_database = database[database.columns.drop('«Fraud»')] target_database = database['«Fraud»'] var_control = control[control.columns.drop('«Fraud»')] target_control = control['«Fraud»'] var_database.head() Out [198]:</pre>						
Тип транзакции	Число транзакций	Сумма одной транзакции	Валюта	Разные получатели	Единственный IP-адрес аккаунта	Комментарий к транзакции
1	1	110,000 000	2	0	1	0
0	6	5,000 000	1	1	0	1
0	1	15,000 000	0	0	0	1
3	3	61,6 666 667	0	0	1	1
2	15	686,666 667	2	1	1	0

Составлено авторами по материалам исследования

На следующем этапе необходимо построить дерево решений, которое будет прогонять все значения по блокам условий. Если условие выполняется (или не выполняется), значение будет сдвинуто на блок ниже до тех пор, пока программа не дойдет до конца ветви и не получит итоговое значение. Дерево будет построено на основе целевых и вариативных значений тренировочной выборки. Затем по полученной древовидной структуре будут пропущены контрольные данные для проверки работы программы. В процессе построения дерева на основе использования функции семейства *DecisionTreeClassifier* из библиотеки *sklearn* был получен следующий результат:

In [200]:

```
decide = DecisionTreeClassifier(random_state=17)
decide.fit(var_database, target_database)
predictions = decide.predict(var_control)
```

```
print(predictions)
[0 1 1 0 0]
```

Построив дерево, мы пропустили через него данные из выборки `var_control`. Получили результаты в квадратных скобках, где 0 – «чистая операция», а 1 – «мошенничество». Ниже представлены результаты оценки результативности построенной модели.

```
In [201]:
print(accuracy_score(target_control, predictions) * 100)
print(predictions)
print(target_control.values)
100.0
[0 1 1 0 0]
[0 1 1 0 0]
```

Как видим, модель благополучно предсказала 100 % мошеннических операций. Отметим, что в реальности точность прогнозирования будет снижаться в условиях большего количества данных и неопределенности, но в целом антифрод-системы работают схожим образом. На практике данные автоматически обновляются на основе информации о новых транзакциях, поэтому каждая последующая версия модели будет «умнее» предыдущей, обучаясь на все новых и новых входных данных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что применение машинного обучения в банковском секторе призвано способствовать противодействию мошенническим практикам и повышению удовлетворенности клиентов качеством работы банков. Использование анализа больших данных на основе искусственного интеллекта обеспечивает возможность получения практических результатов. Примером использования данной инновации является создание антифрод-системы, позволяющей отслеживать каждую проводимую банком транзакцию, и на основе загруженных в модель паттернов определять, является ли конкретная транзакция сомнительной. Преимуществом разработанной авторами модели является ее относительная простота и понятность для неподготовленного с технической точки зрения персонала, а также подтвержденная на реальном примере точность работы и относительно низкие затраты на запуск и поддержку ее функционирования. В целом автоматизация монотонных проверок и мониторинга операций позволит банкам избежать связанных с человеческим фактором ошибок и обеспечит высвобождение финансовых и трудовых ресурсов.

Библиографический список

1. Мамиконян О. 70 % россиян испытывают тревогу из-за сложившейся социально-экономической ситуации. *Forbes*. Среда 16 марта 2022. <https://www.forbes.ru/forbeslife/459195-70-rossian-ispytyvaut-trevogu-iz-za-slozivsejsa-social-no-ekonomiceskoj-situacii> (дата обращения: 18.08.2022).
2. Калюков Е. ВЦИОМ выявил рост тревоги у россиян из-за экономического кризиса. *РБК*. Среда 22 апреля 2020. <https://www.rbc.ru/society/22/04/2020/5ea02d1c9a794704b82df2aa> (дата обращения: 19.08.2022).
3. Банки.ру. Методы борьбы с банковской паникой. https://www.banki.ru/wikibank/metodyi_borbyi_s_bankovskoy_panikoy/ (дата обращения: 25.08.2022).
4. Ostapchenya D. The role of Big data in Banking: How do modern Banks use Big Data? *Finextra*. Friday 11 June 2021. <https://www.finextra.com/blogposting/20446/the-role-of-big-data-in-banking-how-do-modern-banks-use-big-data> (accessed 25.08.2022).
5. Филина Ф. Big Data для банкира. *Ведомости*. Среда 25 октября 2017. <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2017/10/23/739068-uznat-vse> (дата обращения: 27.08.2022).
6. Бердышев А.В. Искусственный интеллект как технологическая основа развития банков. *Вестник университета*. 2018;(5):91–94. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-5-91-94>
7. KPMG. *Global Banking Fraud Survey*; May 2019. <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2019/05/global-banking-fraud-survey.pdf> (accessed 28.08.2022).
8. Гришина Е.А. Риски в платежных системах: мошеннические схемы в мире банковских карт. *Финансы и кредит*. 2018;24(6):1280–1291. <https://doi.org/10.24891/fc.24.6.1280>
9. Трифонов Д.А. Банковские карты в России: стоит ли пользоваться. *Финансовая экономика*. 2018;(9):287–291.

10. Лунина Е. Как устроен антифрод и почему с мошенниками так сложно бороться. *РБК Тренды*. Пятница 15 октября 2021. <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6167ff259a7947f4c6908e46> (дата обращения: 05.08.2022).
11. Ярцев А.Г. Алгоритмы оценки рисков и принятия решений по определению мошенничества в современных антифрод-системах. В кн. *Теплотехника и информатика в образовании, науке и производстве: Сборник докладов IX Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (ПТИМ'2021) с международным участием, Екатеринбург, 13–14 мая 2021 г.* Екатеринбург: УрФУ; 2021. С. 331–335.
12. Kaggle. *Fraud detection bank dataset 20K records binary*. <https://www.kaggle.com/datasets/volodymyrgavrysh/fraud-detection-bank-dataset-20k-records-binary> (accessed 10.08.2022).
13. Сенцова А.Ю., Тимергазин В.Э., Ильясова Р.И. Антифрод-система как инструмент предотвращения мошенничества. *Информационные технологии. Проблемы и решения*. 2021;4(17):101–107.

References

1. Mamikonyan O. 70 % of Russians are worried about the current socio-economic situation. *Forbes*. Wednesday 16 March 2022. <https://www.forbes.ru/forbeslife/459195-70-rossian-ispytyvaut-trevogu-iz-za-slozivsejsa-social-no-ekonomiceskoj-situacii> (accessed 18.08.2022).
2. Kalyukov Ye. VTsIOM has revealed an increase in anxiety among Russians due to the economic crisis. *RBC*. Wednesday 22 April 2020. <https://www.rbc.ru/society/22/04/2020/5ea02d1c9a794704b82df2aa> (accessed 19.08.2022).
3. Banki.ru *Methods for dealing with banking panic*. https://www.banki.ru/wikibank/metodyi_borbyi_s_bankovskoy_panikoy/ (accessed 25.08.2022).
4. Ostapchenya D. The role of Big data in Banking: How do modern Banks use Big Data? *Finextra*. Friday 11 June 2021. <https://www.finextra.com/blogposting/20446/the-role-of-big-data-in-banking--how-do-modern-banks-use-big-data> (accessed 25.08.2022).
5. Filina F. Big Data for a banker. *Vedomosti*. Wednesday 25 October 2017. <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2017/10/23/739068-uznat-vse> (accessed 27.08.2022).
6. Berdyshev A.V. Artificial intelligence as a technological basis of the development of banks. *Vestnik Universiteta*. 2018;(5):91–94. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-5-91-94>
7. KPMG. *Global Banking Fraud Survey*, May 2019. <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2019/05/global-banking-fraud-survey.pdf> (accessed 28.08.2022).
8. Grishina E.A. Risks in payment systems: fraudulent schemes in the world of bank cards. *Finance and credit*. 2018;24(6):1280–1291. <https://doi.org/10.24891/fc.24.6.1280>
9. Trifonov D.A. Bank cards in Russia: is it worth using. *Financial economics*. 2018;(9):287–291.
10. Lunina Ye. How antifraud works and why it is so difficult to deal with scammers. *RBC Trends*. Friday 15 October 2021. <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6167ff259a7947f4c6908e46> (accessed 05.08.2022).
11. Yartsev A.G. Algorithms for risk assessment and decision-making to detect fraud in modern anti-fraud systems. In: *Heat engineering and informatics in education, science and production: Proceedings of the IX All-Russian scientific and practical conference of students, graduate students and young scientists (TIM'2021) with international participation, Yekaterinburg, 13–14 May 2021*. Yekaterinburg: Ural Federal University; 2021. Pp. 331–335.
12. Kaggle. *Fraud detection bank dataset 20K records binary*. <https://www.kaggle.com/datasets/volodymyrgavrysh/fraud-detection-bank-dataset-20k-records-binary> (accessed 10.08.2022).
13. Sentsova A.Yu., Timergazin V.E., Ilyasova R.I. Anti-fraud system as a fraud prevention tool. *Information Technology. Problems and solutions*. 2021;4(17):101–107.

Бюджетные инструменты управления государственными финансами

Рукина Светлана Николаевна

Канд. экон. наук, доц. каф. финансов
ORCID: 0000-0003-4534-1143, e-mail: ya.svetlana-41@ya.ru

Герасимова Кристина Александровна

Ст. преп. каф. финансов
ORCID: 0000-0001-5421-5937, e-mail: h_kristina@bk.ru

Такмазян Аида Самвеловна

Канд. экон. наук, доц. каф. финансов
ORCID: 0000-0002-7486-7112, e-mail: aida.takmazyan@yandex.ru

Самойлова Карина Николаевна

Канд. экон. наук, доц. каф. финансов
ORCID: 0000-0002-3483-3866, e-mail: karina.samoylova2015@mail.ru

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

В условиях глобальных изменений перед Россией стоят задачи не только противодействия экономическим санкциям Запада, но и выполнения обязательств по реализации целей устойчивого развития, законодательно оформленных в 2018 г. Цель исследования заключается в критическом рассмотрении содержания бюджетных инструментов, их роли в современных условиях, проблем функционирования и направлений совершенствования. Ключевым инструментом государственной финансовой политики выступает федеральный бюджет, ресурсные возможности которого позволяют финансировать национальные проекты, меры по реализации Посланий Президента Российской Федерации, 42 правительственных инициативы. Сделанные выводы основываются на анализе открытых данных Министерства финансов Российской Федерации. В исследовании обосновывается необходимость трансформации института государственных программ и взаимосвязанных с ним налоговых расходов и обзоров бюджетных расходов. Выявлено, что они обеспечивают объективные доказательства принятия управленческих решений в области государственных финансов. Дальнейшее их совершенствование связано с расширением налоговой самостоятельности субфедеральной власти, а также закреплением в бюджетном законодательстве положений о формировании налоговых расходов и проведении обзоров бюджетных расходов. Результаты исследования могут использоваться органами законодательной и исполнительной власти при разработке предложений по совершенствованию бюджетного законодательства, реализация которых будет способствовать выбору актуальных направлений финансирования, эффективному использованию бюджетных средств, повышению прозрачности бюджетной информации.

Ключевые слова

Экономический рост, социальное благополучие, федеральный бюджет, национальные проекты, Послания Президента России, правительственные инициативы, государственные программы, налоговые расходы, обзоры бюджетных расходов

Для цитирования: Рукина С.Н., Герасимова К.А., Такмазян А.С., Самойлова К.Н. Бюджетные инструменты управления государственными финансами // Вестник университета. 2022. № 10. С. 205–214.

© Рукина С.Н., Герасимова К.А., Такмазян А.С., Самойлова К.Н., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Budgetary instruments of public finance management

Svetlana N. Rukina

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Finance Department
ORCID: 0000-0003-4534-1143, e-mail: ya.svetlana-41@ya.ru

Kristina A. Gerasimova

Senior Lecturer at the Finance Department
ORCID: 0000-0001-5421-5937, e-mail: h_kristina@bk.ru

Aida S. Takmazyan

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Finance Department
ORCID: 0000-0002-7486-7112, e-mail: aida.takmazyan@yandex.ru

Karina N. Samoylova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Finance Department
ORCID: 0000-0002-3483-3866, e-mail: karina.samoylova2015@mail.ru

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Abstract

In the context of global changes, Russia faces the challenges of not only countering the economic sanctions of the West, but also fulfilling its obligations to implement the Sustainable Development Goals, legislated in 2018. The purpose of the study is to critically examine the content of budget instruments, and their role in modern conditions, problems of functioning and areas of improvement. The key instrument of state financial policy is the federal budget, the resource capabilities of which make it possible to finance national projects, measures to implement the Messages of the President of the Russian Federation, 42 government initiatives. The conclusions are based on the analysis of open data of the Ministry of Finance of the Russian Federation. The study substantiates the need to transform the institute of state programs and related tax expenditures and budget expenditure reviews. It is revealed that they provide objective evidence of managerial decision-making in the field of public finance. Their further improvement is connected with the expansion of the tax independence of the sub-federal government, as well as the consolidation in the budget legislation of provisions on the formation of tax expenditures and conducting reviews of budget expenditures. The results of the study can be used by legislative and executive authorities in developing proposals for improving budget legislation, the implementation of which will contribute to the selection of relevant areas of financing, effective use of budget funds, and increased transparency of budget information.

Keywords

Economic growth, social welfare, federal budget, national projects, Messages of the Russian President, government initiatives, state programs, tax expenditures, budget expenditure reviews

For citation: Rukina S.N., Gerasimova K.A., Takmazyan A.S., Samoylova K.N. (2022) Budgetary instruments of public finance management. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 205–214.

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия XX в. мир столкнулся с изменением климата, истощением природных ресурсов, повышением частоты природных катастроф, что поставило вопрос о необходимости формирования новой концепции общественного развития. Такая концепция, основанная на парадигме устойчивого развития человечества в XXI в., была отражена в докладе Международной комиссии Организации Объединенных Наций (далее – ООН) по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» (1987 г.). В 1992 г. на международной конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро концепция устойчивого развития, включающая три компонента – экономический рост, социальное благополучие и защиту окружающей среды, получила одобрение.

Для обеспечения устойчивого развития всем государствам мира необходимо осуществить переход к «зеленой» экономике, которая, по мнению Е.Б. Рогатных и М.А. Сердунь ориентирована, с одной стороны, на повышение уровня благосостояния населения, социальную справедливость, равенство прав поколений, динамичный рост, с другой стороны – на снижение рисков деградации и уничтожения природных экосистем, повышение ресурсной устойчивости мировой экономики. Защита экологии является фундаментальной, но не единственной особенностью «зеленой» экономики. Для нее также важны создание условий для обеспечения экономического роста и социального развития стран мира [1]. Таким образом, устойчивое развитие, а следовательно, функционирование «зеленой» экономики достигается посредством ответственного ведения бизнеса с учетом трех основополагающих факторов: окружающая среда, социальное развитие, корпоративное управление (англ. ecology, social, governance – ESG принципы). Идея устойчивого развития поддерживаются и развиваются ведущими учеными, политиками, экспертами, научным сообществом, поэтому они распространились с корпоративного уровня на национальный и международный.

Следует отметить, что в Российской Федерации (далее – РФ) основы устойчивого экономического роста, предусматривающего смещение вектора развития от сырьевой направленности в сторону высокотехнологичной, социально-ориентированной, «зеленой» экономики, были законодательно оформлены относительно недавно, в 2018 г., в Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». В последующей редакции Указа Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» стратегические цели были уточнены как: «...1) сохранение населения, здоровье и благополучие людей; 2) возможности для самореализации и развития талантов; 3) комфортная и безопасная среда для жизни; 4) достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; 5) цифровая трансформация» [2].

Несмотря на вызовы, обусловленные последствиями глобальной пандемии, экономическими санкциями Запада в отношении всех секторов экономики, реализация модели устойчивого и ответственного развития продолжается. Достижение национальных целей развития является важнейшей задачей современной государственной финансовой политики. Для ее осуществления субъекты управления государственными финансами используют разнообразные бюджетные инструменты, учитывают ограниченность денежных ресурсов, повышение эффективности их использования, приоритетную направленность расходов.

Комплекс предложенных мер направлен на эффективное использование ограниченных финансовых ресурсов, что характеризует практическую значимость проведенного исследования. Его научная значимость состоит в приращении знаний в теории государственных финансов.

ОБЗОР НАУЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ

В многочисленных научных публикациях российских ученых освещаются проблемы формирования, реализации и оценки эффективности государственных программ, которые внедрены в российскую бюджетную практику в 2010 г. Меньше внимание уделяется исследователями вопросам использования налоговых расходов и обзоров бюджетных расходов. Так, Е.Г. Князева и К.Н. Самков, оценивая результаты внедрения программно-целевого планирования государственных расходов на уровне субъектов РФ, подчеркивают, что проблемы государственных программ федерального и регионального уровней во многом повторяющиеся и дополняющие друг друга, они связаны с формированием, реализацией и оценкой их эффективности [3]. Еще в 2019 г. А.И. Мастеров утверждал, что основная цель перехода к программному бюджету – увязка бюджетных ассигнований с конкретными показателями, которые необходимо выполнить, и мероприятиями – не достигнута [4]. В 2021 г. эту точку зрения подтвердили М.П. Афанасьев,

А.А. Беленчук и Н.Н. Шаш, отметив, что в течение десятилетия не удалось в полной мере реализовать преимущества программно-целевого инструментария, открывающего широкие возможности для повышения гибкости управления бюджетными ресурсами в рамках государственных приоритетов, способствующего минимизации затрат и повышению эффективности предоставления бюджетных услуг [5]. Накопленные проблемы привели к необходимости трансформации с 2022 г. института государственных программ и новых инструментов, взаимосвязанных с ними, – налоговых расходов и обзоров бюджетных расходов. О.В. Богачева и О.В. Смородинов, анализируя зарубежный опыт применения обзоров бюджетных расходов, сделали акцент на создании институциональных условий, которые должны были активизировать применение указанного инструмента [6]. Как свидетельствует практика, на сегодняшний день такие условия не созданы. С 2018 г. Министерство финансов Российской Федерации (далее – Минфин России) практикует применение обзоров бюджетных расходов, затрагивающих отдельные госпрограммы и направления деятельности главных распорядителей бюджетных средств. В 2019 г. Минфином России были проведены обзоры бюджетных расходов по пяти направлениям, в 2020г. – по шести, в 2021г. – по четырем. Они учитывались при составлении проектов федерального бюджета в программном формате на среднесрочный период. Первым субъектом, внедрившим в практику обзоры бюджетных расходов, стал город Санкт-Петербург в 2021 г. По мнению авторов, трансформация института государственных программ и взаимосвязанных с ним бюджетных инструментов открывает новые направления для научных исследований.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Цель исследования заключается в раскрытии содержания значимых бюджетных инструментов, способствующих достижению не только стратегических, но и текущих национальных приоритетов в качестве целевой ориентации государственных финансов, выявлении проблем и обосновании предложений по их устранению.

Для достижения поставленной цели решены следующие задачи:

- изучены программные документы Президента РФ и Правительства РФ, бюджетное законодательство, результаты современных научных исследований;
- проанализированы ресурсные возможности федерального бюджета как ключевого инструмента достижения целей современной финансовой политики;
- рассмотрены основные изменения в системе управления государственными программами;
- охарактеризованы налоговые расходы и обзоры бюджетных расходов, выявлена их взаимосвязь с государственными программами и обоснованы предложения по их совершенствованию.

Информационную базу исследования составили федеральное законодательство, публикации в российских научных изданиях, открытые данные Министерства финансов Российской Федерации. В качестве методологической основы применялись универсальные методы научного познания: синтез, обобщение, логико-смысловой анализ, синтез теоретического и практического материала.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

В 2021 г. Правительство РФ сформировало комплекс структурных и институциональных мер, реализация которых позволит создать основу долгосрочного экономического роста, обеспечивающего социальное благополучие и структурную модернизацию экономики. Распоряжениями Правительства РФ утверждены:

- 1) «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года» от 1 октября 2021 г., который содержит комплекс мероприятий, как входящих в национальные проекты, так и вне их [7];
- 2) «Перечень инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года» от 6 октября 2021 г. [8].

Национальные проекты, меры по реализации Посланий Президента РФ и 42 стратегических инициатив Правительства РФ можно отнести к основным инструментами достижения национальных целей. Их финансовое обеспечение представлено в таблицах 1 и 2.

Анализируя данные таблицы 1, следует обратить внимание на ежегодный рост ассигнований федерального бюджета на финансирование приоритетных расходов: с 2 420,7 млрд руб. в 2020 г. до 4 124,0 млрд руб.

в 2024 г., на 170,2 %. Финансирование мероприятий в рамках Посланий Президента РФ носит преимущественно социальную направленность, его доля в общем объеме финансирования составляет: 12,8 % в 2020 г., 42,9 % в 2021 г., 37,95 % в 2022 г., 40,8 % в 2023 г., 41,1 % в 2024 г. Остальная часть бюджетных средств направляется на финансирование 14 национальных проектов.

Таблица 1

Финансовое обеспечение приоритетных расходов федерального бюджета

Наименование	Размеры финансового обеспечения, млрд руб.				
	2020 г., оценка	2021 г., оценка	2022 г., план	2023 г., план	2024 г., план
Послания Президента Российской Федерации	310,5	1 430,6	1 421,7	1 631,0	1 695,9
Национальные проекты:	2 149,1	2 361,5	2 836,5	2 966,1	3 062,0
Демография	689,6	650,2	751,5	881,3	957,3
Здравоохранение	295,7	255,1	342,9	303,3	304,6
Образование	115,0	158,4	165,1	175,7	189,8
Жилье и городская среда	168,7	145,9	183,8	189,6	165,7
Экология	63,1	81,6	115,6	125,2	99,5
Безопасные качественные дороги	155,7	329,7	331,7	445,8	544,8
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	382,6	275,9	295,9	146,0	89,0
Производительность труда	4,1	5,0	5,5	5,8	6,8
Наука и университеты	40,3	100,0	121,0	150,4	139,1
Цифровая экономика	86,3	156,7	210,7	190,5	188,8
Культура	15,8	22,9	43,2	42,2	43,9
Малое и среднее предпринимательство	61,7	65,7	64,1	75,5	75,6
Международная кооперация и экспорт	70,4	89,8	152,5	176,8	199,7
Туризм и индустрия гостеприимства	-	24,7	52,8	57,8	57,3
Итого	2 420,7	3 334,2	3 746,2	4 000,3	4 124,0

Составлено авторами по материалам источника [9, с. 43–44]

Новым инструментом достижения национальных целей развития в бюджетном цикле 2022–2024 гг. станет комплекс из 42 правительственных инициатив социально-экономического развития, сгруппированных по шести ключевым направлениям, призванным акцентировано ускорить достижение национальных целей развития: 1) социальная сфера; 2) строительство; 3) экология; 4) цифровая трансформация; 5) технологический рывок; 6) государство для граждан (клиентоцентричность).

Таблица 2

**Финансовое обеспечение стратегических инициатив
социально-экономического развития**

Наименование направления	Размеры финансового обеспечения, млрд руб.			
	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Итого
Всего	295,0	334,9	325,9	955,8
в том числе:				
– социальная сфера	76,4	91,4	102,1	270,0

Наименование направления	Размеры финансового обеспечения, млрд руб.			
	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Итого
– строительство	35,5	40,3	35,7	115,5
– экология	35,8	40,5	42,6	119,0
– цифровая трансформация	37,6	37,0	46,3	120,9
– технологический рывок	107,2	123,7	98,9	329,8
– государство для граждан	2,5	1,9	0,3	4,6

Составлено авторами по материалам источника [9, с. 43–44]

Прогнозируемый объем бюджетных ассигнований федерального бюджета на реализацию 42 правительственных инициатив составит около 1 трлн руб. за три года, из которых почти 63 % приходится на социальную сферу и технологический рывок.

Следующим важным бюджетным инструментом реализации национальной финансовой политики являются государственные программы. Требования к ним следуют из документов стратегического планирования, а механизмы и объемы финансового обеспечения устанавливаются трехлетними бюджетами. Напомним, что федеральный бюджет функционирует в программном формате с 2010 г., бюджеты субъектов РФ – с 2015 г. За столь долгий период, как отмечалось ранее, накопилось много проблем, требующих их решения.

С 2022 г., в соответствии с постановлением Правительства РФ от 26 мая 2021 г. «О системе управления государственными программами Российской Федерации» [10], осуществляется трансформация института государственных программ, основанная на позитивном опыте реализации пилотных государственных программ, национальных проектов. Она призвана нивелировать недостатки действовавшей модели управления государственными программами: отсутствие увязки мероприятий программ с конкретными результатами; противоречивость показателей, характеризующих конечный социально-экономический эффект; смешение проектных и процессных мероприятий; сохранение бумажного документооборота и другие. Внедрение новых подходов к разработке и реализации государственных программ включает изменение системы целеполагания, структуры и содержания, их разделение программ на отраслевые и комплексные, формирование системы управления ими.

Изменение системы целеполагания и структурных элементов государственных программ ориентировано на достижение национальных целей развития России. При этом для каждой цели государственной программы и ее структурных элементов формируются показатели, отражающие общественно значимые эффекты и содержащиеся в Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации, других стратегических документах социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности РФ [10]. Разработка государственной программы базируется на принципах проектного управления, позволяющих четко выделять в ее структуре проектную часть, содержащую федеральные и ведомственные проекты, и процессную часть с комплексами процессных мероприятий (рис. 1).

Управление государственной программой осуществляет куратор, назначаемый из числа заместителей Председателя Правительства РФ, и управляющий совет, состоящий из заместителей Председателя Правительства РФ в соответствии со сферами ведения, представителей ответственного исполнителя государственной программы, руководителей федеральных, ведомственных проектов, комплексов процессных мероприятий, а также представителей Министерства экономического развития Российской Федерации (далее – Минэкономразвития России) и Министерства финансов Российской Федерации [10].

Проведенный анализ открытых данных Минфина России свидетельствует о ежегодном увеличении планируемых объемов расходов федерального бюджета на финансирование государственных программ в 2022–2024 гг.: 18 763,3 млрд руб. в 2022 г., 19 364,7 млрд руб. в 2023 г., 19 849,1 млрд руб. в 2024 г. соответственно. В абсолютном выражении программные расходы федерального бюджета увеличатся на 105,8 %, в относительном выражении – сократятся на 3,9 процентных пункта, с 79,2 % до 75,3 % [11]. Особенностью федерального бюджета является то, что его программная часть сгруппирована по восьми направлениям, в основном соответствующим национальным целям развития. По мнению авторов, это связано с возможностью реализации целей государственных программ только совместными усилиями нескольких федеральных органов исполнительной власти.

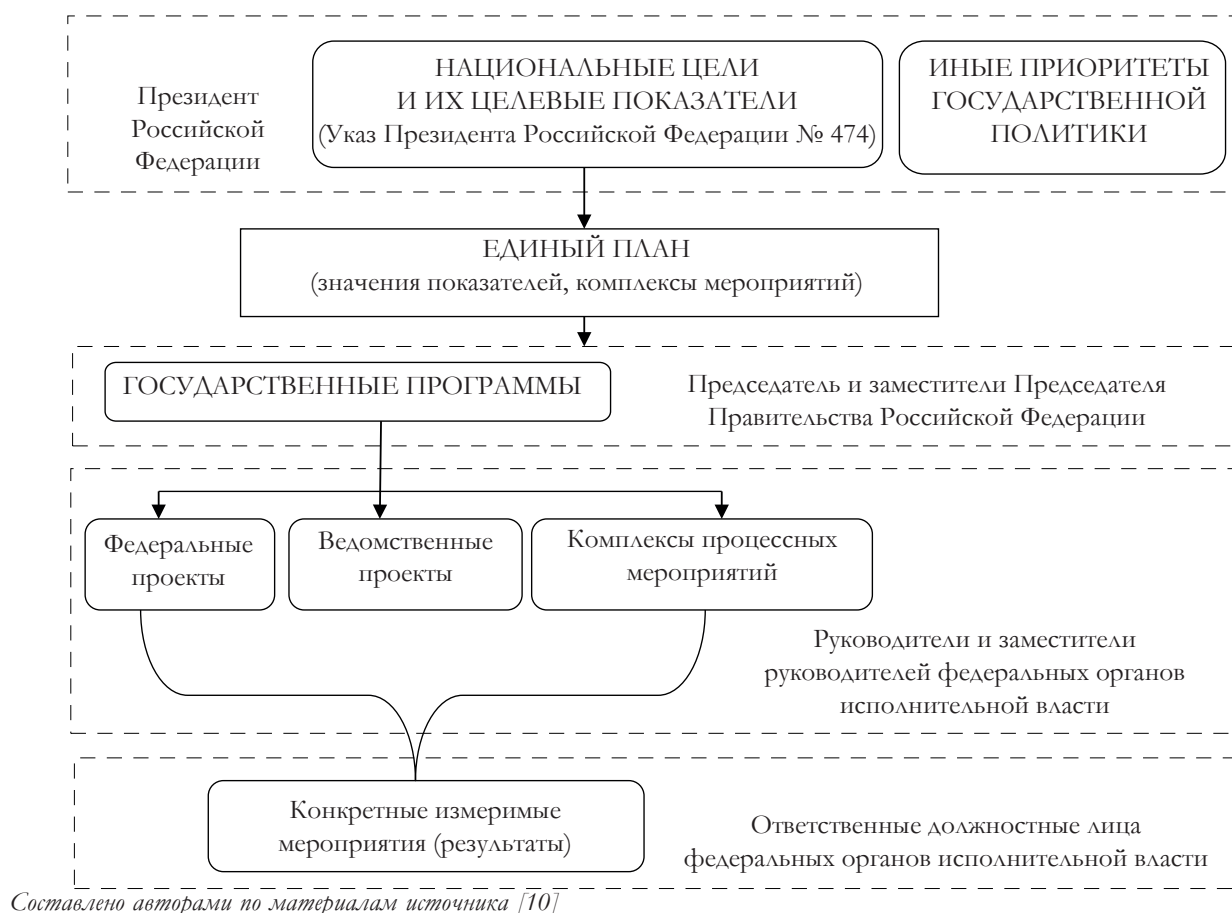

Рис. 1. Новая архитектура института государственных программ Российской Федерации с 2022 г.

Изменение подходов к управлению государственными программами РФ вызвало необходимость актуализации положений законодательства по взаимосвязанным бюджетным инструментам, в том числе по регулированию налоговых расходов. Концепция налоговых расходов, которая реализуется с 2018 г., направлена на достижение целей государственных программ и социально-экономической политики РФ. Система оценки налоговых расходов включает в себя учет налоговых расходов, оценки их объемов и эффективности. Правила формирования перечня налоговых расходов РФ и их оценки закреплены постановлением Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2019 г. В таблице 3 приведена динамика объемов налоговых расходов РФ.

Таблица 3

Динамика налоговых расходов и их распределение по государственным программам Российской Федерации

Наименование	Налоговые расходы, млрд руб.						
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г., оценка	2022 г., прогноз	2023 г., прогноз	2024 г., прогноз
Объем налоговых расходов, всего	4 448,2	5 125,6	5 304,3	6 632,0	6 887,3	7 008,0	7 556,4
в том числе							
– распределенные по государственным программам	-	-	-	-	-	-	-
– нераспределенные по государственным программам	812,3	1 094,9	1 206,7	1 457,9	1 524,2	1 653,6	1 786,9

Составлено авторами по материалам источника [11]

Как видно из данных таблицы 3, налоговые расходы федерального бюджета увеличились на 149,1 %: с 4 448,2 млрд руб. в 2018 г. до 6 632 млрд руб. в 2021 г. В среднесрочном периоде также планируется их рост, но лишь на 109,7%: с 6 887,3 млрд руб. до 7 556,4 млрд руб. Суммы налоговых расходов, распределенные по государственным программам, уменьшают объемы их финансирования, так как налогоплательщик воспользовался льготой, установленной федеральным законодательством о налогах и сборах. Между тем, имеются нераспределенные по государственным программам РФ налоговые расходы, составляющие в среднем чуть больше 20 % всего ежегодного объема налоговых расходов. Можно предположить, что это суммы социальной поддержки отдельных категорий налогоплательщиков-физических лиц.

Формирующаяся система управления налоговыми расходами РФ представляется нам сложной, громоздкой, непрозрачной. Она включает паспорта налоговых расходов и результаты оценки их эффективности, проведенные по методикам, утвержденным кураторами налоговых расходов РФ по согласованию с Минфином России и Минэкономразвития России. Результатом оценки эффективности налоговых расходов является принятие решения о пролонгации, корректировке или отмене налоговых льгот и преференций на основе комплекса мероприятий, позволяющих сделать вывод о целесообразности и результативности предоставления их налогоплательщикам.

Среди оценочных показателей:

- определение потенциального уровня востребованности налогоплательщиками предоставленных льгот;
- соответствие налоговых расходов целям государственной программы;
- вклад налоговой льготы в изменение значений индикаторов достижения целей государственной программы;
- бюджетный эффект налоговых расходов.

Все сведения о налоговых расходах предоставляются в формате электронной таблицы, содержащей более 100 позиций, для которых должен быть определен источник информации.

Ранее, раскрывая особенности системы управления налоговыми расходами в регионе, К.Н. Самойлова, С.Н. Рукина, К.А. Герасимова, А.С. Такмазян сделали акцент на ее налоговой и бюджетной составляющих. Причем налоговая составляющая является базовой, поскольку определяет налоговые полномочия законодательных органов власти субъектов РФ, установленные Налоговым кодексом РФ. К сожалению, «...они ограничивают налоговую самостоятельность субфедеральной власти, для которой финансирование текущих расходов, в том числе содержание инфраструктурных объектов, построенных в рамках национальных проектов, приобретает первоочередное значение» [12, с. 26]. Следовательно, необходимо расширить налоговую самостоятельность регионов, обеспечив стабильность налогового законодательства.

Следующим инструментом, взаимосвязанным с государственными программами, являются обзоры бюджетных расходов, которые позволяют выявить недостаточно эффективно используемые ресурсы и перераспределить их на решение наиболее приоритетных задач. Их можно рассматривать как систематический анализ базовых (постоянных) расходов бюджета по отдельным направлениям (например, государственная программа, конкретный главный распорядитель бюджетных средств, сеть подведомственных учреждений). Такой анализ позволяет определить разные варианты экономии бюджетных средств, сравнить их и выбрать наиболее приемлемый для практической реализации. При определении направлений проведения обзоров бюджетных расходов учитывается их влияние на достижение целей и задач, определенных в стратегических документах страны и субъекта РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на отсутствие Программы устойчивого социально-экономического развития как самостоятельного стратегического документа, в России реализуются национальные приоритеты, определенные в программных документах Президента РФ и Правительства РФ, важным источником финансового обеспечения которых выступает федеральный бюджет. Проведенный анализ показал, что потенциал ресурсных возможностей федерального бюджета вполне достаточен для финансирования национальных проектов, мер по реализации Посланий Президента РФ, стратегических правительственных инициатив. Начиная с 2022 г. полученный опыт финансирования национальных проектов и пилотных государственных программ, а также необходимость решения накопленных за десятилетие проблем реализации государственных программ, способствовали трансформации процесса управления ими, а также

пересмотру взаимосвязанных с ними налоговых расходов и обзоров бюджетных расходов. Дальнейшее совершенствование бюджетных инструментов связано с расширением налоговой самостоятельности субфедеральной власти, хотя бы на период реализации национальных приоритетов, а также с закреплением в Бюджетном кодексе Российской Федерации положений о формировании налоговых расходов и обзоров бюджетных расходов, что положительным образом отразится на использовании бюджетных средств, контроле за планированием бюджетных ассигнований, управлении бюджетными ресурсами, улучшении взаимосвязи с результатами госпрограмм. Превращение государственных программ, налоговых расходов, обзоров бюджетных расходов в эффективные инструменты управления государственными финансами даст импульс для дальнейшего развития программного бюджетирования.

Библиографический список

1. Рогатных Е.Б., Сердунь М.А. Зеленая экономика и ее влияние на экономическое развитие в XXI веке. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022;3:12–21.
2. Российская Федерация. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 01.08.2022).
3. Князева Е.Г., Самков К.Н. Проблемы финансирования государственных программ. *Финансы*. 2021;5:10–18.
4. Мастеров А.И. Программно-целевое бюджетирование как эффективный инструмент управления государственными программами. *Финансовая жизнь*. 2019;4:85–88.
5. Афанасьев М.П., Беленчук А.А., Шаш Н.Н. Новый порядок управления государственными программами: преимущества и риски. *Финансы*. 2021;7:8–15.
6. Богачева О.В., Смородинов О.В. Формирование условий для проведения обзоров расходов в России. *Финансовый журнал*. 2019;1:21–33. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2019-1-21-33>
7. Российская Федерация. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1.10.2021 № 2765-р «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 год и на плановый период до 2030 года». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398015/ (дата обращения: 27.08.2022).
8. Российская Федерация. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6.10.2021 № 2816-р «Перечень инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года». <https://docs.cntd.ru/document/608861126> (дата обращения: 27.08.2022).
9. Министерство финансов Российской Федерации. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации на 2022 г. и плановый период 2023 и 2024 гг. https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/09/main/ONBNITTP_2022-2024.pdf (дата обращения: 01.08.2022).
10. Российская Федерация. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.05.2021 № 786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации». <https://base.garant.ru/400820533/> (дата обращения: 27.08.2022).
11. Министерство финансов Российской Федерации. О федеральном бюджете на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов [Презентация] 8 дек. 2021. https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=134993-prezentatsiya_o_federalnom_byudzhete_na_2022_god_i_na_planovyj_period_2023_i_2024_godov (дата обращения: 01.08.2022).
12. Самойлова К.Н., Рукина С.Н., Герасимова К.А., Такмазян А.С. Формирование системы управления налоговыми расходами в регионе. *Финансовые исследования*. 2020;2(67):19–28.

References

1. Rogatnykh E.B., Serdun M.A. Green economy and its impact on economic development in the XXI century. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2022;3:12–21.
2. Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation dated 21 July 2020 No. 474 “On National development goals of the Russian Federation for the period up to 2030”. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (accessed 01.08.2022).
3. Knyazeva E.G., Samkov K.N. Problems of financing state programs. *Finance*. 2021;5:10–18.
4. Masterov A.I. Program-target budgeting as effective tools of government programs. *Financial life*. 2019;4:85–88.
5. Afanasyev M.P., Belenchuk A.A., Shash N.N. New order of management of state programs: advantages and risks. *Finance*. 2021;7:8–15.
6. Bogacheva O.V., Smorodinov O.V. Formation of conditions for conducting cost reviews in Russia. *Financial Journal*. 2019;1:21–33. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2019-1-21-33>
7. Russian Federation. Decree of the Government of the Russian Federation dated 1 October 2021 No. 2765-r “Unified plan for achieving the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2024 and for the planning period up to 2030”. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398015/ (accessed 27.08.2022).

8. Russian Federation. *Decree of the Government of the Russian Federation dated 6 October 2021 No. 2816-r "List of initiatives of socio-economic development of the Russian Federation until 2030"*. <http://static.government.ru/media/files/jwsYsyJKWGGQQAa-CSMGrd7q82RQ5xEC03.pdf> (accessed 27.08.2022).
9. Ministry of Finance of the Russian Federation. *The main directions of the budget, tax and customs tariff policy of the Russian Federation for 2022 and the planning period of 2023 and 2024*. https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/09/main/ONBNiTTP_2022-2024.pdf (accessed: 01.08.2022).
10. Russian Federation. *Decree of the Government of the Russian Federation dated 26 May 2021 No. 786 "On the management system of state programs of the Russian Federation"*. <https://base.garant.ru/400820533/> (accessed: 27.08.2022).
11. Ministry of Finance of the Russian Federation. *On the federal budget for 2022 and the planning period of 2023 and 2024* [Presentation]. 8 Dec. 2021. https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=134993-prezentatsiya_o_federalnom_byudzhete_na_2022_god_i_na_planovyi_period_2023_i_2024_godov (accessed: 01.08.2022).
12. Samoylova K.N., Rukina S.N., Gerasimova K.A., Takmazyan A.S. Formation of a tax expenditure management system in the region. *Financial research*. 2020;2(67):19–28.

Жизнь людей с ограниченными возможностями: мировой опыт и тенденции развития в России

Андреева Ксения Эдуардовна

Студент, ORCID: 0000-0001-6586-1969, e-mail: panshevaxenia@gmail.com

Николаева Алла Алексеевна

Канд. социол. наук, зав. каф. теории и практики управления, доц. каф. теории и практики управления
ORCID: 0000-0001-8538-8371, e-mail: nikolaeva@mgppu.ru

Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия

Аннотация

Перед современным обществом стоит множество вызовов, в том числе тех, которые связаны с уровнем здоровья, с качеством и условиями жизни в целом. Сейчас в мире наблюдается тенденция развития равных условий для жизни всех людей, в том числе для людей с ограничениями по здоровью. Этот вопрос актуален для многих стран, в частности в России ежегодно предпринимаются меры по созданию все более комфортных условий для жизни инвалидов. Целью статьи стало исследование тенденций к улучшению условий жизни для людей с ограниченными возможностями, в частности на основании исторического опыта и современного состояния. В исследовании применялись методы контент-анализа, наблюдения и системный подход. В результате был рассмотрен опыт различных стран по созданию условий для инвалидов, приведены статистические данные, рассмотрена актуальная ситуация в России. Выведены следующие тенденции: происходит ежегодное развитие системы поддержки инвалидов, но все еще остается множество проблем на этапе исполнения и реализации на практике. Не в полной мере разработан комплекс мер по созданию благоприятной среды. География развития недостаточно широкая, помощь, которую люди с ограниченными возможностями здоровья получают в крупных центрах, недоступна населению из отдаленных районов, маленьких населенных пунктов. Тем не менее есть множество программ социальной поддержки, помощь в реабилитации и реабилитации, проводятся меры по техническому оснащению мест общественного доступа для удобства маломобильных граждан.

Ключевые слова

Инвалиды, социально незащищенные граждане, поддержка, ограниченные возможности, помощь

Для цитирования: Андреева К.Э., Николаева А.А. Жизнь людей с ограниченными возможностями: мировой опыт и тенденции развития в России // Вестник университета. 2022. № 10. С. 215–222.

Life of people with disabilities: global experience and development trends in Russia

Xenia E. Andreeva

Student, ORCID: 0000-0001-6586-1969, e-mail: panshevaxenia@gmail.com

Alla A. Nikolaeva

Cand. Sci. (Sociol.), Head of Theory and Practice of Management Department,
Assoc. Prof. at Theory and Practice of Management Department
ORCID: 0000-0001-8538-8371, e-mail: nikolaevaaa@mgppu.ru

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

Abstract

Today's society faces many challenges, including those related to quality of life, level of health and living conditions in general. Now in the world there is a tendency to develop equal conditions for all people, including people with disabilities. This issue is relevant in many countries, in particular in Russia every year measures are taken to create more and more comfortable living conditions for people with disabilities. And the purpose of the article is to investigate trends in improving living conditions for people with disabilities, in particular based on historical experience and the current state of affairs. Methods of content analysis, observation and a systematic approach were used in the study. As a result, the experience of various countries in creating conditions for people with disabilities was reviewed, statistical data was given, and the current state in Russia was examined. The following trends were revealed: the disability support system is developing annually, but there are still many problems at the stage of implementation and realization in practice. There is an insufficiently developed set of measures for the creation of a supportive environment. The geography of development is not wide enough; the assistance that people with disabilities receive in large centers is not available to the population from remote areas, small settlements. Nevertheless, there are many social support programs, assistance with habilitation and rehabilitation, and measures to equip public access facilities for the convenience of people with limited mobility.

Keywords

Persons with disabilities, vulnerable citizens, support, disability, assistance

For citation: Andreeva X.E., Nikolaeva A.A. (2022) Life of people with disabilities: global experience and development trends in Russia. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 215–222.

ВВЕДЕНИЕ

Социально незащищенное население включает в себя множество категорий людей с разными жизненными трудностями. Одной из социально незащищенных групп граждан являются инвалиды. Качество жизни инвалидов является комплексным понятием, максимально охватывающим все аспекты существования человека, начиная от состояния здоровья и образования, заканчивая условиями жизни и уровнем получаемых материальных благ, напрямую зависящих от социально-экономического положения в стране.

Социальная защита (обеспечение надлежащего уровня жизни, базового уровня гарантированного дохода) играет ключевую роль в реализации прав инвалидов всех возрастов, снижая уровень бедности и уязвимости. Кроме того, основные общие и специальные схемы социальной защиты инвалидов могут сыграть важную роль в поощрении их независимости и инклюзивности. Важно сконцентрироваться на основных факторах: удовлетворять их особые потребности и поддерживать их участие в жизни общества без дискриминации. Эти меры социальной защиты могут включать схемы сокращения бедности, программы денежной поддержки, социальное и медицинское страхование, программы общественных работ, жилищные программы, пенсии по инвалидности и пособия для полноценной жизни.

Один миллиард человек, или 15 % населения мира, имеют ту или иную форму инвалидности. При этом интересным фактом является то, что распространенность инвалидности выше в развивающихся странах. Одна пятая от оценочного общего числа людей во всем мире, или от 110 до 190 миллионов человек, имеют серьезную инвалидность [1]. Рассмотрим, как живут люди с ограниченными возможностями по всему миру, какие условия для более комфортного существования им предоставляются и какова практика России в данном аспекте.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение положения людей с ограниченными возможностями не только дает представление об их жизненных реалиях, но и помогает лучше понять и принять таких людей. Основным методом изучения данной темы стало архивное исследование, также в работе применялось наблюдение, метод контент-анализа, большую роль сыграло непосредственно общение с людьми, чьи возможности по здоровью ограничены. Чтобы изучить тему более подробно, был выбран метод дедукции, изучение общих фактов привело к более узконаправленным проблемам и вопросам. Также использован принцип историзма, изучение архивных данных для лучшего понимания нынешнего состояния проблемы.

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

За десять лет, прошедших с момента принятия Организацией Объединенных Наций Конвенции о правах инвалидов, ратифицированной 168 странами, были достигнуты как успехи, так и не были преодолены упорные препятствия. Во многих странах осуществляется государственная поддержка инвалидов, а активисты неустанно борются за их права, стараясь создать лучшие условия [2]. Показательным примером может служить Гватемала: когда в 2010 г. там была введена в строй новая транспортная система с приподнятыми платформами, на которые можно было подняться только по лестнице, активисты за права людей с ограниченными возможностями подали иск против этой системы и выиграли. На станциях должны были появиться пандусы, чтобы все имели равный доступ к транспортной системе города.

Примеров, когда для людей с ограниченными возможностями модернизируют и приспособливают пространство, очень много. В московском метро на станциях есть лифты, лестницы оборудованы пандусами, также на станциях дежурят специальные сотрудники, которые могут сопровождать маломобильных пассажиров на протяжении всего их пути в метро. Но проблемы по-прежнему остаются. Людям с ограниченными возможностями все еще приходится добираться до пандусов по разбитым и осыпающимся тротуарам. Модернизация и техническое оснащение осуществляются не до конца продуманно, и иногда складывается впечатление, что целью является не помощь инвалидам, а только показательные действия.

Среди наиболее благоприятных для проживания инвалидов стран чаще всего выделяют Германию, США, Австралию, Великобританию, Швецию, Италию, Францию, Испанию и Чехию [3]. Рассмотрим преимущества и особенности стран для благоприятной жизни людей с ограниченными возможностями (табл. 1).

Благоприятные страны для проживания инвалидов

Страна	Преимущества и особенности
Франция	– специальные нормы по проектированию зданий; – специальные зоны для инвалидных колясок в общественном транспорте; – бесплатные индивидуальные транспортные услуги; – обеспечение социальным жильем
Великобритания	– повсеместное наличие парковочных мест для инвалидов; – предоставляемые государством рабочие места; – специально оборудованные лифты и туалетные комнаты во всех общественных местах; – пособия и скидки на лекарства
Германия	– специализированная инфраструктура во всех городах; – наличие датчиков движения и звукового сопровождения на пешеходных переходах; – специально оборудованное рабочее место; – транспорт до места работы
Португалия	– льготы по кредитам; – ассоциация серферов-инвалидов; – безбарьерная среда города

Составлено авторами по материалам источника [3]

Большинство из представленных в таблице преимуществ практикуются и в России, но пока что организация и реализация этих мер остаются на низком уровне. В России везде есть места и парковки для инвалидов, но они не рассчитаны в должном количестве, также зачастую их могут занять другие люди. Пандусы не всегда доступны, часто они установлены, но не введены в эксплуатацию, либо до них трудно добраться. В общественном транспорте также предусмотрены места для людей с ограниченными возможностями здоровья, но они являются общедоступными и не всегда используются по назначению. В автобусы трудно заехать на коляске, так как этот процесс занимает много времени: водитель или кондуктор должны откинуть специальные ступеньки, закатить коляску, потом вернуть все в исходное положение, а затем повторить процедуру для выезда инвалидного кресла из транспорта.

Ограничения по здоровью могут быть у людей любого возраста. Для детей дополнительной проблемой становится период обучения. Дети с ограниченными возможностями обучаются в одних и тех же классах, что и все остальные в 43 % стран. Они учатся в одних и тех же школах, но в разных классах еще в 40 % стран. Но существует и полное разделение детей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) и полностью здоровых. Детей-инвалидов направляют в специализированные учебные заведения, где они учатся и общаются со сверстниками [4]. Однако есть болезни, проявление которых незначительно влияет на течение жизни, и такие дети могли бы учиться в обычных школах. Анализ показывает, что интегрирование улучшает результаты обучения детей с ОВЗ.

В других случаях дети не могут попасть в школу из-за проблем в транспортной системе или нехватки медикаментов. Доктор Д. Хейманн, приводит такой пример: «Очень умная девочка, которую я встретила в Мексике, жила в однокомнатной хижине. У нее была серьезная проблема с позвоночником и у нее не было инвалидной коляски, поэтому она не могла ходить в школу». Ее болезнь была врожденным дефектом, который может вызвать паралич, как это произошло в случае с этим ребенком [5]. Мексика пересматривает свои законы, чтобы обеспечить образование для детей-инвалидов, и входит в число стран, которые позволяют детям-инвалидам посещать те же школы, что и другие дети, хотя и не обязательно размещает их в одних и тех же классах. Перу отказывается от школ, специально предназначенных для детей-инвалидов, в пользу включения детей-инвалидов в государственные школы.

Однако некоторые родители возражают против того, чтобы их дети посещали классы с учащимися с ограниченными возможностями, поскольку считают, что это повредит образованию их собственного ребенка. Чтобы развеять их опасения в некоторых странах, например, в Мексике, меняется и усложняется система подготовки учителей, которые будут работать в классах как с учащимися с ограниченными возможностями, так и с не инвалидами. В некоторых районах, особенно в труднодоступной сельской местности, учителя начинают действовать самостоятельно [5]. Там нет никакой специализированной

программы обучения детей с ограниченными возможностями, и поэтому учителя разрабатывают внеклассную программу индивидуально.

Согласно статистике, во всем мире насчитывается почти полмиллиарда людей трудоспособного возраста с инвалидностью. В 2015 г. в Бразилии был принят закон, защищающий работников от дискриминации при найме, продвижении по службе и обучении, а также гарантирующий равную оплату за равный труд. Некоторые страны, такие как Япония и Черногория, установили квоту, требующую, чтобы компании нанимали определенный процент инвалидов или платили штраф. Но это не является гарантией защиты от дискриминации.

В Германии, если у человека с ограничениями по здоровью нет возможности устроиться на постоянную работу, он может получить пособие по инвалидности за счет средств государства. В этом же случае государство покрывает арендную плату за жилье. При приеме на работу инвалиду предоставляется не только специально оборудованное рабочее место, но и личный автомобиль или оплаченный проезд до офиса. Правительство, учреждения по повышению квалификации, работодатели и другие заинтересованные стороны играют важную роль в содействии созданию благоприятной среды, позволяющей лицам с ограниченными возможностями быть полностью продуктивными на рабочем месте.

Тяжелые инвалиды, степень утраты трудоспособности которых составляет более 50 %, получают право на налоговые льготы [6]. В Перу существует система квот, при которой работодатели просят нанимать 5 % работников с инвалидностью в государственном секторе и 3 % – в частном секторе. Но работодатели могут расширить определение инвалидности. В некоторых странах приняты законы о труде, призванные помочь родителям и опекунам. Перу, которое предлагает 90 дней оплачиваемого отпуска молодым матерям, продлевает это пособие на 30 дней, если ребенок рождается с инвалидностью. В Армении работающим родителям гарантируется оплачиваемый отпуск для сопровождения детей-инвалидов на приемы к врачу и на лечение. Согласно недавнему исследованию сайта вакансий HeadHunter.ru, 50 % опрошенных российских компаний имеют сотрудников с инвалидностью [5]. Ни одна из опрошенных компаний не сообщила о каких-либо проблемах с этими сотрудниками.

Современное состояние исследуемой темы в России находится на неопределенной стадии. Отметим следующие положительные стороны.

1. Страховые пенсии для инвалидов всех трех групп. Пенсия полагается при наличии страхового стажа, его продолжительность не важна, также человек может получать эту пенсию и все еще продолжать работать.
2. Выдача лекарственных препаратов по рецептам, льготные специальные продукты лечебного питания для детей-инвалидов.
3. Дотации, субсидии и компенсации на приобретение технических средств реабилитации.
4. Путевки на санаторно-курортное лечение для региональных и федеральных льготных категорий.
5. Бесплатный проезд на общественном транспорте, бесплатный транспорт до места лечения и реабилитации и обратно.
6. Компенсации расходов за оплату жилищно-коммунальных услуг в размере до 50 %.
7. Налоговые вычеты для инвалидов первой и второй группы в размере 500 рублей за каждый месяц по налогу на доходы физических лиц.
8. Бесплатные парковочные места для инвалидов, разрешение на специализированное отдельное парковочное место.
9. Запрещено отказывать инвалидам-колясочникам в посещении театров, концертов или ресторанов.

В настоящее время разработан проект Концепции развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации лиц с инвалидностью, в том числе детей с инвалидностью, на период до 2025 г. [7], а также Стандарт комплексной реабилитации и абилитации лиц с нарушениями психических функций в стационарных условиях [8]. Создан перечень услуг, которые может получить человек с ограничениями по здоровью, также любые специальные услуги можно заменить на денежные выплаты, для этого достаточно личного заявления льготника [9]. Закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов» предусматривает равенство возможностей инвалидов и других групп граждан в реализации гражданских, экономических, политических и иных прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации [10]. Социальная защита является неотъемлемым условием социального и экономического развития для всех, но особенно для тех, кто живет

в бедности и социальной изоляции. Программы социальной защиты могут сыграть решающую роль в уменьшении и предотвращении бедности и уязвимости для обеспечения благосостояния людей. Согласно официальной статистике, в России проживает не менее 13 млн инвалидов, или примерно 9 % населения [11].

Приблизительно 32 % из 2,5 млн инвалидов трудоспособного возраста работают. Каждый имеет право на достойный и производительный труд в условиях свободы, равенства, безопасности и уважения человеческого достоинства. Людям с проблемами психического здоровья реализовать это право особенно сложно, поэтому такая форма инвалидности требует большего внимания и усилий в создании комфортных условий от заинтересованных сторон.

На данном этапе развития российского общества проблемы инвалидов предаются огласке и решаются, что уже является прогрессом, так как несколько десятилетий назад отношение было совсем другим. Во время Олимпийских игр 1980 г. в Москве один западный журналист поинтересовался, будет ли Советский Союз участвовать в первых Параолимпийских играх, которые должны были состояться в Великобритании в конце того же года. Ответ советского представителя был быстрым, твердым и недоумевающим: «Инвалидов в СССР нет!». Более полное объяснение было дано позже: «Да вы представьте себе – инвалиды и спорт?! Устраивать гонки инвалидов на колясках или заставлять их бросать мячи – это негуманно по отношению к инвалидам и к зрителям...» (В. Шибяев).

Отрицание очевидных фактов является крайне странным и непонятным большинству современных людей. Тем не менее все еще есть те, кто считает людей с инвалидностью неполноценными и неспособными к жизни [6]. Известны случаи, когда в детских домах подопечным с инвалидностью не давали возможности выходить на улицу, заниматься с другими детьми, оправдывая это тем, что им это не надо, они все равно не смогут полноценно жить, а возможно, не доживут и до совершеннолетия.

Российское общество все еще находится на пути принятия инвалидов, их особенностей. Важно не искать их отличия от других, а находить сходства, поддерживать и помогать. Человек со сломанной ногой не вызовет такого ажиотажа и не привлечет столько внимания, сколько человек без ноги. Хотя они находятся в равных условиях, просто временные рамки у них будут отличаться. Общество должно помогать инвалидам наравне с государством.

Правительством предпринимаются меры по материальной поддержке, организовывается лечение, разрабатывается техническое обеспечение. Но еще есть препятствия в системе обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации. К примеру, москвичи могут получить сертификат или денежную компенсацию на покупку необходимых технических средств, стульчиков для ванны, ступенек, столиков и т.д. Но данную услугу можно получить раз в 5 лет, такой срок эксплуатации предусмотрен для средств реабилитации. Но есть ситуации, когда через менее продолжительный период времени инвалиду прописывают технические средства в дополнение к имеющимся, а получить он их может, только если снова оформит заявку на сайте, либо он вынужден приобретать их самостоятельно [10]. Система не позволяет отправить новую заявку, так как в теле заявления нет возможности выбора перечня технических средств – система считает, что услуга оказана. В таких случаях необходимо напрямую связываться со службой социальной защиты населения, объяснять ситуацию, прикладывать много усилий для успешного решения этого вопроса.

Тенденции по улучшению условий жизни людей с ограниченными возможностями совершенно верные, надо лишь наладить механизм исполнения. Не просто создавать шаблон, а рассматривать конкретные случаи и в частном порядке, предусматривать форс-мажорные ситуации, обустроить не только подъезды с пандусами, но и разрабатывать ландшафт и территорию вокруг для доступности людям на колясках, создавать специализированные парковочные места для инвалидов, не потому что так надо, а задумываясь об удобстве и продуманном расположении. И такая схема развития касается всех направлений, будь то платформы на станциях метро или театры.

География также очень важна, стоит уделять больше внимания регионам и небольшим населенным пунктам, так как уровень технической оснащенности там в разы ниже, чем, допустим, в Москве. С точки зрения помощи общества, следует придерживаться культуры равенства, сочувствия и бескорыстной помощи. Не надо воспринимать инвалидов другими людьми, тогда и они не будут чувствовать себя ущемленно. Все предрассудки идут из масс, значит их можно изменить [12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С каждым годом появляется все больше и больше людей с инвалидностью. Всемирная организация здравоохранения отмечает, что «количество людей с инвалидностью увеличивается из-за старения населения и роста хронических заболеваний».

Договор Организации Объединенных Наций оказал влияние как на богатые, так и на бедные страны. Но в некоторых бедных регионах мира доступ к медицинскому обслуживанию и его качество являются низкими для всех, а борьба за улучшение качества услуг для людей с ограниченными возможностями идет очень тяжело. К препятствиям на пути полной социальной и экономической интеграции инвалидов относятся недоступность физической среды и транспорта, отсутствие вспомогательных устройств и технологий, неадаптированные средства связи, пробелы в предоставлении услуг, а также дискриминационные предрассудки и стигматизация в обществе.

Бедность может увеличить риск инвалидности из-за недоедания, неадекватного доступа к образованию и медицинскому обслуживанию, небезопасных условий труда, загрязненной окружающей среды и отсутствия доступа к безопасной воде и санитарии. Инвалидность также может увеличить риск бедности из-за отсутствия возможностей трудоустройства и образования, более низкой заработной платы и увеличения стоимости жизни с инвалидностью.

У России есть огромное количество возможностей и ресурсов для изменения условий жизни населения [13]. Старания государства уже благоприятно сказались на условиях жизни тысяч людей с ограничениями по здоровью, но помощь дошла далеко не до всех нуждающихся. Аналогично мерам по социальной защите инвалидов, принятым в Москве и Московской области, следует проводить подобную политику во всех городах России. Тенденции к улучшению ситуации есть, но также нужно вести работу еще и с умами людей, и мир станет доброжелательнее для инвалидов. Доступ к социальному обеспечению является важнейшим элементом инклюзивных обществ. Для людей с ограниченными возможностями это играет особенно важную роль в обеспечении надлежащего уровня жизни и гарантированного базового дохода, тем самым снижая уязвимость и уровень бедности.

Библиографический список

1. Ананьев В.А. Социальные проблемы занятости инвалидов по зрению: социологический анализ. *Дефектология*. 2018;1:3–15.
2. Битова А.А. Проблемы воспитания и образования детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья: право и реальность. В сб.: *Тезисный доклад на круглом столе «Семья и ребенок-инвалид», Москва, 14 мая 2008 г.* М.: Пресс-центр Государственного Кремлевского Дворца; 2008. С. 4–5.
3. World Health Organization. *World report on disability*; 2011. <https://apps.who.int/iris/handle/10665/44575> (accessed 02.08.2022)
4. Laufer E.A., Glick J. Expert and novice differences in cognition and activity: A practical work activity. *Cognition and communication at work*, 1996:177–198.
5. Heymann S.J., Stein M.A., Moreno G. *Disability and Equity at Work*. New York: Oxford University Press; 2014. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199981212.001.0001>
6. Mandic C.G., Heymann S.J., Supported Employment in a Lower Income Context: The Case of Banco de Crédito del Perú and Centro Ann Sullivan del Perú. *International Journal of Disability, Community & Rehabilitation*. 2009;8(1).
7. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. *Проект Концепции развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации лиц с инвалидностью, в том числе детей с инвалидностью, на период до 2025 года*. <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/25/kontcepsia> (дата обращения: 19.08.2022).
8. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. *Стандарт предоставления услуги по комплексной реабилитации и абилитации детей-инвалидов с преимущественными нарушениями психических функций в стационарных условиях без проживания и питания сопровождающих детей-инвалидов лиц (целевая реабилитационная группа № 1)*. <https://base.garant.ru/404700957/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 19.08.2022).
9. Дименштейн Р.П. Развитие законодательства в отношении детей-инвалидов, детей с ограниченными возможностями здоровья и их семей. В сб.: *Тезисный доклад на круглом столе «Семья и ребенок-инвалид», Москва, 14 мая 2008 г.* М.: Пресс-центр Государственного Кремлевского Дворца; 2008:8–10.
10. Российская Федерация. *Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 19.08.2022).

11. Зотова Е. Трудоустройство инвалидов: интегрированный подход. *Надежда*. 2018;7:6–7.
12. Степанова Т. Максим Топилин: нужно научить общество приходить на помощь инвалидам. Интервью. *ТАСС*. Понедельник 3 дек. 2018. <https://tass.ru/interviews/5859049/> (дата обращения: 20.08.2022).
13. Специальный доклад российских неправительственных организаций для Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам (CESCR). *Положение детей-инвалидов в России: право на образование, социальную интеграцию и реабилитацию*; 2003. <https://www.osoboedetstvo.ru/right/specialnyy-doklad-rossiyskih-nepravitelstvennyh-organizaciy> (дата обращения: 20.08.2022).

References:

1. Ananiev V.L. Social problems of employment of the visually impaired: a sociological analysis. *Defectology*. 2018;1:3–15.
2. Bitova A.L. Problems of upbringing and education of disabled children and children with disabilities: law and reality. In: *Thesis report at the Family and Child with Disabilities round table, Moscow, 14 May 2008*. Moscow: State Kremlin Palace Press Center; 2008. P. 4–5.
3. World Health Organization. *World report on disability*; 2011. <https://apps.who.int/iris/handle/10665/44575> (accessed 02.08.2022)
4. Laufer E.A., Glick J. Expert and novice differences in cognition and activity: A practical work activity. *Cognition and communication at work*, 1996:177–198.
5. Heymann S.J., Stein M.A., Moreno G. *Disability and Equity at Work*. New York: Oxford University Press; 2014. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199981212.001.0001>
6. Mandic C.G., Heymann S.J. Supported Employment in a Lower Income Context: The Case of Banco de Crédito del Perú and Centro Ann Sullivan del Perú. *International Journal of Disability, Community & Rehabilitation*. 2009;8(1).
7. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. *Draft Concept for the development in the Russian Federation of a system of comprehensive rehabilitation and habilitation of persons with disabilities, including children with disabilities, for the period up to 2025*. <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/25/kontsepsia> (accessed 19.08.2022).
8. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. *The standard for the provision of services for the comprehensive rehabilitation and habilitation of disabled children with predominant mental disorders in stationary conditions without accommodation and food for persons accompanying disabled children (target rehabilitation group No. 1)*. <https://base.garant.ru/404700957/53f89421bb-daf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (accessed 19.08.2022).
9. Dimenshtein R.P. Development of legislation in relation to children with disabilities, children with disabilities and their families. In: *Thesis report at the Family and Child with Disabilities round table, Moscow, 14 May 2008*. Moscow: State Kremlin Palace Press Center; 2008. P. 8–10.
10. Russian Federation. *Federal Law dated 24 Nov. 1995 No. 181-FZ “On Social Protection of the Disabled in the Russian Federation”*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (accessed 19.08.2022).
11. Zotova E. Employment of the Disabled: an Integrated Approach. *Nadezhda*. 2018;7:6–7.
12. Stepanova T. Maxim Topilin: “We need to teach society to come to the aid of the disabled”. *TASS*. Monday 3 Dec. 2018. <https://tass.ru/interviews/5859049/> (accessed 20.08.2022).
13. Special report by Russian NGOs for the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR). “*The situation of children with disabilities in Russia: the right to education, social integration and rehabilitation*”; 2003. <https://www.osoboedetstvo.ru/right/specialnyy-doklad-rossiyskih-nepravitelstvennyh-organizaciy> (accessed 20.08.2022).

Потребность жителей малых городов в развитии городской среды (по материалам социологического исследования в Мурманской области)

Шарова Екатерина Николаевна

Канд. социол. наук, зав. научно-исследовательской лабораторией социологических исследований
ORCID: 0000-0002-9042-3570, e-mail: kateshar1@ya.ru

Малеус Диана Владимировна

Социолог научно-исследовательской лаборатории социологических исследований
ORCID: 0000-0003-3209-8383, e-mail: dianamaleus@mail.ru

Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск, Россия

Аннотация

В статье раскрывается специфика условий проживания в малых городах в целом, а также с учетом их расположения в одном из субъектов Арктической зоны Российской Федерации. Обосновывается необходимость развития городской среды как значимого фактора повышения уровня и качества жизни населения Мурманской области. Поднимается вопрос об отношении жителей малых городов этого региона к благоустройству территории. В основу анализа положены результаты социологического исследования, проведенного в 2021 г. среди жителей закрытого административно-территориального образования города Заозерска, городов Кировск и Ковдор методом онлайн-опроса (301 человек) и групповой дискуссии (35 человек). Несмотря на то что большинство респондентов указанных малых городов транслируют позитивный образ города, отмечается острая необходимость в обновлении и реконструкции территорий в местах проживания, а также готовность жителей прямо или опосредованно участвовать в реализации мероприятий по развитию городской среды. Основные результаты исследования конкретизируют содержание потребности населения малых городов в благоустройстве территории и имеют прикладное значение для обоснования заявок на конкурс лучших проектов развития городской среды в малых городах и исторических поселениях России.

Ключевые слова

Малые города, развитие городской среды, благоустройство территории, качество жизни, образ города, укорененность, миграционные установки, социологическое исследование, Мурманская область

Благодарности. Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР № 122060900078-3.

Для цитирования: Шарова Е.Н., Малеус Д.В. Потребность жителей малых городов в развитии городской среды (по материалам социологического исследования в Мурманской области) // Вестник университета. 2022. № 10. С. 223–230.

The small towns residents demand for the urban environment development (the case of sociological research in the Murmansk region)

Ekaterina N. Sharova

Cand. Sci. (Sociol.), Head of the sociological research laboratory
ORCID: 0000-0002-9042-3570, e-mail: kateshar1@ya.ru

Diana V. Maleus

Sociologist at the sociological research laboratory
ORCID: 0000-0003-3209-8383, e-mail: dianamaleus@mail.ru

Murmansk arctic state university, Murmansk, Russia

Abstract

The article looks at the specifics of living conditions in small towns in general, as well as considering their location in one of the Federal subjects of the Arctic zone of Russia. The article also justifies the necessity of developing the urban environment as a significant factor in improving the level and quality of life of the Murmansk region population. Furthermore, it raises the issue about the attitude of small towns residents in this region to the improvement of the territory. The analysis is based on the results of the sociological research conducted in 2021 among the residents of Zaozersk, Kirovsk and Kovdor towns by doing an online survey (301 respondents) and by holding a group discussion (35 participants). Despite the fact that the majority of the surveyed in these small towns represent a positive image of the town, there is an urgent need for the renewal and reconstruction of territories in residential areas, as well as the willingness of residents to directly or indirectly participate in the implementation of measures to develop the urban environment. The main results of the study concretize the needs of the small towns population for the improvement of the territory, and have an applied value for justifying applications for the competition for the best projects in urban environment development in small towns and historical settlements of Russia.

Keywords

Small towns, the urban environment development, improvement of the territory, the quality of life, image of a small town, rootedness, migratory attitudes, sociological research, Murmansk region

Acknowledgements. The reported study was conducted within the independent research and development project No. 122060900078-3.

For citation: Sharova E.N., Maleus D.V. (2022) The small towns residents demand for the urban environment development (the case of sociological research in the Murmansk region). *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 223–230.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях перехода к следующему технологическому укладу и устойчивому социально-экономическому развитию российское общество неизбежно сталкивается с новыми вызовами, которые по-разному преломляются на уровне отдельных территорий, специфичных с точки зрения природно-климатических, геополитических, социально-экономических, этнокультурных, демографических и прочих оснований. Одним из таких вызовов являются особые требования к качеству жизни населения, предъявляемые к этим территориям с позиции наличия там возможностей и ресурсов для удовлетворения комплекса как базовых, так и высших потребностей человека.

В 2018 г. во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [1] Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации был разработан и утвержден паспорт национального проекта «Жилье и городская среда» [2], включающий в себя четыре федеральных проекта, один из которых называется «Формирование комфортной городской среды». В рамках этого проекта проводится Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях [3]. Неотъемлемой частью заявки на конкурс является проведение социологического исследования, основная цель которого состоит в изучении отношения населения малых городов к месту проживания, а также в определении условий, необходимых для улучшения качества жизни населения.

В настоящее время создание комфортной городской среды составляет важную часть процесса развития субъектов Российской Федерации, в частности регионов, противостоящих оттоку населения. Одним из таких регионов выступает Мурманская область, территория которой полностью входит в состав Арктической зоны Российской Федерации. Данный регион считается зоной повышенного дискомфорта, обусловленного как расположением за полярным кругом, так и монопрофильностью сложившегося хозяйственного уклада, дефицитом «креативной специализации» [4]. В связи с этим Мурманская область характеризуется устойчивой демографической убылью: на 1 января 2021 г. численность населения региона уменьшилась на 8 540 человек (на 1 января 2020 г. – минус 6 652 чел.) [5].

Особенностью административно-территориальной структуры региона является большое количество монопрофильных муниципальных образований, а также малочисленных населенных пунктов (из 36 муниципальных образований только 3 не являются малочисленными). По данным службы Министерства регионального развития Российской Федерации, всего в России на 2022 г. зарегистрировано 794 малых города (до 50 тыс. чел. населения) [6], в том числе в Мурманской области – 13 населенных пунктов зарегистрированы как малые города общей численностью населения 221,3 тыс. чел., или 30,5% от общей численности постоянного населения, по данным на 1 января 2022 г. [7].

Исследовательское внимание к вопросам благоустройства территорий малых городов обусловлено наличием следующих противоречий, представляющих собой научную проблему: во-первых, противоречие между повышением требований к качеству жизни населения малых городов, нашедшее свое отражение в национальных и федеральных проектах, и реальными возможностями территорий обеспечить это качество; во-вторых, противоречие между необходимостью развивать комфортную городскую среду в соответствии с потребностями и при участии самих жителей и недостатком систематизированных представлений о содержании этих потребностей и готовности населения вовлекаться в процессы благоустройства города.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Благоустройство малых городов, как и качество жизни населения в целом, отличаются от условий мегаполисов и определенно имеют свою специфику. Малые города характеризуются небольшой численностью населения и компактной территорией. Особенность малых городов составляет культура населения и темп его жизни, который влияет на потребности людей, в том числе и в вопросе, касающемся благоустройства территории. Человеческие и материальные ресурсы малых городов характеризуются, с одной стороны, высокой концентрацией в силу ограниченности самой территории, с другой стороны, низкой конкурентоспособностью (по отношению к мегаполисам) и даже деградацией [8].

Важнейшим условием улучшения качества жизни населения малых городов является развитие социальной инфраструктуры [9; 10], состояние которой в настоящее время обусловлено множеством проблем,

в том числе связанных с деструктивной постсоветской трансформацией российского общества [11]. «Падение уровня жизни населения, рост безработицы, кризис жилищно-коммунального хозяйства – все это сегодня является атрибутом малого города» [12, с. 77].

В связи с ограниченностью ресурсной базы малые города, как правило, имеют сельскохозяйственную направленность, а также отрицательное миграционное сальдо [13]. Образ жизни населения в малом городе имеет свои особенности быта и социальной среды, в которой находятся жители, когда не заняты в профессиональной (трудовой) деятельности. «Особой сферой жизнедеятельности населения малых городов является ведение приусадебных хозяйств, без которых не обходится практически ни одна семья» [14, с. 59].

Однако стоит отметить, что малые города, расположенные в северных широтах, имеют свою специфику. В условиях ограниченности природно-климатических и экологических ресурсов большая часть населения малых городов Мурманской области занята на предприятиях промышленной направленности. Ведение приусадебных хозяйств не характерно для жителей Севера, вследствие чего встает вопрос о развитии досуговой отрасли и о насыщении социальной инфраструктуры соответствующими объектами [15].

Привлечение ресурсов в сферу развития досуга населения может способствовать улучшению качества жизни, укреплению стабильности местного сообщества, развитию культуры и локальной идентичности. Последняя, будучи частью региональной идентичности, также позволяет выявить отношение жителей к конкретной территории, в том числе их миграционные установки, а также зафиксировать сложившийся образ города, его потенциал с точки зрения реализации жизненных планов людей [16].

Благоустройство территории города состоит из множества компонентов организации городской среды (пространственная организация городского быта, техническая сторона городского хозяйства, эстетика города [17]). Развитие комфортной городской среды предполагает создание условий, удовлетворяющих потребности специфических групп (пешеходов, автовладельцев, детей, лиц с ограниченными возможностями здоровья и т.д.).

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическую базу составили результаты социологического исследования, которое проводилось в трех населенных пунктах Мурманской области (закрытое административно-территориальное образование (далее – ЗАТО) город Заозерск, город Кировск, город Ковдор) в марте–апреле 2021 г. при участии авторов статьи.

Предметом социологического исследования выступали идеи и предложения жителей по обустройству проектируемых территорий. Были поставлены следующие задачи:

- охарактеризовать жителей малых городов с точки зрения их укорененности и миграционных установок;
- уточнить образ города, сложившийся в представлениях населения;
- определить характер текущего использования жителями проектируемой территории;
- выявить отношение населения к благоустройству проектируемой территории, в том числе предпочтения относительно возможного ее использования;
- определить параметры вовлечения жителей в процесс благоустройства территории.

Исследование было проведено в два этапа с использованием следующих методов: на первом этапе принят мониторинг общественного мнения населения отобранных городов методом онлайн-опроса ($n = 301$ человек), на втором этапе реализован метод групповых дискуссий с элементами деловой игры в ходе очных встреч с местными жителями ($n = 35$ человек). В выборочной совокупности онлайн-опроса в ЗАТО Заозерске представлено 22% респондентов, в городе Ковдоре – 34%, в Кировске – 44%. Половозрастной состав принявших участие в анкетировании следующий: женщины (65,7%), мужчины (34,3%); в возрасте от 18 до 29 лет (12,0%), от 30 до 39 лет (36,7%), от 40 до 49 лет (38,2%), от 50 лет и старше (13,1%).

Групповые дискуссии проводились в каждом населенном пункте (по 10 участников в ЗАТО Заозерске и в Ковдоре и 15 респондентов в Кировске) среди наиболее активных и заинтересованных жителей города для обсуждения предложений по обустройству проектируемых территорий и составления народного технического задания для проектировщиков.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Характеристика жителей муниципальных образований производилась с точки зрения их укорененности и миграционных установок. Сравнительный анализ показал, что самым укоренным населением

являются жители Кировска (93,9% опрошенных проживают в городе всю или почти всю жизнь). В Ковдоре 63,1% опрошенных проживают всю или почти всю жизнь, каждый четвертый (24,3%) – более 10 лет. Наименее укорененным представляется население ЗАТО Заозерска, где лишь 40,0% опрошенных отметили, что проживают в городе всю или почти всю жизнь, каждый третий (34,5%) – более 10 лет.

Анализ миграционных установок подтвердил относительно высокую степень укорененности жителей Кировска и Ковдора (30,3% и 28,2% соответственно не планируют переезда из своего города). Для сравнения, в ЗАТО Заозерске лишь 7,3% опрошенных отметили, что не планируют переезжать, каждый четвертый-пятый намерен переехать в ближайшее время (23,6%), каждый второй – в отдаленной перспективе (49,1%), что в целом свидетельствует о наличии большого миграционного потенциала у данного города.

При этом практически каждый второй-третий житель Кировска и треть опрошенных жителей Ковдора задумываются о переезде в отдаленном будущем (42,4% и 33,0% соответственно), имеют планы на переезда в перспективе, но не в ближайшее время, каждый четвертый житель Кировска (24,2%) и каждый четвертый-пятый житель Ковдора (23,3%). Данная статистика отражает отношение опрошенных к своему городу как временному месту жительства, что типично в целом для жителей Севера, в структуре региональной идентичности которых значимое место занимает концепт «временности» [18, с. 142]. Преобладающая доля планирующих уехать или хотя бы задумывающихся о переезде в отдаленной перспективе формирует в рассматриваемых малых городах Мурманской области высокий потенциал мобильности и может обуславливать нестабильность демографической ситуации в целом. По данным статистики, для всех трех городов характерно снижение численности населения – в среднем на 15% за последние 10 лет [7].

Прежде чем перейти к анализу сложившегося образа города, стоит обратить внимание на специфику населенных пунктов, выявленную в ходе анализа официальных источников.

1. ЗАТО Заозерск (численность населения – 9 120 чел. на 1 января 2022 г. [7]) является закрытым административно-территориальным образованием, проезд туда осуществляется по специальным пропускам через контрольно-пропускной пункт. Город считается военным, куда люди приезжают на службу, затем покидают, добившись определенных целей. Вопрос благоустройства территории города является значимым с точки зрения стабилизации населения: для приезжих военнослужащих и членов их семей комфортная городская среда выступает фактором успешной адаптации к новому месту жительства и возможного закрепления в городе.

2. Город Ковдор (численность населения – 15 850 чел. на 1 января 2022 г. [7]) является самым западным городом Мурманской области, а также включен в список моногородов Российской Федерации. Он известен также благодаря древнегреческому мифу о Гиперборее, на который сделан основной упор в развитии туризма. При этом территориальная удаленность и преобладающая промышленная направленность моногорода выступают сдерживающими факторами развития инфраструктуры, в том числе городской среды, нуждающейся в благоустройстве.

3. Город Кировск (численность населения – 25 944 чел. на 1 января 2022 г. [7]) также является моногородом, который расположен у горного массива Кукисвумчорр, в честь которого назван микрорайон (территория в этом микрорайоне стала проектируемой). Стоит отметить, что в Кировске активно развивается сфера туризма, он славится своими горнолыжными склонами, Хибинскими горными массивами, экстремальными турами и другим. Благоустройство территории необходимо как для личного пользования жителей города, так и для создания дополнительной точки притяжения туристов.

Чтобы уточнить данные об образе города, сложившегося в сознании его жителей, в рамках онлайн-опроса и групповых дискуссий респондентам предлагалось назвать свои ассоциации с местом проживания. Всего было получено 60 ответов в ЗАТО городе Заозерск, 108 – в Ковдоре, 132 – в Кировске. В результате обработки данных, визуализированных авторами посредством облака тегов, был получен образ каждого города (рис. 1–3).

Респонденты ЗАТО Заозерска отмечают такие ассоциации с местом проживания, как «морской», «безопасность», «люди», «служба», «улицы», «спокойно», «маленький», что можно связать, в первую очередь, с типом муниципального образования как закрытого, военного профиля. Образ Ковдора раскрывается посредством следующих ассоциаций: «любимый дом», «родина», «природа», «тихо», «уютно», «спокойно», которые во многом связаны с обособленностью, удаленностью города. Жители Кировска отмечают «горы», «склоны», «лыжи», «туризм», «красоту природы», «чистоту» и «свежий воздух», что также напрямую связано с туристической направленностью города. Стоит отметить, что в представлениях

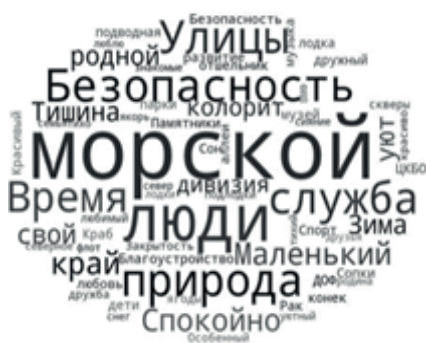

Рис.1 Ассоциации жителей
закрытого административно-
территориального образования
города Заозерска с местом
проживания

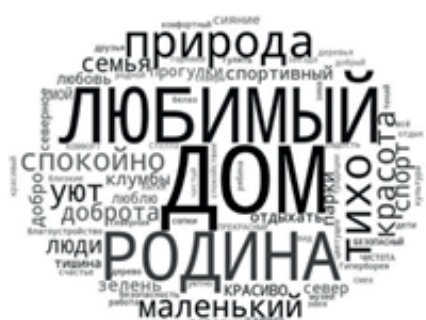

Рис.2 Ассоциации жителей
города Ковдор с местом
проживания

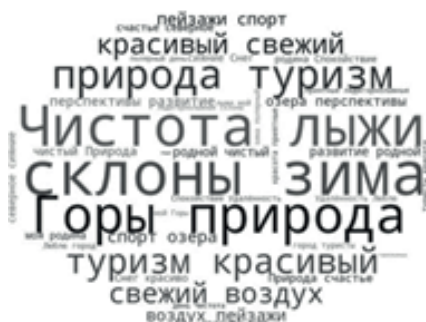

Рис.3 Ассоциации жителей
города Кировск с местом
проживания

большинства опрошенных жителей всех исследуемых муниципальных образований преобладают положительные характеристики своего города. Негативные ассоциации касались в основном неразвитости инфраструктуры и суровости природно-климатических условий.

По характеру текущего использования жителями территории выделяются три основных типа:

- общественная территория (люди здесь задерживаются, общаются, проводят мероприятия);
- транзитная территория (люди проходят/проезжают мимо);
- неиспользуемая территория (люди здесь практически не бывают).

Во всех трех населенных пунктах проектируемые территории являются общественными, однако в Кировске и Ковдоре проектируемые территории также используются как транзитные.

Что касается общего отношения жителей к благоустройству проектируемой территории, можно отметить, что большинство жителей всех населенных пунктов отметили необходимость реконструкции и обновления указанных территорий (ЗАО Заозерск – 76,3 %, Ковдор – 88,3 %, Кировск – 93,9 %).

По каждому населенному пункту был выделен рейтинг трех основных предпочтений:

- жители ЗАТО Заозерска отметили необходимость в рекреационных пространствах (зонах отдыха) (30,9%), прогулочных зонах (променадах) (23,6%) и зонах для активного занятия спортом (16,4%);
- жители Ковдора отметили необходимость в общественных пространствах для отдыха с семьей и близкими (47,6%), рекреационных пространствах (17,5%) и зонах для занятий спортом (14,6%);
- жители Кировска отметили необходимость в зонах отдыха (30,3%), спортивных зонах (21,2%) и общественных пространствах для проведения семейного досуга, в том числе с детьми (18,2%).

Для интересного проведения досуга на проектируемой территории, по мнению большинства опрошенных жителей, необходимо проводить различные культурно-массовые мероприятия: концерты, фестивали, выступления (ЗАО Заозерск – 90,9 %, Кировск – 87,9 %, Ковдор – 49,5 %).

Сравнительный анализ показал схожесть предпочтений жителей этих населенных пунктов в использовании проектируемых территорий, что в целом отражает общность и специфику условий проживания в малых городах, дефицитных с точки зрения возможностей организации и проведения досуга.

Стратегически важной задачей исследования являлось определение параметров вовлечения жителей в процесс благоустройства территории. Большинство опрошенных жителей всех городов готовы принимать участие в обсуждении улучшений: сравнительно больше в Кировске и Ковдоре (51,5 % и 50,5 % соответственно), чуть меньше – в ЗАТО Заозерске (41,5 %). Готовы помогать в озеленении и благоустройстве территории, работать руками значительно больше жителей Ковдора (36,9 %), чем ЗАТО Заозерска (20,8 %) и Кировска (18,2 %). При этом каждый четвертый житель Кировска готов собрать соседей для обсуждения и решения проблем, а также собрать подписи в поддержку той или иной идеи/проекта (27,3 %). Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о наличии готовности значимой доли опрошенных жителей самостоятельно принимать участие в процессе благоустройства территории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного исследования можно отметить, что благоустройство территории, создание комфортной городской среды, будучи актуальной проблемой функционирования и развития малых городов, является неотъемлемой частью повышения уровня и качества жизни населения. Опрошенные жители всех представленных населенных пунктов в большинстве своем характеризуются сформированной локальной идентичностью, проявившейся в позитивном образе города, при этом отмечают высокую степень необходимости в обновлении и реконструкции территорий в местах своего проживания, а также свою готовность принимать участие и оказывать посильную помощь в реализации мероприятий по благоустройству городской среды. Результаты исследования имеют прикладное значение и служат обоснованием заявок для участия в конкурсе лучших проектов развития городской среды в малых городах и исторических поселениях России.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 20.08.2022).
2. Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. Национальный проект «Жилье и городская среда». <https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/> (дата обращения: 20.08.2022).
3. Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды. Официальный сайт. <https://konkurs.gorodsreda.ru/> (дата обращения: 20.08.2022).
4. Креативные специализации российских городов. *Научный дайджест. Спецвыпуск. 2022*. https://www.hse.ru/data/2022/02/17/1747882405/Human_Capital_NCMU_Digest_Special_Issue_Creative_Cities_02-2022.pdf (дата обращения: 10.08.2022).
5. Федеральная служба государственной статистики. Оценка численности постоянного населения сухопутных территорий арктической зоны Российской Федерации на 1 января 2021 г. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ZJrYt8xA/pok_84.xls (дата обращения: 10.08.2022).
6. Города России. Список малых городов России за 2022 г. <https://города-россия.рф/reutin-cities.php?name=малые> (дата обращения: 10.08.2022).
7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Население. <https://murmanskstat.gks.ru/folder/72764> (дата обращения: 20.08.2022).
8. Подсвинова А.В. Малые города России: специфика и факторы формирования. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2016;(4):52–55.
9. Гагач М.Г., Родыгина М.В. Специфика организации досуга населения в малых городах. *Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств*. 2018;(4):132–138.
10. Кривова Д.А. Значение социальной инфраструктуры для социально-экономического развития малых городов. *Социум и власть*. 2013;(2):26–32.
11. Попов А.В., Гнатюк М.А. Стратегии инновационного развития малых городов России: специфика проблем и ресурсный потенциал. *Гуманитарий Юга России*. 2017;6(2):251–259.
12. Попов М.Ю., Говердовская Е.В., Григорьева Н.В. Советские и российские социологические исследования, посвященные проблемам российских малых городов. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2021;(3):76–80. <https://doi.org/10.23672/e7673-3206-9321-b>
13. Егорова К.С. Типология городов с позиции стратегического планирования социально-экономического развития. *Евразийский Союз Ученых*. 2015;(4-1):90–93.
14. Никитский М.В. Социальный климат малых городов России (штрихи к социально-педагогическому портрету российской глубинки). *Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология*. 2010;(2):57–67.
15. Недосека Е.В., Жигунова Г.В. Особенности локальной идентичности жителей моногородов (на примере Мурманской области). *Арктика и Север*. 2019;(37):118–133. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.37.118>
16. Шарова Е.Н., Ануфриева Т.В. Региональная идентичность молодежи Мурманской области. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2015;18(2):163–180.
17. Щенков А.С. Роль городского благоустройства в формировании образа малых русских городов. Социальные задачи и проблемы своеобразия поселения. *АСИП*. 2018;(4):159–172.

18. Шарова Е.Н. Роль арктического дискурса в формировании идентичности жителей северного региона. *Регион: Экономика и Социология*. 2016;(4):139–152. <https://doi.org/10.15372/REG20160406>

References

1. Russian Federation. *Decree of the President of the Russian Federation dated 07 May 2018 No. 204 "On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024"*. <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (accessed 20.08.2022).
2. Russian Ministry of Construction, Housing and Utilities. *National project Housing and urban environment*. <https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/> (accessed 20.08.2022).
3. All-Russian competition of the best projects for creating a comfortable urban environment. *Official website*. <https://konkurs.gorodsreda.ru/> (accessed 20.08.2022).
4. Creative specializations of Russian cities. *Scientific digest. Special issue*. 2022. https://www.hse.ru/data/2022/02/17/1747882405/Human_Capital_NCMU_Digest_Special_Issue_Creative_Cities_02-2022.pdf (accessed 10.08.2022).
5. Russian Federal State Statistics Service. *Estimation of the permanent population of the land territories of the Arctic zone of the Russian Federation as of January 1, 2021*. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ZJrYt8xA/pok_84.xls (accessed 10.08.2022).
6. Cities of Russia. *List of small towns in Russia for 2022*. <https://города-россия.рф/reytin-cities.php?name=малые> (accessed 10.08.2022).
7. Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Murmansk Region. *Population*. <https://murmanskstat.gks.ru/folder/72764> (accessed 20.08.2022).
8. Podsvirova A.V. Small towns of Russia: particularity and factors of formation. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2016;(4):52–55.
9. Gagach M.G., Rodygina M.V. The specifics of the organization of leisure of the population in small towns. *Culture and education: scientific and informational journal of universities of culture and arts*. 2018;(4):132–138.
10. Krivova D.A. Importance of social infrastructure for social and economical development of small towns. *Society and power*. 2013;(2):26–32.
11. Popov A.V., Gnatyuk M.A. Strategies for Innovative Development of Small Cities in Russia: The specificity of problems and resource potential. *Humanitarian of the South of Russia*. 2017;6(2):251–259.
12. Popov M.U., Goverdovskaya E.V., Grigorieva N.V. Soviet and Russian sociological studies on the problems of Russian small towns. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2021;(3):76–80. <https://doi.org/10.23672/e7673-3206-9321-b>
13. Egorova K.S. Typology of cities from the standpoint of strategic planning of socio-economic development. *Eurasian Union of Scientists*. 2015;(4-1):90–93.
14. Nikitsky M.V. Social climate in Russian small towns (some social-pedagogical features of Russian province). *Vestnik PSTGU. Series 4: Pedagogy. Psychology*. 2010;(2):57–67.
15. Nedoseka E.V., Zhigunova G.V. Features of local identity of single-industry town residents (the case of the Murmansk Region). *Arctic and North*. 2019;(37):118–133. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.37.118>
16. Sharova E.N., Anufrieva T.V. Regional identity of youth in the Murmansk region. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2015;18(2):163–180.
17. Shchenkov A.S. The role of urban landscaping in the formation of the image of small Russian towns. Social objectives and problems of settlement identity. *Architecture and modern information technologies*. 2018;(4):159–172.
18. Sharova E.N. The role of Arctic discourse in the construction of a Northern Regional identity. *Region: Economics and Sociology*. 2016;(4):139–152. <https://doi.org/10.15372/REG20160406>

Межпредметная интеграция дисциплин гуманитарного и управленческого цикла

Авдеева Анна Павловна

Канд. психол. наук, доц. каф. промышленной логистики
ORCID: 0000-0002-8010-7988, e-mail: ap.avdeeva@bmstu.ru

Сафонова Юлия Анатольевна

Канд. филос. наук, доц. каф. социологии и культурологии
ORCID: 0000-0001-7093-4202, e-mail: safonova@bmstu.ru

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, г. Москва, Россия

Аннотация

Проблема межпредметной образовательной интеграции отражает реалии современного мира. Стремительно меняющиеся технологии задают новые требования к подготовке специалистов, способных к инновациям. Цель исследования: изучение ресурсов вертикальной и горизонтальной межпредметной интеграции для дисциплин гуманитарного и управленческого цикла. Структура статьи включает теоретико-методологический анализ и эмпирическую часть, представленную двумя этапами исследования (для социогуманитарных и управленческих дисциплин). В статье представлены результаты современных взглядов на проблему межпредметной интеграции в вузе. Результаты проведенного теоретического анализа показали рассогласование между глубиной теоретической проработки проблемы и низкой успешностью их практического воплощения в условиях современного высшего профессионального образования. Сложность реализации обусловлена изменившимися психологическими и социально-психологическими характеристиками студентов поколения Z. На основе проведенного теоретического анализа была предложена типология межпредметных компетенций. Цель эмпирической части исследования состояла в изучении ресурсов вертикальной и горизонтальной интеграции в техническом университете. На основе проведенного эмпирического исследования были выявлены возможности вертикальной и горизонтальной интеграции дисциплин социогуманитарного и управленческого цикла. Представлена интегративная матрица. Перспективным направлением развития данной темы является разработка интегративного модуля «Управленческий практикум».

Ключевые слова

Межпредметная интеграция, межпредметные компетенции, поколение Z, горизонтальная и вертикальная интеграция, интегративная матрица

Для цитирования: Авдеева А.П., Сафонова Ю.А. Межпредметная интеграция дисциплин гуманитарного и управленческого цикла // Вестник университета. 2022. № 10. С. 231–240.

Intersubject integration of humanities and management cycle disciplines

Anna P. Avdeeva

Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the IBM-3 Industrial Logistics Department
ORCID: 0000-0002-8010-7988, e-mail: ap.avdeeva@bmstu.ru

Yulia A. Safonova

Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Sociology and Cultural Studies Department
ORCID: 0000-0001-7093-4202, e-mail: safonova@bmstu.ru

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

Abstract

The problem of interdisciplinary educational integration reflects the realities of the modern world. Rapidly changing technologies set new requirements for the training of specialists capable of innovation. The study of the vertical and horizontal interdisciplinary integration resources for the disciplines of the humanities and management cycle is the purpose of this work. The structure of the article includes a theoretical and methodological analysis and an empirical part, represented by two stages of research (for socio-humanitarian and management disciplines). The article presents the results of modern views on the problem of interdisciplinary integration in higher education. The results of the theoretical analysis showed a mismatch between the depth of the theoretical study of the problem and the success of their practical implementation in the conditions of modern higher professional education. The complexity of the implementation is due to the changed psychological and socio-psychological characteristics of Generation Z students. Based on the theoretical analysis, a typology of interdisciplinary competencies was proposed. The aim of the empirical part of the study was to study the resources of vertical and horizontal integration at a technical university. Based on the empirical research, the possibilities of vertical and horizontal integration of the disciplines of the socio-humanitarian and management cycle were identified. An integrative matrix is presented. A promising direction for this topic is the development of an integrative module "Management workshop".

Keywords

Interdisciplinary integration, interdisciplinary competencies, generation Z, horizontal and vertical integration, integrative matrix

For citation: Avdeeva A.P., Safonova Yu.A. (2022) Intersubject integration of humanities and management cycle disciplines. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 231–240.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы междисциплинарной интеграции связана с запросом общества на специалиста-инженера, обладающего не только профессиональными, но и метапредметными компетенциями: системным мышлением, способностью креативно мыслить, прогнозировать последствия внедрения технических новшеств. Современные исследователи высшей школы говорят о необходимости формирования у инженера широкого круга «мягких навыков» (англ. soft skills, надпрофессиональных навыков), способствующих максимальной профессиональной эффективности специалиста на основе междисциплинарной интеграции [1].

Для студентов поколения Z важными являются ценности интеллекта и умение коммуницировать, они нацелены на самосовершенствование и саморазвитие, в их среде модно быть умным и там ценятся те качества, которые помогают беспрепятственно общаться, уметь устанавливать социальные связи, «быть нескучным». При этом такие навыки ориентированы на восприятие краткой и наглядной информации; информация потребляется маленькими «перекусочными» порциями; средний период концентрации внимания на одном объекте – 8 секунд [2]. Для этого поколения характерна клиповость, фрагментарность и скоротечность восприятия. СМИ и социальные сети обуславливают эту специфику.

Изменение типа восприятия информации требует поиска новых методов и технологий образования, а сложившаяся практика высшего профессионального образования не учитывает то, что студенты поколения Z воспринимают и обрабатывают информацию иначе, чем предыдущие поколения. В предыдущем исследовании авторы установили, что в отношении учебного процесса в техническом вузе студенты ожидают большей практикоориентированности, индивидуализации, геймификации, визуализации информации [3].

Один из путей разрешения указанных проблем – интеграция учебных дисциплин посредством междисциплинарных связей. Применение этой образовательной технологии формирует метапредметные компетенции студента, что обеспечивает успешность решения им будущих профессиональных задач на основе инновационности.

АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

Теоретический анализ проблемы образования на основе междисциплинарного подхода представлен в ряде современных работ [4–6]. В основе этого подхода заложено комплексное рассмотрение ключевых проблем профессиональной деятельности для их синтеза и всестороннего применения в практической деятельности.

Разработка образовательной технологии на основе междисциплинарной интеграции включает [7]:

- постановку междисциплинарных целей и задач обучения;
- проведение горизонтальной и вертикальной интеграции дисциплин;
- выявление междисциплинарных связей внутри отдельных блоков и между основными блоками дисциплин;
- выделение курсов, формирующих основные фундаментальные понятия, их структурирование;
- составление сети дисциплин и семантических понятий;
- определение последовательности обучения на разных уровнях подготовки.

Методологические основы образовательной технологии междисциплинарной интеграции заложены во взаимосвязи и взаимозависимости социальных, научно-исследовательских и производственных аспектов деятельности современного специалиста. Фокус междисциплинарной интеграции образовательного пространства вуза направлен на актуализацию инновационных ресурсов образовательной среды, с одной стороны; и развитие креативности как требования к любой деятельности человека в современных условиях, с другой стороны.

Образовательная технология междисциплинарной интеграции разрабатывалась в парадигме метапредметных компетенций. Метапредметные компетенции рассматриваются как компетенции широкого спектра использования, обладающие определенной универсальностью. Метапредметные (универсальные, надпрофессиональные) компетенции влияют на успешное осуществление профессиональной деятельности и при этом являются сквозными, то есть отражают взаимосвязи между ключевыми задачами в разных предметных сферах.

Универсальные компетенции носят прогностический характер, они отвечают требованиям к личности специалиста в будущем и обеспечивают его саморазвитие, готовность к меняющимся условиям и запросам.

К универсальным компетенциям специалистов различных отраслей деятельности относят [8–11]:

- взаимодействие с людьми;
- работу в команде;
- межкультурную компетентность;
- клиентоориентированность;
- социальный и эмоциональный интеллект;
- умение вести переговоры;
- умение работать удаленно;
- бережливое управление производственным процессом;
- управление проектами и процессами;
- междисциплинарность;
- проектное мышление;
- комплексное многоуровневое решение проблем;
- гибкость ума;
- креативность;
- критическое мышление;
- толерантность к неопределенности;
- системное мышление;
- управление информацией;
- экологическое мышление.

Формирование универсальных компетенций основывается на важнейшем методологическом положении Б.Г. Ананьева об интегративном процессе развития личности, который определяется как интеграция через образование крупных систем или структур [12]. Эти компетенции (умения, навыки, свойства личности как субъекта общения и деятельности) образуют когнитивные, эмоциональные и регуляционно-волевые структуры. Их синергетический характер отражает системные взаимосвязи деятельности, общения и самопознания. По результатам проведенного теоретического анализа авторами были выделены три основные группы универсальных компетенций: организаторские/регуляторные, коммуникативные и интеллектуальные (табл. 1).

Таблица 1

Группы универсальных компетенций и их наполнение

Название компетенций	Наполнение компетенций
1. Организаторские/Регуляторные	1.1. Умение работать в режиме высокой неопределенности и быстрой смены условий задач; 1.2. Умение управлять своими ресурсными состояниями; 1.3. Умение управлять проектами и процессами
2. Коммуникативные	2.1. Умение работать с коллективами, группами и отдельными личностями; 2.2. Умение вести переговоры; 2.3. Клиентоориентированность
3. Интеллектуальные	3.1. Эмоциональный интеллект; 3.2. Социальный интеллект; 3.3. Системное мышление

Составлено авторами по результатам исследования

Таким образом, анализ показал, что на теоретическом уровне проблема межпредметной интеграции в образовательном пространстве достаточно глубоко разработана, однако практическая ее реализация в вузах невысокая.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С целью идентификации ресурсов межпредметной интеграции было проведено эмпирическое исследование. Авторы рассмотрели горизонтальные и вертикальные межпредметные интеграции для дисциплин гуманитарного и управленческого цикла.

Горизонтальная межпредметная интеграция, отражающая связи и зависимости, взаимопроникновения внутри одного цикла, изучалась в первой части эмпирического исследования на примере социогуманитарных дисциплин. Эти дисциплины (такие как культурология, социология и прочие) читаются в техническом вузе для всех специальностей и служат базой для формирования универсальных компетенций.

Вертикальная интеграция – интеграция между дисциплинами разных циклов. Возможности вертикальной интеграции изучались на примере социогуманитарных и управленческих дисциплин; результаты представлены во второй части эмпирического исследования.

В качестве методов исследования применялись: 1) наблюдение; 2) опросные методы: интервью и анкетирование студентов 1 курса МГТУ имени Н.Э. Баумана (всего 58 студентов); 3) экспертный опрос (4 эксперта из числа профессорско-преподавательского состава).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В первой части исследования авторов интересовал вопрос о наличии у студентов первого курса потребностей в межпредметном изучении материала. Опрос проводился в процессе изучения базовой дисциплины социогуманитарного цикла – культурологии. Сценарий опроса включал два этапа. В начале курса студентов попросили ответить письменно на вопросы: 1) «Был ли у вас опыт взаимодействия с другими культурами?» и 2) «Какие темы были бы вам интересны в курсе, какие навыки вы хотели бы развить?». Ответы давались в свободной форме, объем ответа не ограничивался. Первый вопрос был задан для актуализации опыта межкультурного взаимодействия студентов с целью повышения интереса к курсу. Практически все студенты отмечают опыт взаимодействия с представителями разных культур, этносов, субкультур (94,8 %). Реальность информационного мира такова, что для этого даже нет необходимости выезжать за пределы страны. Взаимодействовали с представителями других наций вне страны 41,4 %, внутри страны – 53,4 %. Снижение возможности для мобильности (пандемия COVID-19, нестабильная ситуация в мире) компенсируется сетевыми технологиями. Студенты отмечают, что онлайн-игры и блоги позволяют им не только подтянуть английский язык, но и развить навык межкультурного взаимодействия (7 %). Высокий процент положительно ответивших на вопрос говорит о том, что студенты интересуются этой стороной жизни, обращают на нее внимание, они ее «видят» и чувствуют потребность развития соответствующих навыков.

В ответах на вопрос об ожиданиях от курса большинство студентов (76 %) предсказуемо перечисляли ряд культурологических тем: от процесса формирования культур, понимания ее структуры до знаний и понимания культуры и обычаев народов России, других наций, субкультур и прочего. 60 % уточняют: эти знания важны им в контексте выработки навыка межкультурного понимания. Этот навык студенты определяют как частный по отношению к общим социализационным навыкам. Навык межкультурной коммуникации рассматривается ими в тесной связи с возможностью развить коммуникативные навыки: «потому что это важно для общения с другими людьми», «для понимания других людей», «для коммуникации с другими людьми». Этому соответствуют и ожидания от курса.

Кроме того, 67 % студентов вне привязки к ожидаемым темам перечислили различные социализационные навыки, развитие которых они приветствовали бы в процессе прохождения курса. Из них в 41 % случаев снова звучала тема развития коммуникации и взаимодействия с другими людьми. Еще 23 % учащихся хотели бы развить умение командного взаимодействия, 13 % писали о социализационных навыках, не конкретизируя их: «интересно развить так называемые soft skills, которые помогут чувствовать себя намного комфортнее в современном обществе». Еще 13 % упомянули иные компетенции, такие как: творческое и системное мышление, стрессоустойчивость, умение работать в ситуации неопределенности и даже нормы поведения с людьми с ограниченными возможностями здоровья (связывалось с волонтерской деятельностью студентов).

Опрошенные студенты указали, что им интересны темы на стыке психологии и культурологии (при постановке вопроса студентам речь о психологии не шла). Представляется, что этот запрос связан не с потребностью в отдельном, теоретическом, курсе психологии, но отражает ожидания студентов в прикладном характере курса культурологии (а также социогуманитарных дисциплин в техническом вузе).

Это запрос на освоение алгоритмов, схем, которые можно применять в реальной жизни для анализа ситуации не только межкультурного, но и вообще коммуникативного взаимодействия.

По завершению курса студентам было предложено ответить на вопросы: 1) «Темы, виды работы, упражнения, которые вам запомнились в курсе культурологии» (табл. 2); 2) «Темы, виды работы, упражнения, которые вы рекомендовали бы включить в курс культурологии» (табл. 3).

Таблица 2

**Результаты опроса студентов о темах, видах работы и упражнениях,
которые им запомнились в курсе культурологии**

Название темы (ответы обобщены в темы преподавателем, в скобках варианты ответов студентов)	Доля ответивших, %
Личность в культуре (упоминаются теории личности, понимание особенностей социализации и т.д.)	55
Язык культуры (исследование значений символов в культуре, архетипы, выделение ценностей в культуре на примере анализа мифов, сказок)	38
Типология культуры (разбор ситуаций межкультурного взаимодействия по Г. Хофстеде и Э. Холлу (кейсы); анализ взаимодействия людей из разных культур в деловой среде)	28
Динамика развития общества (Э. Тоффлер)	9
Упражнения по разным темам, способствующие развитию коммуникативных навыков (на понимание типа личности; все, что связано с самопознанием; тесты темперамента, характера; упражнения на понимание поведения человека в группе)	43
<i>Виды работ</i>	
Деловая игра	28
Работа в команде, в парах	21
Выступления, обсуждения на семинарах, доклады, презентации	11
Кейсы	11

Составлено авторами по результатам исследования

В качестве запоминающегося теоретического материала 55 % называли тему «Личность в культуре», что отражает интерес молодежи к межличностным взаимодействиям и эффективному построению коммуникации. С осознанием важности развития этих навыков связан и интерес студентов к практическим упражнениям на самопознание, на понимание поведения человека в группе (43 %). Именно эти темы могут даваться в курсе более углубленно, на стыке междисциплинарных связей. Формат рассмотрения будет зависеть от дисциплины. Например, для курса «Культурология» это могут быть темы смежные с психологией, с деловой культурой: лидерство в разных культурах, командное взаимодействие, специфика организационной культуры, межкультурные конфликты и т.п.

9 % студентов выделили такой интеллектуальный вид деятельности, как работа с оригинальным текстом Э. Тоффлера (фрагменты) с последующей групповой дискуссией и анализом выделенных автором тенденций развития общества применительно к текущей социальной ситуации. Поскольку использовалась открытая форма вопросов, то этот процент ответов можно принять во внимание. Относительный успех этого вида работ связан с ценностной установкой студентов на интеллектуальное развитие.

Подводя итоги анализа ответов на первый вопрос, можно заключить, что студенты перечислили в большей степени не темы, а упражнения или виды работ, которые им запомнились, что еще раз подчеркивает их потребности в практикоориентированности дисциплин. Важно отметить, что запрос на саморазвитие как выполнение интеллектуальной работы сочетается у студентов с потребностью в разгрузке, запросом на минимизацию теории и увеличение практических упражнений для выработки «мягких навыков».

Ответы студентов на вопрос о том, какие темы, упражнения, виды работы, они рекомендовали бы включить в курс, сгруппированы по предметным областям (табл. 3). Результаты свидетельствуют о запросах студентов на усиление междисциплинарных связей.

Цели изучения социогуманитарных дисциплин согласуются с ценностями молодежи: ориентация на саморазвитие, интеллектуальные достижения, развитие социализационных и коммуникативных навыков. По отношению к этим дисциплинам у студентов те же ожидания, что и по отношению к учебному процессу в вузе в целом: практикоориентированность, наглядность, интерактивность. Вместе с тем в отношении гуманитарных дисциплин в техническом вузе особенно силен запрос на развитие межпредметных коммуникативных, интеллектуальных и организаторских компетенций. Это требует укрепления междисциплинарных связей при преподавании социогуманитарных дисциплин. Интеграция предметных областей различных дисциплин позволит привлечь максимально возможное количество прикладной информации (алгоритмов, схем анализа социального взаимодействия в быту и в деловой среде).

Таблица 3

Результаты опроса студентов о темах, видах работы и упражнения, которые они рекомендовали бы включить в курс

Предметная область	Примеры формулировок студентов	Доля ответивших, %
Культурология (при узком подходе)	Методы влияния культур друг на друга; этноконфессиональные аспекты; характеристики народов; обычаи и традиции разных национальностей; тема этикета; культура семей восточных стран, деловая культура Америки и т.д.	23
Психология	Больше прикладной психологии; больше тестов по определению человека, информации о личности; больше примеров взаимодействия личности и группы; анализ одноклассников; более подробный разбор психотипов; возможность узнать что-то новое про себя и т.д.	28
Социология	Студенты как социальная группа; современные проблемы студентов; современность в раскрытом виде; семья, развитие семьи; темы, которые в тренде у студентов.	8
Деловая (инженерная) культура	Переговоры на работе и дома; примеры людей, добившихся успеха; тимбилдинг; манипуляции в деловой среде и противодействие им; анализ технических профессий, для того «чтобы студенты лучше понимали, зачем им нужна профессия»; культура инженерных сообществ в разных технических направлениях и т.д.	8

Составлено авторами по результатам исследования

Менее разработанным и более сложным вопросом является поиск методов вертикальной межпредметной интеграции. Базовые социогуманитарные дисциплины закладывают основы для формирования универсальных компетенций у всех студентов технического вуза, при этом особую значимость они приобретают при изучении дисциплин управленческого цикла. В процессе у студентов возникают трудности самостоятельного переноса знаний и навыков из социогуманитарного цикла.

Вертикальная межпредметная интеграция направлена на обеспечение преемственности между циклами дисциплин от социогуманитарных к управленческим. Разработанный формат метапредметных компетенций позволяет осуществить переход от дисциплин социогуманитарного блока к дисциплинам специализированного управленческого блока, обеспечивая их сквозной характер.

Во второй части исследования для изучения возможностей вертикальной межпредметной интеграции был проведен экспертный опрос. В исследовании приняли участие 4 специалиста, занятых в образовательном процессе технического университета.

В результате анализа данных экспертного опроса были определены взаимосвязи между ключевыми задачами в социологии, культурологии, маркетинге, логистике и управлении проектами на основе универсальных компетенций. Результаты представлены в виде матрицы взаимосвязи (табл. 4). Используемые в таблице цифровые обозначения соответствуют компетенциям, представленным в Таблице 1.

На основе данной матрицы можно осуществить сопоставительный анализ ключевых функций и универсальных компетенций близких специальностей – горизонтальную интеграцию смежных дисциплин внутри одного цикла и вертикальную интеграцию дисциплин разных циклов. Для реализации вертикальной интеграции используется проектный метод – такой, как междисциплинарный практикум. Это позволяет создать не просто единое образовательное пространство, но и сформировать интегративные навыки решения задач профессиональной деятельности. В качестве формализации этого в техническом вузе для подготовки инновационных специалистов можно предложить введение и разработку нового интегративного модуля под названием «Управленческий практикум». Разработка такого модуля, ориентированного на формирование профессиональных и универсальных компетенций, позволяет выстраивать практикоориентированное обучение.

Таблица 4

Интегративная матрица

Дисциплины	Ключевые задачи	Универсальные компетенции (цифровые обозначения соответствуют компетенциям в Таблице 1)		
		Организаторские/ Регуляторные	Коммуника- тивные	Интеллектуаль- ные
Маркетинг	Анализ рынка	1.1, 1.2, 1.3	2.3	3.3
	Анализ денежных средств	1.2, 1.3	2.1	3.3
	Привлечение клиентов	1.1, 1.2	2.1, 2.2, 2.3	3.1, 3.2
	Анализ конкурентной среды	1.1, 1.2, 1.3	2.3	3.3
	Сотрудничество с клиентами	1.1, 1.2, 1.3	2.1, 2.2, 2.3	3.1, 3.2
Логистика	Управление поставками и запасами	1.1, 1.2, 1.3	2.1	3.3
	Планирование и контроль выполнения заказов	1.1, 1.2, 1.3	2.1	3.3
	Анализ и управление запасами готовых товаров	1.1, 1.2, 1.3	2.1	3.3
	Управление складскими территориями и доставка заказов клиентам, партнерам	1.1, 1.2, 1.3	2.3	3.3
	Мониторинг качества сервисного обслуживания и взаимодействия с партнерами	1.1, 1.2, 1.3	2.1	3.1 3.2
Управление проектами	Планирование работы	1.1, 1.2, 1.3	2.1	3.3
	Распределение обязанностей участников команды	1.1, 1.2, 1.3	2.1	3.1, 3.2, 3.3
	Практические процессы работы над проектом и устранение проблем, возникающих в процессе	1.1, 1.2, 1.3	2.1	3.1, 3.2, 3.3
	Контроль качества выполняемой задачи	1.1, 1.2, 1.3	2.1	3.1, 3.2, 3.3
	Обеспечение обратной связи между основным заказчиком и исполнителями	1.1, 1.2, 1.3	2.1	3.1, 3.2, 3.3

Социология	Социологический мониторинг	1.1, 1.2, 1.3	2.1	3.1, 3.2, 3.3
	Социокультурный анализ	1.1, 1.2, 1.3	2.1	3.1, 3.2, 3.3
	Социологический опрос	1.1, 1.2, 1.3	2.1	3.1, 3.2, 3.3
Культурология	Межкультурная коммуникации в деловой среде	1.1, 1.2, 1.3	2.1, 2.2, 2.3	3.1, 3.2, 3.3
	Межличностная и групповая коммуникация	1.1, 1.2, 1.3	2.1, 2.2, 2.3	3.1, 3.2, 3.3

Составлено авторами по результатам исследования

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Практика применения образовательной технологии межпредметной интеграции соответствует реалиям современного мира: личностным особенностям студентов поколения Z, их потребностям и ожиданиям; требованиям к подготовке специалистов будущего. Единое образовательное пространство выстраивается на основе взаимопроникновения дисциплин разных циклов путем горизонтальной интеграции – взаимосвязи между дисциплинами одного учебного блока и вертикальной интеграции – взаимосвязи между дисциплинами разных учебных блоков.

Интегративное мышление, коммуникативные и регуляторные навыки обеспечивают универсальность компетенций инновационного специалиста. На основе проведенного теоретико-методологического анализа определены три группы метапредметных (универсальных) компетенций: организаторско-регуляторные, коммуникативные, интеллектуальные.

В техническом вузе базой для формирования этих компетенций являются социогуманитарные дисциплины. Это дисциплины одного учебного цикла, и реализация межпредметной (горизонтальной) интеграции в них в большей степени связана с профессиональной компетентностью преподавателя.

Вертикальную межпредметную интеграцию осуществить на практике сложнее, она требует актуализации знаний и навыков обучающихся, полученных в других циклах дисциплин. Метод междисциплинарных проектов является одним из подходов к практической реализации вертикальной межпредметной интеграции в вузе для современных студентов.

Библиографический список

1. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Методология развития транспрофессионализма субъектов инженерно-технической деятельности. В кн.: Карташева А.А. (отв. ред.) *Инженерное мышление: особенности и технологии воспроизводства: материалы научно-практической конференции, Екатеринбург, 27 ноября 2018 г.* Екатеринбург: ООО «Деловая книга»; 2018. С. 20–31.
2. Сбербанк. *30 фактов о современной молодежи. Отчет маркетингового агентства Validata.* [Презентация] 2016. https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf (дата обращения: 20.08.2022).
3. Авдеева А.П., Сафонова Ю.А. Ожидания студентов от инноваций в образовании. *Вестник университета.* 2022;(2):209–215. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-2-209-215>
4. Жеглова О.А. Межпредметная интеграция как педагогическое условие развития гуманитарной культуры студентов вуза. *Образование и наука.* 2011;10(89):111–122.
5. Назарова Н.В. Межпредметная интеграция в формировании конкурентноспособности студента вуза. *Современные проблемы науки и образования.* 2016;(5).
6. Макарова Е.Е. Содержание и структура интегративного подхода в высшем профессиональном образовании. *Интеграция образования.* 2008;3(52):8–11.
7. Вишнякова Е.Г. *Междисциплинарный сетевой учебно-методический комплекс как средство повышения эффективности обучения в вузе.* Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Волгоград: Волгоградская государственная сельскохозяйственная академия; 2007. 23 с.
8. Варламова Д., Судаков Д. *Атлас новых профессий 3.0.* М.: Альпина; 2020. 456 с.
9. Лошкарева Е., Лукша П., Ниненко И. и др. *Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире. Доклад экспертов Global Education Futures, WorldSkills Russia.* 2017. 93 с. https://futuref.org/futureskills_ru (дата обращения: 20.08.2022).
10. Бутенка В., Полунин К., Котов И. и др. *Россия 2025: от кадров к талантам.* М.: The Boston Consulting Group; 2017. 70 с.

11. World Economic Forum. *The Future of Jobs Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution. Global Challenge Insight Report*. Geneva: World Economic Forum; 2016. 157 p. https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs.pdf (accessed 20.06.2022).
12. Ананьев Б.Г. *О проблемах современного человекознания*. М.: Наука; 1977. 379 с.

References

1. Zeer E., Symanyuk E. Methodology of development for subject's transprofessionalism in the engineering-technical activity. In: Kartasheva A.A. (ed.) *Engineering thinking: the features and the technology of reproduction (ETTR): Proceedings of Scientific & Practical Conference, Yekaterinburg, 27 November, 2018*. Yekaterinburg: Delovaya kniga Ltd; 2018. P. 20–31. (In Russian).
2. Sberbank. *30 facts about today's youth. Validata marketing agency report*. [Presentation]. 2016. https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf (accessed 20.08.2022).
3. Avdeeva A.P., Safonova Yu.A. Students' expectations from innovations in education. *Vestnik Universiteta*. 2022;(2):209–215. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-2-209-215>
4. Zheglova O.A. Cross-Subject Integration as a Pedagogic Condition for Developing Students' Humanitarian Culture. *The Education and science journal*. 2011;10(89):111–122.
5. Nazarova N.V. Interdisciplinary Integration in formation of high school student' competitiveness. *Modern problems of science and education*. 2016;(5).
6. Makarova E.E. The content and structure of an integrative approach in higher professional education. *Integration of Education*. 2008;(3): 8–11.
7. Vishnyakova E.G. *Interdisciplinary network educational and methodological complex as a means of increasing the effectiveness of training in higher education*: Abstr. Diss. ... Cand. Sci. (Ped.): 13.00.08. Volgograd: Volgograd State Agrarian University; 2007. 23 p. (In Russian).
8. Varlamova D., Sudakov D. *The Atlas of New Professions 3.0*. Moscow: Alpina; 2020. (In Russian)
9. Loshkareva E., Luksha P., Ninenko I. et al. *Skills of the future. How to thrive in the complex new world. Report of experts from Global Education Futures, WorldSkills Russia*. 2007. https://futuref.org/futureskills_ru (accessed 20.08.2022).
10. Butenko V., Polunin K., Kotov I. et al. *Russia 2025: from manpower to talents*. Moscow: The Boston Consulting Group; 2017. (In Russian).
11. World Economic Forum. *The Future of Jobs Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution. Global Challenge Insight Report*. Geneva: World Economic Forum; 2016. 157 p. https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs.pdf (accessed 20.06.2022).
12. Ananiev B.G. *On the problems of modern human knowledge*. Moscow: Nauka; 1977. (In Russian).